

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ
ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ: НАСЛЕДИЕ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Часть I

(Археология)

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося ученого,
доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Хакасия,
лауреата Государственной премии Республики Хакасия имени Н. Ф. Катанова
Якова Ивановича Сунчугашева
и 140-летию со дня рождения ученого-этнографа,
общественного и политического деятеля
Степана Дмитриевича Майнагашева
(17 – 21 июня 2026 года, г. Абакан)

АБАКАН
ХАКАССКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ В. М. ТОРОСОВА
2026

УДК 63.4
ББК 902
А87

Ответственный редактор
Н. С. Майнагашева, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь
О. В. Ковалева, кандидат исторических наук

Редакционная коллегия:
О. В. Ковалева, кандидат исторических наук;
В. Э. Семашкевич

Редактор-переводчик
Д. И. Мечтанова

Рецензенты:
А. А. Тишкин, доктор исторических наук;
И. П. Лазаретов, кандидат исторических наук;

Археология и этнография Южной Сибири: наследие, исследования, перспективы: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося ученого, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Хакасия, лауреата Государственной премии Республики Хакасия имени Н.Ф. Катанова Якова Ивановича Сунчугашева и 140-летию со дня рождения ученого-этнографа, общественного и политического деятеля Степана Дмитриевича Майнагашева (17–21 июня 2026 года, г. Абакан). В 2 частях., Ч 1: Археология – Абакан: Хакаское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2026. – 194 с.

ISBN 978-5-7091-1121-9

В издание вошли статьи участников Международной научной конференции «Археология и этнография Южной Сибири: наследие, исследования, перспективы», посвященной 100-летию со дня рождения ученого-археолога Я. И. Сунчугашева и 140-летию со дня рождения ученого-этнографа, лингвиста С. Д. Майнагашева. Тематика материалов первой части сборника охватывает вопросы развития культурных традиций от эпохи энеолита до Средневековья, этногенеза народов Евразии, методики, историографии археологии.

Содержание статей может не совпадать с мнением редколлегии, ответственность за содержание статей несут авторы.

УДК 63.4
ББК 902

ISBN 978-5-7091-1121-9

© ГБНИУ РХ «Хакаский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории», 2026
© Оформление. ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство имени В. М. Торосова», 2026

ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF SOUTH SIBERIA: HERITAGE, RESEARCH, PROSPECTS

Part I (Archaeology)

Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the outstanding scientist, Doctor of Historical Sciences, Honored Scientist of the Republic of Khakassia, and laureate of the N.F. Katanov State Prize of the Republic of Khakassia, Yakov Ivanovich Sunchugashev and the 140th anniversary of the ethnographer, public and political figure, Stepan Dmitrievich Mainagashev (Abakan, June 17–21, 2026)

ҮСТҮНЗАРХЫ СИБИРЬНИҢ АРХЕОЛОГИЯЗЫ ПАЗА ЭТНОГРАФИЯЗЫ: ПАЙЫ, ІСТЕЗІГЛЕРІ, ТАҢДАҒЫЗЫ

**Сабылғ учёнай, тархын наукаларының докторы,
Хакас Республиканың наукаға сабылғ деятелі,
Н.Ф. Катановтың адынаң Хакас Республиканың Хазна
сыйиинның лауреады Яков Иванович Сунчугашевтің
төреееннең пеер 100 час толчатханына паза учёнай-этнограф,
халых паза политика деятелі Степан Дмитриевич Майнагашевтің
төреееннең пеер 140 час толчатханына чарыдылған
чоннар аразындағы наука конференциязының материаллары
(2026 чылның хандых айының 17–21-чі күннері)**

I чардых (Археология)

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Черепанова С. Я. Вспоминая отца (к 100-летию ученого Сунчугашева Якова Ивановича)	5
Грушин С. П., Сайберт В. О. Реконструкция надмогильных сооружений афанасьевской культуры могильника Малая Татарка 2 (Северный Алтай)	9
Вальков И. А., Грушин С. П., Сайберт В. О. Костяные наконечники стрел со знаками из поселения периода поздней бронзы Советский Путь-1 (северо-западные предгорья Алтая)	15
Тишкин А. А. Металлическое кайло из Музея истории развития горного производства имени Акинфия Демидова Змеиногорского района Алтайского края: рентгенофлюоресцентный анализ, ближайшие и отдаленные аналогии	21
Тишкин А. А. Тигель периода ранней бронзы из разрушенного погребения елунинской культуры на памятнике Морозов Лог в Алтайском крае	26
Басова Н. В., Постнов А. В. Стоянка ирменской культуры на поселении Турист-2	31
Соломонова М. Ю., Сперанская Н. Ю. Фитолиты злаков – потенциал реконструкции древнего земледелия на юге Западной Сибири на примере двух морфотипов	36
Мацумото Кэйта. Развитие трехмерного изображения на бронзовых изделиях в культуре ранних кочевников	43
Петровская К. А. Биоархеология населения подгорновского этапа тагарской культуры (по материалам раскопок могильника Бея-I)	50
Марсадолов Л. С. Предисловие к статье Я. И. Сунчугашева «каменоломня тагарской культуры Хызыл-Хая»	56
Акулов А. Г. Нижнеуйбатское поле в скифском культурном континууме	62
Ши Ханьда, Курбанала Жазира. К вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребений с подбоем могильника Янхай	70
Ковалева О. В. Культурно-хронологический анализ изображений на случайной находке булавы из фондов Минусинского музея	80
Семашкевич В. Э. Каменоломня с технологическими конструкциями Капчалы-6 в Минусинской котловине	86
Петренко А. Л. «Меч Лилина»: к вопросу о подлинности депаспортизированного артефакта эпохи Хань из собрания ХНКМ им. Л. Р. Кызласова	95
Тараканов В. В. Научное наследие Я. И. Сунчугашева и проблемы поселенческой археологии Хакасско-Минусинского края	98
Савельева А. С. Элементный состав металла деталей стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I в Кузнецкой котловине: к вопросу о цветном металле верхнеобской культуры	105
Монгуш К. М. Оймак и Чурумал – памятники монгольского времени на левом берегу Улуг-Хема в Туве: первые итоги разведочных исследований 2025 г.	120
Сайберт В. О. Картография и топография городищ одинцовской культуры Лесостепного Алтая: особенности и закономерности	129
Юй Лян Китайские письменные источники о народах, проживавших на Алтае и ближайших территориях в хуннуско-сяньбийско-жужанское время (II в. до н. э. – I-я половина V н. э.)	136
Takashi Osawa A New Decipherment of the Red Ink Runic Inscription on the Kōk-Kaya Mountain along the Es River Basin of the Republic of Khakassia, and Its Cultural Background	143

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Майзик Е. И., Макаров Н. П., Вдовин А. С. «Скромный листок из моего пожелтевшего сибирского дневника»: исследования древней металлургии Хакасско-Минусинской котловины г. Мергарта в 1920 г.	155

Стяжкина О. В. Переписка М. П. Грязнова с алтайскими археологами	163
Тишкина К. А. Опыт использования естественно-научных методов в археологических исследованиях сотрудниками Алтайского государственного университета (конец 1970-х – начало 1990-х гг.)	167
Пашкова А. Н. Начальный этап формирования коллекций пазырыкской культуры в национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия)	171
Вербич А. А. Палеонтологические и археологические коллекции в муниципальных музеях и музеях – структурных подразделениях многофункциональных культурных центров Алтайского края: состав собрания и проблемы использования	182
Бурнаков К. С. Объекты археологического наследия в общественном сознании современных хакасов по итогам анкетирования 2022–2024 гг.	187

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

(К 100-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО СУНЧУГАШЕВА ЯКОВА ИВАНОВИЧА)

С.Я. Черепанова

В январе 2026 года отмечали знаменательное событие – 100-летие со дня рождения выдающегося ученого Сунчугашева Якова Ивановича. Его имя навсегда вписано в историю науки благодаря неопределимому вкладу в археологию. Его научные труды и открытия стали основой для дальнейшего исследования, особенно в области древней металлургии, и продолжают влиять на развитие данного направления в археологии по всему миру.

Яков Иванович родился осенью 1926 года в бедной хакасской семье, место рождения – улус Теренчин Усть-Есинского сельсовета Аскизского района. Его отец Сунчугашев Пикинек, по-русски Иван Иванович (1873–1948), был из рода «Суҕ харҕа» сагайского племени. Рос до совершеннолетия в семье казаков Сипкиных, проживавших в селе Арбаты Таштыпского района. В настоящее время потомки Сипкиных проживают в г. Минусинске (этот факт выяснил Яков Иванович). Отец Якова Ивановича был единственным переводчиком с хакасского языка на русский в улусе. Матерью была Сунчугашева Прасковья Владимировна (1880–1955) до замужества Субракова, родом с Нижней Тей. В семье родилось 12 детей, дожили до совершеннолетия 6, отец был самым младшим ребенком в семье.

Яков Иванович учился в школе с. Усть-Есь, ходил пешком 5 км до школы в любую погоду, с собой брал вареную картошку в «мундире», зимой грелся у печи в классе. Учебу в школе совмещал с тяжелым крестьянским трудом. Русский язык учил в школе, поначалу язык давался с трудом, впоследствии он прекрасно говорил и писал, как на хакасском, так и на русском языках. Был

призван в ряды Советской Армии в конце ноября 1943 года по достижению призывного возраста. По воспоминаниям отца, когда он зашел в дом и сообщил об этой новости матери, Прасковья Владимировна сидела у печи и смотрела на огонь. Она ничего не ответила, очень переживала за сына, но внешне этого не показывала. В дорогу мать ему сшила маленькую подушечку с оберегом, долгое время эта подушка хранилась в нашей семье.

В 1945 году участвовал в боях против Японии на территории Маньчжурии стрелком-автоматчиком 83 стрелкового полка 34-й стрелковой дивизии 2-го Дальневосточного фронта. Дивизия в августе 1945 г. участвовала в Маньчжурской стратегической наступательной операции, цель которой: разгромить японскую Квантунскую армию, занять Маньчжурию и Север Кореи, ликвидировать военно-экономическую базу Японии на Азиатском континенте. Регистрация новобранцев была во Владивостоке, в разговоре отец вспоминал, что в здании железнодорожного вокзала стоял очень большой, с резными деревянными ножками стол, покрытый зеленого цвета тканью, где регистрировали всех новобранцев. Так как он был стрелком-автоматчиком, которые в составе 5 человек шли впереди полка, простреливали все кусты и в случае засады принимали огонь на себя. В то время он думал, что лучше быть убитым, чем стать инвалидом. Ежедневно с раннего утра до наступления темноты, осуществлялся марш-бросок. Ночью обязательно жгли костры, чтобы японцы видели, что у нас достаточное количество военной силы. Конечно, было очень сложно выдерживать

такие нагрузки, хотелось есть, спать (спали мало, иногда даже стоя). Командира, который разрешил съесть солдатам мясо убитого коня, убрали с должности, понизили в звании, а так как он подал на награждение этих пятерых солдат, которые шли впереди полка, то их, соответственно, не наградили. Родителям Якова Ивановича прислали благодарственное письмо из Армии, им выдали два мешка муки и флягу молока за воспитание достойного сына.

В своих воспоминаниях о военном времени, службе в армии он написал статью в газету г. Биробиджана (статья печаталась на иврите). Активно разыскивал своих однополчан, с удовольствием общался с теми, кого нашел, в том числе и со своими земляками. Демобилизовался осенью 1950 г. после 7 лет службы в рядах Советской Армии.

В 1950–1952 гг. обучался на историческом двухлетнем отделении Абаканского государственного учительского института, где получил специальность учителя истории 5–7-х классов.

В 1952–1954 гг. продолжил обучение в Абаканском государственном педагогическом институте на историческом факультете. Во время учебы был активным членом студенческого научного общества. На обороте сохранившейся его фотографии от 04.05.1952 г. сделана такая надпись: «Активному члену СНО, сделавшему замечательный доклад «Древнейшая культура Хакасии», за который присуждена Первая премия Абаканского пединститута – путевка в Ленинград Якову Сунчугашеву в знак искреннего уважения. Худяков.» В мае 1952 г. был принят в члены КПСС. Во время обучения в институте Яков Иванович проходил практику в археолого-этнографической экспедиции под руководством В.Г. Карцева и А.Н. Гладышевского. Проживал в общежитии, параллельно работал лаборантом кафедры физвоспитания, выдавал лыжи. Большую часть своего времени занимался в библиотеке.

В процессе обучения у него сформировался серьезный интерес к истории и археологии Южной Сибири, большую роль в этом сыграл его старший брат Василий Иванович, учитель

истории в с. Усть-Есь, который активно увлекался археологией.

Хакасия, по мнению ученых, походит на удивительный открытый музей: нет ни одного уголка без археологических памятников. Материальная культура прошедших исторических эпох здесь представлена ярко и выразительно. Замечательные рисунки птиц, животных, людей древних художников на плитах каменных оград многочисленных курганов всегда привлекали внимание Якова Ивановича. Условия, в которых он вырос, значительно повлияли на его увлечение археологией.

В 1954–1960 гг. работал учителем истории, завучем в средних школах поселков Бий-Хак, Балгазик и Хову-Аксы Тувинской АССР. В это же время он проводил краеведческую работу со школьниками и в окрестностях поселка Хову-Аксы обнаружил остатки древних горных выработок. В дальнейшем древняя металлургия стала объектом для серьезного изучения.

С 1959 г. в период своих летних отпусков Яков Иванович работал в составе Хакасско-Тувинской археологической экспедиции МГУ под руководством Леонида Романовича Кызласова, который сыграл большую роль в становлении его как ученого. Участие в раскопках в этот период, где он прошел хорошую школу методики полевых работ, определило его дальнейший профессиональный выбор.

С ноября 1961 г. учился по направлению от ХакНИИЯЛИ в аспирантуре Института археологии Академии наук СССР. На формирование его научных взглядов большое влияние оказали лекции таких известных профессоров, как А.В. Арциховский, С.В. Киселев, Б.Н. Граков, Б.А. Рыбаков, В.Д. Блаватский, В.Я. Брюсов.

Во время учебы жил в общежитии в одной комнате с Борисом Дядичевым, Карлом Джензектовым (аспирантом института математики им. Стеклова). На стене в комнате была надпись: «Здесь творят и понимают только по-английски, можно по-немецки» – это говорило о духе и настроении аспирантов того времени. Во время учебы в аспирантуре

продолжал активно участвовать в полевых исследованиях в Тувинской АССР, которые возглавлял его научный руководитель Л. Р. Кызласов.

Яков Иванович активно посещал специальные курсы на кафедре археологии МГУ. Обучение в аспирантуре успешно окончил в 1964 г., блестяще защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Горное дело и выплавка металлов в древней Туве». В 1969 г. эта работа, благодаря новизне материалов, привлекла большое внимание специалистов.

Большую поддержку в период обучения в аспирантуре и в дальнейшем всегда Якову Ивановичу оказывали члены его семьи: жена Алла Петровна, учитель истории, и теща Иванова Дарья Матвеевна. Впоследствии отец всегда говорил, что докторскую диссертацию он написал благодаря Дарье Матвеевне, так как она большую часть времени помогала семье в быту. В ноябре 1964 г. отец вернулся в Абакан. И с этого времени начался новый этап в жизни Якова Ивановича, который неразрывно был связан с Хакасским научно-исследовательским институтом языка, истории и литературы, куда он был принят научным сотрудником сектора истории, а в 1970 г. назначен заведующим сектором истории ХакНИИЯЛИ.

В 1978 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР защитил докторскую диссертацию по теме: «История горного дела и металлургии в Хакасско-Минусинской котловине (с древнейших времен до XIII в.)».

С приходом Якова Ивановича в институте была создана археологическая экспедиция, которая под его руководством активно работала 22 сезона с 1965 по 1987 гг. Это позволило развернуть в Хакасии самостоятельные исследования древней истории региона. Были проведены обширные полевые работы, изучены памятники древнего горнорудного дела и металлообработки, создана их классификация, изучена техника добычи различных руд, исследовались памятники орошаемого земледелия, древние наскальные изображения. Основное направление научных исследований в ХакНИИЯЛИ было посвящено горному

делу и металлургии Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железного века. Он первый провел целенаправленные исследования следов древних оросительных каналов и систем в Хакасии.

По его инициативе институтом была издана серия научных сборников по проблемам археологии и этнографии Хакасии и Южной Сибири, где публиковались работы не только сотрудников института, но и ведущих специалистов по древней и средневековой истории Южной Сибири.

Яков Иванович входил в состав специализированного совета по защите кандидатских диссертаций при Кемеровском государственном университете. Выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских диссертаций по археологии и истории Сибири и Казахстана.

С 1977 по 1995 г. Яков Иванович совместно с инженером-геофизиком Кузнецовым Николаем Николаевичем проводил исследования мест расположения менгиров методами геофизики и биолокации (лозоходство) в Хакасии. Всего было изучено 25 мест, на которых расположены древние изваяния в Усть-Абаканском, Аскизском и Боградском районах. Все исследованные менгиры, как было заключено ими, расположены в геопатогенных зонах, которые связаны с зонами разломов земной коры. Выявлены 3 геопатогенные зоны (места силы): стоянка каменного изваяния Улуг Хуртуях тас (на 134 км трассы Абакан-Абаза в Аскизском районе, где в настоящее время создан музейный комплекс); место стоянки 2 менгиров – Большие ворота (Усть-Абаканский район в 2 км к северо-востоку от Большого Салбыкского кургана); территория Малого дворца древнехакасского государства (на 34 км трассы Абакан – Аскиз). Осенью 1994 г. был сделан доклад по результатам исследования о менгирах на международной конференции в Санкт-Петербурге.

В настоящее время биолокационные рамки, как и другие личные вещи ученого (костюм, шляпа, полевая сумка, чемодан, различные документы и свидетельства, его авторские книги и книги с автографами известных людей из личной библиотеки),

хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова. Часть уникальных изданий есть и в родном для него ХакНИИЯЛИ. С 1992 по 1995 г. он был директором ХакНИИЯЛИ.

Большое внимание Яков Иванович уделял популяризации истории и культуры Южной Сибири, проводил большую работу по сохранению историко-культурного наследия Хакасии. Активно популяризировал историю Хакасии, регулярно выступал с лекциями и докладами на встречах с населением Хакасии, а также по радио и телевидению. Принимал участие в международных конференциях. Опубликовано около 300 статей, очерков, заметок на хакасском и на русском языках в различных печатных изданиях средств массовой информации. Кроме древней металлургии и земледелия объектами его исследований были хакасский фольклор, традиционная культура хакасов, шаманизм. Работоспособность Якова Ивановича была поистине поразительна, вечерами отец часто писал работы дома, сидя в маленькой кухне. Простота, доступность, общительность, неизменное внимание и благожелательность к людям составляли одну из самых замечательных сторон личности моего отца. Отличительной чертой была склонность к юмору, шутил он с невозмутимо серьезным видом и сам при этом не смеялся. Хорошо чертил, рисовал, фотографировал. Много и продуктивно работал, любил ходить пешком после рабочего дня, ездить в лес с семьей в выходные дни.

Причиной большого круга знакомств Якова Ивановича был широкий кругозор его знаний и интересов, простота и глубокая человечность, привлекавшая к нему людей. Отец получал письма по разным вопросам из Москвы, Красноярска, Новосибирска, Кемерово, Куйбышева, Якутии, Тувы,

Казахстана, от жителей Хакасии. На все письма он старался отвечать. День у него был четко расписан – на лекционные часы в Абаканском педагогическом институте, научные занятия в рабочем кабинете на работе и в домашней обстановке. Много и продуктивно работал, в том числе и с архивными документами. Интересы ученого были разносторонними: на его столе лежали учебники по химии, физике; интересовался травами; читал произведения и дневники таких писателей, как Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.П. Астафьева, воспоминания и размышления о Великой Отечественной войне маршала Г.К. Жукова, читал Ярослава Гашека, Рериха, В.А. Гиляровского и др. Много времени отдавал педагогической деятельности. С 1968 г. читал лекции по археологии, истории Хакасии, краеведению для студентов Абаканского педагогического института. В археологических раскопках принимали участие студенты, школьники. Для просветительской работы он не жалел времени.

Яков Иванович занимался большой общественной работой: с 1979 г. возглавлял президиум Хакасского областного общества охраны памятников истории и культуры, являлся председателем Ученого совета Хакасского областного музея краеведения. Входил в состав специализированного совета по защите кандидатских диссертаций при Кемеровском государственном университете. Выступал в качестве официального оппонента на защитах кандидатских диссертаций по археологии и истории Сибири и Казахстана.

Подводя итог, хочется подчеркнуть значимость наследия и личности Якова Ивановича для сообщества ученых, педагогов и исследователей, его наследием нужно гордиться, использовать его во благо и сохранять память о нем для будущих поколений.

РЕКОНСТРУКЦИЯ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА МАЛАЯ ТАТАРКА 2 (СЕВЕРНЫЙ АЛТАЙ)¹

С. П. Грушин^а, В. О. Сайберт^б

^{а, б} *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

^а ORCID: 0000-0002-5404-6632; ^б ORCID: 0000-0002-5408-935X

Статья посвящена реконструкции надмогильных сооружений на могильнике афанасьевской культуры Малая Татарка 2, исследованного экспедицией Алтайского государственного университета в 2022–2025 гг. Памятник расположен в долине р. Чарыш в Северном Алтае. В основе большинства надмогильных сооружений афанасьевской культуры лежит идея ограждения сакрального пространства вокруг погребенного, которая реализовывалась различными строительными приемами обустройства ограды. Это нашло отражение в выделении трех основных типов афанасьевских оград: колец шириной до нескольких метров, выполненных из галечника, внешней крепиды из плоских плит, уложенных друг на друга и ограды из вертикально вкопанных плит.

Особенность могильника Малая Татарка 2 заключается в наличии конструкций разного типа, в которых реализовались комбинированные строительные традиции в оформлении крепиды-кольца. Это обстоятельство может косвенно свидетельствовать о более позднем времени его функционировании.

Ключевые слова: афанасьевская культура, курганы, ограды, крепиды, реконструкция, погребальный обряд.

RECONSTRUCTION OF THE AFANASEV CULTURE TOMB STRUCTURES AT MALAYA TATARKA 2 BURIAL GROUND (NORTHERN ALTAI)

S. P. Grushin^а, V. O. Saibert^б

^{а, б} *Altai State University, Barnaul, Russia;*

^а ORCID: 0000-0002-5404-6632; ^б ORCID: 0000-0002-5408-935X

The article is devoted to the reconstruction of the Afanasev burial structures at Malaya Tatarka 2 burial ground, explored by the Altai State University expedition in 2022–2025, and which is located in the Charysh River Valley. Most of the Afanasev burial structures are based on the idea of enclosing the sacred space around the deceased, which was implemented through various construction techniques. This is reflected in the identification of three main types of Afanasev fences: rings up to several meters wide made of pebbles, an outer crepidomas made of flat slabs stacked on top of each other, and fences made of vertically dug-in slabs. A special feature of Malaya Tatarka 2 burial ground is the presence of different types of structures that implement combined construction traditions in the design of a crepidoma-ring. This fact may indirectly indicate a later time of its functioning.

Keywords: Afanasev culture, mounds, fences, crepidomas, reconstruction, funeral rites.

Могильник Малая Татарка 2 расположен в 7,2 км к ЮВ от с. Сентелек, на левом берегу р. Чарыш, в 200 м к СЗ от места впадения в р. Чарыш реки Малая Татарка (рис. 1). Памятник занимает территорию десятиметровой террасы, относительно поймы р. Чарыш и р. Малая Татарка. Могильник открыт в 1991 г. П. И. Шульгой, который проводил обследования в районе сел Покровка и Сентелек. В ходе работ были обнаружены новые археологические комплексы, в том числе были зафиксиро-

ваны курганные могильники Малая Татарка 1 и Малая Татарка 2 в устье одноименной реки, при впадении ее в реку Чарыш. Позднее в 2017 г. на могильнике Малая Татарка 2 школьной экспедицией, под руководством тогдашнего директора районного краеведческого музея Е. В. Афанасьевой, было осуществлено снятие дерна и попытка зачистки курганной насыпи.

Целенаправленное изучение могильника было проведено Чарышской археологической

¹ Научно-исследовательская работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания, проект FZMW-2026-0008, тема «Применение цифровых технологий и естественнонаучных методов для реконструкции древней истории Алтая и сопредельных территорий на основе археологических источников».

The research work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment; project FZMW-2026-0008 (topic "Application of digital technologies and natural science methods for reconstruction of the ancient history of Altai and adjacent territories based on archaeological sources").

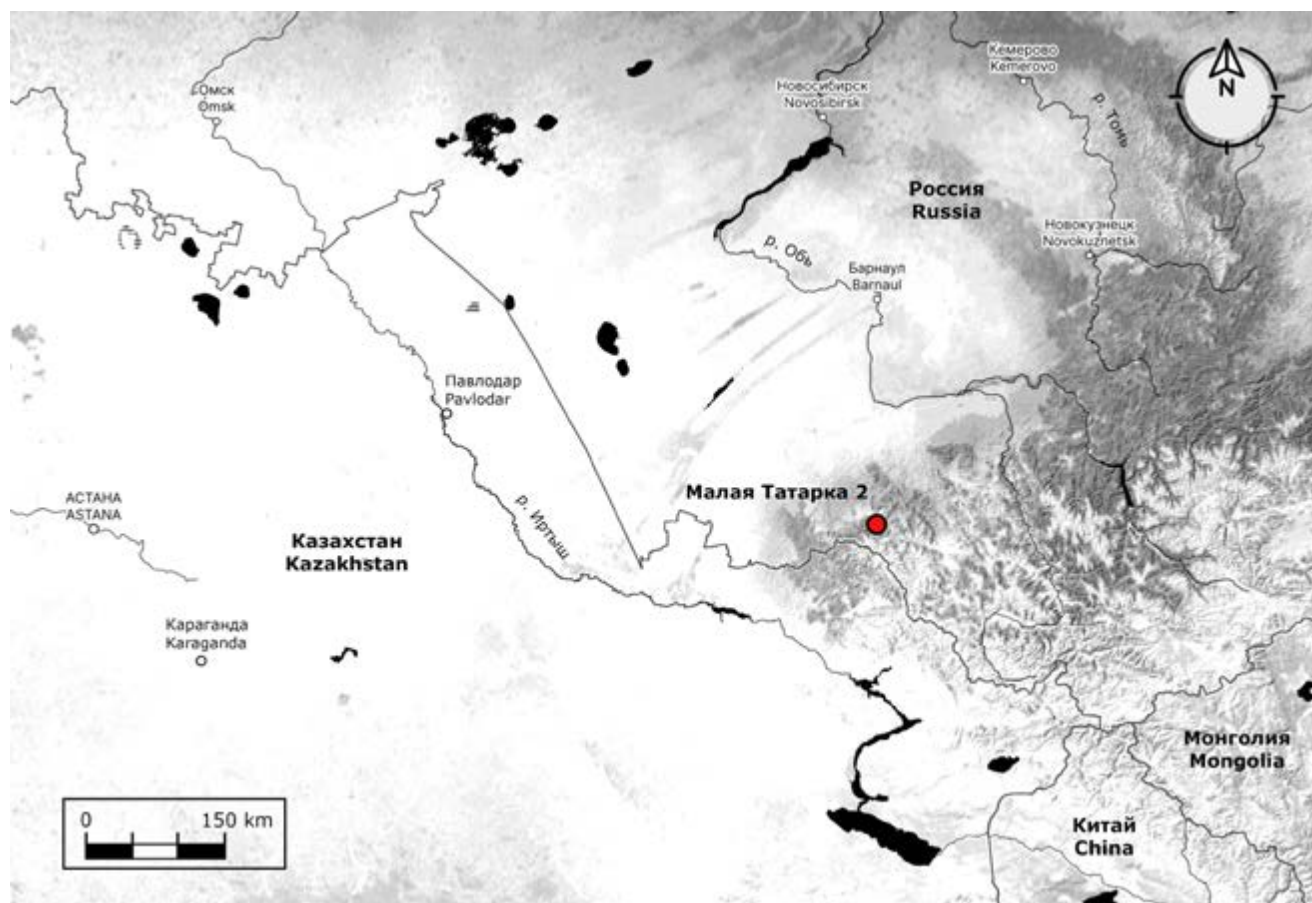

Рис. 1. Расположение могильника Малая Татарка 2 на географической карте.

экспедицией Алтайского государственного университета под руководством автора статьи в 2022–2025 гг. [Грушин, 2025]. За этот период времени на памятнике было раскопано около 250 кв. м площади, на которой исследовано пять курганов (№ 1–5). Зафиксированные конструкции, погребальный обряд, вещевой комплекс исследованных погребений позволяют отнести эти объекты к афанасьевской культуре XXXII–XXVIII вв. до н.э. Кроме того, в кургане № 4 исследовано также впускное погребение раннескифского времени века VIII–VI вв. до н.э. В межкурганном пространстве получены материалы позднего бронзового века, саргаринско-алексеевской культуры XVI–XII вв. до н.э. и раннего железного века VI–II вв. до н.э.

Группа объектов афанасьевской культуры занимала центральную часть надпойменной террасы, они располагались цепочкой, вытянутой по линии С-Ю, перпендикулярно р. Малая Татарка и параллельно р. Чарыш. Курганы примыкали вплотную друг к другу. Исследованные объекты демонстрируют раз-

нообразные конструктивные строительные решения, которые применили их создатели. Основная цель работы – реконструкция надмогильных сооружений на памятнике Малая Татарка 2.

Подобная задача осложняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, многие надмогильные сооружения существенным образом разрушены или пострадали в ходе археологизации. Часто камни из насыпей афанасьевских курганов использовались в качестве строительного материала при создании погребальных конструкций более позднего времени. Практически все памятники носят многослойный характер, территория афанасьевских некрополей использовалась под кладбище в раннескифское, скифское время и в раннем средневековье. Часто афанасьевские погребения перекрывались более поздними, а их насыпи шли на строительство новых объектов, такие факты зафиксированы на нескольких многослойных памятниках, например, Усть-Теплая, Урочище Балчикова 3. Вторая сложность связана с низкой точностью

фиксации археологических ситуаций в процессе раскопок (неточность и упрощенность планов) ранних лет раскопок. Последний фактор – это разноречивость в терминологии и используемых дефинициях различными исследователями при описании деталей и элементов надмогильных сооружений (кромлех, ограда, кольцо, стенка, контрфорсы, крепида и др.), что создает путаницу и затрудняет понимание конкретных археологических реалий, зафиксированных в поле.

Первый фактор преодолели обнаружением относительно хорошо сохранившихся объектов. Вторым – применением новых методов фиксации объектов в поле, в частности использованием фотосъемки с коптера и создания ортофотопланов. Это позволяет «увидеть» отдельные детали конструкций и сооружений, на которые даже при наличии качественных, крупномасштабных и точных планов не всегда можно обратить внимание. Что касается последнего аспекта затруднений, связанного с терминологией, он преодолевается выработкой общепринятого понятийного аппарата, при описании конструктивных элементов надмогильных курганных сооружений.

Материалы памятника Малая Татарка 2 позволяют произвести реконструкцию первоначального облика надмогильных сооружений, так как большинство объектов к моменту раскопок сохранилось в относительно удовлетворительном состоянии и на могильнике не зафиксированы курганы более поздних периодов. В ходе раскопок использовалась аэрофотосъемка и составлялись не только чертежи планов в масштабе 1:20, но и ортофотопланы и 3-D моделирование, что позволило осуществить качественную реконструкцию надмогильных сооружений.

Центральным объектом цепочки курганов на могильнике Малая Татарка 2 является курган №1. Вероятно, этот курган был сооружен первым и в дальнейшем к нему вплотную пристраивались объекты с севера и юга. До раскопок насыпь кургана визуально не фиксировалась, была полностью задернована. На современной поверхности хорошо

фиксируются каменные вертикально вкопанные плиты погребальной камеры, которые составляли округлую конструкцию.

Раздерновка и зачистка выявили каменную конструкцию кургана №1. Она имела вид насыпи округлой формы, диаметр – 7,2 м, которая была сложена из крупной гальки и плитняка. Камни укладывались на погребенную почву в 3–4 слоя. Изначально надмогильная конструкция состояла из ограды, выполненной из крупных каменных плит, уложенных друг на друга в два слоя. Остатки такой конструкции хорошо фиксировались в разрезе кургана. Конструкция ограды была разрушена временем, плиты от нее фиксировались в разных частях насыпи по периметру кургана. Диаметр ограды составлял около 6 м. Пространство между стенками погребальной камеры и оградой было заполнено «калиброванной» плоской речной галькой диаметром 20–30 см, что хорошо фиксировалось при зачистке профиля кургана.

В центре насыпи возвышалась на 0,5 м над современной поверхностью конструкция из вертикально вкопанных массивных десяти плит, которые составляли овал вытянутый по линии 3-В, размерами 220 x 260 см. Плиты были вкопаны в древнюю погребенную почву на 0,5 м. Ширина плит составляла от 0,6 м до 0,9 м, длина, с учетом вкопанной части, составляла от 1 до 1,5 м. Внутренняя часть конструкции была перекрыта горизонтально уложенными массивными плитами в 4 слоя. Под ними в центральной части камеры, на уровне материка было зафиксировано могильное пятно овальной формы размерами 145 x 100 см, оно было вытянуто длинной осью по линии СЗ-ЮВ и имело глубину 35 см от уровня фиксации.

Наличие внутри каменного склепа, специально оформленной, углубленной в материк могильной ямы позволяет рассматривать вертикальные выкопанные плиты не как детали погребальной камеры, а как часть кольца – ограды, ее внутреннюю стенку. Вкопанные вертикально плиты внутри конструкции и уложенные друг на друга на уровне древней почвы плиты по внешнему периметру удер-

живали плоские небольшие гальки внутри от расползания, сохраняя общую форму конструкции погребального сооружения. На основании анализа составленных в поле планов, разрезов, описаний, ортофотопланов удалось выполнить графическую реконструкцию надмогильного сооружения кургана №1 на могильнике Малая Татарка 2 (рис. 2). Вероятно,

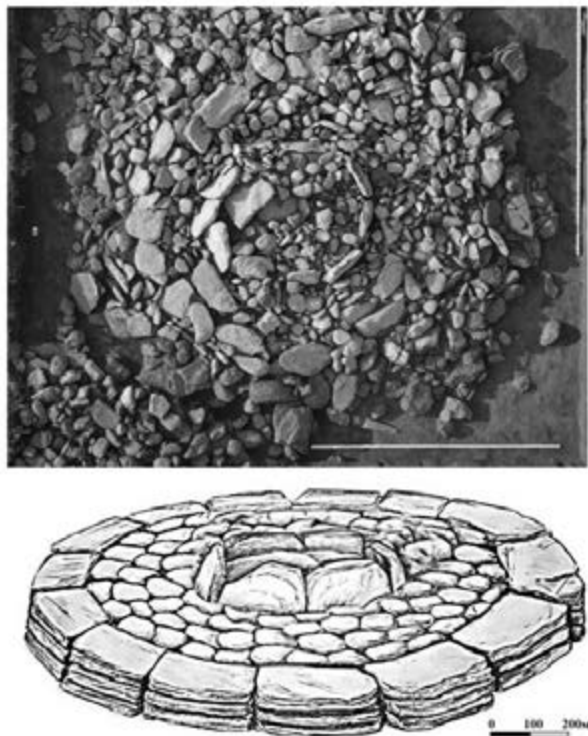

Рис. 2. Ортофотоплан и реконструкция кургана №1 могильника Малая Татарка 2.

что подобную конструкцию имел курган №2, пристроенный к северу от первого кургана.

На могильнике Малая Татарка 2 исследованы курганы с другими конструктивными особенностями. Курган №1 был пристроен к югу от кургана №1, до раскопок был полностью задернован, после снятия грунта и зачистки была выявленная округлая насыпь диаметром 7,2 м. По периметру насыпи фиксировались крупные каменные плиты – детали ограды, которые, вероятно первоначально были поставлены вертикально, или были наклонены к центру насыпи, как бы облицовывали каменную насыпь, но со временем под давлением каменной насыпи кургана завалились наружу. Насыпь кургана состояла из крупных валунов и небольших каменных плиток. В центральной части насыпи камни

отсутствовали – следы повторного проникновения в могилу. Могильная яма была оконтурена крупными каменными плитами, которые первоначально были установлены вертикально. Данный конструктивный элемент можно рассматривать как часть погребальной конструкции или как внутреннюю крепиду кольца, как в случае с курганом №1 (рис. 3).

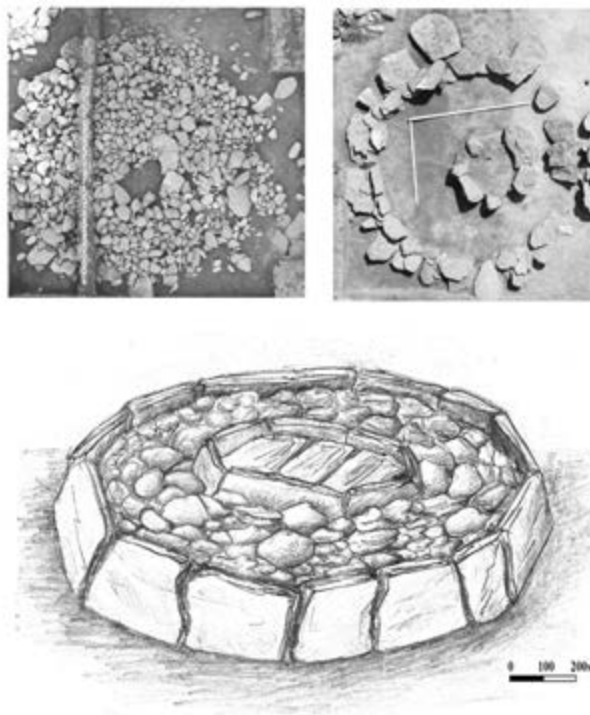

Рис. 3. Ортофотоплан и реконструкция кургана №2 могильника Малая Татарка 2.

Курган №4 был обнаружен к югу от кургана №3. После снятия дерна и зачистки была выявлена ограда диаметром 5 м, выполненная из крупных каменных плит, расположенных по кругу, вероятно, они облицовывали земляную насыпь кургана. В центральную часть ограды было совершено впускное захоронение раннего скифского времени, вследствие чего афанасьевская погребальная конструкция была разрушена, плиты от нее располагались в центре и в юго-восточной части ограды (рис. 4).

В основе большинства надмогильных сооружений афанасьевской культуры лежит идея ограждения сакрального пространства вокруг погребенного, которая реализовывалась различными строительными приемами обустройства ограды. Это нашло отражение

Рис. 4. Ортофотоплан и реконструкция кургана №3 могильника Малая Татарка 2.

в выделении трех основных типов афанасьевских оград: колец шириной до нескольких метров, выполненных из галечника, внешней крепиды из плоских плит, уложенных друг на друга и ограды из вертикально вкопанных плит. Также можно говорить и о различных комбинациях выше обозначенных строительных приемов.

Курганы на могильнике Малая Татарка 2 фактически сочетают в себе все три строительных приема. Особые комбинации с использованием вертикально вкопанных и плашмя уложенных каменных плит в создании погребальных оград фиксируются в различных афанасьевских памятниках Центрального Алтая. Так, на могильнике Сальдьяр-1, авторы раскопок выделили такой тип надмогильных конструкций, как двойное кольцо – наружное из вкопанных плит, внутреннее – из блоков, уложенных на материк (или на могильный холм) [Ларин, 2005, с. 35]. Создатели конструкций на Сальдьяре-1 пользовались теми же приемами строительства, что и люди, соорудившие курган №1 на Малой Татарке 2, но оформляли внутреннюю и внешнюю крепиду кольца, наоборот,

внешнюю – вертикальными плитами, внутреннюю – плитами, уложенными плашмя.

Анализ материалов афанасьевских курганов Северного Алтая позволил выделить несколько типов надмогильных конструкций, которые достаточно четко коррелируют не только с конкретными памятниками, но и есть основание предполагать корреляцию типов надмогильных сооружений с отдельными локальными долинами рек – притоками Чарыша, где они расположены [Грушин, 2025]:

– долина р. Теплая (устройство округлой ограды-стенки из каменных блоков плитняка, уложенных друг на друга в 3–8 слоев) [Шульга, 2010];

– правый борт долины р. Сентелек, р. Щучий (устройство колец-оград, сложенных из уплощенного галечника, иногда дополнялись кромlexом [Шульга, 2010; Шульга, Демин, 2021];

– правый борт долины р. Сентелек (устройство оград-кромlexов из вертикально вкопанных плит);

– долина р. Малая Татарка характеризуется комбинированными строительными традициями в устройстве надмогильных сооружений, сочетавшими в себе различные варианты оформления крепиды ограды. Стенки в виде уложенных горизонтально друг на друга плит, вкопанные вертикально плиты, облицовка плитами насыпи кургана.

Ранее нами было сделано предположение, что разнообразие надмогильных конструкций населения афанасьевской культуры может объясняться наличием этнографических локальных культурных вариаций погребальной практики у представителей отдельных родов или групп близких семей, которым принадлежали определенные родовые пастбища, локализованные в долинах Чарыша [Грушин, 2025]. Такие традиции могли сосуществовать в определенных хронологических интервалах, отдельные из них могли сохраняться дольше других и приобретать комбинированные варианты. Вследствие чего, можно предположить, что памятники с комбинированными конструктивными особенностями могут носить более поздний характер, нежели мо-

гильники с «чистыми» типами. Особенность могильника Малая Татарка 2 заключается, также и в наличии в одной цепочке конструкций разного типа, что также может косвенно свидетельствовать о более позднем его характере. Однако вопрос об относительной и абсолютной хронологии могильников с разными строительными традициями в сооружении погребальных конструкций должен решаться на основе серии радиоуглеродных дат, которые еще не получены на рассматриваемых материалах.

Литература

Грушин С.П. Особенности надмогильных конструкций курганов афанасьевской культуры

долины Чарыша (Северный Алтай) // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: в 3 т. Т. I. Красноярск, 6–10 октября 2025 г. / отв. ред.: А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2025. С. 446–449.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 2005. 208 с.

Шульга П.И. Захоронения эпохи энеолита-бронзы из могильников Щучий Лог-I и Усть-Теплая // Афанасьевский сборник. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 189–199.

Шульга П.И., Демин М.А. Курганы Сентелека. Новосибирск: СО РАН: ИАЭТ СО РАН, 2021. 188 с.

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ СО ЗНАКАМИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СОВЕТСКИЙ ПУТЬ-1 (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ПРЕДГОРЬЯ АЛТАЯ)¹

И. А. Вальков^a, С. П. Грушин^b, В. О. Сайберт^c

^{a, b, c}: Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

^a ORCID: 0000-0003-2104-5542; ^b ORCID: 0000-0002-5404-6632; ^c ORCID: 0000-0002-5408-935X

В статье рассматриваются костяные наконечники стрел саргаринско-алексеевской культуры с поселения Советский Путь-1 с зафиксированными на них в процессе трасологического анализа знаками. Все знаки расположены на пере наконечников, имеют сходные принципы графического построения и не связаны с технологическими операциями изготовления или постдепозиционными воздействиями, что позволяет рассматривать их как результат целенаправленного нанесения. Проведен морфологический анализ знаков и их сопоставление с аналогиями из памятников различных эпох и территорий. Установлено, что выявленные знаки вписываются в традицию маркировки предметов, характерную для позднего бронзового века Лесостепного Алтая на бронзовых ножах, серпах, долотах. Знаки на костяных наконечниках стрел зафиксированы впервые. Предложены возможные варианты интерпретации знаков (тамги, символические или иные формы маркировки) и подчеркнута необходимость их целенаправленного поиска при изучении костяных и роговых изделий.

Ключевые слова: Северо-западные предгорья Алтая, бронзовый век, саргаринско-алексеевская культура, костяные наконечники стрел, знаки.

BONE ARROWHEADS WITH MARKS FROM THE LATE BRONZE AGE SETTLEMENT OF SOVETSKY PUT-1 NORTHWESTERN FOOTHILLS OF ALTAI)

I. A. Valkov^a, S. P. Grushin^b, V. O. Saibert^c

^{a, b, c} *Altai State University, Barnaul, Russia;*

The article examines bone arrowheads of the Sargary–Aleksееvka culture from Sovetsky Put-1 settlement bearing marks identified during the traceological analysis. All marks are located on the blade of arrowheads, have similar graphic principles, and are not associated with manufacturing processes or post-depositional alterations, which allows them to be interpreted as intentionally applied. A morphological analysis of the marks was carried out, along with their comparison to parallels from sites of different periods and regions. It was established that the identified marks fit within the tradition of object marking characteristic of the Late Bronze Age forest-steppe Altai, known from bronze knives, sickles, and chisels. Marks on bone arrowheads are recorded here for the first time. Possible interpretations of the marks (tamgas, symbolic or other forms of marking) are proposed, and the need for their targeted identification in the study of bone and antler artifacts is emphasized.

Keywords: Northwestern foothills of Altai, Bronze Age, Sargary-Aleksееvka culture, bone arrowheads, marks.

Введение

Поселение Советский Путь-1 расположено на юге Алтайского края, недалеко от границы России и Казахстана, в северо-западной предгорной зоне Алтайских гор (рис. 1). Первые полевые исследования памятника проводились в 1995–1997 гг. сотрудниками Барнаульского педагогического института

П. И. Шульгой и С. М. Ситниковым, а затем работы были продолжены в 2016–2019 гг. экспедицией Алтайского государственного университета [Грушин, Чжан, 2021; Ma et al., 2022]. Поселенческие материалы памятника соотносятся с двумя культурно-хронологическими периодами: средним бронзовым веком (андроновская культура) и поздним бронзо-

¹ Научно-исследовательская работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания, проект FZMW-2026-0008 (тема «Применение цифровых технологий и естественнонаучных методов для реконструкции древней истории Алтая и сопредельных территорий на основе археологических источников»).

The research work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment; project FZMW-2026-0008 (topic “Application of digital technologies and natural science methods for reconstruction of the ancient history of Altai and adjacent territories based on archaeological sources”).

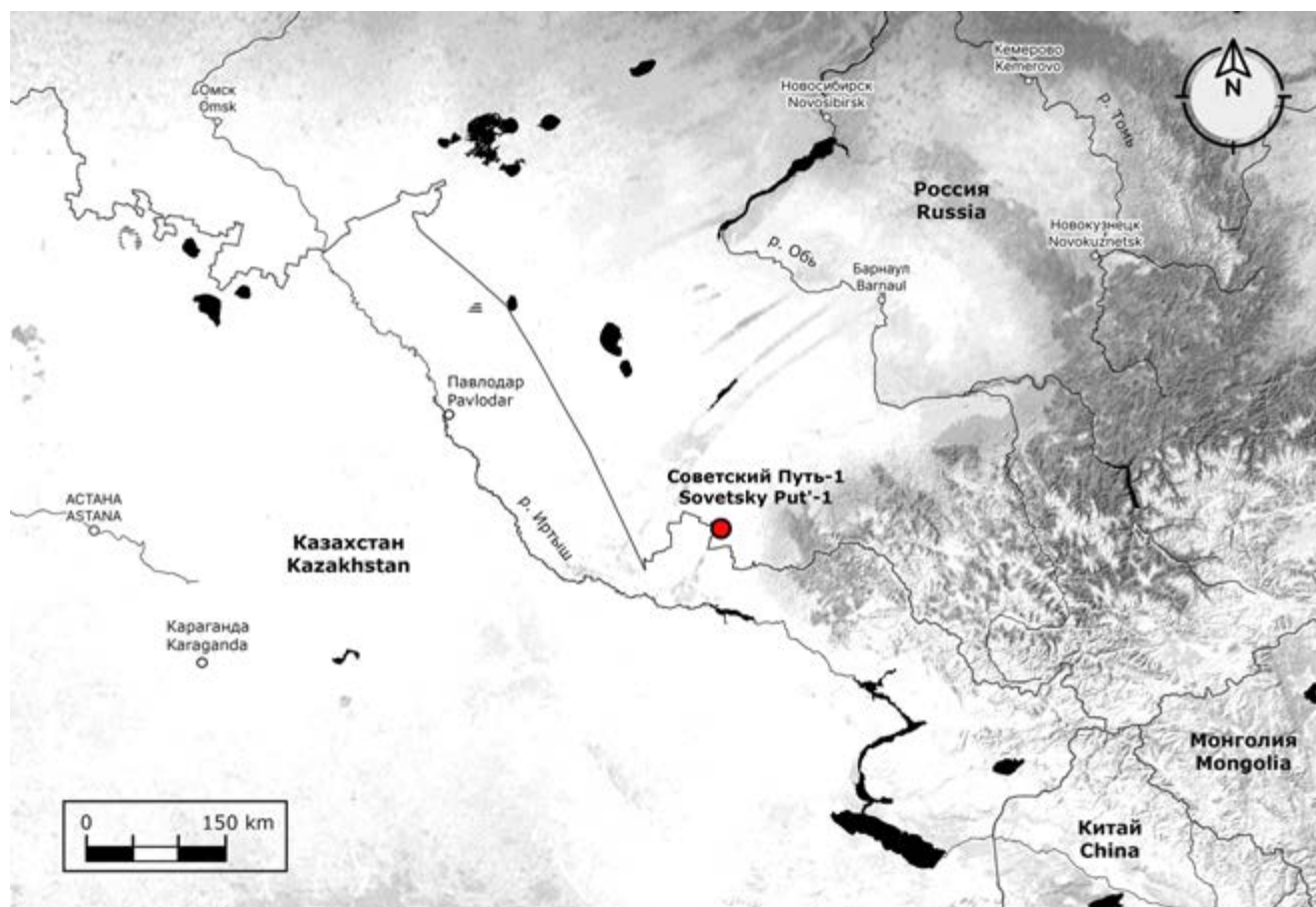

Рис. 1. Расположение поселения Советский Путь-1 на географической карте.

вым веком (саргаринско-алексеевская культура).

В ходе трасологического исследования костяных изделий поселения Советский Путь-1 из раскопок 2019 г. С. П. Грушина¹ была выявлена небольшая серия (3 предмета) костяных наконечников стрел, на поверхности которых были выявлены знаки, не обнаруженные при первичной обработке материалов.

Наблюдаемые знаки нанесены целенаправленно, имеют сходную графическую форму и не связаны с технологией изготовления или постдепозиционными процессами. Для костяных и роговых изделий бронзового века Алтая подобные случаи ранее не фиксировались, хотя знаки известны на предметах из бронзы и керамики. Несмотря на то, что поселение Советский Путь-1 не имеет выраженной стратиграфии, рассматриваемые наконечники можно с высокой степенью достоверности датировать поздним бронзовым веком (саргаринско-алексеевская культура,

XIV–IX вв. до н.э.), т.к. они имеют четкие параллели с однокультурными материалами поселения Кент в Центральном Казахстане. Для наблюдения и фиксации знаков использовались бинокулярный микроскоп (увеличение до 90 крат) и макрофото съемка. Фотографии с увеличенной глубиной резкости получены методом фокус-стекинга с применением программы Zerene Stacker.

Описание наконечников и выявленных знаков

Все три наконечника с зафиксированными знаками различны в типологическом отношении. Первый наконечник (рис. 2: 1) трехгранный в сечении, имеет наибольшую ширину в центре и сужается к краям. Несмотря на то, что рассматриваемый артефакт обломлен, в коллекции поселения Советский Путь-1 есть еще два идентичных по форме целых предмета, но не имеющих каких-либо

¹ Материалы хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ.

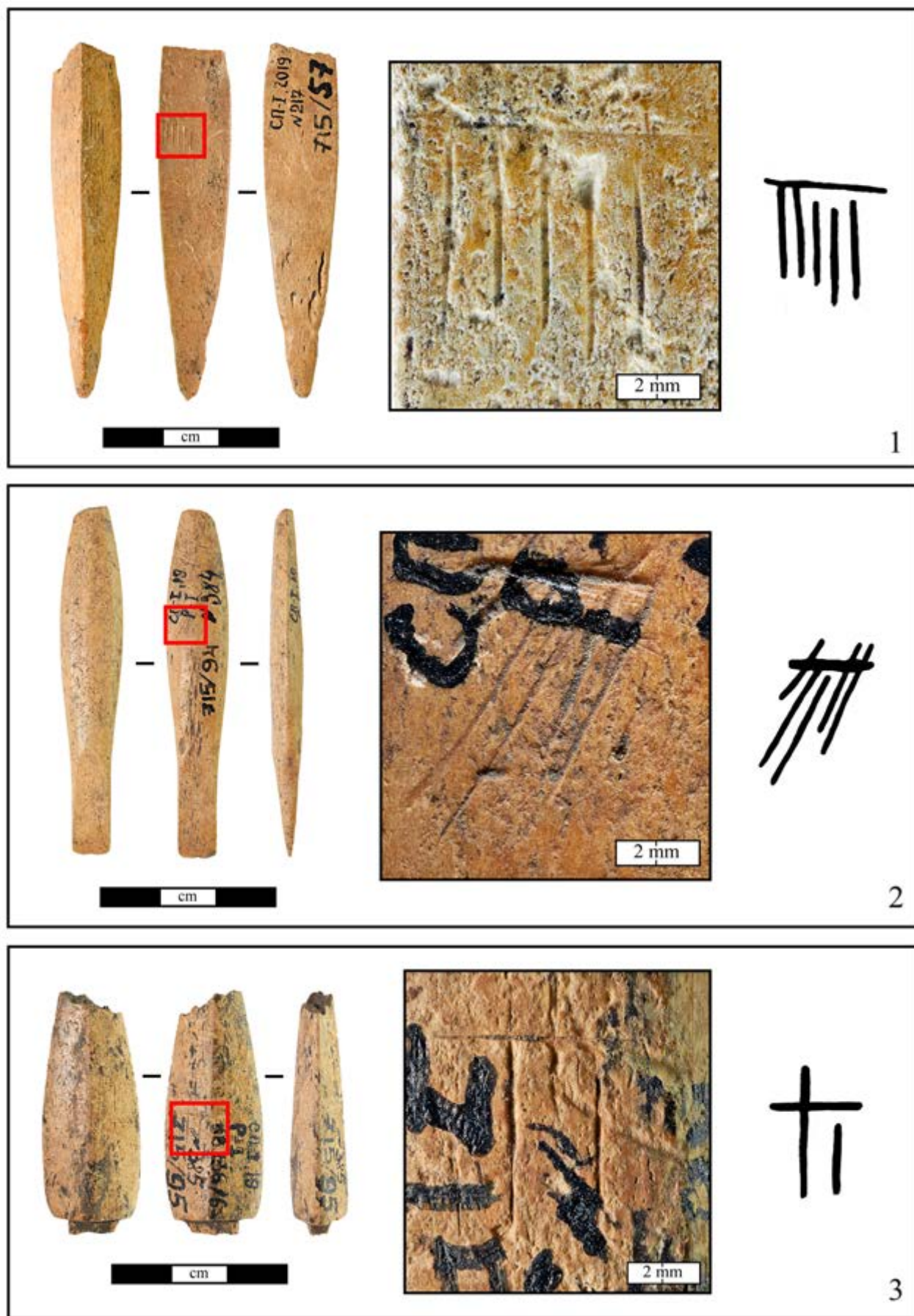

Рис. 2. Фото наконечников стрел с графической прорисовкой расположенных на их поверхности знаков с поселения Советский Путь-1 (фото – Вальков И. А., прорисовка знаков – Сайберт В. О.).

знаков на поверхности. Данный тип наконечников не имеет четко выделенного насада, однако у рассматриваемого нами экземпляра на сохранившемся конце оформлены едва заметные выемки на гранях, в связи с чем можно предположить, что именно этот конец выступал в качестве насада. Сохранившийся фрагмент имеет длину 5,9 см.

Второй наконечник листовидной формы с выделенным уплощенным насадом (рис. 2: 2). Перо имеет грани, которые четко не выражены. Острие надломлено, что не оказывает влияния на понимание целой формы предмета. Длина сохранившейся части наконечника – 7,0 см.

Третий наконечник имеет четырехгранное сечение пера и выделенный черешок (рис. 2: 3). В отличие от предыдущего описанного наконечника, переход от пера к насаду не плавный, а вырезанный, четко разграниченный. Черешок гораздо меньше пера по своим габаритам, что вероятно и стало причиной его поломки. Острие также надломлено. Длина сохранившейся части наконечника – 4,0 см.

Все обнаруженные знаки располагаются в схожей зоне пера и тяготеют к его центральной части. Несмотря на некоторые различия, они демонстрируют единый принцип построения: несколько параллельных линий, перекрытых поперечной чертой. Основные различия касаются количества линий (пять в двух случаях и две – в третьем) и их ориентации относительно продольной оси наконечника (в двух случаях параллельно ей, в одном – под углом, с наклоном).

Однако, интересна еще одна объединяющая все знаки деталь. Если допустить, что наше предположение относительно размещения насада на первом наконечнике верно, то получается, что во всех случаях поперечная линия ориентирована в сторону острия наконечника, что указывает на устойчивую закономерность в расположении и ориентации знаков.

Таким образом, зафиксированные для наблюдаемых знаков признаки указывают на то, что принципы их графического постро-

ения и расположения на поверхности пера достаточно близки. Это можно рассматривать также в качестве доказательства вполне намеренного и осознанного нанесения этих знаков для определенной цели.

Возможные интерпретации, параллели и аналогии

Как уже отмечалось, для бронзового века Обь-Иртышья это первый зафиксированный случай выявления знаков на костяных наконечниках стрел. При этом сходные (хотя и не идентичные) знаки известны на предметах из металла и керамики этого времени, а также на костяных наконечниках более поздних эпох или обнаруженных в других регионах.

Нанесение тамгообразных знаков в целом было характерно для населения бронзового века Алтая и Казахстана, связанного с бегазы-дандыбаевскими традициями. Наиболее распространены знаки в виде «галочек» (V-образные символы) с различными вариациями и дополнениями [Мерц, 2024, с. 31–32]. Именно такие знаки зафиксированы на четырех костяных наконечниках стрел поселения Кент в Центральном Казахстане, где они образуют серии из нескольких повторяющихся элементов [Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, рис. 8: 5, 109: 7, 10, 11]. Примечательно, что идентичные символы нанесены и на других предметах этого памятника, включая бронзовые и роговые изделия. Таким образом, поселение Советский Путь-1 является вторым памятником саргаринско-алексеевской культуры, где выявлены знаки на костяных наконечниках стрел. Не исключено, однако, что в ряде комплексов подобные случаи оставались незамеченными.

В целом практика нанесения знаков на различные категории предметов хорошо прослеживается в материалах саргаринско-алексеевской культуры. Наиболее часто они фиксируются на бронзовых изделиях (теслах, серпах, кинжалах), а также на керамике [Ситников, 2015, рис. 31: 4, 95: 1–2, 98: 2; Федорук, 2019, рис. 2.73, 2.78, 2.80]. Это позво-

ляет рассматривать выявленные на наконечниках стрел знаки как часть более широкой традиции маркировки предметов.

Что касается именно наконечников стрел, то отдельные случаи нанесения знаков известны как в более ранних, так и более поздних комплексах. Пожалуй, древнейший подобный факт описан М. Г. Жилиным по материалам мезолитических памятников Волго-Окского междуречья, где были обнаружены наконечники с насечками, часть которых интерпретируется как личные метки [Жилин, 2020, с. 153–158]. На территории Алтая подобные находки известны только начиная с раннего железного века. В частности, знак на наконечнике из могильника Коконовка (Горный Алтай) практически идентичен одному из рассматриваемых в настоящей статье: он представляет собой несколько наклонных линий с перекладиной, ориентированной в сторону острия [Бородовский, 1997, рис. 16: 1–2]. Сходные знаки зафиксированы также на наконечниках РЖВ из памятников Фирсово-XIV, Обские Плесы II и ряда других комплексов лесостепного Алтая и сопредельных территорий [Фролов, 2008, рис. 121: 42, 135: 15; Бородовский, 1997, рис. 16: 3–6].

Достаточно объемный сравнительный материал дает и серия наконечников из памятников пьяноборской культуры Прикамья, где знаки на костяных и бронзовых изделиях демонстрируют сходные принципы построения – сочетание прочерченных линий, перекладин и V-образных элементов [Саттаров, Красноперов, Камалеев, 2024].

Отмеченные аналогии позволяют говорить о достаточно устойчивой традиции нанесения подобных знаков на наконечники стрел в широком хронологическом и территориальном диапазоне. Тем не менее, количество зафиксированных случаев нельзя назвать значительным, что может объясняться в том числе проблемами сохранности артефактов и фиксации подобных знаков исследователями.

Назначение выявленных знаков может быть определено лишь гипотетически. Наиболее вероятными представляются три возможные интерпретации: знаки принадлеж-

ности (тамги), знаки ритуального или магического назначения и декоративные элементы. Последний вариант представляется наименее убедительным, поскольку знаки достаточно малозаметны на поверхности предметов, не имеют выраженной орнаментальной композиции и существенно контрастируют с выполненной на очень высоком уровне художественной резьбой на предметах из кости и рога саргаринско-алексеевской культуры. Более обоснованной выглядит интерпретация их как знаков принадлежности. Она согласуется как с более широкой практикой нанесения тамгообразных символов на различные категории предметов в более поздние эпохи вплоть до современности [Рогожинский, 2019, с. 100–101], так и с наличием идентичных знаков на разных изделиях в материалах поселения Кент. При этом речь может идти не столько о маркировке индивидуальной собственности, сколько о принадлежности рассматриваемых предметов группе людей. В этом плане примечателен случай планировки бегазы-дандыбаевских поселений по принципу рассматриваемых тамгообразных знаков [Мерц, 2024, с. 31–32]. Не исключено, что такие знаки могли выполнять и прикладные функции, например, облегчать идентификацию добычи в условиях коллективной охоты. Вместе с тем нельзя полностью исключать и ритуально-магическую составляющую, которая могла сочетаться с функцией знака принадлежности. В этой связи обращает на себя внимание, что наблюдаемое на наконечниках Советского Пути-1 графическое построение знаков имеет параллели не только в кругу единокультурных памятников, но и в достаточно удаленных во времени и пространстве комплексах.

Заключение

В ходе исследования коллекции костяных изделий поселения Советский Путь-1 на поверхности пера трех наконечников стрел выявлены знаки. Их морфологическое сходство, устойчивое расположение и отсутствие связи с технологическими операциями позволяют рассматривать их как результат целенаправ-

ленного нанесения. Для костяных и роговых изделий бронзового века Алтая подобные находки ранее не отмечались, что делает рассматриваемый случай принципиально важным как для изучения знаковой системы населения Алтая в позднем бронзовом веке, так и для исследований костяной индустрии региона.

Полученные сведения наглядно демонстрируют, что знаки на наконечниках стрел могут оставаться незамеченными при традиционном визуальном анализе и выявляются лишь при целенаправленном трасологическом исследовании. Это указывает на необходимость более внимательного изучения поверхности костяных и роговых изделий, в том числе из опубликованных коллекций, так как из-за особенностей сохранности подобные знаки на них менее заметны, чем на артефактах из других материалов. Расширение круга таких наблюдений в будущем позволит уточнить распространенность подобных знаков и их функции.

Литература

- Бородовский А. П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.
- Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В.** Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.
- Грушин С. П., Чжан Ляньжэнь.** Поселение древних металлургов Советский Путь 1 в контексте комплексов поздней бронзы Обь-Иртышья // Маргулановские чтения–2021: Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Великая степь в контексте этнокультурных исследований», посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 26–27 октября 2021 г.). В 3-х томах. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. Т. 1. С. 245–251.
- Жилин М. Г.** Знаки и изображения на костяных предметах вооружения в раннем мезолите Волго-Окского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. 2020. №260. С. 151–166.
- Мерц В. К.** Знаковая система периода поздней бронзы Казахстана // Комплексные результаты археологических исследований в Таджикистане. Душанбе; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2024. С. 31–32.
- Рогожинский А. Е.** Знаки идентичности (тамга) и памятники тамгопользования в Казахстане: древность, средневековье и Новое время // Археология Казахстана. 2019. №3(5). С. 99–121.
- Саттаров Р. Р., Красноперов А. А., Камалеев Э. В.** Знаки на наконечниках стрел из памятников пьяноборской культуры // Поволжская Археология. 2024. №1(47). С. 155–172.
- Ситников С. М.** Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.
- Федорук А. А.** Саргаринско-алексеевская культура и бурлинский тип памятников // История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. С. 174–183.
- Фролов Я. В.** Погребальный обряд населения барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.
- Ma R., Zhang L., Cui J., Tishkin A. A., Grushin S. P., Vertman E. G., Chang D., Hu D.** Late Bronze Age metallurgy in Rudnyi Altai. Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. 14:146.

МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ КАЙЛО ИЗ МУЗЕЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ИМЕНИ АКИНФИЯ ДЕМИДОВА ЗМЕИНОГОРСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ: РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ, БЛИЖАЙШИЕ И ОТДАЛЕННЫЕ АНАЛОГИИ

А. А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
ORCID: 0000-0002-7769-136X

Северо-Западный Алтай и его предгорья считаются территорией, на которой в древности и средневековье добывались и перерабатывались медесодержащие и другие руды. При этом металлических орудий труда для горнорудного производства найдено совсем немного. История их обнаружения связана с освоением региона в XVIII в. русскими переселенцами и строительством по инициативе Акинфия Демидова рудников и заводов, которые позднее отошли в царскую казну. Часть информации об интересующих находках уже опубликована. Имеются сведения в архивных фондах и они еще ждут своих исследователей. Некоторые изделия экспонируются в российских и зарубежных музеях. Для их полной атрибуции необходима специальная научно-исследовательская программа. Новые поступления крайне редки. В данной статье рассматривается находка бронзового кайла (кирки) из фондов Муниципального бюджетного учреждения культуры «Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова» Административного муниципального округа Змеиногорского района Алтайского края. Приводятся уточненные параметры и результаты рентгенофлюоресцентного анализа, а также рассматриваются аналогии и возможности для культурно-хронологической идентификации.

Ключевые слова: Северо-Западный Алтай, музей, кайло, эпоха бронзы, аналогии, рентгенофлюоресцентный анализ, культурно-хронологическая идентификация

A METAL PICKAXE FROM AKINFY DEMIDOV MUSEUM OF THE HISTORY OF MINING DEVELOPMENT IN THE ZMEINOGORSK DISTRICT OF THE ALTAI REGION: X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS, CLOSE AND DISTANT ANALOGUES

A. A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

Northwestern Altai and its foothills are considered a territory, where copper-bearing and other ores were mined and processed in ancient and medieval times. However, for mining production, very few metal tools have been discovered. The history of their discovery is connected to the development of the region in the 18th century by Russian settlers and the construction of mines and factories on the initiative of Akinfy Demidov, which later became part of the imperial treasury. Some information about the finds of interest has already been published. There is information in archival funds, and it is still awaiting researchers. Some artifacts are exhibited in Russian and foreign museums. A special research program is needed for their full attribution. New acquisitions are extremely rare. This article examines the discovery of a bronze pickaxe (*kailo*) from the collections of the Municipal Budgetary Cultural Institution "Akinfy Demidov Museum of the History of Mining Development" in the Zmeinogorsk District of the Altai Region. Refined parameters and results of X-ray fluorescence analysis are presented; analogies and possibilities for cultural-chronological identification are examined.

Keywords: Northwestern Altai, museum, pickaxe, Bronze Age, analogues, X-ray fluorescence analysis, cultural-chronological identification.

Введение

Начальные этапы истории археологического изучения Алтая изложены в монографии М. А. Демина «Первооткрыватели древностей» [Демин, 1989]. Среди опубликованной информации имеются сведения об открытиях в XVIII в. рудно-поисковыми партиями «чудских» копей и остатков плавильных печей, а также о находках, связанных с горным

и металлургическим делом древних и средневековых обитателей – «литые медные инструменты и каменные молоты» [Демин, 1989, с. 14–21, 25–26 и др.]. В XIX в. продолжился процесс накопления таких данных. Стоит отметить деятельность Г. И. Спасского, который уделял внимание научному изучению археологических материалов. Он впервые опубликовал рисунки каменных и металлических

орудий «первобытных рудокопов и металлургов» [Демин, 1989, с. 42, рис. на с. 43], среди которых есть изображения топора и кайла. Особого внимания заслуживает не только эта иллюстрация с расшифровкой и указанием на находку керамического сопла, но и остальные сведения, представленные в статье «О чудских копьях в Сибири» [Спасский, 1819].

В одном из «чудских» медных приисков на территории западных предгорий Алтая были обнаружены четыре деревянных предмета, связанных с горнорудным делом. Известны их изображения [Демин, 1989, рис. на с. 62]. Крупный молот ныне хранится в Кунсткамере (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург), куда поступали и другие археологические находки из рассматриваемого региона. Там, в частности, находится бронзовое кайло длиной 22 см, найденное на Алтае «... в старой рудничной яме» [Левитский, 1941, с. 14, рис. 5]. Именно об аналогичном изделии речь пойдет в данной статье (рис. 1). Но прежде чем изложить полученные результаты изучения такого металлического орудия труда, которое хранится в фондах Муниципального бюджетного учреждения культуры «Музей истории развития горного производства имени Акинфия Демидова» Административного муниципального округа Змеиногорского района Алтайского края, стоит указать, что различные изделия для горнорудного производства были распространены гораздо шире [Гришин, 1980; Аванесова, 1991, с. 36–38, рис. X, рис 38; и др.]. Задачи исследователей заключаются в том, чтобы выявить такие артефакты, определить время их происхождения и территорию распространения, а также установить химический состав сплавов, из которых они отлиты, отметить технологию изготовления и следы использования. Стоит надеяться, что информация, публикуемая в данной статье, будет способствовать реализации указанных перспектив. Важно учитывать уже имеющийся опыт. Так, на территории Хакасии памятники горного дела и металлургии системно изучались Я.И. Сунчугашевым (1926–1996), которому посвящена Международная научная конфе-

ренция «Археология и этнография Южной Сибири: наследие, исследования, перспективы» (г. Абакан). Им опубликована серия научных трудов [Сунчугашев, 1975, 1979, 1993 и др.], которые не потеряли своей значимости и актуальности до сегодняшних дней. Имеются исследования и на других территориях, результаты которых будут частично отражены далее.

Основная часть

В 2004 г. в зоне русла р. Змеевки, которая протекает на территории г. Змеиногорска (Алтайский край), во время промывки отвалов породы для баритовой фабрики обнаружено древнее, сильно окислившееся, одностороннее кайло из цветного металла (рис. 1), которое, по всей видимости, являлось инструментом ударного типа для горнорудного дела.

В том же году находка была передана в Змеиногорский музей работником ООО «Добыча Стройсервис» А.А. Лыловым, а в 2006 г. опубликована [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, с. 47–48, рис. 3: 1, цв. вкл. V: 1]. В указанной статье дано описание изделия, отмечены его особенности, приведены иллюстрации и указана датировка (XV–XII вв. до н.э.), которая соотносится со временем существования андроновской культуры (историко-культурной общности). В процессе знакомства с ней оказалось, что приведенные параметры древнего орудия горнорудного производства отличаются от тех, которые указаны в музейной документации. Это касается как общих, так и детальных размеров, часть которых вообще нигде не отражена. В связи с этим, автором данной статьи был сделан запрос сотруднику музея А.Ю. Кондратенко, который произвел измерения с помощью штангенциркуля. В результате определена длина изделия (16 см) и его высота (6,8 см). Начало ударной части (бойка, шипа, зуба или рога) около внешнего окончания втулки оказалось шириной 3,29 см. Дальнейшие параметры имеют логичное уменьшение к окончанию: 2,56×2,48 см (после окончания загиба от втулки); 2,14×1,94 см (почти в центре); 1,66×1,11 см

Рис. 1. Бронзовое кайло. Фото автора.

(у конца перед закруглением). Форма сечения в центре бойка, длина которого составляет около 10 см, – подпрямоугольная, с закругленными углами. Основание втулки неровное, диаметры внешнего контура 5,78х4,31 см, а размеры овального отверстия (проушины) 3,65х2,93 см. Толщина боковых стенок внизу составляет с обеих сторон по 0,69 см. Верхняя часть втулки (обуха) оформлена в виде скошенной выемки. Диаметры овального отверстия – 3,65х3,04 см. Некоторое увеличение одного из таких параметров и указанная особенность формы верхней части втулки, по всей видимости, выполнены для прочного удержания деревянной рукояти путем возможного расклинивания и при учете существенной нагрузки во время систематических ударов по твердой поверхности. Для этого же боковые стенки ближе к верху сделаны немного толще (с одной стороны 0,74 см, а с другой 0,71 см). Верхний край обуха в одном месте сильно поврежден (рис. 1: 1). Скол свежий. Он, по всей видимости, образовался в ходе указанной производственной промывки в 2004 г. Тогда же, скорее всего, получены и другие имеющиеся поверхностные повреждения (рис. 1: 1–4). На обухе имеется слабо выраженный гребень (рис. 1: 2–3). Его назначение больше связано с укреплением этой части втулки до 1,26 см. В музее также имеются сведения о весе рассматриваемого орудия труда – 713 граммов.

С помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) с установленным карманным персональным компьютером непосредственно в музее автором статьи были осуществлены исследования для определения химического состава сплава, из которого изготовили кайло. Для получения необходимых количественных данных применялась компьютерная программа (с режимом «Аналитический»), адаптированная для изучения археологических находок из цветного металла. Время одного измерения составляло 30 секунд.

Сначала тестировался участок свежего слома на втулке (рис. 1: 3). Получены следую-

щие результаты: Cu (медь) – 98,64%; Sn (олово) – 0,68%; Pb (свинец) – 0,45%; Fe (железо) – 0,23%. Затем исследовалась верхняя поверхность бойка (рис. 1: 3), на которой оказались частично удалены окислы современным механическим воздействием. Прибором зафиксированы такие показатели: Cu – 97,93%; Pb – 1,1%; Sn – 0,72%; Zn – 0,25%. Перечисленные данные свидетельствуют о том, что основой сплава являлась медь (Cu), а заметное количество олова (Sn) и свинца (Pb) может указывать на наличие легирующих добавок, которые позволяют обозначать изученный металл в качестве бронзы. Выявленные такие элементы, как железо (Fe) и цинк (Zn), вероятно, являются остатками рудных примесей. Они характерны для медно-цинковых и полиметаллических месторождений Северо-Западного (Рудного) Алтая [Чекалин, 1999]. Кайло, по всей видимости, было изготовлено в двухсторонней форме. На это указывают следы неровного литейного шва, сохранившиеся на внешней части втулки (рис. 1: 2).

Обсуждение результатов

Общую форму одностороннего кайла из Змеиногорска можно определить как клювовидную по характерному загибу бойка, на котором видны следы древнего ударного использования (рис. 1: 1, 4). Изделие имеет внешнее сходство с так называемыми вислообушными топорами [Тишкин, Фролов, 2017]. Данный факт был отмечен авторами первой публикации змеиногорского кайла, где также указаны определенные отличия («... отсутствие валика на кромке проуха, на устье втулки и небольшие размеры «гребня»»), что послужило основанием для датировки XV–XII вв. до н.э., учитывая разработанную типологию топоров андроновского времени [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, с. 47–48]. На данном этапе стоит согласиться с этим заключением. Ранее высказанная идея о том, что вислообушные топоры могли использоваться в качестве инструментов для горнорудного производства, была дополнена подтверждением находок из горных разработок [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006,

с. 48]. Не стоит исключать, что топоры стали прототипом для изготовлений таких изделий, как одностороннее кайло, либо процессы их оформления происходили примерно параллельно. В качестве одного из доказательств данного предположения может быть приведена еще одна до сих пор неопубликованная находка Алтая. Кайло, судя по этикетке, с 1828 г. хранится в Горном Музее, который ныне является учебно-научным подразделением Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II. Благодаря официальному разрешению руководства музея, автору статьи удалось познакомиться с этим важным экспонатом, сделать измерения и краткие описания. На прикрепленной картонной бирке с печатью Императорского Русского Географического Общества указан номер 22, а на обратной стороне чернилами написано «Медное кайло из Алтайских Чудских копей». Общая длина изделия 26,1 см. Однако, это неполный размер. Дело в том, что на окончании бойка имеется косой спил размерами 1,3×1,1 см, который, по всей видимости, был давно сделан для взятия образца на анализ. В результате ударная часть сейчас имеет длину 18,8 см. Ширина ее у основания 3,4 см, в центре 2,6 см, ближе к краю 1,4 см. Внешние параметры втулки такие: 7,3×6,5 см. Размеры проушины вверху 4,5×2,7 см, а внизу 4,2×2,8 см. На обухе выделен гребень длиной 5,6 см. Он выступает на 1,2 см и имеет ширину до 1,2 см (в центре, у основания). Толщина сохранившейся стенки втулки 0,8 см. Другая сторона сильно повреждена. Вероятно, утраты появились при изготовлении (недолив). Изделие было сделано в двухсторонней форме, о чем свидетельствуют сохранившиеся местами следы литейного шва. Боек дополнительно проковывался, его сечение в центре представляет собой неровный многогранник. В одной из лабораторий Санкт-Петербургского горного университета удалось получить предварительные результаты химического анализа использовавшегося сплава. Окисленная и патинированная поверхность кайла исследовалась в разных местах. Полученные показатели отражают качественный состав. Но они позволяют уверен-

но указывать, что изделие бронзовое. Самым важным доказательством сосуществования этого рассматриваемого кайла и вислообушных топоров андроновского времени является характерный признак отливки, когда во внутренней стенке обуха фиксируется воронкообразное углубление [Тишкин, Фролов, 2017, *рис. 2: 6–7; 4: 6; 6: 7–8*]. Стоит отметить, что рассматриваемый экспонат из Горного музея не имеет валиков.

Заключение

Очередная находка в Змеиногорске орудия древнего горнорудного дела эпохи бронзы дополняет имеющиеся сведения и позволяет расширить поиск аналогичных археологических материалов для их дальнейшего детального изучения. Некоторые такие изделия, связанные с памятниками Средней Азии и Семиречья, уже отмечались исследователями [Литвинский, 1961, *рис. 31*; Аванесова, 1991, *рис. 11: 19*; и др.]. К этому стоит добавить артефакты, обнаруженные на территории Синьцзяна (Китай), а также залежавшийся экспонат из Горного музея. Необходимо обобщение хорошо известных и других древних металлических предметов, связанных с горнорудным производством в эпоху бронзы. Такая задача является сложной, но вполне реализуемой. В этом процессе важен единый подход при морфологическом и типологическом анализе, а также отражение имеющегося археологического контекста, получение определений химического состава использовавшихся сплавов и трасологических заключений об изготовлении и использовании орудий. Имеются перспективы при работе с музейными и архивными материалами. Стоит надеяться, что данная публикация позволит стимулировать к реализации обозначенной программы.

В заключение необходимо отметить, что представленные результаты исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяй-

ства», проект №22–18–00470-П, <https://rscf.ru/project/22–18–00470/>.

Литература

- Аванесова Н. А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
- Демин М. А.** Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. книж. изд-во, 1989. 120 с.
- Гришин Ю. С.** Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980. 134 с.
- Киришин Ю. Ф., Шульга П. И., Грушин С. П.** Случайные находки бронзовых предметов в Северно-Западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 45–53.
- Левитский Л. П.** О древних рудниках (В помощь первооткрывателю). М.; Л.: Госгеолитиздат, 1941. 56 с.: ил., карт. (Научно-популярная серия по геологии).
- Литвинский Б. А.** О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Известия Академии наук ТаджССР. 1961. Вып. №1 (14). С. 59–66
- Спасский Г. И.** О чудских копях в Сибири // Сибирский вестник. 1819. Т. IV, ч. 7. С. 124–143.
- Сунчугашев Я. И.** Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975. 174 с.: ил.
- Сунчугашев Я. И.** Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 192 с.
- Сунчугашев Я. И.** Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан: Хакасское книж. изд-во, 1993. 112 с.
- Тишкин А. А., Фролов Я. В.** Топоры эпохи бронзы с территории лесостепного Алтая // Археология, антропология и этнография Евразии. 2015. Т. 45. №2. С. 87–96.
- Чекалин В. М.** Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). 2-е изд. Барнаул: Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 9–21.

УДК 903.02 (571.150) «6373»

ТИГЕЛЬ ПЕРИОДА РАННЕЙ БРОНЗЫ ИЗ РАЗРУШЕННОГО ПОГРЕБЕНИЯ ЕЛУНИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКЕ МОРОЗОВ ЛОГ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

А. А. Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; ORCID: 0000–0002–7769–136X

В статье рассматривается ранее опубликованная находка «каменной ступочки» из разрушенного погребения на памятнике, который получил обозначение «Морозов Лог» по названию урочища около села Бураново в Калманском районе Алтайского края (Россия). Этот археологический объект относится к елунинской культуре периода ранней бронзы на основании обнаруженных крупных наконечников стрел из камня и кости, а также исходя из общего контекста сведений, зафиксированных барнаульским историком и археологом Алексеем Павловичем Уманским в начале 1960-х годов. В настоящее время артефакты хранятся в Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул). Автором статьи с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра было предпринято исследование поврежденной «каменной ступочки». В результате сделан вывод, что это тигель. Об этом также свидетельствует восстанавливаемая форма изделия.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Морозов Лог, период ранней бронзы, елунинская культура, рентгенофлуоресцентный анализ, тигель

THE EARLY BRONZE AGE CRUCIBLE FROM A DESTROYED BURIAL OF THE YELUNINO CULTURE AT MOROZOV LOG SITE IN THE ALTAI REGION

A. A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia; ORCID: 0000–0002–7769–136X

The article examines a previously published find of a "stone mortar" from a destroyed burial at a site designated "Morozov Log" after the name of the tract near Buranovo village in the Kalmanka District of the Altai Region (Russia). This archaeological item belongs to the Yelunino culture of the Early Bronze Age, according to the discovery of large stone and bone arrowheads, as well as the general context of information recorded by the Barnaul historian and archaeologist Aleksei Pavlovich Umansky in the early 1960s. Currently, the artifacts are stored in the Altai State Museum of Local Lore (Barnaul). The author of the article, using a portable X-ray fluorescence spectrometer, carried out a study of the damaged "stone mortar". As a result, it is concluded that this is a crucible. This is also evidenced by the restorable shape of the artefact.

Keywords: Upper Ob Region, Morozov Log, Early Bronze Age, Yelunino culture, X-ray fluorescence analysis, crucible.

Введение

В научных исследованиях и опубликованных трудах Якова Ивановича Сунчугашева (1926–1996), которому посвящена международная конференция «Археология и этнография Южной Сибири: наследие, исследования, перспективы» (г. Абакан), нашли отражение разработки сложных археологических тем, связанных с изучением и реконструкцией горнорудного дела и металлургического производства на территории Южной Сибири от эпохи бронзы до Средневековья. Полученные результаты до сих пор остаются актуальными и являются определенной основой для реализации комплексных программ с использованием современных методов и приборов. Постоянный возврат к предыдущим находкам и их осмысливание на новом уровне является обычной исследовательской практикой, что нашло отражение во многих публикациях. Целью данной статьи стал урочище Морозов Лог рассмотрение уже ранее известного изделия, которое оказалось, связано с выплавкой меди в период ранней бронзы. Речь пойдет о маленькой емкости, обнаруженной весной 1961 г. в урочище Морозов Лог, неподалеку от юго-восточной окраины с. Бураново в Калманском районе Алтайского края.

Ученик местной школы в обрыве расширяющего оврага обнаружил человеческие кости, а также «каменную ступочку» и наконечники стрел. Указанное место обследовал известный барнаульский историк и археолог А.П. Уманский, который опубликовал полученные материалы [Радовская, Радовский, 2023, с. 71–72]. В его статье указано, что «... Морозов Лог – это глубокий овраг в 0,5 км выше села, прорезающий всю верхнюю террасу левого берега Оби; яма, где найдены вещи и кости человека, – могила глубиной

не более 1 м, ориентированная по линии ЮЗ–СВ...» [Уманский, 1992, с. 18]. Кроме этого, дано описание двух каменных и семи костяных наконечников, а также «плоскодонной ступочки» [Уманский, 1992, с. 18–19, рис. 1 на стр. 166], которая стала предметом дополнительного изучения и будет представлена в данном сообщении. Перед тем как это сделать, стоит изложить опубликованное описание интересующей нас находки: «... из мягкого камня типа мергеля, полуовальная как в продольном, так и в поперечном сечении, размерами 7,5х3,3–4,1 см при высоте 4–5,2 см. Поверхность ступочки залощена и задымлена с одного бока. Часть боковины с венчиком утрачена» [Уманский, 1992, с. 19]. Первоначально эта находка была датирована поздним энеолитом и предположительно связывалась с окуневской культурой. Но затем (после обзора имеющих аналогичных материалов на ближайших территориях) А.П. Уманский [1992, с. 22–24] пришел к важному выводу о том, что погребение из Морозова Лога может относиться к доандроновскому времени (в пределах XX–XVI вв. до н.э.) и к особой археологической культуре, которая синхронна окуневской, самусьской и кротовской. Приведенная информация стала основой для дальнейшей исследовательской работы.

Основная часть

В настоящее время все вещественные находки из Морозова Лога хранятся в Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул), номер коллекции основного фонда 11197. Имеется описание упомянутого сосуда. Указывается, что он каменный и представляет собой небольшую плоскую подпрямоугольно-овальной в плане формы с четырьмя гранями. Одна

из торцовых стенок имеет утолщение и ее край отбит. Кроме этого, отражена техника изготовления (резьба, шлифовка), дана датировка (XXIII–XVIII вв. до н.э.) и обозначен археологический памятник (грунтовый могильник Морозов Лог). В Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации дополнительно указаны размеры предмета (4,6х7х4 см) и его номер по Книге поступлений (АГКМ ОФ 11197/10), а также размещено не очень качественное фото общего вида древнего изделия [<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=46063235>].

При непосредственной работе с музейным предметом (рис. 1) с помощью электронного штангенциркуля удалось уточнить его внешние параметры: длина – 7,26 см, ширина – 4,16 см, высота – от 4,41 до 4,8 см. Толщина вертикальных стенок разная: от 0,4 до 1,3 см. Размеры контура

дна (со следами использования) следующие: 5,7х3,15 см. Сосуд имеет вышеуказанные утраты. Он был склеен из собранных обломков (рис. 1).

Автора данной статьи привлекли внимание не только необычная форма найденной емкости, но и указание А. П. Уманского на то, что «ступочка» побывала в огне. Эти обстоятельства способствовали обозначению предположения, что был найден тигель, который имел соответствующую ручку (она как раз оказалась сломанной при прежнем очевидном наличии). Для доказательства указанного соображения необходимо было выполнить специальный анализ. С помощью портативного рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) с карманным персональным компьютером (КПК) непосредственно в музее 30 ноября

Рис. 1. Грунтовый могильник Морозов Лог. Каменный (?) тигель (виды разных сторон). Фото С. В. Семенова

2023 г. было осуществлено запланированное тестирование. Указанный прибор неразрушающего действия определяет содержание химических элементов в изделиях из цветных металлов и сплавов. Для получения данных применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для тестирования археологических находок. Время одного измерения составляло 30 секунд.

Сначала дважды в двух разных местах тестировалась внутренняя темная поверхность дна сосуда. В одном случае прибор выявил присутствие меди (Cu – 66,79 %) и железа (Fe – 33,21 %, а в другом – наличие меди (52,38 %), железа (43,04 %) и никеля (Ni – 4,58 %). Эти показатели рентгенофлуоресцентного анализа, прежде всего, свидетельствуют о наличии меди в достаточном количестве, чтобы утверждать, что в ней плавил медь в тигле. Для сравнения прибором исследовалась внешняя поверхность сосуда в других разных местах. Полученные результаты указывали на то, что емкость была специально сделана из огнеупорного материала, который на более чем 90 % состоит из легких химических элементов (LE). На ней также в пределах чувствительности прибора выявлено присутствие меди (Cu), следы марганца (Mn), хрома (Cr), цинка (Zn) и никеля (Ni). Во всех случаях отмечается заметное содержание железа (Fe – от 4 до 6,5 %). Эти данные в определенной мере указывают на существенную разницу с результатами первых двух тестов. Стоит заметить, что на появление некоторых выявленных химических элементов могли повлиять остатки клея, использованного для восстановления формы емкости.

Обсуждение результатов

Археологические памятники, исследованные на территории южной части Обь-Иртышского междуречья и датируемые периодом ранней бронзы, в настоящее время относятся к елунинской культуре [Киришин, 2002, с. 82–88]. При раскопках двух базовых поселений Колыванское-I и Березовая Лука обнаружены различные свидетельства

бронзолитейного производства, а также наконечники стрел, аналогичные тем, которые происходят из погребения, разрушенного оврагом в урочище Морозов Лог [Алехин, 1999; Киришин, Малолетко, Тишкин, 2005; Киришин, Грушин, Тишкин, 2011; Грушин, 2015; и др.]. Найдены фрагменты металлургических тиглей и льячек [Грушин, Тишкин, Чжан, 2016, с. 93]. Продемонстрированная находка (рис. 1) является дополнением к этим сведениям. Стоит также отметить наличие аналогичных керамических приспособлений того же периода в Барабе [Дураков, Мыльников, 2021, с. 70–73]. Особенно важными являются результаты исследования непогребенного «погребения литейщика» на могильнике Сопка-2, где среди комплекса предметов зафиксированы три целых тигля и обломки четвертого [Молодин, 1983; Молодин, Гришин, 2016; Молодин, Волков, Дураков, 2023, с. 60, *рис. 6: 1–3*; и др.]. Эти и другие свидетельства указывают на распространение бронзолитейного производства к северу от Алтая, являвшегося рудной базой [см., например: Чекалин, 1999] для населения, проживавшего в степных и лесостепных зонах Обь-Иртышского междуречья в период ранней бронзы.

Заключение

Таким образом, дополнительное изучение одной из находок из погребения на памятнике Морозов Лог позволили идентифицировать ее в качестве тигля, в котором плавил медь. Этому способствовали результаты рентгенофлуоресцентного анализа, а также восстанавливаемая форма изделия. Обнаруженные археологические материалы и зафиксированные сведения позволяют соотнести выявленный памятник с кругом некрополей елунинской археологической культуры, которые обнаружены и исследованы на левом берегу Оби [Киришин, 2002; Киришин, Грушин, Тишкин, 2003; и др.]. В настоящее время хронологический период указанной культуры определяется серией радиоуглеродных дат в рамках XXII–XVIII вв. до н.э. [Киришин, Грушин, Папин, 2009, с. 121–122]. Для более

точной датировки погребения из Морозова Лога необходимо осуществить AMS-датирование. Материал, из которого был сделан тигель, также требует профессионального изучения. Дополнительные сведения могут быть получены в ходе трасологических исследований. Обозначенные дальнейшие планы позволят расширить информационное поле для последующих интерпретаций и обобщений результатов бронзолитейного производства на юге Западной Сибири. В заключение следует также указать, что проделанная научно-исследовательская работа была выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания, проект FZMW-2026–0008.

Литература

- Алехин Ю. П.** Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). 2-е изд. Барнаул: Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 22–67.
- Грушин С. П.** Итоги и перспективы исследования поселения Колыванское-I в Рудном Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 2 (12). С. 40–51.
- Грушин С. П., Тишкин А. А., Чжан Л.** Результаты изучения металлических находок с поселения Колыванское-I (северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 3 (15). С. 90–101.
- Киришин Ю. Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.
- Киришин Ю. Ф., Грушин С. П., Папин Д. В.** Радиоуглеродная хронология памятников эпохи раннего металла Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 120–124.
- Киришин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А.** Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.
- Киришин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А.** Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 171 с.
- Киришин Ю. Ф., Малолетко А. М., Тишкин А. А.** Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 288 с.
- Молодин В. И.** Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1983. С. 96–109.
- Молодин В. И., Волков П. В., Дураков И. А.** Функционально-технологический анализ артефактов из «погребения литейщика» могильника Сопка-2 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 7: Археология и этнография. С. 49–65. DOI 10.25205/1818–7919–2023–22–7-49–65
- Молодин В. И., Гришин А. Е.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4 Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. 452 с.+ 2 вкл.
- Радовская Е. А., Радовский С. С.** Вклад Алексея Павловича Уманского в формирование археологического собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2023 г.: Вып. 18. Барнаул: АлтГПУ, 2023. С. 69–76. DOI 10.37386/2687–0584–2023–69-
- Уманский А. П.** Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: БГПИ, 1992. С. 18–27.
- Чекалин В. М.** Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-барито-полиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). 2-е изд. Барнаул: Издание управления архивного дела администрации Алтайского края, 2003. С. 9–21.

СТОЯНКА ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ТУРИСТ-2

Н. В. Басова^а, А. В. Постнов^б

^{а, б}*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия*

^аORCID: 0000–0002–6539–5766; ^бORCID: 0000–0001–7853–0501

В статье представлены новые материалы ирменской культуры, обнаруженные на территории поселения Турист-2 в черте города Новосибирска. В результате работ 2017 года на площади памятника выявлено жилище и культурный слой ирменской археологической культуры. Находки представлены археологически целыми глиняными сосудами, фрагментами керамики, предметами из бронзы и кости (бляшка-пуговица, браслет, шило в костяной оправе). С помощью методов реконструкции, типологии, аналогии (конструкция жилища, предметный комплекс) удалось установить, что памятник ирменской культуры представлял собой сезонную стоянку. Бронзовый инвентарь стоянки типичен для памятников ирменской культуры, а керамический комплекс является важным культурно-диагностирующим признаком, позволяющим отличать ирменские памятники от синхронных культур Западной Сибири. Структурно-геоморфологический метод был использован при изучении стратиграфических колонок памятника. В результате было зафиксировано сейсмическое событие – эпизод одноразового резкого затопления территории памятника, связанный с землетрясением, которое резким толчком вытолкнуло большую массу воды из р. Оби, поднявшую каменные глыбы гранитного массива и при отступании «выложило» их на один уровень, захватив с собой часть археологического материала. Хронология этого геологического события полностью соответствует эпохе бронзы, поскольку и под сейсмодерупцией в виде цунами, и над ним из находок преобладают предметы ирменской культуры с характерным орнаментом керамики (XII – первая половина VIII в. до н.э.).

Ключевые слова: ирменская культура, эпоха бронзы, керамика, сосуд, орнамент.

THE IRMEN CULTURE SITE AT TURIST-2 SETTLEMENT

N. V. Basova^а, A. V. Postnov^б

^{а, б}*Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;*

This article presents new materials on the Irmen culture discovered in the territory of Turist-2 settlement within the city limits of Novosibirsk. As a result of the excavations 2017, a dwelling and a cultural layer belonging to the Irmen archaeological culture were identified at the site. The finds include intact ceramic vessels, ceramic fragments, and items made of bronze and bone (a plaque-button, a bracelet, an awl with a bone handle). Using methods of reconstruction, typology, and analogy (concerning dwelling construction and the assemblage of artifacts), it is established that the Irmen culture site represents a seasonal camp. The bronze inventory of this site is typical for Irmen culture sites, while the ceramic assemblage serves as an important cultural-diagnostic feature, distinguishing Irmen sites from synchronous cultures of western Siberia. A structural-geomorphological method was employed to study the stratigraphic columns of the site. As a result, a seismic event was documented – an episode of a one-time, rapid flooding of the site area, associated with an earthquake that, by a sudden shock, displaced a large mass of water from the Ob River. This water lifted granite boulders and, as it receded, “deposited” them at a single level, carrying away part of the archaeological material. The chronology of this geological event fully corresponds to the Bronze Age, since both beneath and above the seismodisruption (in the form of tsunami deposits), the finds are predominantly Irmen culture items with characteristic ceramic ornamentation (the 12th – first half of the 8th century BC).

Keywords: Irmen culture, Bronze Age, ceramic, vessel, ornament.

Введение

Поселение Турист-2 было расположено на возвышении надпойменной террасы правого берега р. Обь, в 200 м на север от нижней изголови о. Высокий, в 1,3 км севернее устья р. Иня (или Бугринского моста в Октябрьском районе г. Новосибирск). По устным сообщениям археологов г. Новосибирска поселение Турист-2 было обнаружено Е. А. Сидоровым.

Первые археологические раскопки на территории памятника проведены С. Г. Росляковым [Молодин и др., 1993, с. 6]. В 2005 г. археологическую разведку на памятнике проводил С. В. Колонцов. В 2017 г. под руководством Н. В. Басовой памятник исследован полностью [Басова и др., 2017]. В ходе охранно-спасательных работ 2017 г. на площади памятника были выявлены разные типы археологических объектов: могильник и поселенческий

комплекс. Несмотря на то, что поселенческий комплекс имел распространение на всей площади памятника, наиболее выражен он в юго-западной части, где обнаружено жилище ирменской археологической культуры.

Основная часть

На площади раскопа зафиксировано жилище, относящееся к ирменской археологической культуре, а также совокупность хозяйственных ям. Жилище имеет правильную подчетырехугольную форму. Площадь жилища составляет 168 кв.м. Котлован жилища углублен в материк на 0,3–0,4 м, пол жилища был с небольшим понижением в западном направлении, что могло быть связано с естественным рельефом или с особенностями дренажа. Ямы для опорных столбов располагались по периметру вдоль внутренней кромки камеры и в центре. Крупные ямы имели наклонные стенки, что указывает на установку основных наклонных опор. Меньшие ямы были с прямыми стенками – для вертикальных стоек. Сочетание наклонных и вертикальных опор позволяет предположить, что жилище имело конусовидную форму конструкции. Большие столбы формировали каркас, а меньшие, обеспечивая устойчивость, поддерживали всю конструкцию. В центре жилища обнаружена яма размером 1×0,9 м и глубиной 0,83 м, заполненная костями животных и фрагментами керамики. Это указывает на использование жилища для хозяйственных нужд: для хранения запасов или утилизации отходов. В жилище не найдено очажного устройства. Это позволяет предположить, что постройка была сезонной и использовалась только в тёплое время года, когда постоянный обогрев не требовался.

На площади жилища и в межжилищном пространстве обнаружены археологически целые керамические сосуды. Ниже приведем их описание.

1. Позднеирменский сосуд с красноозерским влиянием (переходное время от бронзового к железному веку) (рис. 1: 1). Археологически целый сосуд, найден в жилище. Крупный горшок с выраженной шейкой.

Нижняя часть венчика украшена одним рядом оттисков подтреугольной гладкой лопаточки. Далее по шейке, под венчиком, нанесен своеобразный разделительный пояс в виде линии с рядом «жемчужин». Внутренняя и внешняя стороны сосуда несут следы затирки. Остальной декор выполнен отступающими наколами подтреугольной гладкой лопаточкой. Он располагается тремя горизонтальными линиями на тулове сосуда. Тесто имеет темно-серый цвет. Внешняя сторона изделия – светло-коричневая, внутренняя сторона – темная от нагара. Дно плоское, диаметр дна – 13,5 см. Высота сосуда 45 см, диаметр по тулову составляет примерно 33 см.

2. Горшок с выраженной шейкой без дна (рис. 1: 2) был обнаружен в жилище. Венчик изделия декорирован оттисками подтреугольной гладкой лопаточки в три горизонтальных ряда. По шейке проходит один ряд «жемчужин». В центральной части тулова расположено пять горизонтальных рядов оттисков зубчатого штампа. Цвет горшка неравномерный, в основном серый, местами – коричневый. В тесте примесь дробленого кварца. С внутренней стороны сосуда имеется нагар. Диаметр по венчику – 24 см, диаметр по тулову – 25,5 см. Высота имеющейся части сосуда составляет 19,5 см, толщина стенок – 0,6 см.

3. В жилище зафиксированы фрагменты керамики, после склейки которых собралось дно и придонная часть тулова со скудным орнаментом из насечек (рис. 1: 3). С внешней и внутренней стороны стенки сосуда имеют следы заглаживания. С внутренней стороны сосуда есть нагар. Внешняя сторона имеет светло-коричневый цвет, местами до бурого. Тесто грубое с примесью дробленого кварца. Дно плоское, диаметром 13,5 см. Высота имеющейся части сосуда составляет 12 см.

Кроме археологически целых сосудов и реконструируемых частей сосудов на площади жилища зафиксированы фрагменты керамики от разных частей изделия (рис. 1: 4).

В центральной части жилища найден проволочный бронзовый браслет овальной формы (рис. 1: 7). Длина изделия – 6,3 см, ширина 4,5 см. Диаметр сечения 0,3 см. Сечение круглое.

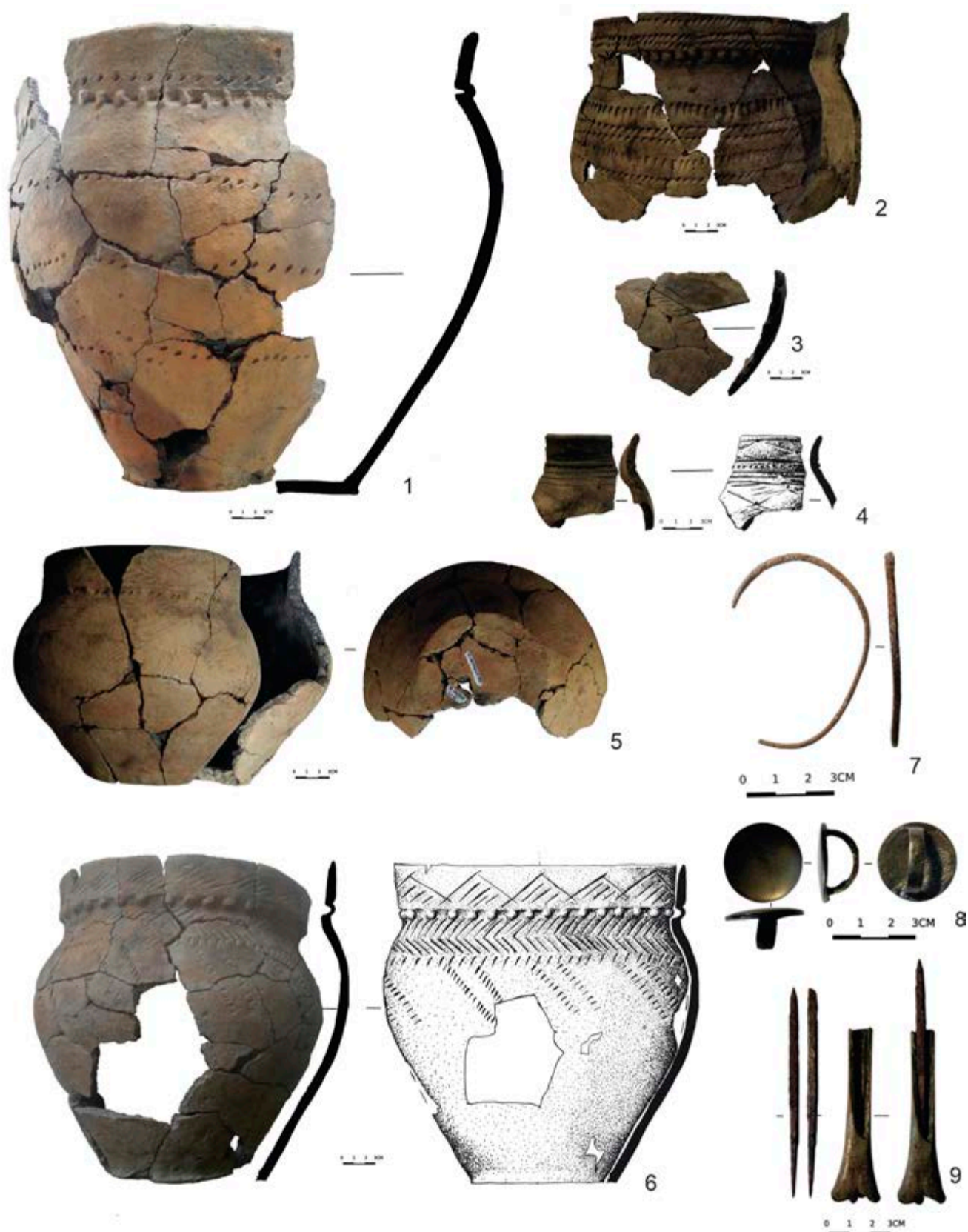

Рис. 1. Находки ирменской культуры на поселении Турист-2.

1, 2, 5, 6 – археологически целые сосуды, 3 – склеенная часть сосуда, 4 – фрагмент керамики, 7 – бронзовый браслет, 8 – бронзовая бляшка, пуговица, 9 – бронзовый шило в костяной оправе.
 Фото Н. В. Басовой, рисунки Р. Б. Кадачинова

В юго-восточной части памятника был найден еще один археологически целый сосуд ирменской культуры. Он представлял собой горшок с выраженной шейкой (рис. 1: 5). Венчик сосуда орнаментирован рядом равнобедренных штрихованных треугольников. По шейке проходит каннелюр, на котором расположен ряд «жемчужин». Далее идут два ряда линий, расположенных диагонально, образующих горизонтальную линию плотно расположенных друг к другу уголков. Далее расположен ряд клиновидных вдавлений. Остальная часть сосуда, включая дно, неорнаментирована. Цвет сосуда в основном серый, но местами есть бурые пятна. Дно плоское. Диаметр дна – 10 см, диаметр по тулову – 25,5 см, по венчику – 19,5 см. Стенка сосуда составляет 0,5 см, высота сосуда – 21,5 см.

Примерно в 10 м к востоку от жилища найден сосуд с выраженной шейкой (рис. 1: 6). Венчик сосуда декорирован двумя рядами равнобедренных штрихованных треугольников. Верхний ряд треугольников расположен вершиной вниз, нижний – вершиной вверх, а между треугольниками проходит зигзагообразная полоса. Далее по шейке расположен ряд «жемчужин», под которым нанесено два ряда параллельных, горизонтальных, штрихованных линий. От этих линий по тулову диагонально справа налево спускаются вертикально штрихованные параллельные короткие линии. Цвет сосуда с внешней стороны – коричневый, с внутренней – темно-серый. В тесте наблюдается примесь дробленого кварца. Дно плоское. Диаметр дна 11,5 см, диаметр по венчику – 20,5 см, диаметр по тулову составляет 26 см. Высота сосуда – 17,5 см, толщина стенки – 1 см.

В юго-восточной части памятника зафиксирована круглая бронзовая бляшка-пуговица с крупным ушком-дужкой, прикрепленным к внутренней стороне изделия (рис. 1: 8). Диаметр лицевой части (бляшки) – 2,7 см, толщина бляшки – 0,2 см, толщина дужки – 0,1 см. Недалеко от бляшки обнаружено бронзовое шило в костяной оправе (рис. 1: 9). Шило размерами 11,3 см в длину, 0,7 см в ширину, сечение круглое, диаметром 0,4 см. Костяная втулка длиной 9,3 см, шири-

ной 0,7 см, диаметром 1 см. Данные металлические предметы также принадлежали носителям ирменской культуры.

Обсуждение результатов

Интересная и, на первый взгляд, необъяснимая ситуация открылась при раскопках юго-западной части памятника. Под гигантскими гранитными глыбами, на глубине от 1,5 до 2,4 м от погребенной дневной поверхности в большом количестве были зафиксированы находки ирменской культуры и часть костяка, очевидно, относящегося к могильнику раннебронзового времени, обнаруженному в центральной части памятника (кости были окрашены охрой, как у погребенных данного могильника). Благодаря совместной работе со специалистами по четвертичной геологии и неотектонике, изучению стратиграфической колонки в данном месте раскопа, удалось установить событие, произошедшее в эпоху бронзы. Это эпизод одноразового резкого затопления территории памятника, связанный с землетрясением, которое резким толчком выплеснуло большую массу воды из р. Оби, поднявшую каменные глыбы гранитного массива и при отступании «выложило» их на один уровень, захватив с собой часть находок ирменского времени (керамику, каменные артефакты, кость, которые оказались «забиты» в промежутки между глыбами) и часть костяка могильника. Хронология этого геологического события полностью соответствует эпохе бронзы, поскольку и под сейсмодерупцией в виде цунамилов, и над ним из находок преобладают предметы ирменской культуры с характерным орнаментом керамики (XII – первая половина VIII в. до н. э.).

Судя по конструкции ирменского жилища, можно предположить, что оно представляло собой лёгкую сезонную постройку с конусовидным каркасом, предназначенную для временного проживания или хозяйственных нужд в благоприятный период года. Инвентарь, обнаруженный в жилище, представлен бытовой керамикой. Это плоскодонные и круглодонные горшки с резной, штампованной и рельефной техникой деко-

рирования. На многих фрагментах керамики имеется нагар, который свидетельствует о том, что в этих сосудах готовили пищу. Кроме посуды инвентарь представлен бронзовым проволочным браслетом, бляшкой-пуговицей, бронзовым шилом в костяной оправе. Браслет и бляшка входят в число наиболее массовых категорий бронзовых украшений ирменской культуры. Подобные бляшки известны в материалах курганного могильника Журавлево-4 [История..., 2022, рис. 10, с. 473]. Также известно, что браслеты и бляшки-пуговицы могли служить предметами жертвоприношения. Они использовались в сопроводительных ритуальных мероприятиях при погребальной церемонии. Об этом факте свидетельствуют находки данных предметов в насыпях курганов [Новикова и др., 2015, с. 134]. В число предметов быта входит бронзовое шило в костяной оправе, где костяная рукоять должна была обеспечивать удобство в использовании и надежное удержание инструмента.

Заключение

Очевидно, что данный памятник ирменской культуры представлял собой сезонную стоянку, о чем свидетельствует конструкция жилища. Бронзовый инвентарь (шило, браслет, бляшка-пуговица) является типичным для памятников ирменской культуры. Керамический комплекс, представленный археологически целыми сосудами и фрагментами керамики, является важным культурно-диагностирующим признаком, позволяющим отличать ирменские памятники от синхронных культур Западной Сибири.

В ходе исследований удалось установить сейсмическое событие, которое оказало негативное влияние на памятник. Не исключено, что часть предметов с поселения и могильника была смыта водами р. Обь. Поскольку находки ирменской культуры преобладают как под, так и над слоем сейсмодерупции, хронология этого события соответствует эпо-

хе бронзы. Артефакты, найденные в этом контексте, не только свидетельствуют о быте ирменцев, но и о сложных природных событиях, которые повлияли на их жизнь. Это открытие подчеркивает важность междисциплинарного подхода в археологии, где геологические и археологические данные позволяют восстановить картину прошлого.

Финансирование

Работа выполнена в рамках проекта НИР FWZG-2025–0012 «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии».

Список литературы

- Басова Н.В., Постнов А.В., Нестеркина А.Л., Ахметов В.В., Морозов А.А.** Результаты охранно-спасательных раскопок на Поселении Турист-2 в городе Новосибирске в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 15–18.
- История Сибири:** в 4 томах / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российская академия наук, Сибирское отделение, Институт археологии и этнографии, Институт истории, Российское историческое общество. Новосибирск. Т. 1: Каменный и бронзовый век / С.В. Алкин, А.Н. Алексеев, И.В. Асеев [и др.]; ответственный редактор М.В. Шуньков, 2022. 660 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В.** Археологические памятники города Новосибирска // Материалы «Свода памятников истории и культуры России». Новосибирск: ВО «Наука», Сиб. издат. Фирма, 1993. Вып. № 1. 33 с.
- Новикова О.И., Дудко А.А.** Ритуальные комплексы на курганных могильниках ирменской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. Т. 6. Вып. 2. С. 131–135.

ФИТОЛИТЫ ЗЛАКОВ – ПОТЕНЦИАЛ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ ДВУХ МОРФОТИПОВ

М. Ю. Соломонова^а, Н. Ю. Сперанская^б,

^{а, б} *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия:*

^а *ORCID: 0000–0002–4154–6048; ^б ORCID: 0000–0003–0036–3760*

Представленное исследование посвящено перспективам изучения происхождения и истории древнего земледелия зерновых злаковых культур с помощью фитолиитного анализа. Особенности растительности юга Западной Сибири и фитолиитного состава некоторых диких злаков затрудняют идентификацию культурных видов для региона. Статья приводит данные морфометрии двух морфотипов фитолиитов: *ELONGATE DENDRITIC* у двух диких видов житняка и *CRENATE* у видов рода овес. Полученные данные указывают на то, что *ELONGATE DENDRITIC* в качестве индикатора зерновых культур стоит использовать с осторожностью и с дополнительными методами верификации, так как некоторые дикие виды образуют близкий по форме и размерам морфотип. *CRENATE* фитолииты овса обладают значительно большими размерами по сравнению с таксономически близкими дикими видами. Наиболее крупные формы *CRENATE* овса посевного (*Avena sativa*) могут служить идентификатором древнего земледелия на территории юга Западной Сибири и сопредельных регионов.

Ключевые слова: житняк, земледелие, фитолииты злаков, овес, овес посевной.

GRASSES PHYTOLITHS – POTENTIAL FOR RECONSTRUCTING ANCIENT AGRICULTURE IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA BASED ON THE EXAMPLE OF TWO MORPHOTYPES

М. Yu. Solomonova^а, N. Yu. Speranskaya^б

^{а, б} *Altai State University, Barnaul, Russia; a ORCID: 0000–0002–4154–6048; b ORCID: 0000–0003–0036–3760*

This study is devoted to the prospects of investigating the origin and history of ancient cereal agriculture through phytolith analysis. The vegetation characteristics of the southern part of western Siberia and the phytolith composition of some wild grasses complicate the identification of cultivated species in the region. The article presents morphometric data on two phytolith morphotypes: *Elongate Dendritic*, observed in two wild species of crested wheatgrass (*Agropyron*), and *Crenate*, observed in species of the genus oat (*Avena*). The obtained data indicate that *Elongate Dendritic* should be used as an indicator of cultivated grasses with caution and in conjunction with additional verification methods, as some wild species produce a morphotype similar in shape and size. *Crenate* phytoliths of oat have significantly larger dimensions compared to taxonomically related wild species. The largest forms of *Crenate* phytoliths from cultivated oats (*Avena sativa*) may serve as an identifier of ancient agriculture in the territory of the south of western Siberia and adjacent regions.

Keywords: *Agropyron*, agriculture, grasses phytoliths, *Avena sativa*, cultivated oat.

Введение

Палеоботанические методы исследования находят широкое применение в археологических реконструкциях прошлого человечества. Долгую историю применения имеет палинологический метод (изучение спор и пыльцы), который позволяет реконструировать условия обитания древнего человека от климата до особенностей растительности [Федорова, 1965; Сафарова, 1973; Матвеева, Рябогина, 2017]. Еще одним важным методом является карпологи́ческий анализ (исследование плодов и семян), который помимо локальной экологической обстановки мест поселений, может дать интересную информацию об ис-

пользовании человеком растений в древности [Альслебен, 2009; Нигматова, Байтонаев 2019]. Более молодым, но имеющим широкие возможности, является фитолиитный анализ.

Фитолииты – кремниевые образования, формирующиеся в разнообразных структурах растений [Айлер Ч1, 1982; Айлер Ч2, 1982; Эсау, 1969]. Попадая с опадом в почву они формируют фитолиитный профиль, характеристики которого могут быть использованы как для решения различных вопросов почвоведения [Гаврилов, Гольева 2014; Гаврилов 2016; Гольева, 1995, 2001], так и для реконструкций палеосреды [Гольева, 1995, 2001; Киселева, 2006; Blinnikov et al., 2001]. В археологии

фитолитные комплексы позволяют выявить особенности локальной растительности, произрастающей на местах древних поселений [Гольева, 2001; Кирюшин и др., 2014], а также историю использования растений людьми. Благодаря специфичности фитолитов установлены временные рамки введения в культуру некоторых растений [Larson et al., 2014]; состав древнего пива [Wang et al., 2016]; способ производства первого текстильного материала [Zhang et al., 2016]; изменения систем землепользования [Verdin et al., 2001].

Возможности и проблемы в реконструкциях древнего земледелия на территории юга Западной Сибири

Одним из важных вопросов в археологии является возникновение древнего земледелия и фитолитный анализ имеет широкие возможности для исследований этого направления. Наиболее специфичными являются внутри-клеточные фитолиты однодольных растений, к которым относятся злаковые зерновые культуры. Существует ряд морфотипов, которые рекомендуются для изучения особенностей древнего земледелия: CROSS (CRO) и BILVATE (BIL), RONDEL (RON), BULLIFORM (BUL), ELONGATE DENDRITIC (ELO_DEN), PAPILLATE (PAP) [Гальцова, Сперанская, 2013; Гольева, 2001, 2023; Ball et al., 1999; Out, Madella 2016; Wang et al., 2019; Yost et al., 2021, Zhijun et al., 1998]. Здесь и далее название фитолитов даны согласно ICPN 2.0 [Neumann et al., 2019].

Часто для определения принадлежности фитолита к культурным видам используется морфометрия [Ball et al., 1999], так как некоторые формы наблюдаются и у диких растений. Еще одной из проблем фитолитного анализа, как метода изучения древнего земледелия, является его региональная специфичность. Климатические факторы оказывают влияние на таксономический состав растительности, а также на формирование таких структур фитолитов как ELO_DEN, которая является наиболее часто используемым морфотипом для первичного установления наличия факта древнего земледелия. Например, на территории Европейской России дикие виды злаков

естественной флоры практически не продуцируют этот морфотип и при его наличии в образцах грунта с археологических поселений можно с высокой степенью уверенности судить о, как минимум, использовании зерновых культур в пищу [Гольева, 2023]. В то же время на территории юга Западной Сибири существуют виды (например, *Agropyron pectinatum*), которые продуцируют подобные морфотипы [Сперанская и др., 2018]. Учитывая описанную выше проблему, можно предложить два пути ее решения: 1) морфометрия схожих с культурными формами фитолитов диких злаков для выявления отличий; 2) исследования потенциала других морфотипов фитолитов. В настоящее время ведутся исследования в обоих этих направлениях и представленная научная работа обобщает первые полученные результаты.

Материалы и методы

Материалом исследования для ELO_DEN являются фитолиты двух диких злаков рода житняк, относящихся к трибе *Triticeae* (пшеницовые): *Agropyron pectinatum* и *A. cristatum*. Не смотря на то, что для диагностики культурных злаков чаще всего используются фитолиты оболочки зерна, в данном исследовании мы остановились на фитолитах листьев. Именно наличие фитолитов из листьев культурных видов позволяет установить факт наличие развитого земледелия в древности, а не импорт зерновых культур.

Также в качестве нового потенциального морфотипа культурных злаков исследованы CRENATE (CRE) фитолиты овса. Были исследованы листья пяти видов: овес посевной (*Avena sativa*), овес пустой (*A. fatua*), овес мохнатоцветковый (*A. eriantha*), овес щетинистый (*A. strigosa*), овес волосистый (*A. pilosa*).

Выделение фитолитов производилось по стандартному протоколу, основанному на методике А.А. Гольевой [Гольева, 2001, с. 17–18]. Для образцов были получены микрофотографии фитолитов с помощью микроскопа Olympus BX-51, камеры Olympus XC-50 и программного обеспечения cellSens Standart. Морфометрические исследо-

вания были выполнены с помощью программы ImageJ и специализированного плагина Phytoliths_Batch. Для морфотипа ELO_DEN было измерено пространство между дендритными отростками согласно стандартному подходу [Ball et al., 2017], для морфотипа CRE измерялись сами фитолиты в проекции сверху. Было изучено пять морфометрических параметров: площадь, периметр, длина, ширина и соотношение сторон (отражает степень вытянутости фитолитов) [Ball et al., 2016].

Статистическая обработка результатов выполнена с помощью программного обеспечения Past 4.03. Для ELO_DEN выполнена описательная статистика на выборке от 60 до 70 частиц для каждого вида. Для

CRE форм – описательная статистика и апостериорный тест Тьюки для оценки достоверности значений между средними. Выборка фитолитов по каждому виду Avena составила от 140 до 300 частиц.

Результаты исследований

Результаты исследования дендритных (ELONGATE_DENDRITIC) форм фитолитов злаков. ELO_DEN составил значительную часть фитолитов у обоих видов (рис. 1: 1–2). На ряде слепков видно, что эти формы встречаются совместно с PAP (рис 1: 1) и устьицами (рис 1: 2, второе фото).

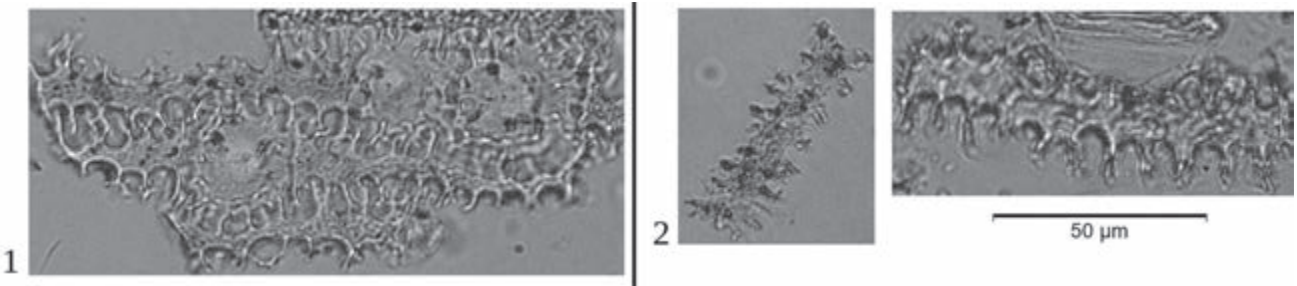

Рис. 1. Elongate dendritic (ELO_DEN) из листьев двух видов житняка: 1 – *Agropyron pectinatum*; 2 – *A. cristatum*.

Данные морфометрического исследования (таблица 1) указывают на то, что оба вида имеют сопоставимые значения характеристик. Не смотря на то, что ELO_DEN фитолиты

Agropyron pectinatum в среднем не много больше чем у второго вида, значение их стандартных ошибок указывают на отсутствие значимой разницы.

Таблица 1

Морфометрические характеристики промежутков между отростками видов *Agropyron pectinatum* и *A. cristatum*

Критерии*	Площадь, мкм 2		Периметр, мкм		Длина, мкм		Ширина, мкм		Соотношение сторон	
	A. pectinatum	A. cristatum	A. pectinatum	A. cristatum	A. pectinatum	A. cristatum	A. pectinatum	A. cristatum	A. pectinatum	A. cristatum
Ср.	37,07	32,51	25,04	22,56	8,89	8,02	5,79	5,52	1,54	1,46
Ст. ош.	2	2,23	0,78	0,78	0,27	0,29	0,15	0,19	0,07	0,05
Ст. откл.	17,42	17,28	6,84	6,06	2,37	2,25	1,28	1,44	0,27	0,22

* Ср. – среднее значение, Ст. ош. – стандартная ошибка, Ст. откл. – стандартное отклонение.

Результаты исследования морфотипа CRENATE (CRE) у овса.

Среди пяти изученный видов, у двух не было обнаружено фитоцитов типа CRE. Это виды овес щетинистый (культурный вид, но в настоящее время больше встре-

чается в качестве сорняка) и овес волосистый (дикий вид, но некоторыми авторами считается синонимом овса мохнатоцветкового). У трех других изученных видов наблюдалось достаточное количество CRE фитоцитов (Рис. 2: 1–3) для проведения морфометрии.

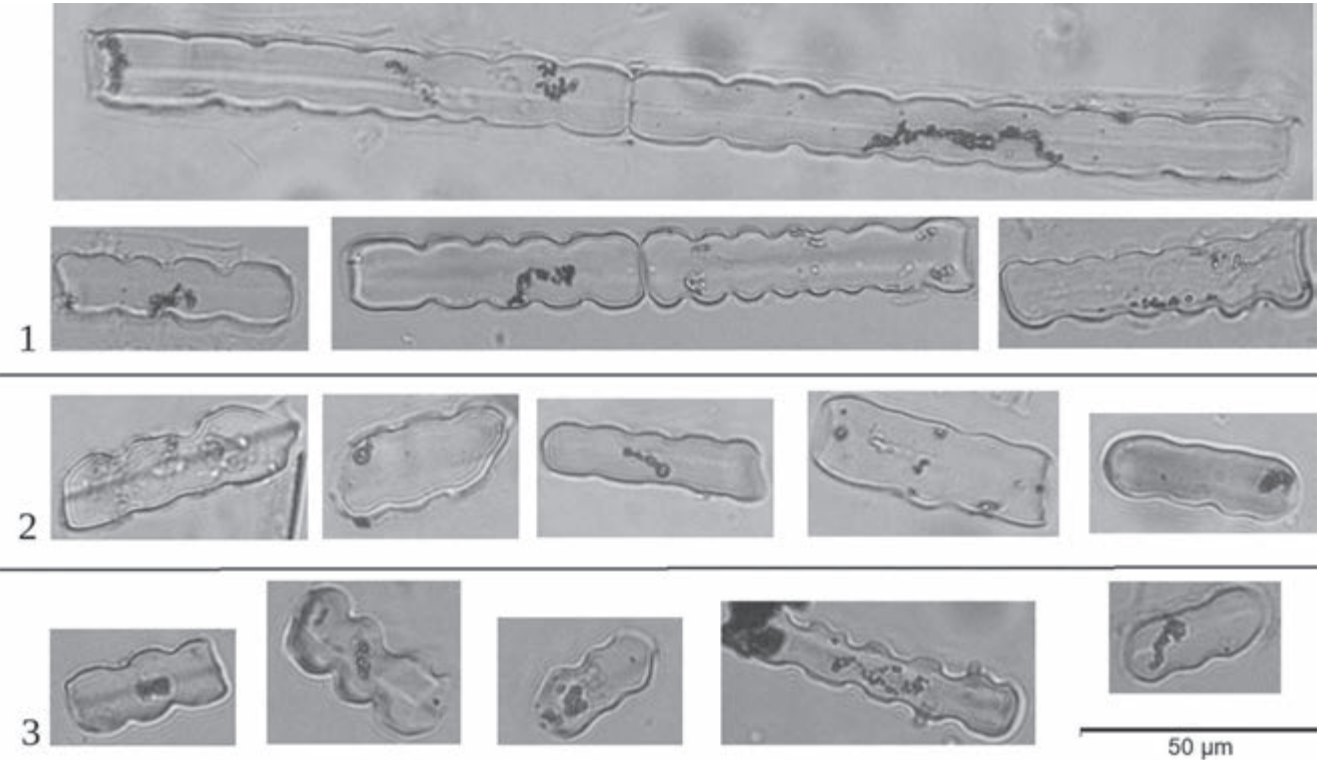

Рис. 2. Crenate фитоциты овса: 1 – овес посевной (*Avena sativa*), 2 – овес пустой (*Avena fatua*), 3 – овес мохнатоцветковый (*Avena eriantha*).

Морфометрические данные свидетельствуют о том, что фитоциты овса посевного являются наиболее крупными среди других двух видов (таблица 2). При том что минимальные значения параметров у видов сопоставимы (например, минимальная длина у CRE овса посевного 28 мкм, а у овса пустого 25 мкм), разница достигается за счет большего числа крупных форм в листьях этого вида. Наименьшими по размеру фитоцитами

обладает дикий вид овса – овес мохнатоцветковый. Эти закономерности наблюдаются у всех пяти исследуемых нами параметров. На основании апостериорного теста Тьюки различия значений средних показателей всех трех исследуемых видов по всем параметрам являются значимыми и отличаются с достоверностью более 99%, (*p* менее 0.01 для все попарных сравнений).

Таблица 2

Основные морфометрические характеристики CRENATE фитоцитов некоторых видов овса: овес посевной (*A. sativa*), овес пустой (*A. fatua*), овес мохнатоцветковый (*A. eriantha*).

Критерии*	Площадь			Периметр		
	<i>A. sativa</i>	<i>A. fatua</i>	<i>A. eriantha</i>	<i>A. sativa</i>	<i>A. fatua</i>	<i>A. eriantha</i>
Ср.	814,87	623,61	429,79	163,76	141,07	106,21
Ст. ош.	23,56	14,7	10,45	3,85	2,58	2,29
Ст. откл	365,79	285,09	128,8	59,84	50,1	28,19

Критерии*	Ширина			Соотношение сторон		
	A. sativa	A. fatua	A. eriantha	A. sativa	A. fatua	A. eriantha
Ср.	15,9	15,03	14,16	4,15	3,68	2,91
Ст. ош.	0,17	0,16	0,17	0,1	0,07	0,09
Ст. откл.	2,6	3,15	2,13	1,61	1,39	1,13

* Ср. – среднее значение, Ст. ош. – стандартная ошибка, Ст. откл. – стандартное отклонение.

Обсуждение результатов исследования и перспектива применения данных морфометрии в археоботанических реконструкциях

ELONGATE DENDRITIC (ELO_DEN) – спорный морфотип для территории юга Западной Сибири. Два изученных вида житняка относятся к трибе Triticeae, в которой находятся такие важные культурные рода как пшеница и ячмень [Soreng et al., 2017, 2022]. Внешний вид изученного морфотипа фитолитов близок к таковым у пшеницы [Ball et al., 2017, С. 88, Рис 1], но отличаются от них большей извилистостью. Однако без детальных исследований сложно утверждать, что эти отличия не являются случайными. Морфометрические исследования ELO_DEN указывают на близость большинства параметров к фитолитам как пшеницы, так и ячменя и даже овса [Ball et al., 2017, стр 94, табл. 4].

Таким образом, все указанные факты ставят под сомнение не только использование ELO_DEN, как первичного индикатора древнего земледелия для территории юга Западной Сибири, но и возможность определения культурных злаков по этому морфотипу для исследуемой и сопредельных территорий. Тем не менее, не стоит полностью исключать возможность использования этого морфотипа для предположения о факте наличия древнего земледелия. Исследования фитолитных спектров фоновых фитоценозов юга Западной Сибири показывают что ELO_DEN встречается редко, не смотря на присутствие видов, которые его формируют [Silantjeva et al., 2018; Solomonova et al., 2019a, 2019b]. Это происходит из-за того, что другие морфотипы фитолитов продуцируются злаками в значительно большем числе. Следует предположить, что

анализ фоновых образцов вокруг исследуемых археологических объектов, изучение фоновых профилей и другие методы стандартизации исследования позволят устранить сложности в интерпретации этой формы. Также нахождение других морфотипов культурных злаков и их размер могут служить дополнительным фактором для установления или предположения наличия земледелия [например, Соломонова и др. 2024, стр. 754, рис. 1; стр. 756–757].

CRENATE – новый морфотип фитолитов для диагностики культурных злаков на территории юга Западной Сибири. Морфометрические исследования CRE фитолитов овса указывают на высокую перспективность этого морфотипа для определения зерновых культур (для тех видов у которых он формируется). Помимо того что, овес посевной имеет фитолиты исследуемого морфотипа большие по размеру по сравнению с другими своими сородичами, данные по сопоставлению его фитолитов с другими таксономически близкими видами указывает на высокий потенциал определения овса на уровне рода по этому морфотипу. Фитолиты диких представителей подтрибы Aveninae, к которым относится овес имеют в разы более мелкие фитолиты [Соломонова, 2024], особенно в отношении параметра длинны. Более того, овес посевной имеет наиболее крупные фитолиты среди всех представителей трибы мятликовых (Poeae), по которым имеются опубликованные данные [Соломонова, 2024; Соломонова, 2025; Solomonova et al., 2025].

В настоящий момент CRE исследованы только у одного рода культурных злаков. Все еще существует необходимость проведения подобных исследований для родов пшеница и ячмень. Возможно дальнейшие работы

в этом направлении помогут создать полный ключ для определения фитолитов зерновых культур в археологических отложениях, которые будут включать в себя набор морфотипов и их морфометрию.

Заключение

Морфометрия фитолитов является широко распространенным методом идентификации фитолитов культурных злаков в целях изучения истории возникновения древнего земледелия. Однако, представленное исследование указывает на то, что для ряда территорий существуют ограничения по морфотипам. Одной из таких территорий является юг Западной Сибири, у некоторых диких злаков этого региона формируется ELONGATE DENDRITIC – типичный морфотип зерновых культур. Более того, отмеченные формы имеют близкие морфометрические характеристики к видам пшеницы и ячменя. Все это обуславливает необходимость изучения дополнительных критериев выявления культурных злаков. Одним из таких перспективных морфотипов является CRENATE, которому посвящена вторая часть исследования. Полученные данные указывают на возможность по этому морфотипу определять фитолиты овса на территории юга Западной Сибири и других регионов со схожим климатом и растительностью.

Благодарности: Научно-исследовательская работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания, проект FZMW-2026–0008 (тема «Применение цифровых технологий и естественнонаучных методов для реконструкции древней истории Алтая и сопредельных территорий на основе археологических источников»). Гербарные образцы *Avena eriantha*, *A. strigosa*, *A. pilosa* были предоставлены к.б. н. Иреной Георгиевной Чухиной (Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н. И. Вавилова).

Литература

Альслебен А. Археоботанические материалы: зерновые продукты в питании средневекового населения // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения

и могильники на Кубенском озере: в 3 т. отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура [сост. И. Е. Зайцева]. М.: Наука, 2009. 233 с.

Айлер Р. Химия кремнезема: Пер с англ. М.: Мир, 1982. Ч. 1. 416 с.

Айлер Р. Химия кремнезема: Пер с англ. М.: Мир, 1982. Ч. 2. 712 с.

Гаврилов Д. А., Гольева А. А. Микробиоморфное исследование почв со вторым гумусовым горизонтом южно-таежной подзоны Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Биология, 2014. № 2 (26). С. 7–24.

Гаврилов Д. А. Генезис второго гумусового горизонта почв Васюганской наклонной равнины // Бюллетень Почвенного института им. В. В. Докучаева, 2016. № 85. С. 3–19.

Гальцова Т. В., Сперанская Н. Ю. Разнообразие фитолитов *Panicum miliaceum* L. и *P. ruderales* (Kitag.) Chang., произрастающих на территории Алтайского края // Проблемы ботаники Южной Сибири и Монголии. сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции, 2013. С. 67–69.

Гольева А. А. Возможности и ограничения определения древних агроценозов на основе фитолитного анализа // Почвы и окружающая среда. Всероссийская научная конференция с международным участием, посвященная 55-летию Института почвоведения и агрохимии СО РАН, 2023. С. 809–814.

Гольева А. А. Опыт применения фитолитного анализа в почвоведении // Почвоведение, 1995. № 12. С. 1–6.

Гольева А. А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. М: Элиста, Сыктывкар: Полтекс, 2001. 140 с.

Кирюшин К. Ю., Гольева А. А., Силантьева М. М., Соломонова М. Ю., Сперанская Н. Ю. Новые результаты почвенных исследований на территории поселения Новоильинка-III // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая: тезисы докладов отчетной сессии, 2014. С. 36–37.

Киселева Н. К. Фитолитный анализ в палеоэкологических исследованиях // Динамика современных экосистем в голоцене: материалы Российской научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2006. М., 2006. 280 с.

- Матвеева Н.П., Рябогина Н.Е.** Новые палеоэкологические исследования в науках о прошлом // Российская археология, 2017. №3. С. 179–181.
- Нигматова С.А., Байтанаев Б.А.** Карпологи-ческий анализ материалов кургана Урджар // Археология Казахстана, 2019 (4 (6), 64–78. <https://doi.org/10.52967/akz2019.4.6.64.78>
- Пантюхина И.Е., Вострецов Ю.Е.** Сравнитель-ный анализ методов реконструкции палеоди-ет // Россия и АТР, 2020. №2 (108). С. 132–150.
- Сафарова С.А.** Восстановление ландшафтных условий обитания древнего человека // Пали-нология голоцена и маринопалинология. М.: Наука, 1973. С. 100–105.
- Соломонова М.Ю., Куприянова Е.В., Труби-цына Э.Д., Рябогина Н.Е.** Фитолитные ис-следования отложений зольников поселений бронзового века Южного Зауралья // Пробле-мы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, 2024. Т. 30. С. 751–759.
- Соломонова М.Ю., Лященко А.Д., Сперан-ский Г.А., Блинные М.С., Сперан-ская Н.Ю.** Два новых морфометрических параметра для классификации CRENATE-фи-толитов Poideae Benth. // Turczaninowia, 2025. Т. 28, №3. С. 145–153.
- Сперанская Н.Ю., Соломонова М.Ю., Си-лантьева М.М., Гейнрих Ю.В., Блинни-ков М.С.** Фитолиты злаков Северного Алтая // Ukrainian Journal of Ecology. 2018. Т. 8. №1. С. 762–771.
- Федорова Р.В.** Применение спорово-пыльцевого анализа в изучении археологических объ-ектов лесостепной и степной зон // Советская археология, 1965. №2. С. 121–131.
- Эсау К.** Анатомия растений. М.: Наука, 1969. 585 с.
- Ball T.B., Gardner J.S., Nicole A.** Identifying inflorescence phytoliths from selected species of wheat (*Triticum monococcum*, *T. dicoccum*, *T. dicoccoides* and *T. aestivum*) and barley (*Hordeum vulgare* and *H. spontaneum*) (Gramineae). // American Journal of Botany, 1999. №86 (11). Pp. 1615–1623.
- Ball T., Vrydaghs L., Mercer T., Pearce M., Snyder S., Lisztes-Szabó Z., Pető A.** A morphometric study of variance in articulated dendritic phytolith wave lobes within selected species of Triticeae and Aveneae // Vegetation History and Archaeobotany, 2017. №26. Pp. 85–97.
- Ball T.B., Davis A., Evett R.R., Ladwig J.L., Tromp M., Out W.A., Portillo M.** 2016b. Morphometric analysis of phytoliths: recommendations towards standardization from the International Committee for Phytolith Morphometrics // Journal of Archaeological Science, 2016. №68. Pp 106–111.
- Blinnikov M., Busacca A., Whitlock C.** A new 100,000-year phytolith record from the Columbia Basin, Washington, USA // Phytoliths: Applications in Earth Sciences and Human History / Meunier J.D., Colin F. (Eds.). Lisse, 2001. Pp. 27–55.
- Larson G., Piperno D.R., Allaby R.G., Purugganan M.D., Andersson L., Arroyo-Kalin M., Barton L., Vigueira C.C., Denham T., Dobney K., Doust A. N, Gepts P., Gilbert M.T.P., Gremillion K.J., Lucas L., Lukens L., Marshall F.B., Olsen K.M., Pires J. Ch., Richerson P.J., Rubio de Casas R., Sanjur O.I., Thomas M.G., Fuller D.Q.** Current perspectives and the future of domestication studies // PNAS, 2014. No 17 (111). Pp. 6139–6146.
- Neumann K., Strömberg C., Ball T., Alber, R.M., Vrydaghs L., Cummings L.S.** International code for phytolith nomenclature (ICPN) 2.0 // Annals of Botany, 2019. № 124. Pp. 189–199.
- Silantjeva M., Solomonova M., Speranskaja N., Blinnikov M.S.** Phytoliths of temperate forest-steppe: a case study from the Altay, Russia // Review of Palaeobotany and Palynology 2018. №250. Pp. 1–15.
- Solomonova M.Y., Blinnikov M.S., Silantjeva M.M., Speranskaja N.** Influence of moisture and temperature regimes on the phytolith assemblage composition of mountain ecosystems of the mid latitudes: a case study from the Altay Mountains // Frontiers in Ecology and Evolution, 2019a. №7 (2).
- Solomonova M. Yu., Blinnikov M.S., Speranskaja N. Yu., Elesova N.V., Silantjeva M.M.** Phytolith assemblages in modern top soils under plant communities of Northern and Western Altay, Russia // Ukrainian journal of ecology, 2019 b. №9. Pp. 429–435.
- Solomonova M., Blinnikov M., Speranskaja N., Lyashchenko A., Kotov S., Elesova N., Borisenko M., Silantjeva M.** Standardization of two forms of the CRENATE (Poideae Benth.) phytolith morphotype and their potential for environmental reconstructions // Flora: Morphology, Distribution, Functional Ecology of Plants, 2025. Т. 322. Pp. 152646.
- Soreng R.J., Peterson P.M., Romaschenko K., Davids G.** A worldwide phylogenetic classification of the Poaceae (Gramineae)

- II: An update and a comparison of two 2015 classifications // *Journal of Systematics and Evolution*, 2017. № 55 (4). Pp. 259–290.
- Soreng R. J., Peterson P. M., Zuloaga F. O., Romaschenko K., G. Clark L., Teisher J. K., Gillespie L. J., Barberá P., Welker C. A. D., Kellogg E. A., Li D., Davidse G.** A worldwide phylogenetic classification of the Poaceae (Gramineae) III: An update // *Journal of Systematics and Evolution*, 2022. № 60 (3)/Pp. 476–521.
- Verdin P., Berger J.-F., Lopez-Saez J.-A.** Contribution of phytolith analysis to the understanding of historical agrosystems in the Rhône mid-valley (Southern France)//*Phytoliths: Applications in Earth Sciences and Human History* / Meunier J. D., Colin F. (Eds.). Lisse, 2001. Pp. 155–171.
- Out W. A., Madella M.** Morphometric distinction between bilobate phytoliths from *Panicum miliaceum* and *Setaria italica* leaves // *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2016. № 8. Pp. 505–521.
- Wang J., Liu L., Ball T., Yu L., Li Y., Xing F.** Revealing a 5,000-y-old beer recipe in China // *PNAS*, 2016. V. 113, No 23. Pp. 6444–6448.
- Wang C., Lu H., Zhan J., Mao L., Ge Y.** Bulliform phytolith size of rice and its correlation with hydrothermal environment: a preliminary morphological study on species in Southern China // *Frontiers in Plant Science*, 2019. V. 10.
- Zhang J., Lu H., Sun G., Flad R., Wu N., Huan X., He K., Wang Y.** Phytoliths reveal the earliest fine reedy textile in China at the Tianluoshan site // *Scientific Reports*, 2016. No 6 (1). Pp. 1–7.
- Zhijun Z., Pearsall D. M., Benfer, R., Piperno, D. R.** Distinguishing rice (*Oryza sativa* Poaceae) from wild *Oryza* species through phytolith analysis, II: Finalized method. *Economic Botany*, 1998. № 52. Pp. 134–145.

УДК 902

РАЗВИТИЕ ТРЕХМЕРНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Кэйта Мацумото

Высшая школа искусств и литературы Университета Тохоку, Сендай, Япония

В первой половине и середине I тысячелетия до н.э. в разных частях Евразии наблюдалась родственная материальная культура, при этом узоры представляют собой свидетельство одновременных изменений от Европы до Центрального Китая. В настоящей статье мы проанализируем эволюцию звериного стиля в степных районах, соединяющих восток и запад Евразии (особенно в их восточной части), уделяя особое внимание их стандартизации и развитию трехмерного изображения на плоскости. Совершенствование орнаментов с изображением животных в степных зонах в первой половине I тысячелетия до н.э. заключалось в том, что статичные плоские изображения постепенно наделялись активностью. По мере появления изображений, передающих движения животных, существующих в природе, люди начали осознавать их специфику, и пространство, в котором они обитают. В связи с этим, как мы полагаем, стали применяться натуралистические изображения, находившиеся под влиянием Греции и Востока.

Ключевые слова: Звериный стиль, Скиф-Сибирский, ранний железный век, бронзовые изделия, взаимодействие между Востоком и Западом, натурализм.

DEVELOPMENT OF THREE-DIMENSIONAL REPRESENTATION IN THE CULTURE OF EARLY NOMADS

Keita Matsumoto

Graduate School of Arts and Letters, Tohoku University, Sendai, Japan

In the first half and middle of the 1st millennium BC, there were related material cultures in different parts of Eurasia, with patterns indicating simultaneous changes from Europe to Central China. This article analyzes the evolution of the animal style in the steppe regions connecting the east and west of Eurasia (especially in their eastern part), paying particular attention to their standardization and the development of three-dimensional representation on a flat surface. The refinement of animal imagery in the steppe zones during the first half of the 1st millennium BC consisted of static flat images gradually being endowed with dynamism. With the emergence of images conveying movements of animals existing in nature, people began to recognize their specific characteristics and the space they inhabited. It seems, in this regard, people began to depict naturalistic drawings influenced by Greece and the Orient.

Keywords: animal style, Scythian-Siberian, Early Iron Age, bronze artifacts, interaction between the Orient and the Occident, naturalism.

Введение

В первой половине и до середины I тысячелетия до н.э. в разных частях Евразии происходили социальные преобразования, и этот период иногда называют «эпохой перелома». Кроме того, в разных частях Евразии в этот период наблюдается аналогичная материальная культура, и узоры заслуживают особого внимания, так как свидетельствуют об одновременных изменениях от Европы (ранний Ла-Тен) до Центрального Китая (период Весны и Осени и Воюющих царств 春秋戰国時代). Например, в Центральном Китае с II тысячелетия до н.э. на бронзовых изделиях преобладали узоры с изображениями вымышленных существ, но примерно в V веке до н.э. появились узоры, в которых представлены существа с реалистичными чертами. В качестве причин этого называют развитие трехмерного восприятия пространства и влияние из-за пределов Китая (Bagley, 2006). Так какие же изменения произошли с узорами в степных районах, соединяющих восток и запад Евразии? Данная статья основана на результатах предварительной работы, проведенной автором по датировке и определению технологических традиций различных предметов; однако мы не рассматриваем их подробно. Среди работ, опубликованных на русском языке, можно назвать Мацумото 2020, 2024 и др. Многие ученые отмечают, что элита в самых разных условиях, как правило, демонстрирует свой статус с помощью особых предметов, изготовленных из драгоценных материалов, созданных с помощью сложных технологий и имеющих иностранное происхождение (Wells 2020).

II-е тысячелетие до н.э.

В сейминско-турбинских бронзовых изделиях (первая половина – середина II тысячелетия до н.э.) встречаются изображения четвероногих лошадей с гривой и длинным хвостом (рис. 1–1). Во второй половине II тысячелетия до н.э. на Монгольском нагорье стали распространяться изображения голов животных с выпуклыми глазами и носом (рис. 1–2). У первых изображений особо вы-

деляется грива, а у вторых – глаза и нос, так что они не являются точным отображением реальных животных. То есть такие изображения животных – это не случайные копии реальных животных, а фигуры, которые отличаются нереалистичными элементами, например большой гривой, выпуклыми глазами и носом. Кроме того, известно, что в этот период нормы в отношении выражения и техники были чрезвычайно строгими: на бронзовых изделиях из Сеймы и Турбино мотивы встречаются только на стоящих фигурах, а на Монгольском нагорье – только на изображениях голов, за исключением нескольких единичных случаев. Эти мотивы с изображениями животных были популярны в определенных пределах, но на бронзовых изделиях не сохранились после I тысячелетия до н.э. Кроме того, практически не встречаются изображения, учитывающие движения, взаимодействие животных или пространство (фон), в котором они находятся, а на бронзовых изделиях плоское изображение почти не встречается.

XI–X вв. до н.э.

На этом этапе животные мотивы практически исчезают на бронзовых изделиях. Однако в крайне редких случаях встречаются изображения кошачьих, которые являются предшественниками скифо-сибирского звериного стиля. Примерами изображений кошачьих служат навершие кинжала, найденного в районе Великой китайской стены (рис. 1–3), и декоративная пластина, найденная в провинции Гоби-Алтай (рис. 1–4). Эта пластина свидетельствует о начале плоского изображения на бронзовых изделиях в восточной части степи. Эти кошачьи далеки от реалистичности и даже выглядят гротескно – в первую очередь из-за изображения пасти с оскаленными зубами или лап. Если не брать во внимание животных, то бронзовые изделия этого периода часто украшены геометрическими узорами, характерными как для Монголии и района Великой китайской стены, так и для Южной Сибири.

С другой стороны, на оленном камне (рис. 1–5) изображены олени с пастью в виде

Рис. 1 Изображение животных в степях Евразии 1

1: Сейминский могильник, 2: Чаодаогоу, провинция Хэбей, 3: Британский музей, 4: Музей Восточной Азии, в Стокгольме, 5: Ушкин-Увэр, 6: Музей провинции Гоб-Алтай, 7: курган №1 Аржан, 8: Могила № 1612 на кладбище Го в провинции Хэнань, 9: Музей Ордоса (Внутренняя Монголия), 10: Фонд М. Саклера, 11: Могила № 227 на кладбище Юхуанмяо в Пекине, 12: с. Усть-Бухтарма, сточный Казахстан, 13: Фонд М. Саклера

клюва и рогами, соединёнными в несколько рядов. Отмечая нереалистичность животных, а также строгость выражения и техники, этот этап схож с ситуацией II тысячелетия до н.э. Несмотря на то что плоское изображение животных на бронзовых изделиях стало популярным на следующем этапе, важно отметить, что непосредственно перед этим исчезло традиционное объёмное изображение, а на оленных камнях преобладало именно плоское изображение.

IX–VIII вв. до н.э.

На этом этапе активизируется скифо-сибирский звериный стиль. Помимо уже упо-

мянутых кошачьих с широко раскрытой пастью, появляются олени, кабаны и другие животные, причем их позы весьма своеобразны. На рис. 1–6 на рукояти меча изображены кошачьи, но на первый взгляд кажется, что это два животных, похожих на крокодилов, стоящих лицом к лицу. Кошачьи, изображенные на зеркале из могильника Государства Гуо 虢 (рис. 1–7), выглядят как жуки-рогачи. Декоративная пластина с изображением кошачьих в Аржане 1 уже не такая гротескная (рис. 1–8). Однако, когда кошачьи принимают такую скрученную позу, чаще всего они спят, а изображение с открытыми глазами – это не реальность, а плод воображения.

Рис. 2 Изображение животных в степях Евразии 2

1: курган №2 у с. Жаботин, 2: курган №2 у Аржан, 3: Могила № 117 на кладбище Юхуанмяо в Пекине, 4: Музей «Шелковый путь» Икуо Хираямы в префектуре Яманари, 5: Эрмитаж, 6: Личная коллекция, 7:

Новой особенностью этого этапа является следующий факт: в одном регионе постоянно встречаются несколько видов животных (кошачьи, олени, овцы, птицы и другие), чётко различающихся по форме и позе. Также отметим, что на бронзовых изделиях часто появляются отчётливые плоские изображения животных. На этом этапе животные часто изображены

рядом друг с другом, но появляется и несколько примеров, где они взаимодействуют между собой. На рис. 1–9 кошачье, изображённое в виде жука-рогача и смотрящее вниз с широко раскрытой пастью, пытается проглотить другого животного, стоящего позади него. Такое взаимодействие между существами станет ещё более явным на следующем этапе.

Животное с туловищем в профиль и головой в анфас.

Если на предыдущем этапе узоры кошачьих представляли собой скрученных животных, изображенных целиком в профиль, то на этом этапе появляются изображения, подобные тем, что показаны на рис. 1–10: туловище в профиль с головой в анфас или с видом сверху, когда изображены по две круглые детали, предположительно обозначающие глаза и нос. На рис. 1–11 изображен очень древний поясной крючок, найденный на кладбище Цзюньдушань 軍都山 в Пекине: от бокового туловища тянется длинная шея, а голова в анфас выглядит так, будто кусает собственную спину. Если предположить, что это изображение кусающегося животного, то оно близко к тому, что будет описано ниже как взаимодействие.

Перекрытие животных друг другом

На предыдущем этапе, когда животных изображали в профиль, были известны варианты, в которых, помимо двух передних и задних лап, расположенных ближе к зрителю, изображались все четыре лапы, включая те, что находились дальше (рис. 1–12). Ноги изображались в виде линий, и, поскольку перекрытие обеих ног не было четко показано, оставалось неясным, какие ноги находятся впереди, а какие сзади. Возможно, изображения, в которых перекрытие передних и задних ног стало четким, появились примерно с VI века до н.э. Среди коз, изображенных на находках из района Великой китайской стены (рис. 1–13), у трёх верхних задние ноги изображены по одной, а передние – по две. Например, у самой верхней козы левая передняя нога, соединенная с туловищем, находится спереди, а правая нога, отделённая от туловища, – сзади.

Подобное изображение глубины (перекрытие животных друг другом) можно увидеть и на животных, изображенных на костяных и роговых изделиях (рис. 2–1), найденных в кургане №2 в Жаботине на правом бе-

регу Днепра. Кроме того, фигуры животных на этих изделиях выглядят так, будто они взаимодействуют друг с другом (Вязьмитина, 1963).

Взаимодействие животных

На более ранних этапах несколько животных, присутствующих в композиции, располагались рядом, и было сложно понять смысл их взаимного расположения в одном пространстве. В кургане Аржан 2, относящемся ко второй половине VII века до н.э., было обнаружено множество золотых украшений, на которых часто встречаются рельефные изображения кошачьих, кусающих таких животных, как козы или олени (рис. 2–2). На металлических деталях, найденных в могиле №117 на Цзюньдушань 軍都山 в Пекине, относящейся к позднему периоду Весны и Осени (рис. 2–3), под головой (пастью) кошачьего также изображена голова животного, похожего на лошадь.

Изображение фона с помощью стандартных элементов (техника «загадочной картинки»)

В этот период в Казахстане и Туве появилась особая техника, называемая «загадочная картинка». «В раннескифское время при создании многофигурных композиций центральноазиатскими мастерами был разработан особый композиционный прием, предусматривающий взаимное вписывание контуров фигур изображаемых животных. Рабочее понятие, предложенное нами для обозначения этих композиций, – «загадочная картинка»» (Грач, 1980, с.78). На украшении пояса из коллекции Музея Шелкового пути (Яманаси, Япония) (рис. 2–4) края фигуры в форме запятой (рис. 2–4-А) связаны с контурами передних лап и нижней части шеи кошачьего, искаженный треугольник (рис. 2–4-В) – с контурами задних лап и живота, а рис. 2–4-С – с контурами хвоста и задних лап, что позволяет говорить о применении техники «загадочной картинки». Эти формы в виде запятой и искаженные треугольники являются важными элементами, представляющими собой изображение животного, но они являются не самим

животным, а его фоном. Эти формы в виде запятой и искаженные треугольники широко встречаются в украшениях степной зоны того же периода, и можно полагать, что восприятие мастера, изготовившего этот предмет, распространялось не только на самих кошачьих, но и на фон и пространство, в котором они находятся. До этого этапа в степях все изображения животных сводились к простому обведению их контуров, и внимание никогда не фокусировалось на пространстве, в котором они находились. Реальные животные (как и любые предметы) неизбежно сопровождаются пространством, выделенным их контурами, но сознательное изображение этого началось именно с появлением указанной техники. Здесь прослеживается рост интереса к животному, существующему в реальности (даже если само изображенное животное было плодом воображения), а не просто к воображенному животному.

IV вв. до н. э.

В изображениях животных, созданных примерно до V века до н. э., глаза и уши были круглыми или в форме листьев, и у них были одинаковые мордочки; даже тела, на которых подчеркивались суставы, практически не различались в зависимости от вида животного. Вид животного определяют такие конкретные элементы, как открытый или закрытый рот, форма копыт и рога. На рис. 2–5 и 2–6 рельефные выемки хорошо передают текстуру животных, но, несмотря на то что один изображает кошачьих, а другой – копытных, их формы, за исключением лап, ушей и рта, практически одинаковы. Эти два предмета – украшения примерно VI века до н. э. Мотивы животных, появившиеся до этого периода, скорее напоминают символы, состоящие из «животного в общем виде», и «элементов, определяющих его вид», а не являются результатом наблюдения за животными в природе.

С другой стороны, изображения животных на предметах, изготовленных греческими мастерами на северном побережье Черного моря в IV веке до н. э., имеют форму, близ-

кую к реальности (то есть натуралистическое изображение), и на золотых украшениях, найденных в кургане Толстая Могила, лошадь, корова и нападающий на них хищник изображены совершенно по-разному (рис. 1–20). Хотя и не в такой степени, как на предметах с северного побережья Черного моря, изображения, где «лошадь выглядит как лошадь, а кошачьи – как кошачьи», с изображением всего тела различных животных, встречаются в Казахстане и Сибири начиная с IV века до н. э. В качестве примеров можно привести крылатого кошачьего из кургана Иссык (рис. 1–21) и лошадь (рис. 1–22). Многие исследователи отмечают, что в то время в Алтае и Центральной Азии прослеживается влияние греко-скифского искусства и эпохи Ахеменидов (Azarpay 1959, Hayashi2007), поэтому можно предположить, что внешнее влияние сыграло значительную роль во внедрении натуралистического стиля.

Заключение

Таким образом, зоомотивы в восточной части степей появились на бронзовых изделиях, изготовленных в II тысячелетии до н. э., но представляли собой отдельные объемные фигуры, подчинявшиеся строгим канонам, а не плоскостные изображения. К концу II тысячелетия до н. э. эти зоомотивы временно вышли из использования. Примерно в IX веке до н. э. полноценно появился скифо-сибирский звериный стиль. Среди новых элементов на поверхности бронзовых изделий можно выделить плоское изображение животных и изображение нескольких четко различимых видов животных. С другой стороны, в различных изображениях животных по-прежнему явно прослеживаются нереалистичные черты, а также в определенной степени сохраняются каноны, унаследованные со II тысячелетия до н. э.

Развитие образов животных на степях в первой половине I тысячелетия до н. э. заключается в том, что неподвижные плоские изображения постепенно обретают динамику. По мере появления изображений, передающих движение, начинают осознаться черты

реальных животных в природе и пространство, в котором они обитают. Считается, что именно на этапе зрелости таких визуальных впечатлений и средств выражения стали применяться натуралистические изображения, подвергшиеся влиянию Греции и Востока. Другими словами, без 500 лет творческих поисков, направленных на то, чтобы передать трехмерное пространство на плоскости, внедрение натуралистических изображений в степных районах, возможно, произошло бы значительно позже.

Литература

- Алексеев А.Ю.** Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. 272 с.
- Бадер. О.Н.** Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
- Волков, В.В., Новгородова, Э.А.** Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука. С. 78–84.
- Вязьмитина М.И.** Ранние памятники скифского звериного стиля. // Советская археология, 1963. 2.С. 158–170.
- Грач А.Д.** Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей. // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской. 1972. С. 29–30.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. Москва: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов М.П.** Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980, 64 с.
- Мацумото К.** Происхождение акинаков на востоке Евразийской степи. // Уфимский археологический вестник. 2023. 23–1. С. 6–18
- Мацумото К.** Техники литья скифо-сибирских бронзовых изделий в районах Внутренней Монголии и Великой Китайской стены. // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья. 2024. С. 264–267.
- Azarpay. G.** Some Classical and Near Eastern Motifs in the Art of Pazyryk. *Artibus Asiae*, 1959. 22–4, Pp. 313–339.
- Bachhofer. L.** On the Origin and Development of Chinese Art. // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. 1935. no.393, Pp. 188–191.
- Bagley R. W.** Ornament, Representation, and Imaginary Animals in Bronze Age China. // *Arts asiatiques*. 2006. 61, Pp. 17–29.
- Bunker E.C., et al.** Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections, Arthur M. Sackler Foundation. 1997.
- Bunker E.C., et al.** The Guyuan Mizong Collection A Study of Inner Asian Steppe Bronzes. Harrassowitz. 2022.
- Myngbay D.K., Onggaruly, A., Taimagambetov, Zh.K., Beysenbaiuly, Zh., Satubaldin A.K., Bektaliyeva, R.I.** Gold of Ages Collection of Gold and Silver of the National Museum. National Museum of the Republic of Kazakhstan.
- Roberts. R. ed.** Gold of the Great Steppe. Gomer Press. 2016.
- Wells P.S.** Eurasian Iron Age interactions: A perspective on the sources and purposes of La Tène style ('Celtic') art. // *Art in The Eurasian Iron Age*. 2020. Pp.37–51.
- Chugonov, K.V., Parzinger, H., Nagler, A.** Goldschatz von Arzan: Ein Fürstengrab der Skytenzeit in der südsibirischen Steppe. Schirmer Mosel. 2007.
- Menghin, W., Nawroth, M., Nagler, A., Parzinger, H.** Im Zeichen des goldenen Greifen: Königsgräber der Skythen. Prestel. 2007.
- Beijing Institute of Cultural Relics The Jundu Mountain Cemetery Yuhuangmiao. Cultural Relics Press (北京市文物研究所2007『軍都山墓地 玉皇廟』文物出版社). 2007.
- Hayashi, T.** The Scythians and the Xiongnu: Nomadic Civilizations. Kodansha (林俊雄2007『スキタイと匈奴 遊牧の文明』(興亡の世界史02) 講談社) 2007.
- Institute of Archaeology, Chinese Academy of Sciences 1959 *The Shangcunling Tombs of the State of Guo*, Science Press (中國科學院考古研究所1959『上村嶺競國墓地』科学出版社)
- Ordos Museum. *Ordos Bronzes*. Cultural Relics Press (鄂爾多斯博物館2006『鄂爾多斯青銅器』文物出版社).
- Takahama, S.** Art of the Northern Steppe Region. *The Complete Encyclopedia of World Art: Eastern Asia, Vol. 1– Prehistory, Shang, and Zhou*, pp. 333–348, Shogakukan (高濱秀2000『北方草原地帯の美術』『世界美術大全集 東洋編 1 先史・殷・周』pp.333–348小学館) 2000.
- Tokyo National Museum Mounted Nomads of Asian Steppe – Chinese Northern Bronzes –** (東京国立博物館1997『大草原の騎馬民族』東京国立博物館) 1997.
- Matsumoto, K. Amglantugs T., and Ishtseren L.** Bronze Age Cultures on the Eastern Foothills of the Altai Mountains. *New Horizons in East Asian Archaeology: A Festschrift in Honor of Professor Kazuo Miyamoto*. 2024. Pp. 883–903.

БИОАРХЕОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОДГОРНОВСКОГО ЭТАПА ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА БЕЯ-I)

К. А. Петровская

Институт археологии РАН, Москва, Россия; ORCID: 0009-0004-6631-7120

В работе изложены первые результаты контекстуального изучения антропологических материалов из охранных раскопок кургана 1 могильника Бея-I (подгорновский этап тагарской культуры, Хакасия). Исследовано пять захоронений (три грунтовые могилы, погребение с плитами песчаника по периметру и каменный ящик), содержащих останки 46 человек. Палеодемографический анализ показал незначительное преобладание мужчин (55,9 % против 44,1 % женщин), низкую детскую смертность (19,6 %) и средний возраст смерти взрослых 32,5 года. Пики смертности различаются по полу: у женщин – 30–34 года (репродуктивные риски), у мужчин – 25–29 лет (возможная военная или социальная нагрузка). Палеопатологическое исследование 19 черепов выявило высокую частоту встречаемости стертости зубов (68,4 %), пародонтоза и зубного камня (63,2 %), причем мужчины страдали чаще (стертость – 83,3 %, потеря зубов – 41,7 %). У женщин преобладали гипоплазия эмали (71,4 %) и вставочные кости черепа (85,7 %). Отсутствие Cribra orbitalia может свидетельствовать о рационе без значительных дефицитов. Исследование основано на междисциплинарном подходе, сочетающем методы археологии и физической антропологии. Полученные материалы представляют интерес для изучения различных аспектов жизнедеятельности раннего населения тагарской культуры, включая вопросы социальной организации, особенностей питания и состояния здоровья.

Ключевые слова: тагарская культура, могильник, Южная Сибирь, антропологические исследования, палеопатология, Хакасия.

BIOARCHAEOLOGY OF THE PODGORNOVO STAGE POPULATION OF THE TAGAR CULTURE (BASED ON MATERIALS FROM THE BEYA-I CEMETERY EXCAVATIONS)

K. A. Petrovskaya

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

This paper presents the first results of a contextual study of anthropological materials from the salvage excavations of Kurgan 1 at the Beya-I cemetery (Podgornovo stage of the Tagar culture, Khakassia). Five burials were investigated (three earthen graves, a burial with sandstone slabs around the perimeter, and a stone cist), containing the remains of 46 individuals. The paleodemographic analysis showed a slight predominance of males (55.9 % vs. 44.1 % females), low child mortality (19.6 %), and a mean adult age at death of 32.5 years. Mortality peaks differ by sex: females at 30–34 years (reproductive risks), males at 25–29 years (possible military or social stress). The paleopathological examination of 19 skulls revealed a high frequency of dental attrition (68.4 %), periodontal disease and dental calculus (63.2 %), with males suffering more frequently (attrition – 83.3 %, antemortem tooth loss – 41.7 %). Females predominantly exhibited enamel hypoplasia (71.4 %) and Wormian bones (85.7 %). The absence of Cribra orbitalia may suggest a diet without significant nutritional deficiencies. The study is based on an interdisciplinary approach combining methods from archaeology and physical anthropology. The obtained materials are of interest for studying various aspects of the life activities of the early Tagar culture population, including issues of social organization, dietary patterns, and health status.

Keywords: Tagar culture, cemetery, South Siberia, anthropological research, paleopathology, Khakassia.

Введение

Могильник Бея-I, курган 1 расположен в Бейском районе Республики Хакасия. Он был исследован в 2007 году экспедицией Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН) под руководством Л. А. Соколовой в ходе охранно-спасательных

работ. Памятник хронологически относится к подгорновскому этапу тагарской культуры.

С момента первых исследований памятников, ныне относимых к тагарской культуре, прошло более трех столетий. За это время был накоплен огромный археологический материал, который лег в основу периодизации тагарской культуры. Вопросы ее хронологии

в разное время затрагивали многие исследователи – А.В. Адрианов, С.А. Теплоухов, С.В. Киселев, М.П. Грязнов, Н.Л. Членова, Э.Б. Вадецкая, Л.Р. Кызласов и другие [Теплоухов, 1926, 1929; Киселев, 1951; Членова, 1963, 1964; Грязнов, 1968; Кызласов, 1960, 1962, 1979; Вадецкая, 1986, 1999]. В последние годы в «классическую» периодизацию тагарской культуры были внесены существенные изменения. Одно из наиболее значимых – перенос баиновского этапа, который прежде считался самым ранним, из эпохи раннего железа в позднюю бронзу [Лазаретов, Поляков, 2008; Поляков, 2022; Лазаретов, Поляков, Лурье, Амзараков, 2023]. В рамках пересмотренной схемы подгорновский этап начинает рассматриваться как наиболее ранний в развитии тагарской культуры, что особенно актуализирует значение таких памятников, как могильник Бея-I, курган 1.

Применение междисциплинарного подхода, объединяющего данные археологии, антропологии и палеодемографии, к антропологическим материалам памятника позволило уточнить сведения о демографической структуре, состоянии здоровья и хозяйственно-бытовых особенностях группы – носителей данной традиции. Полученные результаты значимы для реконструкции процессов культурогенеза в Южной Сибири в раннескифское время, а также для понимания механизмов взаимодействия культурных традиций в регионе.

Материал и методика исследования

Курган 1 памятника Бея-I был выявлен в 2006 году на территории Бейского района Республики Хакасия, в границах частного домовладения. В ходе хозяйственных работ владельцы участка наткнулись на каменные конструкции, а затем – на фрагментированные останки детского скелета. После чего земляные работы на участке были остановлены и вызваны специалисты. Проведенный осмотр показал, что объект частично разрушен: сохранились лишь отдельные каменные ограды, остатки насыпей и перекрытий из плит. Часть площади памятника оказалась занята инже-

нерными коммуникациями, а другая часть – перекрыта бытовым мусором. Спасательные раскопки на участке организовали в виде раскопа размером 18×8 м, вытянутого с северо-запада на юго-восток. В процессе работ было вскрыто пять погребений: три грунтовые ямы и две могилы с каменными конструкциями. Насыпь самого кургана к тому моменту уже не прослеживалась из-за многолетней распашки. Конструктивные элементы ограды находились в плохой сохранности, так как многократно страдали от антропогенного воздействия – прежде всего от вспашки и последующей рекультивации земли [Соколова, 2008]. Автор раскопок отнес материалы могильника к подгорновскому этапу тагарской археологической культуры, предварительно датировав их периодом IX–V вв. до н.э.

Антропологические материалы из раскопок памятника были переданы на хранение в Институт археологии РАН, где и были обследованы. Всего в ходе работ обнаружены останки 46 человек. Половозрастные определения для серии могильника Бея-I (курган 1) выполнены автором настоящей работы по стандартной методике [Standards..., 1994] на основе анализа степени сформированности скелета, зубной системы, облитерации черепных швов и изношенности суставов посткраниального скелета.

Для палеодемографических вычислений применялась программа «Acheron» [Алексеева и др., 2002]. Оценка палеопатологии зубочелюстной системы проводилась на черепках, у которых сохранились зубы (всего 19 экземпляров: 12 принадлежали мужчинам, 7 – женщинам); исследование выполнено в соответствии со стандартными методиками [Бужилова, 1995; Ortner, 2003].

Описание погребений

Раскоп был ориентирован с учетом обнаруженного захоронения (Могила 3) и протянулся с северо-запада на юго-восток [Соколова, 2008]. Нумерация могил определялась с северо-западной границы раскопа.

Могила 1 представляла собой прямоугольную яму размером 2х3 м глубиной 1,2–

1,5 м, содержащую три захоронения, частично перекрытых листовенными бревнами диаметром 0,2–0,3 м. Практически по всей глубине могилы (как над деревянным перекрытием, так и под ним) были обнаружены остатки каменного панциря из белого ракушечника.

Первичное парное погребение было нарушено последующим подхоронением третьего индивидуума. Под скелетом №1 обнаружались остатки древесины, сохранившие форму тонких волокон. По своему строению эти волокна напоминали луб.

В этом погребении были собраны следующие находки: бронзовые ножи, костяные наконечники стрел разного типа, керамические сосуды, бронзовое зеркало, бронзовая полусферическая бляшка, бронзовая пронизка и костяное изделие.

Могила 2 содержала 3 яруса погребений, в том числе парциальных. Размеры могилы – 2х2,9 м., глубиной до 1 м. Верхний ярус включал погребение без сопроводительного инвентаря, перекрытое каменными плитами. На среднем уровне зафиксировано скопление человеческих останков (в том числе парциальных) вместе с керамикой подгорновского облика. Нижний уровень сохранил парное захоронение, которое было потревожено в ходе более поздних подхоронений.

Среди собранных находок в этой могиле: черешковый наконечник стрелы, бронзовый нож с грибовидным навершием справа, фигурный костяной гребешок с циркулярным орнаментом, бронзовая пронизка ниже правого колена и шило с ярусным навершием, втульчатый костяной наконечник стрелы, а также: «небольшой красноватый сосуд на ножке-поддоне с округлым туловом и отогнутым венчиком». Также в северо-восточном углу могилы находился крупный керамический сосуд баночной формы с 5 желобками под венчиком, и между скелетами 1 и 2 третьего яруса погребений было зафиксировано скопление костей крупных копытных животных.

Могила 3 была устроена в виде каменного ящика, размерами 2×1 м и глубиной до 0,7 м. Она была наиболее сильно потревожена, в ходе хозяйственных работах на участке.

В каменном ящике, сложенном из плит девонского песчаника, находились останки 2 человек – взрослого и ребенка. При этом ребенка похоронили позднее, после того как ящик частично заполнился землей. Погребальный инвентарь включал глиняный сосуд, кости животных и бронзовое зеркальце с петлей для подвешивания. Непотревоженный скелет взрослого сохранился хорошо. Прямо над ним находилось подхоронение младенца, которое было частично извлечено хозяевами приусадебного участка.

Могила 4 содержала в себе 2 яруса погребений. Ее размеры составляли 2,1х2,9 м, глубиной до 60 см (для верхнего захоронения). Контур могилы нижнего яруса имел размеры по дну – 1,9х2,7 м, глубиной до 1 м.

Верхний ярус погребений включал многочисленные перемешанные человеческие останки и кости животных. Нижний ярус сохранил парциальное погребение с нарушенной анатомической целостностью.

Находки, обнаруженные в 1 ярусе погребений: головной нож, шило с грибовидной шляпкой, пронизь цилиндрическая, черешковый наконечник стрелы. В заполнении были найдены 3 полусферические бляшки и 1 игла с раскованной вершиной. Во втором ярусе погребений были найдены бусы из камня розового цвета, полусферическая бляшка, 3 пронизи цилиндрические, бронзовый нож с петлевидным навершием и шило с грибовидной шляпкой.

В Могиле 5 прослеживается сложное многослойное устройство, возникшее из-за того, что захоронения совершались здесь неоднократно. Первоначально в яме разместили лишь отдельные фрагменты скелетов (парциальное погребение), а позднее к ним добавили еще два захоронения, которые выделялись большим количеством погребального инвентаря. Размеры могильной ямы – 2,2×3,0 м, глубина – до 1 м от уровня погребенной почвы. По периметру яма была обставлена плитами из красного девонского песчаника, образуя каменный ящик размерами 2,0×2,5 м. Сверху конструкцию перекрывали бревна листовенницы, поверх которых был устроен каменный настил.

Погребальный инвентарь нижнего яруса захоронений был представлен костями животных и, вероятно, керамическим сосудом, который был обнаружен на уровне погребенной почвы.

В верхней части могилы было совершенно захоронение молодой пары – девушки и юноши. С ними был захоронен наиболее богатый инвентарь среди всего кургана: массивный бронзовый проушной топор с грибовидным обушком, бронзовый пластинчатый нож, шило без наворачия, а также набор из 10 втульчатых наконечников стрел, найденных в заполнении могилы на разной глубине. Женское погребение сопровождалось тремя полусферическими бляшками, бусами из тенорита, розового туфа, стеатита, бронзовыми пронизками и клыком кабарги, фигурной подвеской с изображением архаров, костяной дисковидной в сечении застежкой и двумя баночными сосудами [Соколова, 2008].

Последним в этой могиле был захоронен скелет взрослого, у головы которого стоял сосуд с арочным орнаментом.

Сравнение антропологических данных с составом погребального инвентаря в захоронениях выявляет заметные различия, которые могут свидетельствовать о сложном социальном устройстве в обществе. Анализ материалов позволяет выделить несколько четких социально-возрастных категорий. Менее всего в ритуальном отношении представлены младенцы и дети до 12 лет: их погребения полностью лишены инвентаря, они встречаются либо как впускные во взрослые могилы, либо в составе коллективных вторичных захоронений. У молодых людей 15–24 лет, напротив, наблюдается пик материального достатка, что особенно ярко проявляется в парном погребении молодой пары из Могилы 5.

Взрослые в возрасте 25–44 лет, вероятно, составляют основу социальной группы: их статус подчеркивается функциональным инвентарем – у мужчин это поясные наборы вооружения с небольшим количеством костяных наконечников стрел и отдельными престижными предметами, а у женщин – орудия труда и украшения. Для данной группы

характерны коллективные погребения в грунтовых усыпальницах. Лица старше 45 лет, как и дети, почти не имеют индивидуальных захоронений с инвентарем и встречаются во вторичных коллективных (парциальных) погребениях, что может говорить о ритуальном снижении их социального положения. Отдельно выделяется молодая женщина лет из Могилы 3: она погребена в индивидуальном каменном ящике с эталонным, но стандартным набором вещей, без уникальных предметов.

Изучение конструкций погребальных сооружений на исследуемом могильнике также показывает их связь с социальным положением умерших и отражает изменения в погребальной обрядности. В ходе изучения материалов были выделены три типа построек. Обычные грунтовые ямы (Могилы 1, 2 и 4) вероятно использовались как коллективные родовые усыпальницы. Их устройство предполагало неоднократное открывание для добавления новых захоронений, что может свидетельствовать о значимости родовой преемственности. В них похоронено большинство людей, однако из-за коллективного характера инвентарь и кости оказались сильно перемешаны, что, возможно, снижало значение индивидуального статуса в пользу родового.

Из общих тенденций выделяется Могила 5 с вкопанными по краям плитами из красного девонского песчаника, перекрытыми накатом из лиственницы, поверх которого была устроена каменная насыпь. Данный комплекс, вероятно, отражает характерные черты подгорновского этапа тагарской культуры, сочетая коллективные традиции с зарождающимися индивидуальными элитарными обрядами. Первоначальное разновозрастное погребение соответствует обычной родовой усыпальнице, типичной для раннего периода. Последующее перемещение их останков к стенке могилы с сохранением частичного анатомического порядка указывает на сложный ритуал. Центральное захоронение знатной пары с богатым инвентарем может являться началом зарождающейся практики выделения племенной знати внутри родовой структуры.

Классический каменный ящик (Могила 3) занимает в этой системе особое место. Он расположен в центре кургана. Погребенная в нем молодая женщина сопровождается качественным, но стандартным набором вещей. Таким образом, тип погребального сооружения служит важнейшим маркером, фиксирующим не только статус, но и его характер: коллективный родовой – в грунтовых ямах, верховный – в яме с вкопанными на ребро песчаниковыми плитами (Могила 5), и индивидуальный – в каменном ящике.

Некоторые особенности антропологической выборки могильника

Бея-I (курган 1)

Половозрастные определения для погребенных в этом кургане позволили произвести палеодемографические вычисления по программе «Acheron» [Алексеева и др., 2002]. Анализ материалов показал преобладание мужчин среди (55,9% против 44,1% женщин). Зафиксирован аномально низкий для древних популяций уровень детской смертности (19,6%), что, вероятно, объясняется особенностями погребальной практики, а не реальной демографией. Средний возраст смерти с учетом детей (А) составил 27,4 года, но более показателен средний возраст смерти взрослых (АА) – 32,5 года (мужчины – 33,8, женщины – 30,5), причем половые различия в продолжительности жизни здесь менее выражены, чем в других древних группах. Пики смертности различаются по полу: у женщин – плавный рост в 20–24 года (риски первых родов) и основной пик в 30–34 года (накопленный эффект родов); у мужчин – первый пик в 25–29 лет, затем плато и второй пик в 35–39 лет. Высокая мужская смертность в возрасте 25–29 лет, вероятно, связана с эпидемиологическим кризисом или социальными факторами.

Палеопатологическое исследование наиболее сохранившихся 19 черепов (12 мужских и 7 женских) из могильника Бея-I выявило высокую распространенность стертости зу-

бов (68,4%), пародонтоза и зубного камня (по 63,2%), что указывает на серьезную нагрузку на зубочелюстную систему. Необычно, что мужчины страдали чаще женщин: у них в два раза выше стертость (83,3% против 42,9%) и чаще встречалась прижизненная утрата зубов (41,7% против 28,6%), что может быть связано с профессиональными нагрузками. Кариес был редок (21,1%), а *Cribra orbitalia* (признак анемии) отсутствовал полностью, что может свидетельствовать о диете с преобладанием животной пищи. Гипоплазия эмали наиболее часто встречалась у женщин (71,4%) против мужчин (25%), что отражает разный уровень физиологических нагрузок в раннем возрасте.

Сопоставление полученных результатов с данными по иным тагарским могильникам [Медникова, 2005; Святко, 2014] дает возможность увидеть как общие для эпохи раннего железа в Минусинской котловине закономерности в состоянии зубов и челюстей, так и локальные особенности изучаемой группы.

Наиболее яркая особенность выборки Бея-I – очень высокая доля гипоплазии эмали, особенно у женщин (71,4%), что превышает показатели как у С.В. Святко (58%), так и у М.Б. Медниковой (16,6–33%) и указывает на сильный метаболический стресс в этой группе. Потеря зубов при жизни здесь чаще встречалась у мужчин, что в целом согласуется с тенденцией, выявленной Святко. Частота пародонтоза и зубного камня в Бея-I занимает промежуточное положение между более высокими цифрами Святко и более низкими – Медниковой. Уровень кариеса (21,1%) значительно выше, чем у Святко (2%), но близок к диапазону Медниковой (0–10%). Отличительной чертой материалов из могильника Бея-I является высокий показатель стертости зубов (у 10 мужчин и 3 женщин), не отмеченный в других исследованиях. Одонтогенный остеомиелит в группе Бея-I (21,1%) встречается намного чаще, чем в материалах Медниковой (3,6–7,14%), что говорит о более тяжелых условиях жизни на раннем этапе тагарской культуры.

Заключение

Проведенное комплексное исследование материалов могильника Бея-I (курган 1) позволяет не только охарактеризовать особенности погребальной обрядности, демографии и палеопатологии одной конкретной группы населения, но и вписать этот памятник в широкий контекст современных дискуссий о периодизации тагарской культуры. Отнесение кургана к подгорновскому этапу, который в обновленной хронологической схеме рассматривается как наиболее ранний в развитии тагарской культуры, придает полученным результатам особое значение для понимания процессов культурогенеза в Южной Сибири в раннескифское время.

Анализ погребальных конструкций и инвентаря выявил сложную социальную структуру общества, оставившего могильник. Наряду с традицией коллективных родовых усыпальниц в грунтовых ямах, фиксируются явные свидетельства зарождения элитарных погребальных практик. Наиболее ярко это проявляется в устройстве Могила 5 с использованием каменных плит и богатым сопроводительным инвентарем, а также в выделении индивидуального каменного ящика (Могила 3).

Палеодемографический анализ продемонстрировал преобладание мужчин в выборке, аномально низкую представленность детей (что, вероятно, связано с особенностями обряда, а не реальной смертностью) и специфические пики смертности, которые могут быть связаны с социальными факторами – для мужчин и репродуктивной нагрузкой – для женщин. Палеопатологическое исследование зафиксировало высокий уровень стрессовых нагрузок в группе: сильная стертость зубов, высокая частота встречаемости гипоплазии эмали (особенно у женщин) и одонтогенного остеомиелита. Эти показатели, превышающие значения, известные по другим тагарским могильникам (исследования М.Б. Медниковой и С.В. Святко), могут свидетельствовать о более тяжелых условиях жизни, специфических пищевых привычках и профессиональных нагрузках (в первую очередь у мужчин) на раннем этапе существования тагарской культуры.

Таким образом, материалы могильника Бея-I, курган 1, предоставляют возможность заглянуть в начальную фазу сложения тагарской культуры. Сочетание традиционных норм с зарождающимися элементами социальной иерархии, а также высокая частота маркеров физиологического стресса рисуют картину адаптации населения к новым условиям на рубеже эпох.

Благодарности. Автор благодарит участников экспедиции 2007 г., особенно Л.А. Соколову, за предоставленные материалы, легшие в основу данного исследования.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25–18–00424, <https://rscf.ru/project/25-18-00424> «Миграции в центральноазиатском регионе в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине н.э. по данным комплексного биоархеологического исследования».

Литература

- Алексеева Т.И., Балановская Е.В., Бахольдина В.Ю., Е.З. Година, Н. А. Дубова, А.А. Зубов, И.В. Перевозчиков, Л.Т. Яблонский. Проблема расы в российской физической антропологии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 96 с.
- Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.: Институт археологии РАН, 1995. 189 с.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири / РАН. Ин-т истории материальной культуры. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 439 с.
- Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири. Л.: Наука, 1968. Т. 1. С. 187–196.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 653 с.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: МГУ, 1960. 197 с.
- Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник/Отв. ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 43–52.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ, 1979. 208 с.
- Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней

- бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт. 2008. С. 33–55.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В., Лурье В. М., Амзараков П. Б.** Финал эпохи палеометалла в Хакасско-Минусинской котловине // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 1. С. 108–118.
- Медникова М. Б.** Палеоэкология Центральной Азии по данным антропологии // Антропоэкология Центральной Азии: монография / Т. И. Алексеева [и др.]; редкол.: Т. И. Алексеева (отв. ред.) [и др.]. М.: Научный мир. 2005. С. 259–289.
- Поляков А. В.** Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
- Святко С. В.** Анализ зубных патологий населения Минусинской котловины (Южная Сибирь) эпох энеолита – раннего железа: Новые данные по диете // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 143–156.
- Соколова Л. А.** Отчет о проведении археологических раскопок кургана 1 могильника Бея-1 (подгорновский этап тагарской культуры), расположенного на окраине с. Бея, Бейского района Республики Хакасия в 2007 г. ЛА (личный архив). 2008.
- Теплоухов С. А.** Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л.: Гос. рус. Музей, 1926. С. 88–94.
- Теплоухов С. А.** Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2 / отв. ред. Ф. К. Волков. Л.: Изд-во Этногр. отд. Рус. музея имп. Александра III. 1929. С. 41–62.
- Членова Н. Л.** Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // Советская археология. 1963. № 3. С. 48–66.
- Членова Н. Л.** Тагарский курган на реке Изыкчуль // Краткие сообщения Института археологии. 1964. № 102. С. 119–126.
- Buikstra J. E., Ubelaker D. H. (eds.)** Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas archeological survey research series. Indianapolis. 1994. No. 44. 272 p.
- Ortner D. J.** Identification of pathological conditions in human skeletal remains. 2nd ed. London: London Academic Press. 2003.

УДК 902

ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ Я. И. СУНЧУГАШЕВА «КАМЕНОЛОМНЯ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХЫЗЫЛ-ХАЯ»

Л. С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия; ORCID: 0000-0002-0480-2225

В статье даны пояснения автора к экспедиционным материалам Я. И. Сунчугашева по раскопкам на каменоломне Хызыл-Хая, на которой добывали многотонные плиты для строительства «царских» курганов в Салбыкской степи. Публикуются прорисовки вертикальных камней, исследованных Я. И. Сунчугашевым. Кроме того, приводятся краткие результаты работ на «Вратах», позднее проведенных автором в геопатогенных зонах, совместно с участником экспедиции Я. И. Сунчугашева.

Ключевые слова: каменоломня, Хызыл-Хая, тагарская культура, менгиры, геопатогенные зоны.

PREFACE TO YA. I. SUNCHUGASHEV'S ARTICLE "THE TAGAR CULTURE QUARRY OF KHYZYL-KHAYA"

L. S. Marsadolov

State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia; ORCID: 0000-0002-0480-2225

The article provides the author's explanations to Ya. I. Sunchugashev's expeditionary materials on excavations at Khyzyl-Khaya quarry, where multi-ton slabs were mined for the construction of "royal" mounds in the Salbyk Steppe. The author of this article publishes own drawings of vertical stones studied by Ya. I. Sunchugashev. The article also presents brief results of work at the "Gates", carried out later by the author jointly with a member of the expedition Y. I. Sunchugashev in geopathogenic zones.

Keywords: quarry, Khyzyl-Khaya, Tagar culture, menhirs, geopathogenic zones.

Яков Иванович Сунчугашев (1926–1996) был многогранным научным исследователем. Как археолог он изучал археологические памятники разных исторических периодов и особенно много сделал для исследования открытых им объектов древнего горнорудного дела, металлообработки, орошаемого земледелия и петроглифов.

В середине 1950-х годов экспедиция С.В. Киселева обнаружила и Л.А. Евтюхова сфотографировала общие виды каменоломни Хызыл-Хая, где добывали каменные плиты для Большого Салбыкского кургана. Через 30 лет археологическая экспедиция Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории под руководством Я.И. Сунчугашева в 1986 г. провела там первые небольшие археологические раскопки около погрузочных каменных «эстакад» и в 1987 г. в Москву был послан отчет об итогах работ этой экспедиции (*рис. 1*) [Сунчугашев, 1987].

В 1992 г. Яков Иванович рассказал мне, как можно доехать до этого объекта и проконсультировал меня по топонимам Салбыкской долины. Не зная о посланном в Москву его отчете об экспедиции 1986 г., с которым я ознакомился позднее, экспедиция Эрмитажа в середине 1990-х годов заново прорисовала станки-эстакады в каменоломне Хызыл-Хая (*рис. 2*).

На рисунке 2: 9, который был сделан эрмитажной экспедицией примерно через 10 лет после раскопок Я.И. Сунчугашева, видно, что центральная вертикальная плита почти выступает над поверхностью земли и подпирающие эту плиту подтреугольный камень и горизонтальная плита, которые у Я.И. Сунчугашева на его *рис. 1: 4* были под землёй, сейчас находятся на поверхности земли. В 1990-е годы были ещё видны следы раскопок 1986 г., но сейчас они постепенно с каждым годом задерновываются всё больше. Эти данные необходимо учитывать в будущих исследованиях и более точном датировании объектов. Будущим специалистам-естественникам и археологам стоит обратить внимания на изменения в стратиграфии ранее раскопанных археологических объектов,

на природные и антропогенные изменения древнего и современного поверхностных слоёв, а также и на другие факторы.

Я.И. Сунчугашев не успел опубликовать свой отчет о раскопках в этой каменоломне и мне при подготовке книги о Большом Салбыкском кургане в 2016 г. пришлось заново с его ксерокопий сделать чистовики текста и рисунков, подготовить их к изданию [Сунчугашев, 2016; Марсадолов, 2019; 2024, с. 234–236]. Текст полевого отчета Якова Ивановича был опубликован в 2016 г., но запланированный к изданию рисунок из его полевого отчета, как и другие черно-белые рисунки Большого Салбыкского кургана, по финансовым причинам не вошли в общую монографию 2016 г., что хорошо видно по ссылке в этой книге – внизу стр. 51 на *рис. 75-Б*, хотя в этой книге всего лишь 22 цветных рисунка. Увидев, что рисунок Я.И. Сунчугашева не был опубликован, я написал небольшую статью об исследованиях Сунчугашева в Салбыкской долине и опубликовал его рисунок в материалах конференции в Абакане (*рис. 1*) [Марсадолов, 2019].

К сожалению, текст отчета Я.И. Сунчугашева и его рисунок ныне оказались опубликованными в двух разных малотиражных изданиях, поэтому в этой статье они объединены вместе.

Археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 1990-е гг. впервые составила план расположения древних объектов в каменоломне Хызыл-Хая, наметила карту пути доставки плит из каменоломни до Большого Салбыкского кургана, сделала новые рисунки эстакад и ряда каменных плит с начальной обработкой, а также реконструкцию процесса добычи, обработки и доставки плит [Марсадолов, 2006; 2010; 2024 и др.].

В 1980–1990-е годы Я.И. Сунчугашев изучал вертикально установленные камни-менгиры в геопатогенных зонах, в пограничье положительных и отрицательных потенциалов, например, в зоне природных разломов. Вместе с инженером-геофизиком с Н.Н. Кузнецовым они геофизическими методами и с помощью биолокации исследовали каменные «ворота»/«Врата» [по

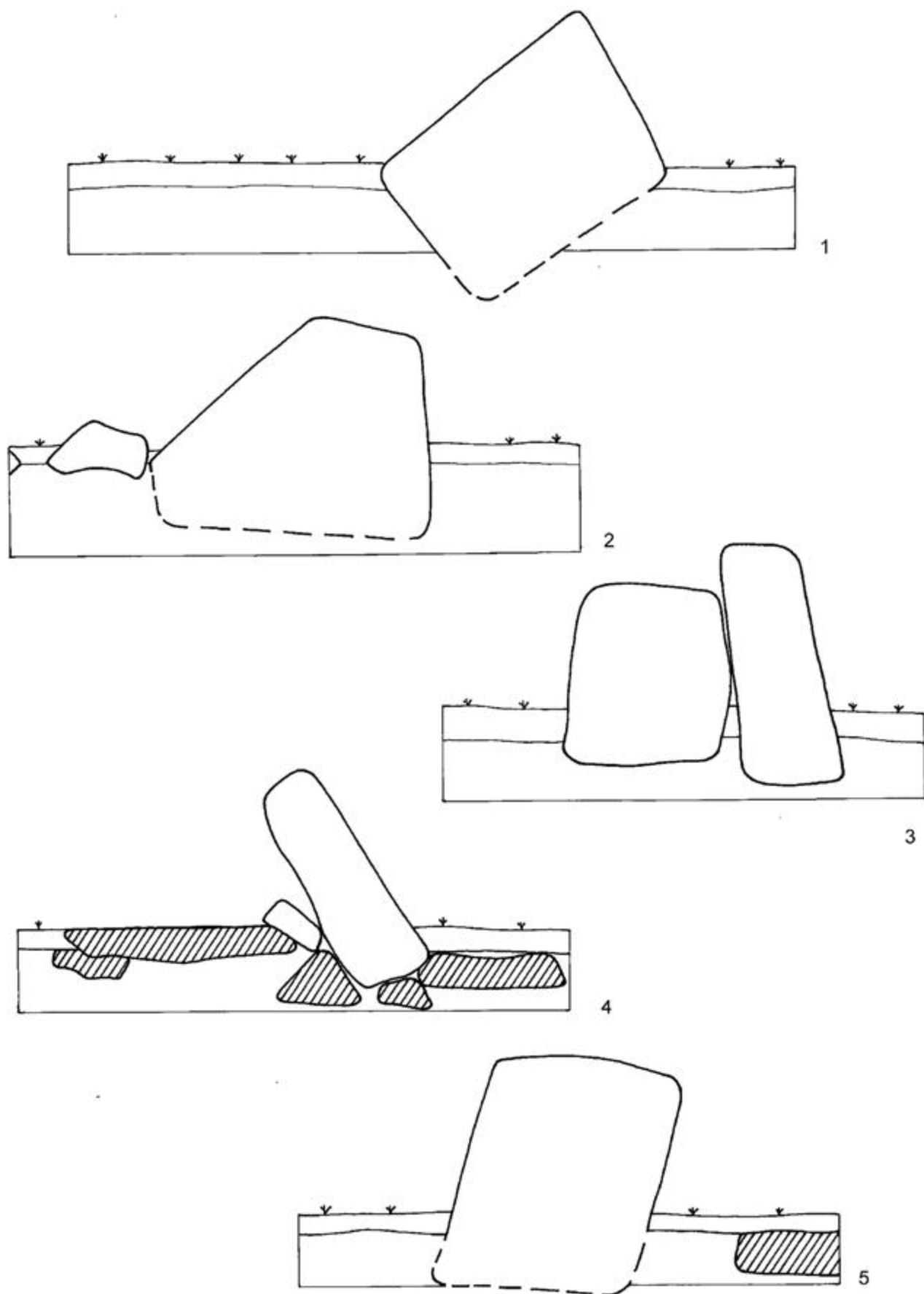

Рис. 1. Хакасия. Каменоломня Хызыл-Хая. Специально вкопанные «станки-эстакады» для обработки и погрузки каменных плит (1-5). По материалам экспедиции Я. И. Сунчугашева в 1986 г., заново прорисованы Л. С. Марсадовым.

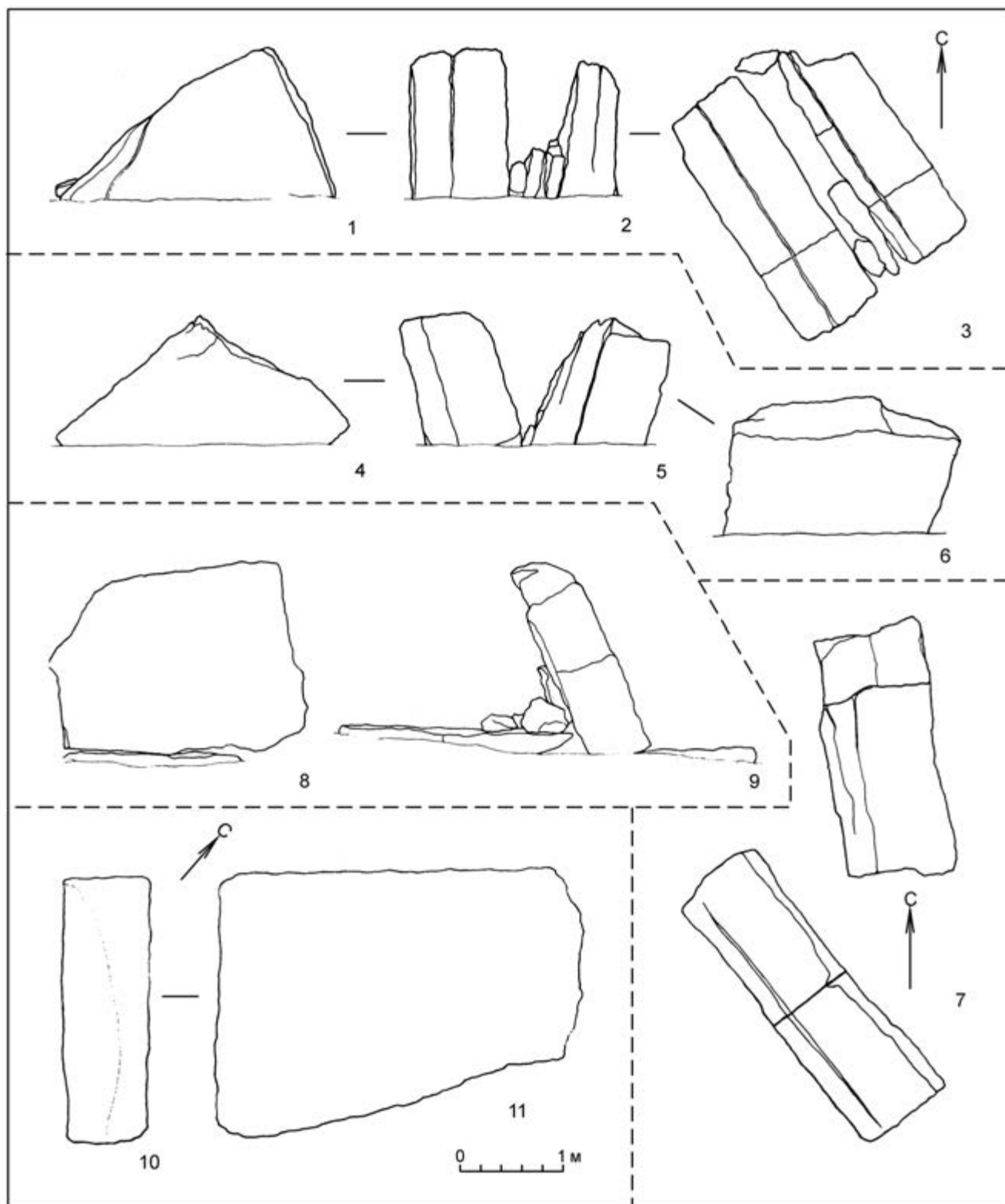

Рис. 2. Каменоломня Хызыл-Хая: 1–3, 4–7 – «эстакады» из врытых на ребро плит (виды: сбоку [1, 4, 6], спереди [2, 5] и сверху [3, 7]); 8–9 – плита, подготовленная к обработке (виды: спереди [8] и сбоку [9]); 10 – лежащая на склоне горы плита-заготовка. По материалам экспедиции Л. С. Марсадолова, 1990-е годы

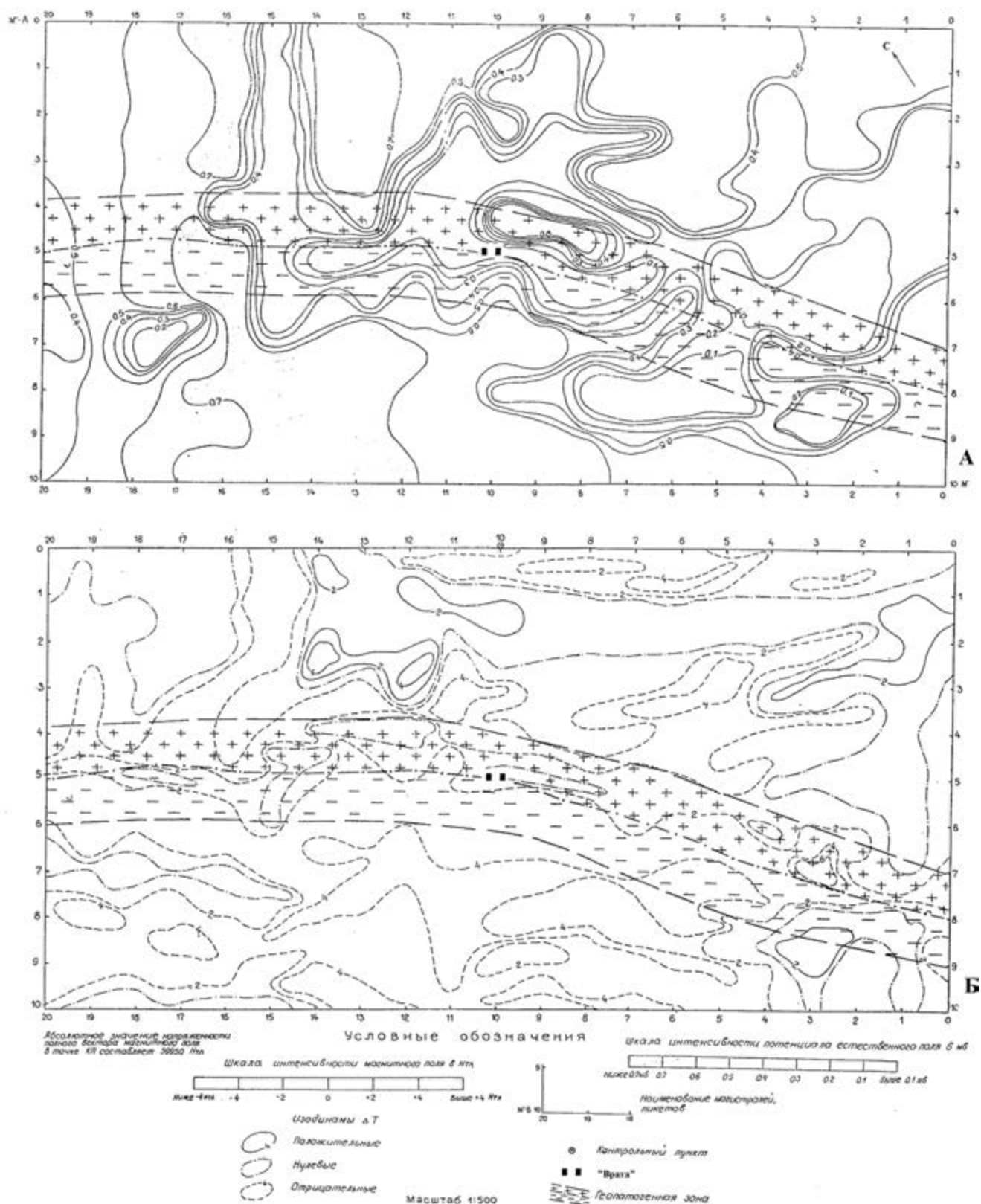

Рис. 3. Каменные «Врата» в Салбыкской долине. Планы изолиний:
 А – потенциала естественного электрического поля; Б – аномального магнитного поля.
 По материалам публикации Кузнецова Н.Н., Марсадолова Л.С., Сигединой Н.Г. [1996]

Л.С. Марсадолову, 2010, с. 40] и менгиры в Салбыкской долине и в других районах Хакасии [Сунчугашев, Кузнецов, 1994]. В дальнейшем новые астрономические, геофизические и биолокационные работы на «Вратах» продолжили Л.С. Марсадолов, Н.Н. Кузнецов и Н.Г. Сигедина и другие исследователи (рис. 3) [Марсадолов, 2010;

2016; Кузнецов, Марсадолов, Сигедина, 1996; Марсадолов, Кузнецов, Сигедина, 2016].

Многие археологические объекты, обнаруженные Я.И. Сунчугашевым, при использовании современных методов научных исследований, помогут в будущем выявить важную дополнительную информацию.

КАМЕНОЛОМНЯ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХЫЗЫЛ-ХАЯ

Я.И. Сунчугашев

Как известно, в 1954–1956 гг. С.В. Киселевым был исследован в Хакасии Большой Салбыкский курган. К сожалению, исследователь не успел опубликовать материалы раскопок и объектов, связанных со строительством Большого Салбыкского кургана. В архиве Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории хранится фотография древней каменоломни Хызыл-Хая, где запечатлен С.В. Киселев с сотрудниками экспедиции в 1953 г. Исследователем была найдена каменоломня, расположенная в «15 км к юго-западу» от Большого Салбыкского кургана. Прошло после завершения раскопок более 30 лет, карьер Хызыл-Хая оставался вне внимания археологов.

На наш взгляд, каменоломня Хызыл-Хая заслуживает внимания и исследования, ибо она поможет изучить не только технику каменоломного дела, но и строительного дела в тагарскую эпоху (VII–II вв. до н.э.).

С целью изучения каменоломни Хызыл-Хая в июле нами осмотрена и имеет такие данные. Хызыл-Хая находится в 24 км к северу от ж.д. станции Капчалы и в 4 км к югу от пос. Камышовое, расположенного около озера Улуг-Коль. Выходы песчаниковых плит высотой до 40 м ориентированы в меридиальном направлении, хорошо выделяются 4 монолитных слоя песчаника. Толщина песчаниковых монолитов от 0,6 м до 2 м. Из четырех слоев объектом добычи строительного камня служили два нижних слоя – №1 и 2. От былых работ и ныне заметны следы спуска каменных монолитов от 10 до 50 тонн весом. При спуске таких блоков делались длинные лиственничные бревна – хлысты,

по которым опускали указанные каменные блоки. Один из таких больших блоков показан на фотографии.

Спущенные таким образом большие и тяжелые плиты загружались на волокуши – сани для доставки строительного камня к месту строительства. В данном случае камень нужно было доставить к Большому Салбыкскому кургану.

Однако нелегким делом было погрузить каменные блоки длиной до 8 и более метров, шириной от 2-х до 3-х м при толщине от 0,6 до 1, 2 м.

Обнаружилось, что для погрузки таких огромных плит в каждом случае каменщики готовили специальные погрузочные эстакады. Всего таких эстакад зафиксировано пять. Они находятся сразу же у подножья скалы, за исключением эстакады №1, расположенной в 50 м от края окончания спуска со скалы. Рассмотрим эстакады (рис. 1).

Эстакада №1 находится в 50 м от подножья скалы. Вкопано две плиты высотой до 1,4 м. Между плитами оставлено пространство 0,6 м. Заложили раскоп 4 x 12 м глубиной 0,8 м, дерновый почвенно-растительный слой имеет толщину от 0,2–0,3 м. На площади раскопа ничего не обнаружено.

Эстакада №2 находится в 34 м к северо-западу от эстакады №1. Здесь также было вкопано ромбом две плиты. Высота плит на современной поверхности 1,6–1,8 м, их толщина 0,8–1,2 м. Заложен раскоп 5 x 6 м глубиной 0,8 м. Почвенно-растительный слой имеет толщину 0,2 м. У плиты по линии А–Б под дерном обнаружен контрофорс – плита, положенная для закрепления вкопанной ромбом каменной плиты. Находок никаких нет.

Эстакада №1 находится в 10 м к западу от эстакады №2. Вкопан массивный блок песчаника толщиной 1,8 м при высоте на современной поверхности 1,35 м. Заложен раскоп вокруг камня – 4х6 м. Почвенно-растительный слой имеет толщину 0,2 м. С северной стороны эстакады №1 скальные обломки длиной от 0,5 м до 1 м при ширине от 0,4 м до 0,6 м. На площади раскопа ничего не найдено.

Эстакада №4 находится в 4 м к юго-западу от эстакады №3. Неглубоко вкопанная песчаниковая плита высотой 1,7 м, шириной 2,4 м и толщиной 0,6 м стоит несколько наклонно. Раскоп заложен 4х4 м. Глубина раскопа 0,6 м. 0,2 м – толщина дерна. Как с северной, так и с южной стороны плита закреплена под дерном и на поверхности (с северной стороны) плитами шириной 1,2 и 2 м, толщиной 0,65–0,3 м. В раскопе ничего не найдено.

Эстакада №5 находится в 7 м к юго-западу от эстакады №4. Вплотную вкопано два песчаниковых блока. Высота камней 0,8 и 1,0 м при толщине 1,0 м и 0,6 м. Заложен раскоп 3 х 3 м. Ничего не найдено.

Диск каменный, №6 находится в 24 м к северо-востоку от эстакады №1. Песчаник, обработан (*фотография этого диска есть в Отчете за 1986 г.*).

Литература

- Кузнецов Н.Н., Марсадолов Л.С., Сигедина Н.Г. Салбыкские каменные «ворота» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, ИИМК РАН, 1996. С. 181–187.
- Марсадолов Л.С. Древние каменоломни в Центральной Азии // Производственные центры:

источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 179–185.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 2010. 128 с.

Марсадолов Л.С. Астроориентация и окружение Салбыкских «Врат» // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Коллективная монография. Абакан: [б/и], 2016 С. 150–152.

Марсадолов Л.С. Исследования Я.И. Сунчугашева в Салбыкской долине // Материалы VI Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 75-летию ХакНИИЯЛИ (26–27 сентября 2019 г.). Абакан: Хакаское книжное изд-во, 2019. С. 41–44.

Марсадолов Л.С. К 70-летию с начала раскопок больших курганов в Салбыке и в Туэкте на Саяно-Алтае // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2024. № 1. С. 224–241.

Сунчугашев Я.И. Отчет о работе археологической экспедиции Хакаского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1986 году. Абакан, 1987 г. (Архив ИА РАН, №Р-1/11354. С. 8–10).

Сунчугашев Я.И. Каменоломня тагарской культуры Хызыл-Хая // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Коллективная монография. Абакан: [б/и], 2016. С. 50–51.

Сунчугашев Я.И., Кузнецов Н.Н. Исследования менгиров Хакасии методами геофизики и биолокации // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 176–177.

НИЖНЕУЙБАТСКОЕ ПОЛЕ В СКИФСКОМ КУЛЬТУРНОМ КONTИНУУМЕ

А.Г. Акулов

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается крупный и высокостатусный комплекс курганов в низовьях р. Уйбат. Предлагается его понимание, как мемориала правителей этих мест, сооружение которого относятся к VIII в. до н.э., особо интересного тем, что за время его строительства происходят значительные культурные изменения. В свою очередь, эти изменения представляются лишь частным случаем общей трансформации скифского мира в это время. Предлагается вариант приведшей к этому событийной канвы.

THE LOWER UIBAT FIELD IN THE SCYTHIAN CULTURAL CONTINUUM

A. G. Akulov

Independent researcher, Saint-Petersburg, Russia

The article considers a large and high-status complex of mounds in the lower reaches of the Uibat River. It is proposed to understand it as a memorial to the rulers of these places, the building of which dates back to the 8th century BC and especially interesting because significant cultural changes took place during its construction. In turn, these changes seem to be only a special case of the general transformation of the Scythian world at that time. A variant of the event outline that led to this is proposed.

Keywords: Tagar culture, Lower Uibat, dynastic memorials, Uzun-Oba, Kara-Kurgan, Tigey, Bidzha stage.

В 1895 г. известнейший исследователь сибирских древностей А.В. Адрианов решил провести раскопки в сухих степях неподалеку от устья р. Уйбат, левого притока Абакана, небольшой, но полноводной речки, сбегаящей в котловину с лесов и горных лугов восточных отрогов Кузнецкого Алатау. Места эти были давно известны исследователям: еще в конце 18 в. на тамошних курганах копировали рунические надписи, впоследствии изданные П.С. Палласом, в 19 веке здесь бывали и описывали местные достопримечательности А.М. Кастрен, И.Р. Аспелин, О.Х. Аппельгрэн-Кивало. Да и не только исследователям – кочующие по Абакану хакасы прекрасно знали, что именно по Уйбату проходил кратчайший путь через «чернь Сунга» древних тюркских эпитафий, в северные котловины, на Июсы и Чулым, и дальше к Томи и Оби. Соответственно, низовья Уйбата всегда были не только просто надежными зимниками, где снежный покров не толст, скот может тебеневать и не гибнет от бескормицы. Не менее, а то и более важен был ресурс перекрестка путей: прохожие люди не только меняли товары и покупали еду, но и приносили важные вести, позволявшие быть в курсе ближних и дальних событий. Умный и умелый всегда этим воспользуется; на пастбищах через Абакан от священной горы Ызых не переводились хозяева богатых юрт. А в степи возвышались большие курганы с высокими стелами, знак того, что сильные неглупые люди жили здесь издревле.

Два таких кургана, на стелах которых были выбиты рунические надписи Узун-Оба и Кара-Курган, и привлекли здесь внимание

Адрианова. Их-то он и раскопал, как умел: а поскольку вблизи больших курганов имелось и немалое количество насыпей поменьше, решил, что эти насыпи с большими так или иначе связаны, находки из них лишними не будут и исследовал неподалеку от Кара-Кургана еще три, а у Узун-Обы аж целых пять курганов [Адрианов, 1902–1924]. Так вошли в науку два комплекса, сведения о которых впоследствии фигурировали во всех обобщающих работах, где упоминались здешние памятники скифской эпохи; особое внимание уделялось Кара-Кургану, который до раскопок Большого Салбыкского кургана был самым крупным исследованным курганом.

Однако, кроме упоминаний некоторых особенностей погребальных обрядов и конструкций, да кратких обзоров могильного инвентаря [Киселев, 1949; Грязнов, 1968; Вадецкая, 1986] о раскопанных курганах на протяжении всего прошлого века исследователям сказать, по сути, было нечего. Аналитика сводилась к отнесению, без особых объяснений, курганов к тому или иному этапу культуры, а также характеристики погребенных в них как людей со значительным социальным статусом. Аналогичные мысли также высказывались Л.Р. и И.Л. Кызласовыми, исходя из исследований рунических текстов на стелах главных курганов, проведенных ими в 1970-е годы [Кызласов Л., Кызласов И., 1976; Кызласов И., 1985; 1987].

Это, по сути, было началом нового этапа исследований памятников, которые, как мы сейчас полагаем, интегрируются в единый масштабный ландшафтно-архи-

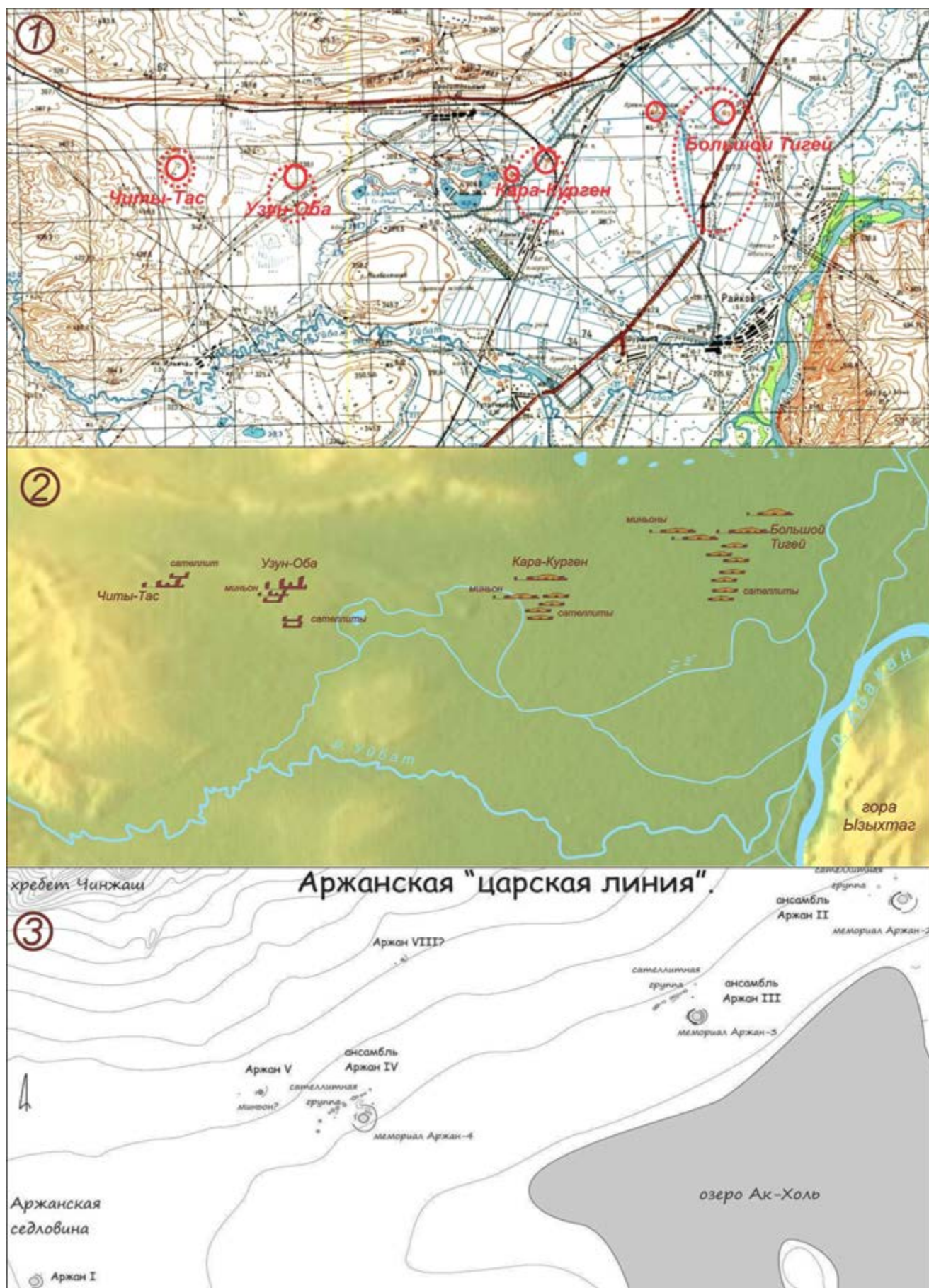

Рис. 1. 1. Нижнеуйбатское поле на топографической карте. 2. Нижнеуйбатское поле в древности. 3. Аржанское поле

тектурный комплекс. Близко по времени случилось и другое событие, важнейшее для понимания особенностей этого комплекса – раскопки В.Н. Седых, Е.Д. Паульсом и М.Л. Подольским кургана Тигей [Паульс и др., 1985]. Материалы их были осмыслены не сразу, хотя, думается, именно они послужили причиной того, что Э.Б. Вадецкая в своем обобщающем труде [Вадецкая Э.Б., 1986] отнесла не только Тигей, но и Кара-Курген не к сарагашенскому, но к более раннему, подгорновскому этапу, несмотря на их величину. Иными словами, уже полвека назад лучшие исследователи, казалось бы, разрозненных памятников этих мест подспудно ощущали их связь между собой. Однако в научной литературе это не фигурировало, и совершенно понятно, почему. Три (!) железные дороги, три (!) автотрассы, оросительные каналы, лесополосы в прошлом веке буквально раздробили ранее визуально единый огромный комплекс. Каждый курган или группа теперь стояли где-то на колхозном поле, видно за лесополосами и дорожными насыпями ничего не было, лишь духи возвышавшейся в отдалении горы Ызых-таг могли по-прежнему любоваться величественной панорамой мемориального ансамбля правящего дома этих мест на рубеже ранне- и позднетагарского времени (рис. 1: 1).

Начиная с рубежа тысячелетий, однако, и мы с Е.Д. Паульсом, в своих бесконечных разъездах по котловине, стали понимать единство этих памятников. В 2024 г. был осмотрен, наконец, и последний курган, с которого, судя по закономерностям строительства подобных памятников, все здесь и началось; он, по своему характерному облику, был назван мной Читы-Тас. На данный момент, в моем представлении, ансамбль памятников, о котором здесь повествуется, выглядит следующим образом.

От невысоких гор к востоку от Уйбатских Щек до долины Абакана под горой Ызых, между Придорожной грядой на севере и плоской сопкой Чалбах-тигей на юге, слегка понижаясь с запада на восток, на 15 километров протянулось огромное поле (рис. 1: 2). На нем находятся четыре мемориальных ансамбля, каждый из которых сопутствует крупнейше-

му для своего времени тагарскому кургану. Крайний с востока, по своим архитектурным признакам относящийся к финальному «сорайскому» горизонту раннетагарских памятников, и названный нами Читы-Тас, является, за одним исключением, самым большим курганом данного горизонта (33 метра фасадная сторона, 29 задняя, западная, 24 боковые, высота 0,6 м без выкида из грабительской ямы). Юго-восточный угол «оттянут», стелы сохранившейся высотой до 2,6 м. В 140 м. северо-востоку находится небольшой курган-спутник.

В трех с половиной километрах к востоку от Читы-Таса при хорошей видимости, даже сейчас нетрудно разглядеть несколько устремленных к небу черточек – стел последнего великого раннетагарского кургана – Узун-Обы. Если Читы-Тас – мощный, каноничный и продуманный курган финала эпохи, то Узун-Оба – прыжок в неизвестность, тринадцать обелисков-ножей, тянущихся к небу (осталось четыре, но они дают представление). Это уже выход за предел эпохи, и он единственный, следующие пойдут по немного иному пути. 39 м фасадная сторона, 31 задняя, 25 боковые. Высота без выкида из раскопа Адрианова – 0,8 м. Высота стел – 3,5–4,5 м. К востоку находился маленький курган-спутник, раскопанный Адриановым, к юго-западу – миньон-престижник, младший член клана, к югу от него – еще сателлиты. Полноценная сателлитная группа с последующим развитием. Пять курганов раскопано, есть датирующие находки.

В километре–двух от Узун-Оба на восток начинается болотистое понижение с затекающим сюда северным рукавом Уйбата, поэтому расстояние до следующего кластера с главным мемориалом Кара-Курген увеличивается до следующего сухого участка поля и составляет 5,5 км. Насыпь Кара-Кургена окончательно создает новый образ тагарского мемориала: она чуть выше стел, снова укорачивающихся до 2–3 м в высоту, и, очевидно, уже содержит склеповую конструкцию. В плане курган сохраняет некую трапецевидность и оттянутость юго-восточного угла; фасадная сторона 51 м, задняя 47 м, боковые

43. В каждой стороне ограды добавлены по две промежуточные стелы; это первый курган, созданный в новом, восемнадцатикаменном каноне, маркирующем особый статус высших нобилей. Адриановым раскопаны две могилы, центральная и южная; северная, а, скорей всего, она не тронута. К востоку раскопан маленький курган-спутник; еще два кургана раскопаны в сателлитной группе, насчитывающей более десяти насыпей, ее строительство начинается к западу и продолжается на юго-запад. За сателлитами расположен престижный десятикаменный миньон, 41 м фасадная сторона, 35 задняя, 31 боковая, стелы высотой около 2 м.

Главный мемориал последнего кластера находится в 5,2 км к востоку от Кара-Кургена, до его раскопанного миньона, Тигея, расстояние 3,9 км. Ограда «Большого Тигея», как мы его называли, сохранилась хуже, стоящих стел всего 4 из восемнадцати, положенных ему по канону высших нобилей. Длина фасадной стороны 52 м, задней 50 м, боковых 48 м. Изначальная высота насыпи, как и стел, около 2,5 м. Остатки престижного миньона, раскопанного Тигея, находятся в километре к западу и были обнаружены нами этой весной. Сателлитная группа начинается с ЗЮЗ от большого кургана, ее продолжение идет за дорогу Абакан-Аскиз, ее протяженность и количество насыпей еще предстоит установить, так как поле сильно распахивалось и часть курганов обнаружится только после лидарной съемки. Не исключено, что какие-то из них раскопаны при строительстве дороги.

Последний большой престижный курган поля в 900 м от «Большого Тигея» на ССВ, построенный еще по раннетагарскому десятикаменному канону, уже имеет характерные для позднетагарских курганов пропорции: его высота около 4 м, размер фасадной стороны 36 м, задней 32 м, боковых 30 м. Сателлитной группы у него не обнаружено, построен он по десятикаменному канону. Очевидно, это близкий родственник похороненного в Большом Тигее, возможно, сын или внук.

Таким образом, мы имеем то ли четыре, то ли пять мемориальных ансамблей, протянувшихся на пятнадцать километров с запада

на восток. Две с половиной тысячи лет назад они, очевидно, находились в открытой степи в прямой видимости друг от друга, образуя единый масштабный ландшафтно-архитектурный ансамбль династии правителей этих мест. С самого начала наших исследований на время его создания однозначно указывало то, что его общая планировочная структура, по сути, является калькой со структуры еще более мощного мемориального ансамбля того времени – «царской» линией Аржанского курганного поля. Этот известнейший памятник находится от него более чем в двухстах километрах за хребтом Западного Саяна, в Турано-Уюкской межгорной котловине (рис. 1: 3). Одинаковая семиотика ландшафтных реалий, вплоть до видных при хорошей погоде белков высоких гор на востоке, одинаковая группировка частных ансамблей в линию с востока на запад, одинаковая структура этих частных ансамблей (главный мемориал + сателлиты + миньоны) не оставляли сомнения в том, какие именно памятники послужили образцом для мемориалов Нижнего Уйбата.

Время сооружения аржанских ансамблей даже в начале века было уже понятно, за последние годы оно было уточнено и определено – с рубежа IX и VIII вв. до н.э. по вторую половину VII в. до н.э. [Чугунов, 2013]. Уточнить даты сооружения мемориалов Уйбата позволяла крайняя близость архитектурных особенностей раскопанных Кара-Кургена и Тигея, с одной стороны, и кургана Черемшино, узко датированного радиоуглеродным анализом по методу *wiggle matching* 723±20 г. до н.э. [Александров и др., 2014]. Опыт исследования могильников нобилитета скифского времени в Минусинской котловине и иных регионах позволял полагать, что нижнеуйбатские мемориалы были построены за три-четыре поколения, соответственно, время их сооружения оценивалось и оценивается нами, как вторая четверть – конец VIII в. до н.э. Анализ вещевого комплекса из раскопанных на поле курганов в целом подтвердил эту дату.

Почему этот масштабный комплекс важен и каковы перспективы его дальнейшего исследования?

1. Он абсолютно ключевой для понимания процессов, идущих в тагарской культуре на рубеже раннетагарского и позднетагарского времени. Могильников, где не просто присутствуют ранне- и позднетагарские курганы, но где наблюдается переход от одних к другим в рамках единой, последовательно развивающейся структуры, вообще в Минусинской котловине единицы. Подобных же мемориалов высшего нобилитета просто больше нет. Либо как Сафронов, Кутень-Бурук, Сорай, Узун-Хая, они заканчиваются курганом типа Читы-Таса и Узун-Оба, либо начинаются с курганов типа Кара-Кургена и Тигея – Боргояков, Салбык, Кызлас и т.д. Учитывая важность процессов, идущих именно в высшей элите общества во время его трансформации, я бы сформулировал просто – переход от раннего к позднему тагару происходит на Нижнеуйбатском поле.

2. Мемориалы Нижнего Уйбата – не «вещь в себе». Они множеством нитей связаны с другими династическими могильниками Минусинской котловины. Будучи изначально мемориалом местных правителей, они перенимают некоторые традиции тех кланов, которые приходят сюда в это время – сооружение склепов, куполообразная насыпь, сателлитные группы с запада и юго-запада, одновременно влияя и на мемориальное зодчество пришельцев. Синтез архитектурных традиций двух культурных групп привел к формированию нового архитектурного стиля, наиболее полно воплощенного Салбыкском мемориальном комплексе. Данный комплекс, расположенный в 30 км к северу, представляет собой погребальный ансамбль правящего рода, генетически и политически связанного с династией нижнеуйбатских правителей. Одним из ее маркеров являются многокаменные ограды, впервые появляющиеся на Нижнем Уйбате. К раннетагарской архитектуре этих мест восходят и трапезиевидность оград, и использование стел фантазийной формы. Подобные же архитектурные приемы, восходящие к нижнеуйбатским, мы видим и на могильниках, возникающих тогда же курганных полях властных кланов на одну ступень ниже, не «царей»,

но «князей» – Сонском, Кызласском, Джиримском.

3. Когда мы сопоставляем хронологию династических курганных полей Минусинской и Турано-Уюкской котловин, нам открывается прелюбопытная картина (рис. 2). Оказывается, периоды максимальных размеров мемориалов по разные стороны Западного Саяна находятся в противофазе по отношению друг к другу: конец IX – вторая половина VIII вв. до н.э. – преобладание ранних турано-уюкских курганов, «Аржанская линия», Туннуг, Старший Аржан, ранний комплекс Аржана-4, вероятно, Аржан-3; конец VIII – середина VII вв. до н.э. – поздние ансамбли Нижнего Уйбата, центральная группа Салбыка; вторая половина VII в. – Аржан-2, затем, вероятно, весь VI век царские мемориалы Чингетэйского поля; впоследствии курганы там мельчают, а в Хакасии строятся комплексы Барсучьего Лога и Троицкого. Где-то этим временем датируются и большие алтайские курганы. О чем это? Несмотря на значительное сходство культуры, общества разных регионов Саяно-Алтая обычно рассматривались как независимые, по крайней мере, политически. Факты говорят об обратном: политическая гегемония властителей одного региона сменяется преобладанием династии, господствующей в другом, а то и своеобразной «эпохой малых конунгов». Следствия этого еще предстоит осмыслить; ясно лишь, что интеграция разных регионов была глубже и полнее, чем зачастую представлялось исследователям.

4. Практически не вызывает сомнения то, что трансформации тагарской культуры и общества коренятся не столько в их внутреннем развитии, сколько в событиях и процессах значительно большего масштаба. Курганы с тремя могилами по оси север-юг, устройство склепов с дромосами с запада, распространение оленных блях, вообще предметы в зверином стиле не как символ принадлежности к элите, но как продукция массового потребления – все это распространяется во второй половине VIII в. до н.э. на территориях от Саяно-Алтая и Восточного Казахстана до Кавказа, Украины, да

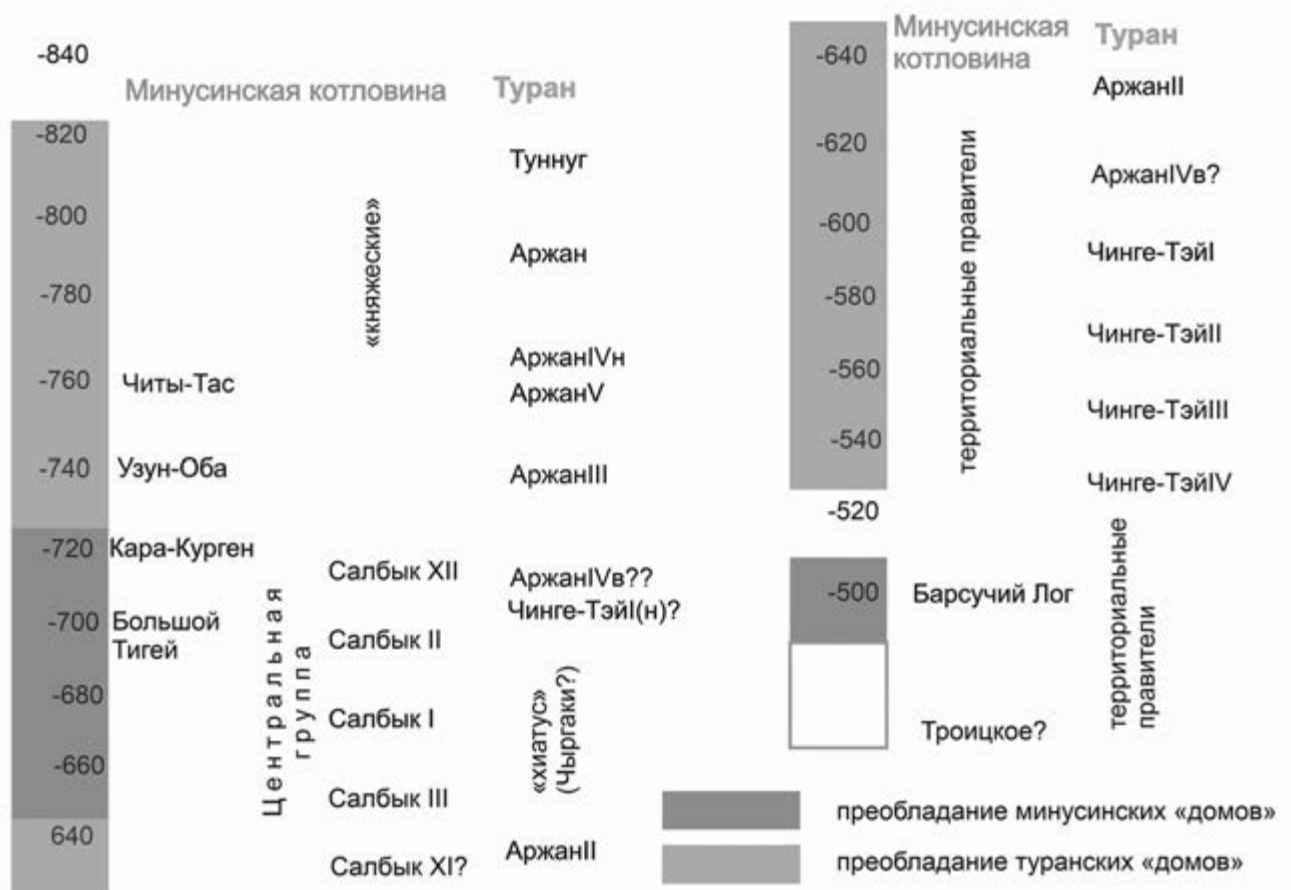

Рис. 2. Периоды преобладания династов разных регионов на Саяно-Алтае. Красным цветом шрифта указаны полностью или частично раскопанные курганы.

Рис. 3. Обстановка в степном поясе Евразии в эпоху строительства Нижнеубатского поля

чуть ли не до Трансильвании (рис. 3). Вслед за И. В. Пьянковым [Пьянков, 2013, с. 315–330] я считаю, что этот *кризис первой скифской волны* сопряжен с событиями, описанными в Авесте и Шахнаме – войнами между оседлыми ариями во главе с династией Кавиев – Кеянидов, чье раннее государство существовало в ту эпоху в Средней Азии и Восточном Иране и кочевыми племенами туров. Но не только. Не исключено, что успехи Хаусравы и Рустама, разгромивших наголову и убивших царя туров Франграсьяна, были обусловлены натиском на последнего с тыла, из Монголии – иначе откуда взяться оленным бляхам, явному деривату центральномонгольских «летающих оленей». В хаосе этих событий и возникают новые композитные консорции, разносящие из казахстанско-среднеазиатского региона новые сюжеты искусства, обряды и архитектурные особенности погребальных сооружений от Енисея до Дуная. В Минусинскую котловину новые традиции и новые люди приходят сначала с биджинской трансформацией – это, скорее, стронутые с места соседи, принадлежащие к «первой волне» со «входами-воротами» с востока, насыпами – «низкими платформами» или «низкими куполами» и «круглыми кошками», которые, впрочем, в то время уже не совсем кошки, а то ли «кошкволки», то ли «волкодраконы», образ стал химеричным. Через некоторое же время следует трансформация сарагашенская, приносящая сюда оленные бляхи и пирамидальные высокие насыпи – и это уже непосредственные участники вышеописанных событий.

2700 лет назад Нижний Уйбат был не только важным политическим центром тагарских племен. Нити событий и явлений ведут с его протоков, равнин и сопок в пространства и времена значительно больше-

го масштаба. Мы постараемся проследить хотя бы какие-то из них – в силу своих скромных способностей.

Литература

- Адрианов А. В.** Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае: (Доп. к работе К. Горощенко «Курганные черепа Минусинского округа»). Минусинск: Гос. Музей им. Н. М. Мартыанова, 1902–1924. 41–76 с.
- Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А.** Археологические памятники долины Чёрного Июса на севере Хакасии. СПб.: «ЭлекСис». 2014. 154 с.
- Вадецкая Э. Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 177 с.
- Грязнов М. П.** Тагарская культура // История Сибири. Т. 1. Л.: Наука, 1968. С 187–195.
- Киселев С. В.** Древняя история Южной Сибири. / «Материалы и исследования по археологии» №9. М.-Л.: Академия наук СССР, 1949. 364 с.
- Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.** Средневековая пограничная надпись с низовьев Уйбата (Хакасия) // Советская тюркология, 1976, №1. С. 58–65.
- Кызласов И. Л.** Древнехакасские надписи на плитах кургана Узун-Оба // Советская тюркология, 1985, №1. С. 51–63.
- Кызласов И. Л.** Земледельческое жертвоприношение древнехакасской общины // Советская тюркология, 1987, №1. С. 21–32.
- Паульс Е. Д., Подольский М. Л., Седых В. Н.** Большой курган около станции Тигей в Хакасии // Археологические исследования в районах новостроек Сибири / отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–143.
- Пьянков И. В.** Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 736 с.
- Чугунов К. В.** Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2013. №2(22). Томск. С 91–94.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ С ПОДБОЕМ МОГИЛЬНИКА ЯНХАЙ¹¹

Ши Ханьда^а, Курбанала Жазира^б

^а*Центр исследований и сотрудничества в археологии Шелкового пути, Северо-Западный университет, Сиань, Китай*

^б*Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан*

Статья посвящена изучению могил с подбоем могильника Янхай (洋海). На основе анализа погребальных конструкций, специфики обряда и состава сопроводительного инвентаря авторами выделены три хронологические группы. Посредством сравнительно-типологического анализа материалов сопредельных территорий и данных радиоуглеродного датирования установлено, что выделенные группы относятся соответственно к периодам: до V в. до н.э.; II в. до н.э. – I в. н.э.; и периоду Северная Лян (北凉, IV–VI вв. н.э.). Появление первых двух типов погребений связывается с экспансией ранних кочевников и установлением контроля сюнну над территорией Западного края. Несмотря на определенное влияние катакомбной культурной традиции на янхайское сообщество в процессе интеграции, данные элементы так и не заняли доминирующего положения в местной культуре.

Ключевые слова: могильник Янхай, погребения с подбоем, ранние кочевники, сюнну.

ON CHRONOLOGICAL AND CULTURAL ATTRIBUTION OF THE SIDE-CHAMBER TOMBS AT THE YANGHAI CEMETERY

Shi Handa^{а*}, Kurbanali Zhazira^б

^а*Collaborative Research Centre for Archaeology of the Silk Roads, Northwest University, Xi'an, China*

^б*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan*

This study investigates the side-chamber tombs (shaft-and-niche graves) at the Yanghai (洋海) cemetery in Xinjiang. Based on an analysis of burial architecture, mortuary practices, and grave goods, the authors classify these burials into three distinct chronological groups. Through comparative-typological analysis of assemblages from adjacent regions and radiocarbon dating, these groups are assigned to the following periods: pre-5th century BC; 2nd century BC – 1st century AD; and the Northern Liang period (北凉, 4th – 6th centuries AD). The emergence of the first two groups is linked to the expansion of early nomadic populations and the establishment of Xiongnu (сюнну) hegemony over the Western Regions (西域). Despite the certain influence of the catacomb cultural tradition on the Yanghai community through the process of integration, these elements have not taken a dominant position in the local culture.

Keywords: Yanghai cemetery, side-chamber tombs, shaft-and-niche graves, early nomads, Xiongnu.

Введение

Могильник Янхай расположен в пустынной Гоби к югу от ущелья Туяугоу (吐峪沟) в центральной части гор Хояньшань (火焰山). Памятник занимает три обособленные, но примыкающие друг к другу террасы, которые исследователями обозначены как участки I, II и III (рис. 1). Всего на территории могильника сосредоточено более 3000 погребений, из которых на данный момент раскопано

611. Погребения с подбоем локализуются преимущественно на участке III, хотя их единичные комплексы зафиксированы и на участке II. Выход в свет в 2019 г. фундаментального труда «Могильник Янхай в Синьцзяне» (新疆洋海墓地) обеспечил введение в научный оборот полных и объективных материалов раскопок, что способствовало качественному углублению представлений об этом могильнике [Могильник Янхай в Синьцзяне, 2019].

¹ Работа выполнена при поддержке ключевого проекта Китайского национального фонда социальных наук (КНФСН) «Исследование культурных паттернов и взаимодействий эпохи бронзы в аридных регионах Центральной Азии вдоль Шелкового пути» (No 23AKG009) и проекта Программы «Возрождение археологических кадров Китая» (No 2024–267).

The work was carried out with the support of the key project of the Chinese National Foundation for Social Sciences (CNFSN) "Study of cultural patterns and interactions of the Bronze Age in arid regions of Central Asia along the Silk Road" (No. 23AKG009) and the project of the Program "Revival of archaeological personnel of China" (No. 2024–267).

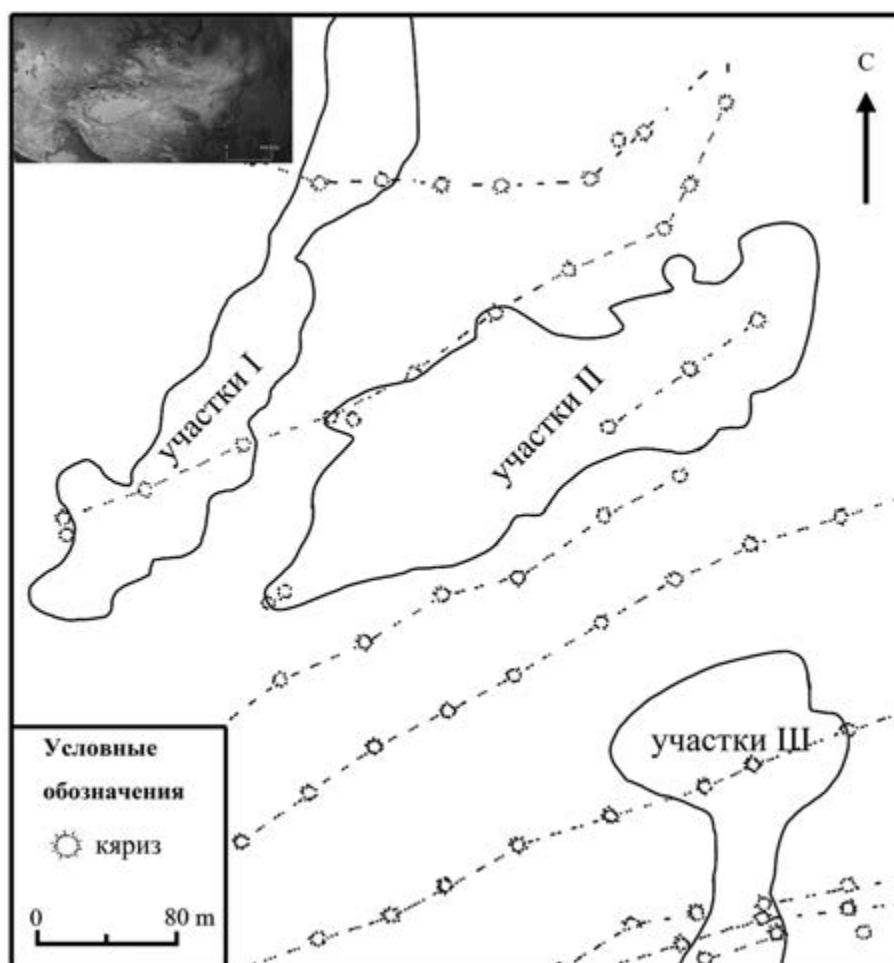

Рис. 1. Схема планировки могильника Янхай

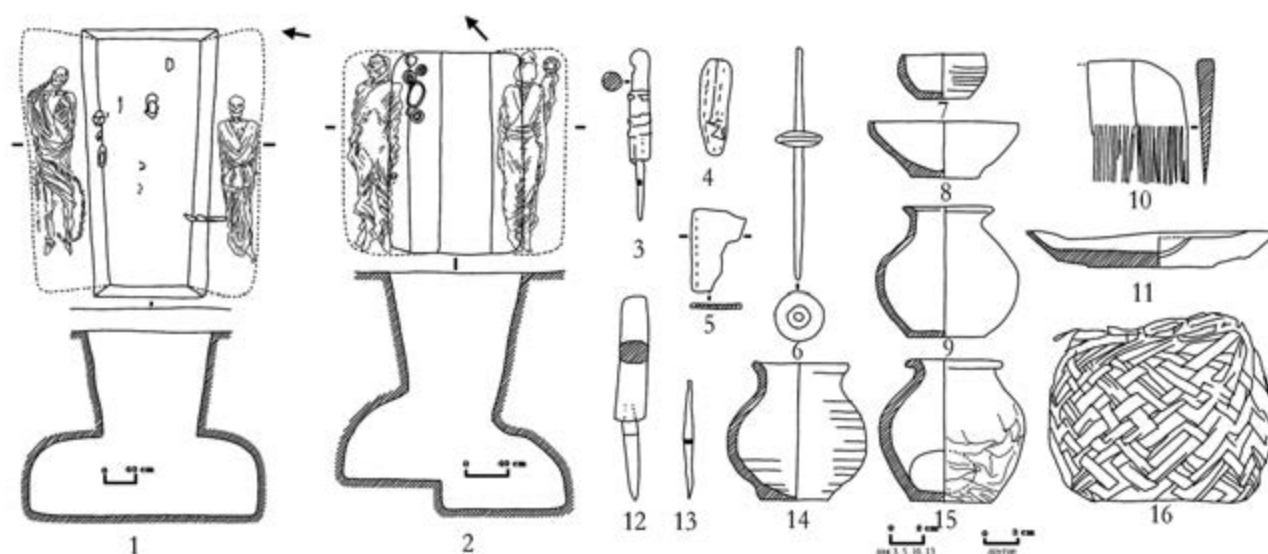

Рис. 2. Могилы с подбоем первого типа с сопутствующими ямами для захоронения коней и обнаруженный инвентарь.

1 — деревянное четырехножное блюдо (II-M47); 2 — керамический горшок (II-M48); 3 — деревянный кубок (II-M48); 4 — каменное грузило (II-M48); 5, 6 — керамические миски (II-M49; II-M48); 7 — керамическая чаша (II-M49); 8 — ручка керамического сосуда (II-M48); 9 — план погребения II-M47; 10 — план погребения II-M49; 11 — план погребения II-M216; 12 — план погребения II-M48.

Характеристика могил с подбоем могильника Янхай

На основании анализа надмогильных сооружений, морфологии подбоев, состава сопроводительного инвентаря и специфики сопутствующих захоронений животных, могилы с подбоем могильника Янхай могут быть разделены на три типа.

Первый тип представлен прямоугольными грунтовыми могилами с подбоем, сопровождаемыми ямой для захоронения коня и окруженными оградой. К данной группе относятся комплексы II–M47, M48, M49 и M216¹. Наземные конструкции этих погребений представляют собой низкие кольцевидные курганные насыпи с небольшим углублением в центре. Под насыпью зафиксирована круглая ограда, выложенная из сырцового кирпича. Входная яма располагается в центральной части ограды. С северной стороны от нее находится прямоугольная в плане яма, предназначенная для захоронения целой туши коня. За исключением комплекса M49, где подбой устроен в южной стенке, в остальных трех случаях камеры-подбои располагаются в северной стенке ямы. Вход в камеру закрывался вертикально установленными бревнами или кладкой из сырцового кирпича. На дне входных ям (кроме M216) прослеживаются грунтовые уступы.

Погребенные находились в положении вытянуто на спине, головой на восток или запад. В могилах M48 и M49 зафиксированы остатки деревянных погребальных лож. Сопроводительный инвентарь немногочислен и включает: деревянные четырехножные блюда, кубки на ножке («доу», 豆), керамические горшки, чаши и миски, иглы и нити, а также каменные грузила (рис. 2).

Выделение данных комплексов в отдельную группу обусловлено следующими признаками. Во-первых, наличие кольцевой ограды из сырцового кирпича под курганной насыпью является уникальной чертой, не характерной ни для культуры Субэши (苏贝希文化), ни для других культур региона, практиковавших погребения в могилах с подбоем [Лю,

2017; Сунь, 2021, с. 275–237; Хань, 2007, с. 16–25]. Во-вторых, обычай захоронения целой туши коня в отдельной неглубокой яме с северной стороны могилы резко контрастирует с погребальной практикой других подбойных захоронений Янхая. В-третьих, согласно материалам отчета о раскопках, количественный состав инвентаря в указанных четырех могилах значительно беднее, чем в прочих комплексах этого типа. Таким образом, представляется обоснованным выделение погребений II–M47, II–M48, II–M49 и II–M216 в самостоятельную категорию.

Второй тип могил с подбоем представлен 52 комплексами (не считая двух ям с захоронениями коней – III–M69 и III–M70). Из них 51 погребение локализовано на участке III и лишь одно – на участке II (II–M44). В 25 случаях (48,1%) камера-подбой была устроена с северной стенки входной ямы; в 13 (25%) – с южной; в 7 (13,5%) – с северо-западной; в 3 (5,7%) – с юго-восточной. Единичные случаи (по 2%) зафиксированы для юго-западной, восточной и западной сторон.

Входные ямы имеют прямоугольную или подпрямоугольную форму. Дно погребальной камеры в большинстве случаев располагается несколько ниже уровня дна входной ямы, образуя грунтовый уступ. В ряде комплексов уровни дна ямы и камеры совпадают. Вход в подбой чаще всего закрывался вертикально установленными бревнами, поверх которых с внешней стороны укладывался слой камыша или сухой травы; реже для закладки входа использовался сырцовый кирпич.

В тех захоронениях, где удалось достоверно определить детали обряда, преобладает восточная ориентировка погребенных; западная ориентировка отмечена лишь в четырех случаях (III–M1B, III–M14A, III–M54, III–M55). За исключением погребения III–M39, где зафиксировано положение скорченно на боку, во всех остальных комплексах доминирует трупоположение вытянуто на спине (рис. 3). В части могил прослеживается обычай жертвоприношения животных,

¹ В соответствии с традицией китайской археологии, все погребения в настоящей статье обозначаются латинским индексом «М» (от кит. *mu* / 墓 — могила).

представленный преимущественно черепами лошадей и овец.

Сопроводительный инвентарь включает типичный набор предметов: керамические одноручные кубки и миски, деревянные блю-

да, горшки, роговые кубки, каменные песты. Характерно наличие инвентаря, связанного с культурой кочевников: деталей сложных луков, деревянных стрел, колчанов, кожаных мешков и мутовок.

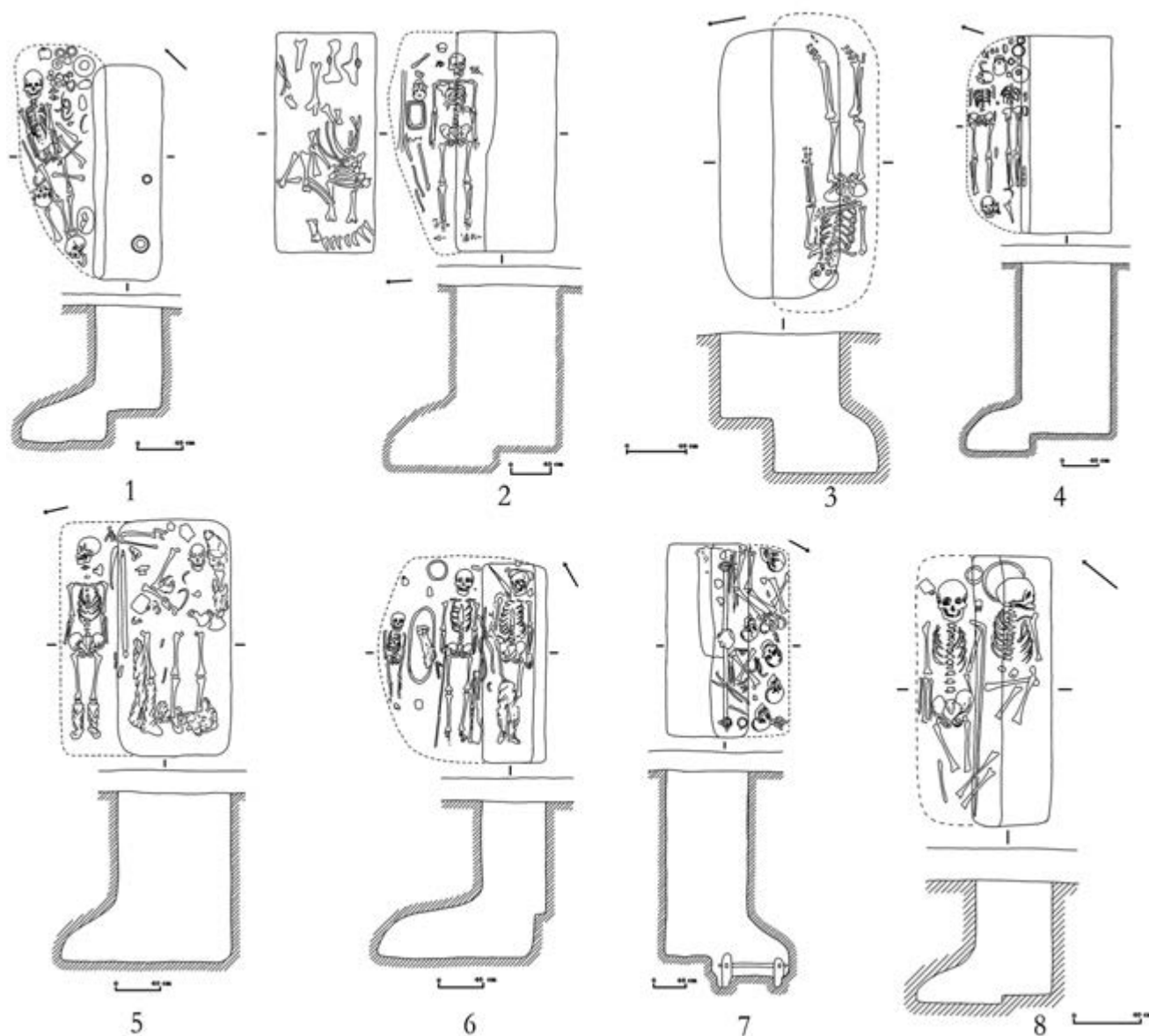

Рис. 3. Планы и разрезы могил с подбоем второго типа

1 – IIIМ24; 2 – IIIМ1; 3 – IIIМ54; 4 – IIIМ2; 5 – IIIМ37; 6 – IIIМ18; 7 – IIIМ33; 8 – IIIМ71

Третий тип представлен всего двумя комплексами: 06I–M4 и III–M76. Погребение 06I–M4 отмечено на поверхности курганный насыпью. Входная яма в вертикальном сечении имеет трапециевидную форму (рис. 4, 1–2). Подбои, сооруженные в северной и южной стенках ямы, выложены из сырцового кирпича. В каждом из них находилось по одному мумифицированному телу: в се-

верном – мужское, в южном – женское. Оба погребенных были облачены в шерстяную одежду и находились в положении вытянуто на спине, головой на восток. Несмотря на то, что могила подверглась серьезному разграблению, в ней были обнаружены письменные документы.

Погребение III–M76 представляет собой грунтовую яму с двумя подбоями. Входная

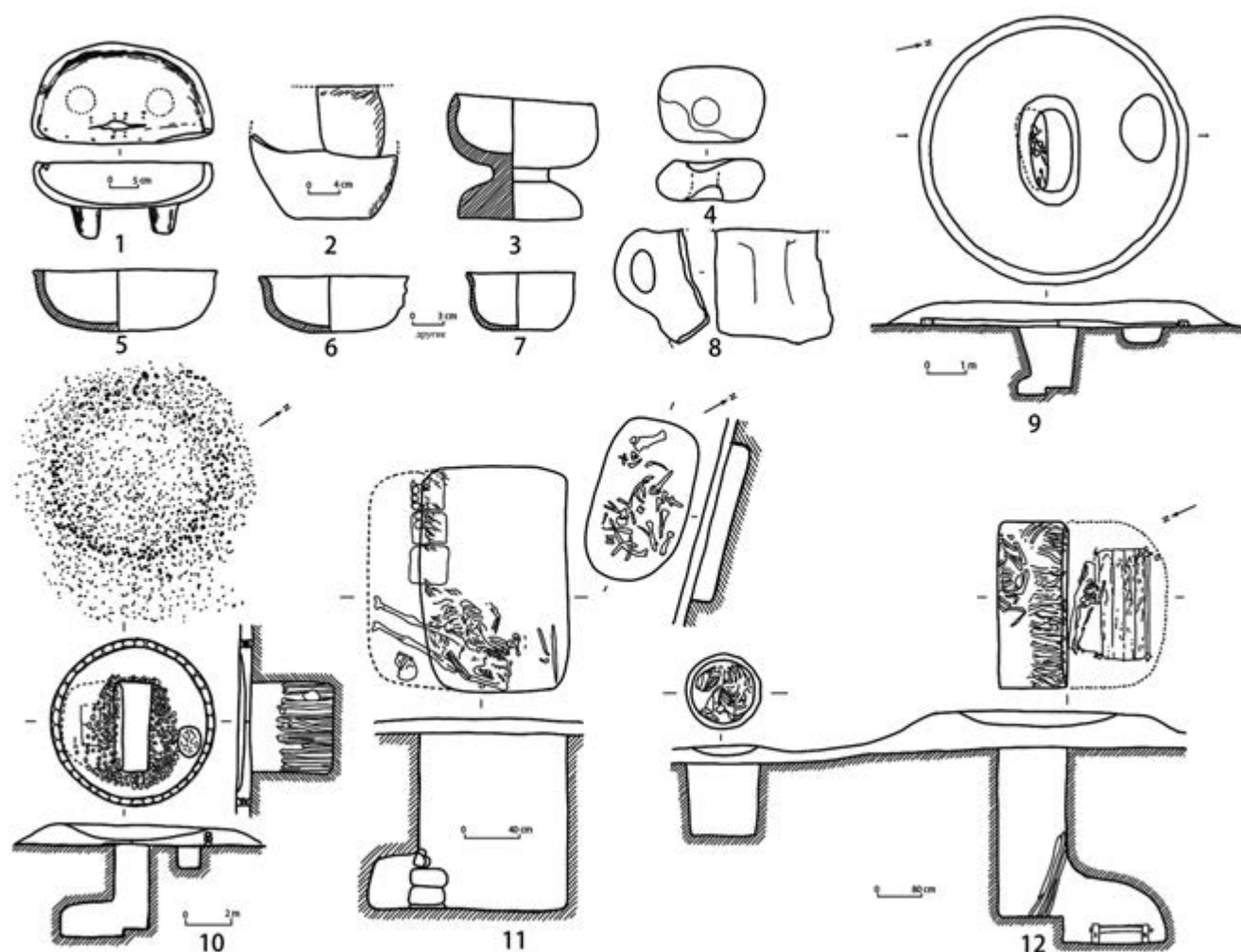

Рис. 4. Планы и разрезы могил с двумя подбоями и обнаруженный инвентарь.

1 – разрез погребения 061 M4; 2 – план и разрез погребения III-M76; 3, 13 – железные шилья (III-M76); 4 – деревянная табличка (III-M76); 5 – кожаный ремень (III-M76); 6 – каменное пряслице (III-M76); 7, 8 – керамические чаши (III-M76); 9, 14, 15 – керамические горшки (III-M76); 10 – деревянный гребень (III-M76); 11 – деревянное блюдо (III-M76); 12 – железный нож (III-M76); 16 – плетеная корзина (из травы) (III-M76)

шахта прямоугольной в плане формы располагалась между камерами; подбои были устроены в ее восточной и западной стенках. Дно западного подбоя находилось на одном уровне с дном входной шахты. Вход в него был закрыт камышовой циновкой и дополнительно заложен пятью сырцовыми кирпичами. В камере был погребен мужчина (положение вытянуто на спине, ориентировка – на северо-восток). Дно восточного подбоя располагалось несколько ниже западного, образуя грунтовый уступ. Вход в этот подбой был заложен семью сырцовыми кирпичами. Здесь находилась пожилая женщина (вытянуто на спине, ориентировка – на северо-восток). Оба погребенных были одеты в одежду и го-

ловные уборы из белой хлопчатобумажной ткани. Сопроводительный инвентарь данных комплексов включает железные шилья, горшки с вертикальной горловиной и раздутым туловом, железные ножи, плетеные корзины, гребни и другие предметы (рис. 4, 3–16).

Хронология и культурная принадлежность могил с подбоем

В предшествующих исследованиях все могилы с подбоем могильника Янхай, как правило, рассматривались в рамках единой группы. В официальном отчете о раскопках данные комплексы были отнесены к IV периоду функционирования могильника, а их

хронологические рамки определены эпохой Хань или несколько более ранним временем [Могильник Янхай в Синьцзяне, 2019, с. 549; Люй, 2017, с. 1–18]. Сунь Шаоцин (孙少轻) разработал периодизацию памятника, включающую пять периодов и семь этапов; опираясь на данные радиоуглеродного датирования, он определил общее время существования могильника с XI в. до н.э. по V в.н. э. Согласно его схеме, комплекс III–M76 относится к 7-му этапу V периода (I–V вв.н. э.), в то время как остальные погребения с подбоем датируются II в. до н.э. – рубежом эр (6-й этап IV периода) [Сунь, 2021, с. 105–165]. В последующих работах, посвященных культуре Субэши (苏贝希文化), на основе сравнительного анализа материалов сопредельных памятников было выдвинуто предположение, что часть подбойных захоронений может относиться к более раннему времени – V–III вв. до н.э. [Сунь, 2021, с. 275–237].

Погребения первого типа характеризуются крайне бедным инвентарем, что побудило многих ученых объединять их с остальными подбойными могилами и считать их синхронными. Относительно генезиса данной погребальной традиции в культуре Субэши (苏贝希文化) существуют две основные гипотезы: сторонники первой связывают ее происхождение с регионом Ганьсу–Цинхай, второй – с долиной реки Или. Сунь Шаоцин (孙少轻), подробно развивая вторую гипотезу, обосновал мнение, что ранние могилы с подбоем культуры Субэши (苏贝希文化) генетически связаны с культурой Содуньбулак (索墩布拉克文化, Илийская долина). Такие признаки погребений первого типа, как устройство подбоя в северной стенке, восточно-западная ориентировка погребенных (в положении вытянуто на спине) и наличие оград под насыпями, находят прямые аналогии в материалах культуры Содуньбулак (索墩布拉克文化). Мы разделяем данную точку зрения, однако считаем необходимым представить дополнительные аргументы относительно уточнения их датировки и специфики традиции захоронения целых туш коней.

На первом (X–VIII вв. до н.э.) и втором (VIII–IV вв. до н.э.) этапах развития культу-

ры Содуньбулак доля находок костей животных в погребениях невелика; как правило, они представлены лишь крестцовыми или таранными костями овец, помещенными в могильную яму [Шао, 2018, с. 134–151; Бао, 2021, с. 277–278]. Традиция захоронения целой туши коня фиксируется лишь на третьем этапе, в частности, в могиле с подбоем M116 могильника Цижэньтохай (奇仁托海), а в комплексе M54 того же памятника обнаружены череп и кости конечностей лошади. В отчете о раскопках данный памятник датируется V в. до н. э. [Синьцзянский институт культурных..., 2004, с. 60–87].

Обращение к материалам евразийских степей показывает, что традиция сопровождения умершего целой тушой коня восходит к синташтинской культуре эпохи ранней бронзы, а в скифское время она получает широкое распространение на большинстве территорий степного пояса [Koryakova, et al., 2007, pp. 66–68]. В кургане Аржан-1 было обнаружено более 160 целых лошадей [Грязнов, 1980], что делает его наиболее ранним и масштабным памятником с подобным обрядом в Саяно-Алтайском регионе. В аржано-майэмирское время, помимо Аржана-1, случаи захоронения целых коней зафиксированы в рамках бийкенской и майэмирской культур. В пазырыкской культуре данный обычай становится регулярным, при этом туши лошадей чаще всего помещали в северной части могильной ямы, что полностью соответствует планиграфии погребений с подбоем первого типа в Янхае [Бао, 2019, с. 321–336]. Примечательно, что до первой половины I тыс. до н.э. на территории Синьцзяна и в северных районах Китая традиция захоронения целых туш коней отсутствовала. Таким образом, можно предположить, что появление этого обряда в Янхае было обусловлено влиянием кочевых групп алтайского круга.

В финале эпохи бронзы в Центральной Евразии наибольший удельный вес традиции погребений с подбоем приходится на содуньбулакскую культуру, причем данная форма погребального сооружения прослеживается на всем протяжении ее развития. В процессе эволюции содуньбулакской культуры

традиция могил с подбоем, по-видимому, распространялась в северном направлении. В верховьях Иртыша (Синьцзян) в таких памятниках, как могильники Дунталэдэ (东塔勒德), Айитуохань-I (阿依托汗, могилы М6, М20), Хабайхань (哈拜汗, М3) и Хайцзыкоу (海子口, М1), были выявлены погребения с подбоем и сопутствующими захоронениями коней¹. Вполне вероятно, что традиция сооружения могил с подбоем проникла на Алтай именно в этот период, о чем свидетельствуют комплексы майэмирской культуры: могила 27 в группе 5 могильника Гилево-Х [Шульга, 2016, с. 51–53], погребение 1 могильника Чекановский Лог-10 [Демин, Ситников, 1999, с. 59–66], курган 1 памятника Машенька-I [Демин, 1995, с. 59–66], курган 2 в урочище Солонечный Белок [Руденко, 1960] и курган 1 могильника Карбан-I [Серегин, Демин, Радовский, 2022, с. 341–347].

На этом фоне в некрополе Янхай произошло слияние (синкретизм) традиции погребений с подбоем, происходящей из долины реки Или, и обычая захоронения целых туш коней, принесенного из Алтайского региона. Сопоставление хронологии вышеуказанных памятников позволяет предположить, что нижняя временная граница данной группы захоронений в Янхае протекает около V в. до н.э. Что касается практики возведения кольцевых оград из сырцового кирпича под курганными насыпями, то она, по-видимому, была заимствована у местного населения Янхая, которое использовало сырец для обустройства могил еще на первом (XII–VIII вв. до н.э.) и втором (VII–III вв. до н.э.) этапах развития памятника [Ли, 2017, с. 104–114].

Для второго типа могил с подбоем получено пять дат по радиоуглеродному анализу, которые охватывают период с III в. до н.э. до рубежа эр. Данные результаты в целом согласуются с хронологическими схемами, предложенными исследователями ранее, однако авторы полагают, что эти временные рамки могут быть уточнены путем сопоставления археологических материалов с конкретными историческими событиями.

В современной науке существуют три основные гипотезы относительно этнокультурной атрибуции данной группы погребений. Первая группа исследователей, представленная Чжан Юйчжуном [张玉忠, 1987, с. 61–69.] и Ян Июном [羊毅勇, 1996, с. 15–22; 1999], отождествляет культуру Субэши с зафиксированным в письменных источниках этнополитическим объединением Чэши (Гуши, 车师/姑师). Вторая точка зрения, высказанная Линь Мэйцунем [林梅村, 2013, с. 90–104], связывает культуру Субэши с племенами да-юэчжэй (大月氏) до их миграции на запад. Согласно третьей гипотезе, представителями которой являются Сы И (司艺) и Сунь Шаоцин (孙少轻), данные памятники следует связывать с сюнну [Сы, 2013, с. 1422–1429]. Мы разделяем третью точку зрения, согласно которой появление в могильнике Янхай могил с подбоем второго типа стало следствием экспансии сюнну в западном направлении.

Могильники Даодуньцзы (倒墩子, уезд Тунсинь, Нинся) [Чжун, 1987, с. 33–37; У, 1988, с. 333–356] и Чавуху-III [察吾乎, Синьцзянский институт культурных..., 1999; Цун, 1990, с. 882–889] общепризнаны в научной среде как сюннуские. В могильнике Даодуньцзы (倒墩子) зафиксировано 6 могил с подбоем, дно камер которых располагалось несколько ниже уровня дна входной шахты; в ряде случаев входы в подбой были заложены камнями или вертикально установленными деревянными шестами. В северной стенке камер обычно устраивалась небольшая ниша для инвентаря. Обряд представлен одиночными захоронениями в положении вытянуто на спине, ориентировка – головой на север. Находки таких предметов ханьского круга, как бронзовые зеркала, монеты *ушу* (五铢钱) и лаковые изделия, позволяют датировать могильник Даодуньцзы серединой периода Западная Хань (II–I вв. до н.э.). В могильнике Чавуху-III (察吾乎) обнаружено 12 могил с подбоем, в восьми из которых зафиксированы погребальные ложа. Чэнь Гэ (陈戈) на основании находок бронзовых зеркал с зооморфным орнаментом и геометриче-

¹ Судя по характеристикам сопроводительного инвентаря и специфике погребального обряда, данные захоронения относятся к тому же типу памятников, что и могильник Дунталэдэ, и датируются IX–VI вв. до н.э. [Shao, 2018].

ским узором (тип TLV), серых керамических горшков и данных радиоуглеродного анализа датировал могильник Чавуху-III периодом Восточная Хань.

Могила с подбоем второго типа в Янхае как по своей архитектуре, так и по погребальной практике полностью соответствуют вышеуказанным сюннуским памятникам. Обнаруженные в них сложные луки и костяные накладки являются типичными артефактами сюннуского круга. Практика использования погребальных лож (комплексы III–M5, III–M33) также находит аналогии в Чавуху-III (察吾乎), а обычай приношения в жертву черепов коней и овец полностью соответствует культурной традиции сюнну [Бао, 2019, с. 321–336].

Дополнительным аргументом служат данные физической антропологии. Согласно отчету о раскопках могильника Янхай, в захоронениях второго типа (III–M24 индивиды А и С, III–M26, III–M30 индивид А, III–M36, III–M39 индивид В, III–M41) выявлены череп, характеризующиеся выраженным монголоидным обликом. При этом отмеченные монголоидные характеристики наиболее близки к восточноазиатскому антропологическому типу бассейна реки Хуанхэ. Учитывая, что сюнну представляли собой метисированное население, в формировании которого ключевую роль играли восточноазиатский и североазиатский монголоидные типы [Чжан, 2006, с. 34–38], а также принимая во внимание сходство этих комплексов с подбойными могилами сюннуского могильника Даодуньцзы (倒墩子) в Нинся, можно предположить, что могилы с подбоем второго типа в Янхае были оставлены группами сюнну, проникшими в Турфанскую впадину из северо-западных регионов Китая.

Согласно сведениям главы «Повествование о сюнну» (匈奴传) хроники «Хань шу» (汉书), военная кампания сюнну против юэчжей в 177–176 гг. до н.э. увенчалась решающим успехом, вынудив последних на время признать свое подчинение. В годы правления шаньюя Лаошана (老上单于, 174–160 гг. до н.э.) в результате нового военного столкновения правитель юэчжей был убит, а сам этот народ

был вынужден мигрировать на запад, в долину реки Или. Учитывая, что к этому времени отношения между сюнну и юэчжами были окончательно разорваны, представляется маловероятным, чтобы сюнну могли беспрепятственно пересечь земли юэчжей для проникновения в Турфанский оазис.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что могилы с подбоем второго типа в могильнике Янхай были оставлены сюнну в период их господства в Западном крае. Хронологические рамки этой группы погребений следует ограничить концом III в. до н.э. – первой половиной I н.э., что коррелирует с датировкой сюннуских погребений могильника Чавуху-III.

Двухкамерная могила с подбоем III–M76 третий тип) по своей морфологии и погребальной практике идентична аналогичному комплексу, исследованному в 2006 г. в северной части участка I. В подбоях погребения 2006-I M4 находились две естественные мумии (мужская и женская), захороненные в положении вытянуто на спине, ориентированные головой на восток и облаченные в шерстяную одежду. В данном комплексе был обнаружен письменный документ, датированный 433 г. н.э. – «2-й год девиза правления Юаньхэ династии Северная Лян, тяжба между матерью и сыном Чжао Хо в загробном мире, округ Гаочан, уезд Гаонин» (北凉缘禾二年高昌郡高宁县赵货母子冥讼文).

Кроме того, часть захоронений в известных турфанских могильниках Астана (阿斯塔那) и Хара-Ходжо (哈拉和卓) также относится к типу двухкамерных могил с подбоем. Для них характерны наземные сооружения в виде каменных выкладок или песчано-гравийных насыпей, использование сырцового кирпича для закладки входов в камеры, наличие деревянных погребальных конструкций и обряд трупоположения вытянуто на спине; в ряде случаев зафиксированы приношения в виде головы овцы. В двухкамерных подбойных захоронениях Хара-Ходжо также были найдены документы с точными датами, например, 5-й год девиза Юаньхэ (缘禾, 436 г. н.э.) [Чэнь, 1993, с. 401]. На основании этих данных можно заключить, что двухкамерные могилы

с подбоем могильника Янхай относятся к периоду Северная Лян (北凉).

Заключение

В конце первой половины I тыс. до н.э. в Янхае начинают фиксироваться могилы с подбоем, отмеченные на поверхности насыпями с кольцевыми оградами из сырцового кирпича и сопровождаемые захоронениями целых туш коней. Появление этой новой традиции, вероятно, было связано с влиянием содуньбулакской культуры Илийской долины и кочевых групп Алтая скифского времени, однако на раннем этапе такие комплексы составляли лишь незначительную долю в структуре могильника.

Около II в. до н.э., в связи с установлением контроля сюнну над Западным краем, подбойная погребальная традиция, характерная для сюннуского круга, начинает активно проникать в Турфанскую впадину. Это находит отражение в материалах позднего этапа культуры Субэши (могильника Янхай) и памятниках типа Чавуху-III. Характерной чертой этого периода становится значительная вариативность в ориентировке камер-подбоев и способах положения умерших, что изменило прежнюю традицию устройства камеры исключительно в северной стенке входной ямы. Аналогичные трансформации в это время отчетливо прослеживаются и в долине реки Или. В период Северная Лян (北凉) в Турфанском регионе получают развитие двухкамерные могилы с подбоем, где погребенные были облачены в шерстяную одежду, а в инвентарных комплексах появляются датированные письменные документы.

Таким образом, традиция погребений в могилах с подбоем в Янхае, имея вероятные корни в Илийской долине, в процессе своего многовекового развития испытала как внутренние структурные изменения, так и существенное влияние со стороны пришлых групп населения.

Литература

- Бао Шугуан, Ван Юйфу. Исследование обычаев захоронения лошадей в культуре Пазырык // Бяньцзян каогу яньцзю (Археологические исследования окраин). 2019. №2. С. 321–336. (на кит. яз.)
- Бао Шугуан. Исследование жертвоприношений животных в Северном Китае в период от династии Ся до периода Сражающихся царств. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2021. С. 277–278. (на кит. яз.)
- Грязнов. М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. // Л.: Наука, 1980. 64 с.
- Демин М.А., Шульга П.И. Работы в долине р. Сентелек. Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конференции. Вып. V. В двух частях // Барнаул: [б/и], 1995. Ч. 2. С. 97–101.
- Демин М.А., Ситников С.М. Могильник Чекановский Лог-10 – новый памятник развитой бронзы и раннескифского времени Юго-Западного Алтая // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. №4. С. 59–66.
- Ли Чуньчан, Сюй Гуйлин, Цао Хунъюн и др. Ранний сырцовый кирпич, обнаруженный на могильнике Янхай в Шаньшане, Синьцзян // Тулуфаньсюэ яньцзю (Турфановедение). 2017. №2. С. 104–114. DOI: 10.14087/j.cnki.65–1268/k.2017.02.012. (на кит. яз.)
- Линь Мэйцунь. Исконная родина великих юэчжей и формирование тридцати шести государств Западного края // Сиюй яньцзю (Исследования Западного края). 2013. №2. С. 90–104. DOI: 10.16363/j.cnki.xuyj.2013.02.006. (на кит. яз.)
- Лю Цзяньфэн. Исследование катакомбных могил с боковой камерой эпохи раннего железного века в верховьях реки Или: магистерская дис. Урумчи: Синьцзянский университет, 2017. (на кит. яз.)
- Люй Эньго, Ван Лун, Го У. Исследование периодизации и датировки могильника Янхай // Тулуфаньсюэ яньцзю (Турфановедение). 2017. №1. С. 1–18. DOI: 10.14087/j.cnki.65–1268/k.2017.01.001. (на кит. яз.)
- Могильник Янхай в Синьцзяне / Бюро культурного наследия Турфана, Синьцзянский институт культурных реликвий и археологии, Турфанская академия и др. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2019. (на кит. яз.)
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.: АН СССР, 1960. 359 с.
- Серегин Н. Н., Демин М.А., Радовский С.С. Погребение раннескифского времени из урочища Карбан (Северный Алтай) // Сохранение

- и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. / М-во науки и высш. образования РФ, АлтГУ, Упр. гос. охраны объектов культур. наследия Алт. кр.; гл. ред. А. А. Тишкин. Вып. 28. Барнаул: Изд-во Алт-ГУ, 2022. С. 341–347.
- Синьцзянский институт культурных реликвий и археологии.** Краткий отчет о раскопках могильника Цижэньтохай в уезде Нилэкэ Илийского округа // Синьцзян вэньу (Культурное наследие Синьцзяна). 2004. №3. С. 60–87. (на кит. яз.)
- Синьцзянский институт культурных реликвий и археологии.** Отчет о раскопках могильника Чавуху – крупного родового могильника в Синьцзяне. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. (на кит. яз.)
- Сунь Шаоцин.** Исследование катакомбных могил культуры Субеши // Бяньцзян каогу яньцзю (Археологические исследования окраин). 2021. №1. С. 275–237. (на кит. яз.)
- Сунь Шаоцин.** Исследование могильника Янхай в Синьцзяне // Каогусюэ цзикань (Археологический сборник). 2021. №25. С. 105–165. (на кит. яз.)
- Сы И, Люй Энью, Ли Сяо и др.** Исследование структуры питания и состава населения на могильнике Янхай в Синьцзяне // Кэсюэ тунбао (Китайский научный вестник). 2013. Т. 58. №15. С. 1422–1429. (на кит. яз.)
- У Энью, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн.** Могильник сюнну Даодуньцзы в Тунсине, Нинся // Каогусюэ бао (Археологический журнал). 1988. №3. С. 333–356. (на кит. яз.)
- Хань Цзянье.** Бронзовый и ранний железный века Синьцзяна. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 41 с. (на кит. яз.)
- Хань Цзянье.** Предварительное исследование генеалогии доцинских катакомбных могил в Китае // Чжунго лиши вэньу (Исторические реликвии Китая). 2007. №4. С. 16–25. (на кит. яз.)
- Цун Дэсинь, Лю Хуэй, Чэнь Гэ.** Краткий отчет о раскопках могильника №1 в устье Чавуху-гоу уезда Хэцзин, Синьцзян // Каогу (Археология). 1990. №10. С. 882–889. (на кит. яз.)
- Чжан Цюаньчао, Чжу Хун.** Некоторые соображения по антропологическому вопросу сюнну // Чжунъян миньцзю дасюэ сюэбао (Вестник Центрального университета национальностей). 2006. №6. С. 34–38. DOI: 10.15970/j.cnki.1005–8575.2006.06.007. (на кит. яз.)
- Чжан Юйчжун.** Социально-экономическая жизнь народа цюши до династии Хань // Синьцзян шэхуэй кэсюэ (Общественные науки Синьцзяна). 1987. №2. С. 61–69. (на кит. яз.)
- Чжун Кань, У Энью, Ли Цзиньцзэн.** Краткий отчет о раскопках могильника сюнну Даодуньцзы в уезде Тунсинь, Нинся // Каогу (Археология). 1987. №1. С. 33–37. (на кит. яз.)
- Чэнь Гэ.** Шахтные катакомбные гробницы, обнаруженные в Синьцзяне // Чжунго каогусюэ луньцун (Сборник статей по археологии Китая) / под ред. Института археологии АОН КНР. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ. 1995. С. 401–414. (на кит. яз.)
- Шао Хуэйцю.** Эволюция культурного ландшафта Синьцзяна в доисторический период и его связь с соседними культурами. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2018. 452 с. (на кит. яз.)
- Шульга П. И** Могильник раннескифского времени Гилёво-10 в предгорьях Алтая // Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 258 с.
- Ян Июн.** Исследование разнообразия и сложности древних культур Синьцзяна и связанных с ними вопросов // Синьцзян вэньу (Культурное наследие Синьцзяна). 1999. №3–4. (на кит. яз.)
- Ян Июн.** Культура Цюши, отраженная в погребениях на платформе №1 к северу от рва древнего города Цзяохэ // Сиюй яньцзю (Исследования Западного края). 1996. №2. С. 15–22. DOI: 10.16363/j.cnki.xuyj.1996.02.003. (на кит. яз.)
- Koryakova, L., Epimakhov, A.V.** The Urals and western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge University Press, 2007. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511618680>

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СЛУЧАЙНОЙ НАХОДКЕ БУЛАВЫ ИЗ ФОНДОВ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ

О. В. Ковалева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия; ORCID: 0000-0001-7880-2781

В статье вводится в научный оборот каменная булава из фондов Минусинского музея (случайная находка, инв. № 9530–1445). Несмотря на отсутствие археологического контекста, гравированные изображения на поверхности артефакта позволяют провести культурно-хронологическую атрибуцию. Рассмотрены три зооморфные фигуры (копытные и хищник), их позы, техника исполнения и орнаментация. Сравнение с петроглифами Среднего Енисея и бронзовой пластикой скифо-сибирского круга выявило сочетание местных тагарских черт и привнесенных элементов алтайского звериного стиля, а также сако-сарматской традиции фрагментарного изображения хищника. Артефакт датирован V в. до н.э. – периодом активных культурных контактов между Минусинской котловиной, Алтаем и Тувой. Булава рассматривается как синкретический памятник, отражающий мифологические оппозиции и ритуальные практики тагарской культуры.

Ключевые слова: Минусинский музей, Минусинская котловина, каменная булава, тагарская культура, петроглифы, звериный стиль, V в. до н.э.

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ANALYSIS OF THE IMAGES ON A CHANCE FOUND MACE FROM THE COLLECTIONS OF THE MINUSINSK MUSEUM

O. V. Kovaleva

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia

The article introduces a stone mace from the collections of the Minusinsk Museum (a chance find; inventory no. 9530–1445). Despite the absence of archaeological context, the engraved images on the surface of the artifact make it possible to conduct a cultural and chronological attribution. Three zoomorphic figures (ungulates and a predator), their poses, execution technique, and ornamentation are examined. Comparison with the petroglyphs of the Middle Yenisei and the bronze small art of the Scythian-Siberian circle revealed a combination of local Tagar features and introduced elements of the Altai animal style, as well as the Sauro-Sarmatian tradition of fragmentary depiction of a predator. The artifact is dated to the 5th century BC – a period of active cultural contacts between the Minusinsk Basin, Altai, and Tuva. The mace is regarded as a syncretic monument reflecting mythological oppositions and ritual practices of the Tagar culture.

Keywords: Minusinsk Museum, Minusinsk Basin, stone mace, Tagar culture, petroglyphs, animal style, 5th century BC.

Введение

Среди случайных находок, хранящихся в фондах различных региональных музеев, встречаются предметы, которые по тем или иным причинам редко попадают в поле зрения специалистов. К числу таких артефактов относятся каменные шаровидные навершия булав – категория изделий, хоть и широко представленная в разных регионах Евразии, однако далеко не всегда получающая адекватную атрибуцию.

Как правило, диаметр подобных наверший варьируется в пределах 5–7 см, а высота составляет около 4–6 см. Изготавливали их из разнообразных природных материалов: мрамора, песчаника, гипса, известняка, квар-

цита, магматических пород, порфирита и др. [Килейникова, 2004, с. 131–145; Епимахов, 2013, с. 29–36]. Ареал распространения этих изделий чрезвычайно обширен, что само по себе свидетельствует о длительной традиции их применения.

Датировка шаровидных наверший сопряжена с серьезными трудностями, во многом обусловленными универсальностью формы. Практика показывает, что подобные предметы могли бытовать на протяжении огромного периода – от энеолита до раннего железного века и даже позднее. Особенно остро проблема датировки стоит в том случае, когда артефакт не имеет четкой привязки к стратиграфическому горизонту или сопроводительному инвентарю. Утрата археологического

контекста лишает исследователя возможности применить типологический и радиоуглеродный методы, а также провести корреляцию с датированными комплексами. В результате многие шаровидные навершия остаются лишь музейными «атрибутами», не будучи введенными в полноценный научный оборот.

Вопрос о назначении таких изделий – боевое оружие, знак статуса или сакральный объект, ориентированный на тактильное и визуальное восприятие, – также остается открытым. Ответ на него требует привлечения новых, желательно контекстуально привязанных материалов.

Основная часть

Особого внимания заслуживает каменная булава (из д. Лепешкино) неопубликованная ранее, хранящаяся в Минусинском музее под инвентарным номером 9530–1445, поступившая в Минусинский музей в начале 20 в. (рис. 1). В отличие от большинства «немых» случайных находок, данный артефакт несет на себе гравированные изображения, что позволяет искать изобразительные и стилистические аналогии в датированных комплексах – пусть даже сам предмет найден вне контекста.

Навершие имеет шаровидную форму с небольшим бортиком у основания. Оно изготовлено из темно-серой магматической породы с белыми вкраплениями (вероятно, порфирит). Диаметр – 7,8 см, высота – 5 см. Отверстие выполнено методом встречного сверления, благодаря чему приобрело биконическую форму: у основания его диаметр составляет 1,7 см, с противоположной стороны – 2,3 см, внутренний диаметр канала – 1,5 см. Наружная поверхность тщательно отшлифована, хотя на ней имеются небольшие сколы. В технике гравировки тонкими резными линиями (металлическим предметом) нанесены изображения животных, а также отходящие от бортика радиальные линии, опоясывающие навершие по кругу.

Учитывая своеобразие изобразительной поверхности, животные нанесены таким образом, что последовательно поворачивая

Рис.1. Каменная булава из фондов Минусинского музея (инв. № 9530-1445).

сферу, полноценно просматривается только один персонаж. В участках, где угол поворота позволяет захватить взглядом две фигуры, заметны лишь отдельные небольшие фрагменты туловищ, не позволяющие их однозначно интерпретировать.

Наиболее детально среди всех изображений на сферической поверхности представлена фигура копытного животного (вероятно, косули?), расположенная ближе всего к бортику основания навершия. Ее размер – приблизительно 7×2 см. Животное показано с подогнутыми ногами, что придает позе компактность и органично вписывает фигуру

в ограниченное пространство. Большую часть туловища покрывает орнамент, напоминающий решетку из пересекающихся прямых или слегка изогнутых линий, которые образуют ячейки разного размера – от мелких до относительно крупных. Задняя часть туловища оформлена спиралевидными завитками, создающими впечатление объема. На морде животного четко прописан глаз, а также обозначены два разнонаправленных уха – это придает изображению живость и узнаваемость.

Особого внимания заслуживает трактовка передних ног животного. Они выполнены в манере, напоминающей серию последовательных набросков, в которых автор словно экспериментирует с разными направлениями и позами. Вместо четких, однозначных контуров конечности прорисованы несколькими наложенными друг на друга слоями пересекающихся линий. Создается отчетливое впечатление, что художник многократно набрасывал различные варианты положения конечностей, не останавливаясь на одном решении. Линии

ног направлены под разными углами: одни из них явно передают динамику (шаг вперед или резкий рывок), другие выглядят более статичными, почти застывшими. Такое сочетание порождает иллюзию выбора между несколькими возможными позами – будто животное замерло в краткий миг нерешительности, еще не определившись, какое движение совершить. При этом одни участки контуров проработаны уверенно и плотно, другие – лишь схематично, легкими, едва заметными штрихами, что дополнительно подчеркивает именно экспериментальный, поисковый характер этого рисунка.

При взгляде на булаву сверху видно только это изображение, однако его ракурс меняется в зависимости от положения наблюдателя. Фигура словно вписана в круг, ограниченный самим предметом: шея животного вытянута, а голова приподнята вверх, что придает всей композиции динамику и устремленность (рис. 2). Так постепенно раскрывается композиционный замысел, органично сочетающий

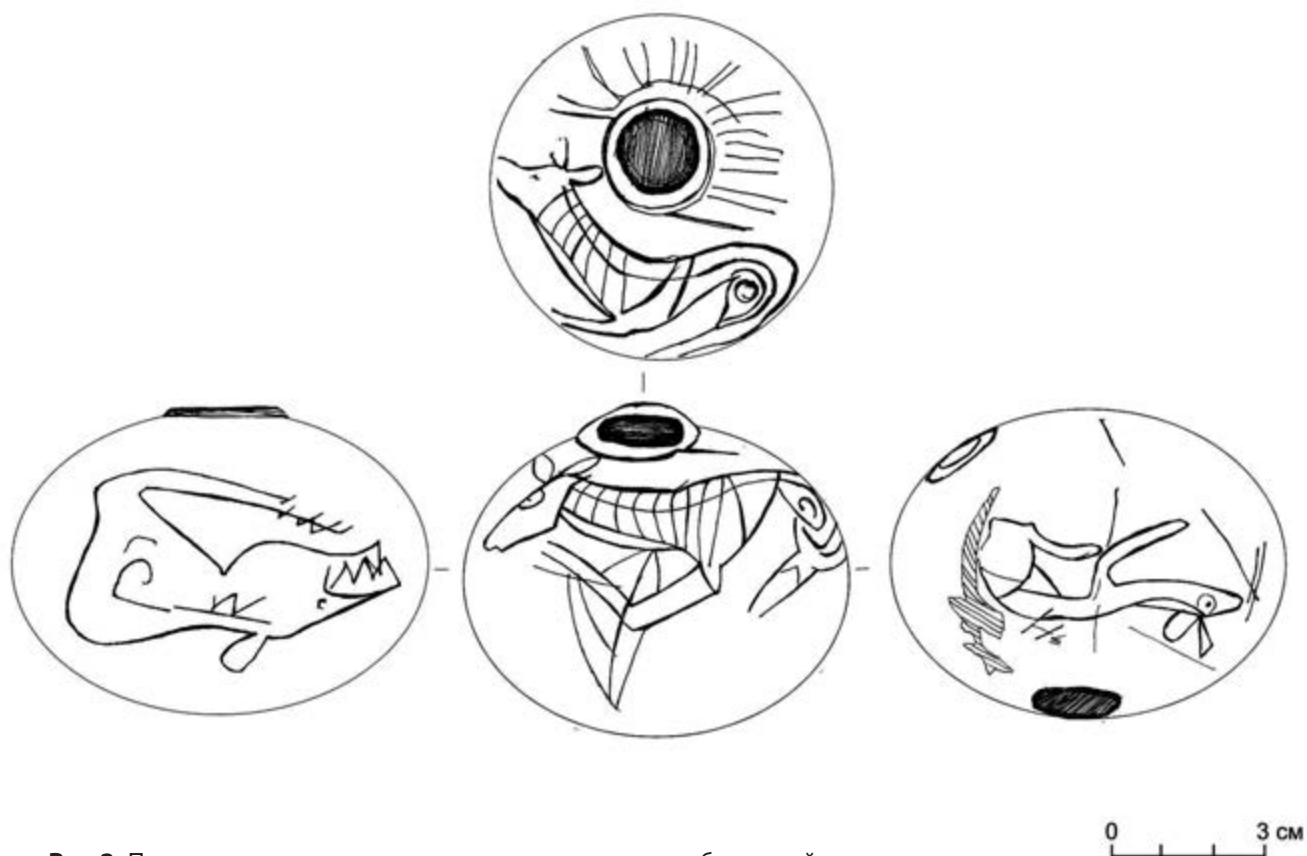

Рис.2. Прорисовка с разных сторон гравированных изображений на поверхности булавы (МКМ № 9530-1445).

форму предмета (сферическое навершие) с нанесенными на него рисунками – все они подчинены общей логике кругового обзора.

Центральное отверстие булавы, оформленное аккуратным бортиком, воспринимается как окружность, от которой в разные стороны отходят радиальные линии (лучи) – это создает выразительный образ солнца. Подобный элемент доминирует в общей композиции, сразу привлекая внимание зрителя и задавая основной символический акцент, вокруг которого выстраиваются все остальные детали изображения.

Еще одно изображение копытного животного нанесено на другой части поверхности булавы, ближе к нижнему отверстию, направленное головой в противоположную сторону от первого рисунка. Фигура (5 x 1,6 см) представляет собой стилизованное изображение четвероногого животного, предположительно антилопы или маленького оленя. Его образ сформирован с помощью четких контурных линий: удлинённая голова с поднятыми ушами, акцентированный глаз, стройное тело, переходящее в удлинённые тонкие конечности, которые, как и в первом, случае подогнуты под себя. Обращает внимание на себя тот факт, что, несмотря на разницу в способе исполнения, изображение имеет ряд общих черт объединяющих их с первым рисунком: подчеркнутый глаз, поза, выделенные уши. Автор словно хотел соблюсти каноны и стиль первого рисунка, но воспроизвел их по-своему. Техника и общие традиции остаются единообразными, но, возможно, авторы меняются.

То же самое касается и следующего изображения, где представлена часть корпуса хищного животного волка или медведя (6,6 x 3,2 см), расположенного в той же плоскости что и маленький олень. Четко читается голова с зигзагообразными линиями, имитирующими стилизованный «оскал», глаз и подтреугольное ухо. Лапа передана обобщенно. Когти выделены отдельными длинными линиями, выступающими за общий контур лапы. Они изображены заостренными, слегка изогнутыми – это подчеркивает хищный характер животного.

Плавные, но четко очерченные контуры морды и шеи обеспечивают визуальное восприятие объема и анатомических особенностей объекта. Туловище изображено не полностью, оно словно сжато и завершено на одной трети от общих пропорций. Его украшает небольшой завиток. Складывается такое впечатление, что изображение оптимизировано для визуального восприятия с учетом криволинейной поверхности артефакта. При определенном ракурсе оно действительно читается как целостная фигура, задняя часть которой теряется за изгибами поверхности.

Общий стиль передачи двух последних изображений сопоставим с первым. Всем трем фигурам присуща определенная условность и устоявшаяся передача поз, что позволяет говорить об их принадлежности к единым культурно-хронологическим канонам и одной художественной традиции. Однако эти два рисунка заметно уступают первому в детализации и выразительности: они более схематичны, лишены проработанной фактуры (решетчатого орнамента и спиралей) и той «живой» многовариантности в прорисовке конечностей, которая отличает центральную фигуру копытного. Кроме того, они помещены в иной плоскости на сферической поверхности – их ориентация иная, а расположены они так, что их лапы обращены кверху относительно основания, оформленного радиальными линиями – «лучами» (рис. 3). Это

Рис.3. Прорисовка композиции при горизонтальной проекции на поверхности булавы (МКМ № 9530-1445)

может указывать на то, что их создатель либо сознательно следовал иной композиционной логике, либо физическое положение на сфере вынуждало его подчинять фигуру кривизне предмета, хотя полностью объяснить такой разрыв в качестве исполнения только формой артефакта трудно. Не исключено, что рисунки выполнены разными мастерами, возможно, работавшими в разное время или с разной степенью тщательности. Тем не менее общая семантическая нагрузка и смысловой строй всей композиции, построенной на системе противопоставлений (разные виды животных, разная ориентация фигур относительно условного верха, частичное противопоставление хищника и копытных) сохраняются. В этом смысле оба дополнительных изображения не вносят диссонанса, а, напротив, дополняют сюжет, расширяя его возможные мифологические или повествовательные грани – будь то идея круговорота, борьбы или сосуществования разнородных сил в пределах одной сакральной или декоративной программы.

Обсуждение результатов

Предмет поступил в фонды Минусинского музея без какого-либо археологического контекста. Тем не менее, сами рисунки позволяют достаточно точно установить его хронологическую принадлежность. Все животные выполнены контурно и в строго определенной позе, которая описывается исследователями как промежуточный вариант между позой «внезапной остановки» и «стремительно-го бега». Передние и задние ноги показаны в разведенном положении, корпус напряжен, что создает эффект застывшего мгновения – хищник или копытное только что мчались, но уже готовы к резкой смене движения. Эта манера была характерна для тагарского петроглифического искусства Среднего Енисея и наиболее ярко она представлена на скальных выходах Суханихи и Оглахты [Советова, Миклашевич, 1999, с. 54]. Именно там мы встречаем ту же стилистику: контурное изображение, гипертрофированная мускулатура или, напротив, геометризация корпуса.

Примечательно, что среди петроглифов Оглахтинского хребта есть целая серия контурных рисунков лошадей, у которых корпус, также как на булаве, оформлен «клеткой» – то есть решетчатым узором из пересекающихся линий, а также ломаными и волнистыми линиями. Более того, крупы этих животных украшены спиралевидными завитками [Советова, 2005, рис. 12, 13, 15, таб. 8]. Эти орнаментальные детали не просто декоративны. Согласно одной из интерпретаций, изображение животных, чьи тела заполнены ромбами, прямоугольниками и клетками, восходит к древней традиции, где жертвенное копытное было показано расчлененным – то есть ритуально расчлененным, возможно, для отражения обряда жертвоприношения или для обозначения сакральной части мяса [Новгородова, 1980, с. 90]. Таким образом, перед нами не просто зооморфный рисунок, а сложный идеографический знак, связанный с ритуалом.

Иконографические признаки – характерная динамичная поза, контурный рисунок, наличие решетчатого заполнения и спиралей на крупе – полностью соответствуют канонам тагарского наскального искусства и надежно датируют предмет в рамках существования этой традиции, то есть серединой I тысячелетия до н.э.

Особый интерес представляет происхождение спиралевидных завитков и валутообразных (завитых в виде волют) знаков, которыми украшен корпус центральной фигуры. Подобные узоры не являются исконными для Минусинской котловины; они привнесены извне. В специальной литературе их появление чаще всего связывают с влиянием, так называемого алтайского звериного стиля – яркого художественного феномена скифо-сибирского мира, распространенного на Алтае, в Туве и Восточном Казахстане [Советова, Миклашевич, 1999, с. 54]. Археологические данные показывают, что именно в V в. до н.э. в Минусинской котловине получают распространение предметы мелкой пластики (пряжки, бляхи, навершия), оформленные в этом стиле. Примечательно, что этот процесс совпадает с появлением в антропологическом

типе тагарцев слабой монголоидной примеси, что указывает на приток населения из районов Горного Алтая, Восточного Казахстана и Тувы в то же самое время [Членова, 1967, с. 217]. Таким образом, художественное влияние подкреплялось и демографическими сдвигами.

К этому же периоду относят и распространение на территории Минусинской котловины изображений крупных хищников – тигров, барсов и волков. Они становятся частыми персонажами как наскальных рисунков, так и бронзовой пластики. Известна представительная серия бронзовых ножей, происходящих в основном из случайных находок, рукояти которых украшены головами хищников с оскаленными зубами. Подобные предметы известны и в Горном Алтае. У некоторых ножей рукоять оформлена головой волка, держащего в пасти кольцо – мотив, который исследователи прямо связывают с космогоническими мифами, где волк выступает как хтоническое существо, сопрягающее мир живых и мир мертвых, или как хранитель границы [Членова, 1967, с. 140, таб. 34]. Особенно важен для сравнения один из ножей, который заканчивается оскаленной мордой и передней лапой волка, причем туловище отсутствует. Здесь, так же как и на нашей булаве, хищник изображен не полностью, а фрагментарно – только голова и одна лапа. Это не случайность, а сознательный прием подчинения формы изображения ограниченной поверхности предмета: на узком ноже или на выпуклой булаве нет места для полной фигуры, художник ограничивается самыми узнаваемыми частями – пасть и когти. При этом следует подчеркнуть, что такой фрагментарный способ изображения (голова + лапа) не типичен для собственно тагарского искусства Минусинской котловины, где обычно стремились к целостной фигуре. Зато он хорошо известен в более западном сако-сарматском круге, где встречается уже с VII–VI вв. до н.э. [Членова, 1967, с. 149, таб. 34, 45]. Следовательно, на булаве мы видим не местную, а привнесенную иконографическую схему.

Сочетание на одном артефакте характерно тагарских черт (динамичная поза, решетчатый орнамент) с элементами алтайского звериного стиля (спирали, валютообразные знаки) и сако-сарматским фрагментарным изображением хищника позволяет уверенно датировать предмет V в. до н.э. – временем интенсивного культурного взаимодействия между населением Минусинской котловины, Алтая и Саяно-Тувинского региона.

Наконец, обратимся к прямому изобразительному контексту. Среди наскальных рисунков тагарского периода, открытых в разных частях Минусинской котловины, известны изображения хищников – медведей, лис, волков, а также неопределенных существ с оскаленной пастью. Эти хищники регулярно участвуют в сценах преследования (например, на скалах Оглахты) или противостояния (на скалах Куня), где они связаны с копытными – оленем, косулей, козлом [Советова, 2005, с. 50, 57, рис. 18, 25]. Композиция на булаве, таким образом, идеально вписывается в этот круг сюжетов. Хищник (вероятно, волк или медведь) противостоит копытному (лошади или оленю) в динамичной позе, причем на сферической поверхности эта борьба разворачивается как бы вокруг оси – за счет разной ориентации фигур (рис. 3). Можно предположить, что перед нами не просто охота, а космологический сюжет, где хищник символизирует нижний (хтонический) мир или смерть, а копытное – верхний мир или жизнь и плодородие. Их взаимное расположение (одно перевернуто) может указывать на смену миров, круговорот смерти и возрождения – тему, типичную для мифологий скифо-сибирского круга.

Иконографические и сюжетные параллели с наскальными композициями Оглахты и Куня подтверждают, что на булаве запечатлен устойчивый мифологический мотив борьбы или преследования, характерный для тагарского изобразительного канона V в. до н.э.

Заключение

Булава из Минусинского музея представляет собой высокоинформативный памятник

тагарской культуры середины I тысячелетия до н. э. (V в. до н. э.). Она исполнена в рамках единой петроглифической традиции Среднего Енисея, но демонстрирует неодинаковую степень мастерства: центральная фигура копытного отличается высокой детализацией, орнаментальной насыщенностью (решетка, спирали, валютообразные знаки) и близка к лучшим образцам скальных святилищ Оглахты и Суханихи. Эта фигура отражает прямое влияние алтайского звериного стиля и, возможно, восходит к ритуальному сюжету «расчлененного» жертвенного животного. Два дополнительных рисунка более схематичны, лишены сложного орнамента и иначе ориентированы на сфере – вероятно, они сделаны другим мастером (или позже, или с меньшей тщательностью). Однако все три фигуры семантически согласованы: они развивают мифологическую оппозицию хищника и копытного, что находит прямые аналогии в наскальном искусстве Оглахты и Куны, а также в бронзовой пластике сако-сарматского круга (ножи с головами волков, фрагментарные изображения головы и лапы). Отсутствие точных археологических данных о находке не является препятствием для уверенной атрибуции: комплекс иконографических маркеров – поза «остановки-бега», контурный рисунок, решетчатое заполнение корпуса, спирали, фрагментарность хищника, а также перевернутая ориентация некоторых фигур – позволяет датировать предмет и связать его с тагарской культурой эпохи активных алтайско-средне-

енисейских контактов. Артефакт может рассматриваться как уникальное свидетельство синкретического характера искусства Саяно-Алтайского региона в V в. до н. э., где местные петроглифические традиции переплетаются с привнесенными звериными мотивами и ритуально-мифологическими схемами.

Литература

- Епимахов А. В.** К вопросу о времени бытования и функции редкой разновидности каменных наконечников булав бронзового века // Краткие сообщения Института археологии. 2013. Вып. 231. С. 29–36.
- Килейникова В. В.** Каменные наконечники булав бронзового века лесостепного Подонья // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2004. С. 131–145.
- Новгородова Э. А.** Культурные сюжеты на петроглифах Монголии // Идеологические представления древнейших обществ. Тезисы докладов конференции. М.: [б/и], 1980. С. 89–91.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А.** Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Никалс, 1999. С. 47–74.
- Советова О. С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 140 с.
- Членова Н. Л.** Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 297 с.

УДК 903.26

КАМЕНОЛОМНЯ С ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ КОНСТРУКЦИЯМИ КАПЧАЛЫ-6 В МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

В. Э. Семашкевич

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия; ORCID: 0009-0001-7238-9567

Статья вводит в научный оборот выявленный объект археологического наследия «Каменоломня Капчалы-6», обнаруженный в ходе археологической разведки. На подошве склона каменоломни выявлены вертикально установленные камни, которые, по-видимому, являются технологическими конструкциями для операций с добытыми плитами. Аналогичные вертикально установленные камни ранее были выявлены археологом Я. И. Сунчугашевым на каменоломне Хызыл-Хая, где добывали плиты для строительства «царских» курганов Салбыкской степи. Выявление подобных конструкций на Капчалы-6 позволяет проводить аналогии между памятниками такого рода, свидетельствует об использовании схожих технологических операций

с использованием конструкций из вертикальных камней. Оба памятника предположительно относятся к тагарской археологической культуре. Карьеры с технологическими конструкциями предварительно предлагается выделить в куэстовый тип каменоломен.

Ключевые слова: каменоломня, тагарская культура, Хызыл-Хая, Салбыкские курганы, древние технологии

KAPCHALY-6 QUARRY WITH TECHNOLOGICAL STRUCTURES IN THE MINUSINSK BASIN

V.E. Semashkevich

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia

The article introduces the identified archaeological heritage site "Kapchaly-6 Quarry", which was discovered during archaeological exploration. Vertically installed stones were found at the bottom of the quarry slope, which, apparently, are technological structures for operations with quarried slabs. Similar vertically mounted stones were previously identified by archaeologist Ya. I. Sunchugashev at the Khyzyl-Khaya Quarry, where slabs were mined for the construction of the "royal" burial mounds of the Salbyk Steppe. The identification of similar structures on Kapchaly-6 allows us to draw analogies between monuments of this kind, indicating the use of similar technological operations using structures made of vertical stones. Both sites presumably belong to the Tagar archaeological culture. Quarries with technological structures are tentatively proposed to be related to the *cuesta* type of quarries.

Keywords: quarry, Tagar culture, Khyzyl-Khaya, Salbyk mounds, ancient technologies.

Введение

Археологические памятники раннего железного века в Минусинской котловине в первую очередь ассоциируются с многочисленными курганными могильниками тагарской археологической культуры (IX–III вв. до н.э.). Начиная с первых научных раскопок тагарского кургана, проведенных Даниилом Готлибом Мессершмидтом в январе 1722 г., и практически до сегодняшнего дня основным источником наших знаний о тагарской культуре, как, впрочем, и других культурно-хронологических периодах, остаются именно погребальные памятники. При этом очевидно, что население Минусинской котловины, оставившее сотни курганов, обладало развитой производственной инфраструктурой, обеспечивавшей, в том числе строительство погребальных комплексов. Однако до настоящего времени археологическое изучение объектов производственной сферы эпохи раннего железного века проводится эпизодически.

На фоне курганной археологии направленность научных интересов археолога ХакНИИЯЛИ, доктора исторических наук Я. И. Сунчугашева, 100-летний юбилей которого отмечается в 2026 г., всегда была связана с исследованиями производственных и поселенческих комплексов. Его усилиями открыто 11 горных выработок, 18 стоянок

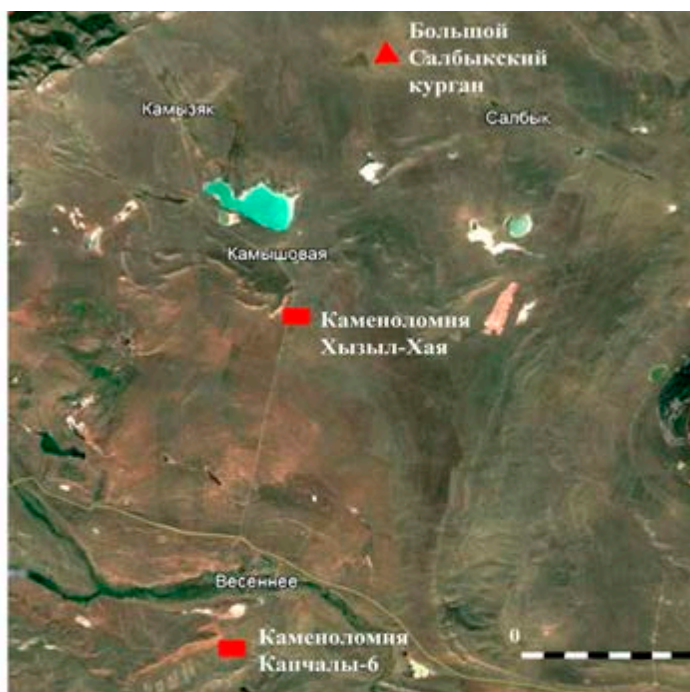
и поселений, 28 железо- и медеплавильных, 17 оросительных каналов [Сунчугашев, 2006, с. 32–33].

Среди памятников производственного назначения, которые он исследовал, есть объект, относящийся к практически неизученной вплоть до настоящего времени категории, что говорит о многогранности научных интересов археолога. Речь идет о каменоломне на горе Хызыл-Хая (с хакасского – Красная скала). Памятник расположен в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия, в 4 км к югу от оз. Улуг-Холь и в 16 км к юго-западу от Большого Салбыкского кургана (рис. 1). Этот «царский» курган был раскопан в 1954–1956 гг. совместной экспедицией ИИМК АН СССР и ХакНИИЯЛИ под руководством С. В. Киселева. Плиты ограды и вертикальные стелы конструкций кургана по массе достигают 30–50 тонн. В 1955 г. в ходе поисков места добычи плит для кургана местные жители обратили внимание С. В. Киселева на эту гору. Он осмотрел каменоломню, о чем очень коротко отметил в отчете о раскопках за этот же год [Киселев, 2016, с. 10].

Гора Хызыл-Хая представляет собой куэсту (от исп. *cuesta* – склон горы, откос; возвышенность с асимметричными склонами – пологим и крутым), ее общая протяженность с северо-востока на юго-запад около 2,1 км. Северо-западный склон куэсты

Рис. 1. Космоснимок взаимного расположения памятников «Каменоломня Капчалы-6», «Каменоломня Хызыл-Хая», «Большой Салбыкский курган». Источник - Google Earth Pro. Дата съемки: 10.04.2025 г.

1.

2.

Рис. 2. Каменоломня Хызыл-Хая. Общий вид на карьер с юга.

3.

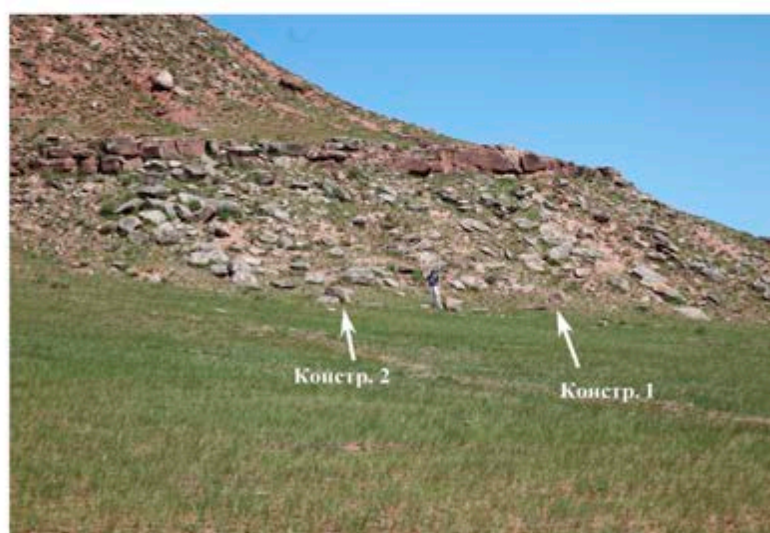

Рис. 3. Каменоломня Капчалы-6. Общий вид с юга на участок добычи.

Рис. 4. Каменоломня Хызыл-Хая. «Эстакада № 1», исследованная Я. И. Сунчугашевым, на фоне склона

Рис. 5. Каменоломня Хызыл-Хая. «Эстакада № 2», исследованная Я. И. Сунчугашевым

Рис. 6. Каменоломня Капчалы-6. Конструкция № 1

Рис. 7. Каменоломня Капчалы-6. Конструкция № 2

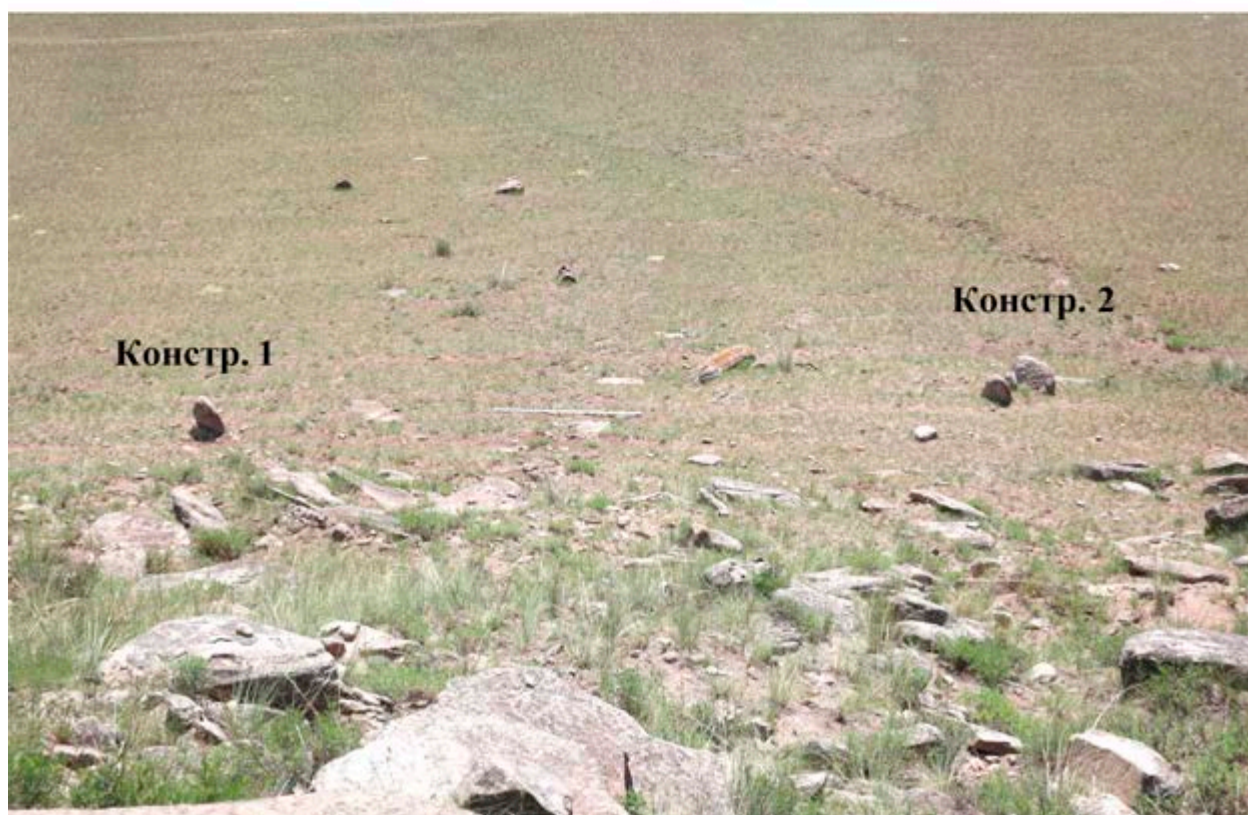

Рис. 8. Каменоломня Капчалы-6. Конструкции № 1 и № 2 с уровня добычи блоков песчаника

пологий, юго-восточный – крутой и обнажает монолитные пласты песчаника, что и обусловило разработку каменоломни на этом склоне. По фронту карьер вытянут более чем на 0,7 км (рис. 2).

Уникальный археологический объект практически 30 лет оставался вне внимания исследователей. В 1986 г., наряду с обследованием объектов горнорудного дела в Усть-Абаканском и Аскизском районах, археологическая экспедиция ХакНИИЯЛИ под руководством Я.И. Сунчугашева провела локальные раскопки вокруг пяти вертикально установленных блоков на приподошвенной территории в северо-восточной части каменоломни, которые и по сей день являются визитной карточкой памятника (рис. 4, 5). Он обозначил их как «эстакады», которые, по его мнению, использовались для погрузки многотонных блоков на грузовые сани для транспортировки к месту строительства «царских» курганов в Салбыкской степи. Небольшой отчет о раскопках опубликован Л.С. Марсадоловым [Сунчугашев, 2016, с. 50–51; Марсадолов, 2019, с. 42–44; статья Марсадолова в настоящем сборнике]. Каких-либо находок в результате раскопок не обнаружено. Однако, в сущности, важным открытием, сделанным археологом на этой каменоломне, являются сами технологические конструкции в виде вертикально установленных крупных блоков песчаника. Эти блоки, очевидно, наблюдал и С.В. Киселев при осмотре объекта, однако именно Я.И. Сунчугашев исследовал и ввел их в научный оборот, предложив свое видение операции по погрузке многотонных плит песчаника на грузовые сани. До сегодняшнего дня каменоломня Хызыл-Хая остается единственным памятником такого рода, на котором проведены археологические раскопки.

С высокой долей вероятности можно говорить о том, что основной период функционирования каменоломни пришелся на эпоху тагарской археологической культуры (IX–III вв. до н. э.). И хотя датирующих артефактов этого периода в результате работ Я.И. Сунчугашева и последующих исследователей данного объекта [Кызласов, 2022, с. 16–25; Марсадолов,

2016, с. 52–53] не получено, о тагарской датировке карьера, собственно, свидетельствуют размеры добытых плит, оставшихся лежать на склонах и у подножия, которые по своим размерам сопоставимы с камнями конструкций «царских» курганов Салбыкской степи. Размеры раскопанных «эстакад» также соответствуют параметрам добытых плит, для технологических операций с которыми они, по-видимому, и предназначались. К тому же иных разработанных карьеров, подобных Хызыл-Хая, в окружении Салбыкских курганов нет.

В 2025 г. в рамках разработки темы каменоломен раннего железного века Минусинской котловины автором настоящей статьи проведена археологическая разведка на выявленном объекте археологического наследия «Каменоломня Хызыл-Хая». В ходе разведки основной целью являлось выявление вертикальных камней, подобных тем, которые описал Я.И. Сунчугашев. В результате обследования на приподошвенной территории, у подножия и на склонах каменоломни дополнительно выявлен 21 вертикальный камень. То есть с учетом пяти «эстакад» количество таких камней составляет 26. В настоящее время материал находится на стадии обработки и подготовки обобщающей научной статьи по итогам разведки.

Конструкции каменоломни Капчалы-6

В ходе археологической разведки автором были также обследованы склоны одноименной горной гряды Хызыл-Хая, которая располагается в 19 км к юго-юго-западу от «Каменоломни Хызыл-Хая» и в 4 км к юго-западу от дер. Капчалы (рис. 1). Горы находятся практически в зоне обоюдной видимости. Протяженность капчалинской горной гряды Хызыл-Хая с северо-востока на юго-запад составляет около 6 км. Она известна одноименной писаницей в юго-западной оконечности массива, открытой археологом И.Р. Аспелиным в 1887 г. [Боковенко, 2004].

Как и Хызыл-Хая, капчалинская горная гряда представляет собой куэсту, северо-за-

падный склон которой пологий, юго-восточный – крутой. В результате обследования склонов выявлена каменоломня, которой присвоено наименование «Капчалы-6». Поиск карьера по разработке песчаника в этом районе был обусловлен наличием вблизи многочисленных памятников тагарской культуры (только на государственный учет в Гос. инспекции по охране объектов культурного наследия Республики Хакасия поставлено 12 могильников, в которых насчитывается не менее 70 визуально наблюдаемых курганов), что логично предполагало разработку ближайших выходов песчаника.

Участок со следами добычи камня располагается в северо-восточной части горной гряды и имеет протяженность около 350 м. Наиболее разработанным выглядит участок склона длиной около 60 м, заваленный крупными блоками песчаника – отходами камнедобычи (рис. 3). Пласт девонского песчаника в этом месте имеет мощность до 1,2 м и располагается на высоте 7–8 м от подошвы, доступ к пласту удобен. На выходе коренных пород зафиксирован участок скального выхода с выемками, возможно, под рычаги или клинья.

На подножии склона выявлены три конструкции (так обозначим эти объекты) из вертикальных камней. Две из них – конструкции №1 и №3 – представлены одиночными камнями, конструкция №2 состоит из нескольких вертикальных камней.

Конструкции №1 и №2 установлены на подошве напротив участка склона со следами активной разработки пласта песчаника.

Конструкция №1 – наземная часть имеет форму неправильного пятиугольника. Размеры: длина по основанию – 1,43 м; высота – 0,86 м; толщина – 0,34 м. Ориентирована по линии СЗ – ЮВ и как бы развернута *под небольшим углом* относительно линии подошвы склона, которая ориентирована по линии СВ–ЮЗ (рис. 6).

Конструкция №2 расположена в 16 м к юго-западу от конструкции №1, также на подошве. Состоит из двух (возможно, трех) плит – северной и южной, между которыми установлена плита меньших размеров.

Первоначально плиты, по-видимому, были поставлены друг к другу вплотную. Наземная часть камней имеет форму неправильных параллелепипедов со скругленными верхними гранями. Их размеры по параметрам длины и высоты близки к параметрам камня конструкции №1. Размеры южной плиты: длина по основанию – 1,21 м; высота – 0,83 м; толщина 0,67 м. Северной плиты: длина – 1,0 м; высота 0,86 м.; толщина – 0,47 м. Плита между ними имеет меньшие размеры и, возможно, была установлена для увеличения ширины всей конструкции. Ее размеры: длина – 0,58 м; высота – 0,67 м; толщина – 0,22 м. Общие размеры конструкции №2: длина по основанию – 1,21 м; высота 0,86 м.; ширина – 1,4 м. Возможно, конструкция была еще шире – у основания южного камня горизонтально лежит затянута делювиальными отложениями плита толщиной около 0,4 м. Камни конструкции №2 ориентированы по линии СЗ – ЮВ – аналогично камню конструкции №1 (рис. 7), то есть также *под небольшим углом* к линии подошвы склона. Обе конструкции воспринимаются как единый комплекс (рис. 8).

Конструкция №3 (рис. 9) расположена в 250 м к западу от конструкции №2 и представляет собой одиночную крупную расслоившуюся плиту песчаника, установленную вертикально на подошве склона. Длина по основанию – 3,5 м; высота – 1,14 м; толщина – 1,35 м. Наземная часть имеет форму вытянутого подпрямоугольного треугольника с направленной в сторону склона вершиной. Ориентирована по линии СЗ–ЮВ, *перпендикулярно линии* подошвы склона на данном участке. Необходимо отметить, что естественная поверхность склона напротив конструкции №1 не нарушена, характерные признаки камнедобычи на этом участке не фиксируются (рис. 11).

В 5 м к западу и в 5 м к востоку от конструкции №1 лежат две крупные плиты песчаника, частично затянута делювиальными отложениями (рис. 11). Плиты имеют практически одинаковую форму неправильного четырехугольника – зауженную с одной стороны и расширенную с противоположной.

Рис. 9. Каменоломня Капчалы-6. Конструкция № 3

Рис. 10. Каменоломня Хызыл-Хая. Один из вертикальных камней, установленных на подошве перпендикулярно линии подошвы склона

Рис. 11. Каменоломня Капчалы-6. Конструкция № 3 и две плиты вблизи нее, вид с северо-запада

Длинными сторонами лежат вдоль линии подошвы склона. Размеры западной плиты (по длинным сторонам): длина – 3,1 м; ширина – 2,1 м. Размеры восточной плиты: длина – 3,6 м; ширина – 2,8 м. Не исключено, что эти плиты изначально представляли один монолит и были расщеплены по естественной слоистости песчаника.

Вопросы культурно-хронологической атрибуции конструкций

На наш взгляд, не должно вызывать сомнений, что выявленные на каменоломне Капчалы-6 вертикальные камни следует рассматривать именно как технологические конструкции. Они явно не являются менгирами – не выражена ось вертикали, наоборот –

конструкции вытянуты в горизонтальном отношении. Их ориентация, по-видимому, была обусловлена направлением линии подошвы склона, независимо от сторон света, что более характерно для объектов ритуального характера.

Важное значение для атрибуции конструкций Капчалы-6 является сходство конструкции №2 и «эстакады №1» на каменоломне Хызыл-Хая, исследованной Я.И. Сунчугашевым [2016, с. 50]. Обе конструкции «наборные», состоят из двух – трех плит, очевидно, для увеличения ширины. «Эстакада» значительно массивнее, у нее выражена пандусовидная грань, обращенная в сторону склона, и она вынесена на приподошвенную часть каменоломни. Конструкция №2 на Капчалы-6 установлена на подошве склона. Возможно, это обусловлено размерами камней, которые обрабатывались, либо грузились на сани для транспортировки с помощью этих конструкций – на Хызыл-Хая многотонные плиты для Салбыкских курганов, на Капчалы-6 плиты меньших размеров.

Кроме того, как упоминалось выше, в ходе разведки каменоломни Хызыл-Хая выявлена группа вертикальных камней, установленных на подошве (рис. 10), что также позволяет проводить аналогии между этими производственными объектами. В сущности, их территориальная близость может указывать на использование сходных вспомогательных устройств для технологических операций с добытыми плитами.

Методика датировки каменоломен в принципе практически не разработана. Карьер по добыче камня – объект открытого типа со всеми вытекающими отсюда проблемами по его культурно-хронологической атрибуции, тем более что многие продолжали разрабатываться в позднее время (XIX–XX вв.). Однако если принять во внимание доводы в пользу датирования вертикальных камней и «эстакад» на каменоломне Хызыл-Хая эпохой тагарской культуры, то можно допускать аналогичную датировку конструкций на Капчалы-6. Стоит отметить, что в немногочисленных источниках по истории камнедобычи и строительного дела автором

не обнаружено сведений об использовании на поздних каменоломнях (XVIII–XX вв.) каких-либо вспомогательных технологических устройств в виде вертикально установленных камней, подобных выявленным на Капчалы-6 и Хызыл-Хая.

Материалы каменоломни Капчалы-6 в какой-то мере позволяют судить о последовательности работ по разработке карьера. Так, отсутствие признаков камнедобычи на склоне напротив конструкции №3, возможно, свидетельствует о проведенных подготовительных работах – сначала оборудовались вспомогательные конструкции, затем разрабатывался склон.

Говорить о назначении конструкций из вертикальных камней на каменоломне Капчалы-6 сложно. На фоне конструкции №1 конструкции №1 и №2 выглядят менее внушительно из-за своих размеров, что может объясняться различными технологическими операциями, в которых они задействовались. Учитывая, что конструкции №1 и №2 находятся на подножии склона, не исключено, что они могли использоваться, например, в качестве упоров для грузовых саней при погрузке на них спущенного со склона блока. Ориентация конструкций под небольшим углом к линии подошвы, возможно, связана с какими-то особенностями технологии погрузки, конструкции саней, упряжи тягловых животных и т.п. Две плиты примерно одинаковой формы и размеров, лежащие рядом с конструкцией №3, наводят на предположение, что она могла быть как-то связана с операцией по расщеплению крупных плит. Тем не менее вопрос о функциональном назначении конструкций пока остается открытым. Возможно, это несколько прояснится после раскопок конструкций (наиболее перспективно в этом смысле выглядит конструкция №3).

Сходство технологических конструкций на обоих каменоломнях позволяет выдвинуть гипотезу, что подобными устройствами из вертикально установленных камней оборудовались карьеры на горных грядках, представляющих собой куэсты. По крайней мере, горные массивы, на которых находятся Капчалы-6 и Хызыл-Хая, относятся к куэсто-

вому типу горного рельєфа. Условно такі кар'єри можна позначити як *куэстовий тип каменоломен*. По-видимому, именно строительство «царских» Салбыкских курганов, когда стояла задача добычи плит мегалитических размеров, определило сооружение на Хызыл-Хая подобных технологических конструкций, которые стали характерны для каменоломен данного микрорайона, что и фиксируется на материале памятника Капчалы-6.

Заключение

Каменоломня Капчалы-6 – объект менее масштабный в сравнении с расположенной в 19 км севернее каменоломней Хызыл-Хая. Однако его особенность в том, что на нем представлены схожие с каменоломней Хызыл-Хая конструкции – вертикальные камни на подошве склона, «наборные» конструкции из нескольких вертикальных камней. Это позволяет проводить аналогии между памятниками и может свидетельствовать об одинаковых технологических операциях с добытыми плитами, для которых предназначались эти конструкции (спуск к подошве, обработка, погрузка на сани, расщепление блоков и др.). До обнаружения каменоломни Капчалы-6 такие конструкции фиксировались только на Хызыл-Хая. Теперь открыт второй памятник такого рода. В последующем в ходе целенаправленного поиска каменоломни куэстового типа, возможно, будут выявлены в других микрорайонах Минусинской котловины.

Перспективы дальнейшего изучения каменоломни Капчалы-6 представляются следующими: а) проведение петрографических и иных исследований образцов с капчалинской каменоломни и с конструкций курганов, расположенных как вблизи каменоломни, так

и отдаленных на достаточное расстояние, что позволит судить о транспортных возможностях строителей курганов; б) выборочные раскопки вокруг вертикальных камней и расщепленных (?) плит с целью выявления артефактов, получения образцов для радиоуглеродного и OSL датирования; в) построение 3D-модели склона для реконструкции процесса камнедобычи.

Литература

- Боковенко Н.А.** Писаница Хызыл-Хая – обретенная и потерянная // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 389–395.
- Киселев С.В.** Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: [б.и.], 2016. С. 6–15.
- Кызласов И.Л.** Древности Хакасии. М.: ИА РАН, 2022. С. 108.
- Марсadolов Л.С.** Древняя каменоломня в Хызыл-Хае // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: [б.и.], 2016. С. 52–53.
- Марсadolов Л.С.** Исследования Я.И. Сунчугашева в Салбыкской долине // Материалы VI Междунар. науч. конф. «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 75-летию ХакНИИЯЛИ, Абакан, 26–27 сентября 2019 г. Абакан: Хак. книж. изд-во, 2019. С. 41–44.
- Сунчугашев Яков Иванович.** Биобиблиографический справочник. К 80-летию со дня рождения. Авторы-составители Есин Ю.Н., Намсараева Н.П., Тараканов В.В. Абакан: [б.и.], 2006. 61 с.
- Сунчугашев Я.И.** Каменоломня тагарской культуры Хызыл-Хая // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: [б.и.], 2016. С. 50–51.

«МЕЧ ЛИЛИНА»: К ВОПРОСУ О ПОДЛИННОСТИ ДЕПАСПОРТИЗИРОВАННОГО АРТЕФАКТА ЭПОХИ ХАНЬ ИЗ СОБРАНИЯ ХНКМ ИМ. Л.Р. КЫЗЛАСОВА

А.Л. Петренко

Автономная некоммерческая организация (АНО) «Археологическое исследование Сибири», Красноярск, Россия

В статье рассматривается бронзовый меч, хранящийся в фондах Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова за номером 767514. Предмет поступил в музей в дар от бывшего губернатора А.И. Лебеда и не имеет документально зафиксированного археологического контекста (депаспортизирован), что долгое время препятствовало его экспонированию и введению в научный оборот. Уникальность морфологии клинка для региона Южной Сибири ставит задачу определения его подлинности и датировки. На основании технологического и морфологического анализа автором делается вывод о высокой вероятности древнего происхождения предмета и его принадлежности к кругу раннеханьских бронзовых мечей (II в. до н.э. – I в. н.э.).

Ключевые слова: археология, Хакасский музей, бронзовый меч, эпоха Хань, атрибуция, подлинность, технологический анализ, депаспортизированный артефакт.

“LILIN’S SWORD”: ON THE AUTHENTICITY OF A DECLASSIFIED HAN ERA ARTIFACT FROM THE COLLECTION OF L.R. KYZLASOV KHAKASS NATIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE

A. L. Petrenko

Autonomous Non-Commercial Organization (ANO) “Archaeological Research of Siberia”, Krasnoyarsk, Russia

This article examines a bronze sword stored in the collection of L. R. Kyzlasov Khakass National Museum of Local Lore. This item was donated to the museum by the former Governor of the Republic of Khakassia A. I. Lebed and lacks a documented archaeological context (it was declassified), that has long prevented its display and introduction into scholarly discourse. The sword’s unique morphology for South Siberia poses the challenge of determining its authenticity and dating. Based on technological and morphological analysis, the author concludes that the object is highly likely of ancient origin and belongs to the group of early Han bronze swords (2nd century BC – 1st century AD).

Keywords: archaeology, Khakass museum, bronze sword, Han dynasty, attribution, authenticity, technological analysis, declassified artifact.

Введение

Предметом настоящего исследования является бронзовый меч, хранящийся в фондах Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова (ХНКМ). До настоящего времени артефакт не публиковался и не экспонировался в связи с неясностью обстоятельств его обнаружения. Однако уникальность предмета, не имеющего на территории Хакасско-Минусинской котловины и сопредельных регионов прямых аналогий, найденных в ходе планомерных раскопок, делает необходимым обратиться к попытке его атрибуции и решения вопроса о подлинности с целью возможного введения в научный оборот.

История поступления предмета и проблема депаспортизации

Меч поступил в фонды Абаканского музея (ныне – ХНКМ) от бывшего губернатора Республики Хакасия Алексея Ивановича Лебеда в числе прочих даров и подарков, переданных главе региона. Согласно пояснениям А.И. Лебеда, предмет был подарен ему частным лицом в 1990-х годах в г. Саяногорске во время неформального общения [Шанс, 2023]. Важно подчеркнуть, что на тот момент А.И. Лебедь еще не занимал пост главы республики, то есть событие датируется временем ранее 1997 г.

Случайный характер находки и полное отсутствие археологического контекста (де-

паспортизация), а также отсутствие аналогов в археологии региона, закономерно ставят вопрос о подлинности меча. Поскольку стратиграфические и иные полевые данные отсутствуют, единственным источником для датировки и решения вопроса о подлинности является сам предмет и анализ его технологических характеристик.

Сомнения в подлинности возникают в связи с высокой активностью в 1990-е годы китайского рынка артефактов и сувенирной продукции, копирующих древние образцы. В этот период, совпавший с расцветом «челночной» торговли и началом туризма в КНР, вполне вероятно появление подобных предметов на территории России в качестве сувениров.

Тем не менее, ряд обстоятельств позволяющих усомниться в «сувенирной» версии.

Во-первых, специфичность выбора: массовый турист или «челнок» с большей вероятностью приобрел бы традиционный китайский прямой меч (цзянь) или саблю (дао), либо фэнтезийный новодел, а не высококачественную, а значит и очень дорогую, имитацию архаичного бронзового клинка.

Во-вторых, при покупке бронзового сувенира выбор, как правило, падает на дешевую, технологичную и серийную продукцию.

В-третьих, нельзя игнорировать тот факт, что окрестности Саяногорска изобилуют археологическими памятниками различных эпох, что теоретически допускает возможность случайного обнаружения древнего предмета местными жителями.

Морфологическое описание предмета

Для решения вопроса атрибуции было проведено детальное описание артефакта (рис. 1).

Общие размеры. Общая длина меча составляет 600 мм. Длина клинка – 490 мм, ширина у гарды – 53 мм, толщина у гарды – 9 мм. В средней части ширина клинка сужается до 49 мм при толщине 6 мм, на последней трети ширина составляет 40 мм, толщина – 3 мм.

Рис. 1. Общий вид меча. Фото автора.

Рис. 2. Орнамент на клинке и гарде. Фото автора.

Форма и декор. Клинок имеет сечение в виде вогнутого ромба с выраженной полосой лезвийной части шириной 7 мм. На последней трети клинок формирует выраженное острие. На протяжении 22 см от гарды клинок украшен ромбическим орнаментом, выполненным литьем. Орнамент частично пострадал при последующей шлифовке, но различим (рис. 2).

Эфес. Гарда шириной 58 мм, максимальной толщиной 11 мм и высотой 11 мм также украшена литым орнаментом. Общая длина рукояти вместе с гардой и навершием составляет 110 мм, толщина черенка рукояти – 14 мм. Рукоять имеет 2 характерных кольцевых утолщения диаметром 20 мм. Навершие воронковидной формы диаметром 47 мм несет на внутренней стороне круговую иероглифическую надпись (в данной работе не рассматривается, находится в стадии расшифровки) (рис. 3).

Рис. 3. Навершие с круговой иероглифической надписью на внутренней стороне. Фото автора.

Общая типология. В целом, без учета анализа надписи, меч демонстрирует облик, характерный для раннеханьских бронзовых мечей. Ему присущи типичные формы и геометрия лезвия, ромбический орнамент на клинке, форма гарды и воронковидного навершия. Наличие орнаментации на гарде и клинке, а также текста на навершии рукояти позволяет отнести предмет к числу не рядовых, а достаточно престижных или парадных образцов. Морфологически меч может быть предварительно датирован в рамках II в. до н. э. – I в. н. э. [Горелик, 1993, с. 35–36].

Технологический анализ как основа верификации

Поскольку надпись, даже будучи расшифрованной, не может служить безусловным доказательством подлинности (она может быть скопирована с оригинала), ключевое значение приобретает технологический анализ предмета [Wadsworth, 2015, p. 2–3].

В пользу древнего происхождения меча свидетельствуют следующие признаки, выявленные при визуальном осмотре (методом технологической трасологии).

Нечеткость геометрических форм. Профиль клинка как по лезвиям, так и по ребру не отличается прямолинейностью. Современное литье под давлением (в частности, сувенирное производство) обеспечивает высокую четкость и воспроизводимость форм. Древние технологии литья и последующейковки допускали большую вариативность и «пластичность» форм, что соответствует психологии восприятия мастера, не ориентированного на стандарты промышленного производства.

Неоднородность качества литья. Наблюдается существенное различие в качестве исполнения орнамента на клинке и гарде. Это объясняется использованием двух типов литья: «низкого», когда орнамент углублен в основу и «высокого», при котором орнамент приподнят над ней. Данный факт объясняется разновременностью отливки частей меча. Технологически клинок отливался отдельно, а рукоять, гарда и навершие доливались

к клинку в другой форме и из другого состава бронзы, что хорошо видно по разному цвету металла клинка и эфеса. Отливка клинков мечей из одного вида бронзы, а рукояти из другого весьма характерна для китайской оружейной традиции. В условиях современного серийного производства, когда эксплуатационные качества имитируемого изделия не важны, столь сложная двухкомпонентная технология с разным качеством деталей была бы нецелесообразна. Предмет отлили бы единым блоком с одинаковой четкостью орнаментации и из одного вида сплава.

Характер литейных раковин. В нижней части клинка наблюдаются раковины, тогда как в верхней, примыкающей к рукояти, их практически нет. Такое распределение дефектов указывает на то, что литье осуществлялось через верхнюю часть клинка (литник), и раковины образовывались по мере удаления от него – классический признак архаичного литья.

Наличие литейных швов. На эфесе сохранились следы литейных швов, не удаленные при послелитейной обработке. В современном производстве, оснащенном электроабразивным инструментом, подобные технологические следы, как правило, тщательно зачищаются. Данный факт уже обсуждался в литературе [Комиссаров, 1988, с. 71–75].

Ремонтный след (прилив). В лезвийной части клинка зафиксирован крупный дефект в виде непролива (раковины), который впоследствии был залит расплавленной бронзой. Подобный прием исправления брака («прилив») хорошо известен по археологическим материалам (например, у тагарских литейщиков). В современном сувенирном производстве переплавить и отлить изделие заново технологически проще и экономически целесообразнее, чем заниматься сложным ремонтом единичного экземпляра.

Заключение и выводы

Проведенное автором статьи исследование позволяет сделать следующие выводы.

Совокупность технологических признаков (неидеальная геометрия, разнокачественность

литья, характер распределения раковин, наличие литейных швов и архаичного «ремонта» доливкой, использование двух различных сплавов для клинка и рукояти) свидетельствует в пользу изготовления меча по древней технологии, а не методами современного промышленного или полукустарного сувенирного производства.

Обстоятельства появления предмета (подарок в 1990-е гг. в г. Саяногорске), при всей их сомнительности с точки зрения археологической чистоты, не являются безусловным доказательством подделки. Маловероятно, что случайный даритель приобрел бы высококачественную (и, соответственно, дорогостоящую) имитацию древнего оружия для неформального подарка.

Качество изготовления и сложность технологических операций исключают версию о массовом сувенирном происхождении предмета. Данный предмет может быть либо подделкой очень высокого качества, и соответственно стоимости. По мнению автора, это исключено, поскольку стоимость такой подделки очень высока, и она не могла быть приобретена «челноком» или туристом из России в середине 90-х. Либо меч подлинный и вопрос лишь в месте находки.

Морфологически (форма, орнамент, надпись) меч может быть предварительно отнесен к кругу раннеханьских статусных бронзовых мечей (II в. до н.э. – I в. н.э.) и рекомендован к введению в научный оборот как подлинный археологический источник, несмотря на отсутствие контекста находки [Dove, Williams, 2017, p. 198–202]. К этому же периоду относится уникальный архитектурный

комплекс Ташебинский дворец [Евтюхова, 1954, с. 195–224]. В контексте этого археологического объекта меч уже не выглядит неуместным артефактом.

Дальнейшая работа должна быть сосредоточена на расшифровке иероглифической надписи на навершии и поиске более близких аналогий и, возможно, на выявлении прочих артефактов, не введенных в оборот, но относящихся к периоду и региону Хань.

Литература

- Горелик М.В.** Оружие древнего Востока, IV тыс. – IV в. до н.э. М.: Наука, 1993. 336 с.
- Евтюхова Л.А.** Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. лит-ры, 1954. С. 195–224.
- Комиссаров С.А.** Комплекс вооружения древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 119 с.
- Меч, голова, самолет: какие подарки подносили Правительству Хакасии в былые годы? // Шанс (Абакан). 03.07.2023. URL: <https://shansonline.ru/index.php/istorii/item/22543-mech-golova-samolet-kakie-podarki-podnosili-pravitelstvu-khakasii-v-bylye-gody> (дата обращения: 17.03.2026).
- Pegg R.A.** Ancient Chinese Bronze Swords in the MacLean Collection // Journal of Asian Martial Arts. 2011. Vol. 20, No. 2. P. 105–107.
- Wadsworth J.** Archeometallurgy related to swords//Materials Characterization. 2015. Vol. 99. P. 1–7. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/materials-characterization> (дата обращения: 17.03.2026).
- Dove A., Williams A.** Some observations on early Chinese bronze swords // Journal of Asian Martial Arts. 2017. Vol. XXII, No 4. P. 198–207.

УДК 902/904

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Я.И. СУНЧУГАШЕВА И ПРОБЛЕМЫ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ

В.В. Тараканов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия

В первой части статьи характеризуется научное наследие Я.И. Сунчугашева, которое огромно и многопланово. Основные направления его научной деятельности – это изучение древней и средневековой металлургии и орошаемого земледелия Южной Сибири и Центральной Азии. Отмечен абсолютно новаторский характер его работ, как нарратива, так и методики.

В Хакасско-Минусинском крае им было открыто более 90 археологических памятников. Он написал ранее не известную историю горного дела и металлургии Тувы и Хакасско-Минусинского края, а изучение орошаемого земледелия в древности и в средневековье им было поднято на совершенно новый качественный уровень. Во второй части раскрыти и проанализирован вклад Я. И. Сунчугашева в развитие поселенческой археологии Хакасско-Минусинского края. Изучая объекты металлургии, он выявлял поселения и делал наблюдения об их пространственном соотношении. Это позволяет в настоящее время делать исследовательские прогнозы. В свете новых исследований средневековых поселений можно провести корректировку датировок некоторых выявленных им памятников.

Ключевые слова: Я. И. Сунчугашев, Хакасско-Минусинский край, научное наследие, горное дело, металлургия, оросительные каналы, хозяйственно-производственная деятельность, поселения, железоплавильни.

YA.I. SUNCHUGASHEV'S SCIENTIFIC LEGACY AND ISSUES OF SETTLEMENT ARCHAEOLOGY OF THE KHAKASS-MINUSINSK REGION

V.V. Tarakanov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia

The first part of the article describes Ya.I. Sunchugashev's scientific legacy, which is vast and multifaceted. The main areas of his scientific activities are the study of ancient and medieval metallurgy and irrigated agriculture in South Siberia and Central Asia. The article notes absolutely innovative nature of his works, both narrative and methodology. He discovered more than 90 archaeological sites in the Khakass-Minusinsk Region. He wrote a previously unknown history of mining and metallurgy in Tuva and the Khakass-Minusinsk Region, and he raised the study of irrigated agriculture in ancient times and in the Middle Ages to a completely new qualitative level. The second part covers and analyzes the contribution of Ya.I. Sunchugashev to the development of settlement archaeology of the Khakass-Minusinsk Region. Studying the products of metallurgy, he discovered settlements and made observations about their spatial correlation. Nowadays, this allows us to make research forecasts. In the light of new research on medieval settlements, it is possible to adjust the dating of some of the sites identified by him.

Keywords: Ya.I. Sunchugashev, Khakass-Minusinsk Region, scientific heritage, mining, metallurgy, irrigation canals, economic and production activities, settlements, iron-smelting furnaces.

Научное наследие доктора исторических наук, профессора Якова Ивановича Сунчугашева обширно и многопланово. Как известно, в общей сложности он опубликовал 107 научных исследований, из которых 6 монографий [Сунчугашев, 2006, с. 34–107]. В своих научных изысканиях он был неравнодушен к проблемам этнографии хакасского народа, например, одна из первых его статей была посвящена народным играм хакасов [Сунчугашев, 1963, с. 145–155]. Есть работы по исследованию хакасского шаманизма [Сунчугашев, 1992, с. 64–65]. Его перу принадлежат труды в области фольклористики. Он был приверженцем идеи о том, что хакасский героический эпос может быть историческим источником [Сунчугашев, 1981, с. 28–44]. Есть у него исследование даже по тюркской филологии, где он делает попытку связать некоторые элементы хакасского языка с текстами древнетюркской письменности [Сунчугашев, 1982, с. 28–44]. Значительный пласт его работ, посвящен древнему искусству Хакасии.

Но главной областью его научных изысканий была археология Южной Сибири и Центральной Азии, и, прежде всего, древняя и средневековая металлургия и орошаемое земледелие Хакасско-Минусинской края и отчасти Республики Тыва. На его выбор археологии, возможно, оказал влияние его старший брат Василий Иванович, который, будучи учителем истории в с. Усть-Есь, принимал активное участие в археологических экспедициях А.Н. Липского, проводившего выявление и изучение памятников археологии в Аскизском районе.

Впервые Я. И. Сунчугашев принял участие в полевых археологических исследованиях в первой половине 1950-х гг., во время обучения на историческом факультете Абаканского государственного педагогического института, когда проходил практику в археолого-этнографической экспедиции под руководством В.Г. Карцова и А.Н. Гладышевского. Точно известно, что он участвовал в раскопках раннетагарского могильника в окрестностях с. Маткечик и древних погребений у центрального банка в г. Абакане [Сунчугашев, 2006, с. 11].

Судьбоносным моментом в его научной жизни стала работа в Туве, когда он, будучи учителем истории, организовал школьный исторический кружок [Сунчугашев, 1961 а, с. 80]. В 1958 г. здесь его встречает Л. Р. Кызласов, руководивший Хакасско-Тувинской археологической экспедицией МГУ им. М. В. Ломоносова. В его лице Яков Иванович находит себе научного наставника и единомышленника. В свой отпуск он работает в составе этой экспедиции и на практике более детально обучается методике полевых археологических исследований.

Уже в 1959 г. он берет первый открытый лист и с кружковцами обследует древние горные выработки в районе Хову-Аксы, расположенные в горах северного склона хребта Танну-Ола [Сунчугашев, 1961, с. 230]. В дальнейшем он проводит археологические работы в других местах Тувы по выявлению и изучению памятников горного дела и металлургии. В 1961 г. он поступает в аспирантуру Института археологии АН СССР. И под руководством Л. Р. Кызласова пишет кандидатскую диссертацию по теме «Горное дело и выплавка металлов в древней Туве», которую успешно защищает в 1964 г.

Диссертационная работа являлась абсолютно новаторской для Сибири. Помимо того, что в ней освящена совершенно неизвестная до этого картина развития производства металлов в Туве от эпохи бронзового века до раннего железного века, она показала опыт применения совершенно новой методики исследований в этой области. В частности, главное новшество — это поиск и изучение археологическими методами памятников добычи руды и выплавки из нее металлов. Ранее вопросы древней металлургии изучались в основном по анализу готовых металлических изделий. Вторым его новаторством было всестороннее применение мультидисциплинарного подхода как в ходе полевых исследований, так и в процессе обработки полевых материалов. В ходе поиска горных выработок он в первую очередь опирался на геологические изыскания. Применялись металлометрическая и флуориметрическая съемки. Проводился спектральный анализ медных

и железных шлаков. По сути, он разработал целую методическую программу по изучению древнего горного дела и металлургии [Сунчугашев, 1969, с. 16–17].

Вернувшись на Родину в Хакасию в 1964 г., он до конца своих дней проработал в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, пройдя путь от научного сотрудника сектора истории до директора института. С его приходом начинается самостоятельная археологическая экспедиция института, которая проработала до 1988 г. Маршруты археологических экспедиций Я. И. Сунчугашева прошли почти по всем районам Хакасии и южной части Красноярского края. В некоторых районах он был первым исследователем-археологом. По нашим подсчетам, им открыто более 90 археологических памятников [Сунчугашев, 2006, с. 11–33]. В настоящее время его археологические отчеты по полевым работам хранятся в рукописном фонде ХакНИИЯЛИ и в архиве Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова.

В первую очередь он начинает целенаправленный поиск и изучение памятников горнорудного дела и металлургии древней и средневековой Хакасии, применяя выработанную им в Туве методику. Большая часть выявленных и исследованных в Хакасско-Минусинском крае памятников производства металлов является научным открытием Я. И. Сунчугашева, не известным до его изысканий. Им было обследовано 11 мест рудных разработок. В 28 пунктах обнаружены печи и горны для выплавки меди и железа. Он является первооткрывателем ранних плавильных печей в регионе. В частности, им открыты одна карасукская медеплавильня, 11 тагарских (в 7 пунктах). Выявлено 19 тагарских железоплавильных горнов, из которых изучено 3 (в 3 пунктах). Особо необходимо подчеркнуть открытие им целой серии таштыкских ямных сыродутных железоплавилен: всего 114 таких печей, из которых изучено 51 (в 11 пунктах). Он продолжил поиск и изучение средневековых железоплавильных горнов, чем в свое время занималась В. П. Левашева. Я. И. Сунчугашев выявил еще 22 горна (в 6 пунктах),

из которых 13 раскопал [Сунчугашев, 2006, с. 29–33].

На основе полевых исследований он пишет докторскую диссертацию по теме «История горного дела и металлургии в Хакасско-Минусинской котловине (с древнейших времен до XIII века)», которую успешно защищает в 1978 г. Его работы в этой области раскрыли ранее неизвестные страницы истории производства металла от эпохи раннего бронзового века до времен присоединения Хакасии к России. Они являются эталонными для Сибири и признаны за рубежом [Мураками, 2015, с. 22].

Другим основным направлением его научных изысканий является изучение древних и средневековых оросительных систем на территории Хакасско-Минусинского края. До его исследований эта проблема находилась на начальном этапе своей разработки, хотя об оросительных каналах в Хакасии было известно еще с XIX века. Он начинает целенаправленно искать и изучать остатки оросительных каналов, на некоторых из них проводя раскопки. В ходе полевых работ Я.И. Сунчугашев выявил и зафиксировал 38 оросительных каналов (в 17 пунктах). Среди них он выделил 3 типа: речные, родниковые горные и речные соединительные [Сунчугашев, 1990, с. 11]. В ходе археологических исследований выяснилось, что при прокладке некоторых каналов проводились не только земляные работы, но и сооружались каменные конструкции. Из плит песчаника выкладывались стенки каналов для их укрепления [Сунчугашев, 1989, с. 59, рис. 41], что ранее не было известно науке. Он предположил, что каналы в Хакасии начинают сооружаться еще в карасукскую эпоху [Сунчугашев, 1980, с. 236]. Его археологические материалы показали, что они точно сооружались и использовались в последующие эпохи вплоть до средних веков [Сунчугашев, 1989, с. 43–63, 78–87; Сунчугашев, 1990, с. 11–29]. Помимо оросительных каналов Я.И. Сунчугашев проанализировал весь корпус артефактов, относящихся к земледелию [Сунчугашев, 1989, с. 21–24, 29–43, 69–79; Сунчугашев, 1990, с. 30–57]. Таким образом, изучение проблемы орошаемого земледелия

в древности и в средневековье Хакасско-Минусинского края им было поднято на совершенно новый качественный уровень.

Нетрудно заметить специфику научного наследия Я.И. Сунчугашева, которое в основном освещает хозяйственно-производственную деятельность древнего и средневекового обществ Хакасско-Минусинского края и частично Тывы. Для своего времени, когда в основном изучалась древняя материальная культура по погребальным комплексам, его научная деятельность стоит особняком. Конечно, он изучал погребения, но основной вектор его научных изысканий был направлен на памятники производства металлов и оросительных систем. И естественным для него было поиск и изучение поселений, с которыми обычно связаны хозяйственно-производственные объекты.

Именно он в 1960–1980 гг. целенаправленно развивал поселенческую археологию Южной Сибири в отличие от так называемой «курганной археологии», которой занимались в это время большинство исследователей. Уже в начале своих исследований в Хакасии Я.И. Сунчугашев ставил перед собой задачу – поиск и изучение не только памятников горного дела и металлургии, но и поселений [Сунчугашев 1966, с. 173]. По этому поводу он в свое время писал: «... даже незначительные остатки поселений представляют немалый интерес для истории. Особенно ценны поселения, входящие вместе с другими археологическими памятниками в единый комплекс материальной культуры одной эпохи» [Сунчугашев, 1975, с. 109].

При этом необходимо отметить, что изучение поселений у него специфичное. Он не ставил своей основной целью исследование их как таковых, то есть выявление распространения культурного слоя, особенностей его залегания, а также поиск и изучение остатков хозяйственно-бытовых объектов. Главное для него было выявление культурных слоев с датирующим материалом, по которому можно было проводить хронологические интерпретации главных предметов его изучения – объектов металлургии и оросительных каналов.

За весь период полевых исследований в Хакасско-Минусинском крае им было обследовано 19 поселений, из которых 16 он открыл для науки. Хронологический диапазон этих объектов от эпохи верхнего палеолита до времен русской колонизации. Из них две стоянки каменного века, одно поселение окуневской культуры, четыре тагарских, на одном из которых имелись материалы карасукской культуры, шесть таштыкских, пять, относящихся к эпохе средневековья, и одно поселение русских металлургов.

Именно по нахождению фрагментов керамики окуневской культуры вместе с кусочками медного шлака на правом берегу ключа Узун-Жуль Я. И. Сунчугашев доказывал о бытовании медеплавильного дела в эпоху энеолита [Сунчугашев, 1975, с. 20–21]. Им был зафиксирован культурный слой, относящийся к карасукской и тагарской культурам вокруг медеплавильни возле горы Посельщик, что свидетельствовало о сооружении печи на месте поселения. Подобная ситуация им была зафиксирована в логу Куг [Сунчугашев, 1993, с. 28–30].

Также были обнаружены фрагменты керамики тагарской культуры у шлаковых отвалов у горы Темир-таг, а заложенный напротив разведочный раскоп позволил выявить поселение, для которого он вводит в научный оборот понятие «поселение металлургов», тем самым выделяя особый тип поселенческих памятников [Сунчугашев, 1975, с. 98]. Подобные поселения тагарской культуры им были обнаружены и в других местах Хакасии, например, поселение в Медведковом логу [Сунчугашев, 1975, с. 109], в логу Хамхол [Сунчугашев, 1993, с. 33–35] и других. Кроме этого, он выделяет временные поселения рудокопов тагарской культуры, например, такой им был выявлен у скалы Чалбыях Хая, на которой были обнаружены горные выработки [Сунчугашев, 1993, с. 16].

Особый кластер «поселений металлургов» таштыкской культуры им был выявлен на севере Хакасско-Минусинского края в долине Белого Июса. Здесь в окрестностях сел Трошкино, Ефремкино и у Черного озера Я. И. Сунчугашев обнаружил и обследовал

4 поселения [Сунчугашев, 1979, с. 66–72]. Он относит эти селения к местам проживания железоплавильщиков, так как в состав их культурных слоев входят железные металлургические шлаки, железная руда и фрагменты воздухоудных сопел. А также в округе их было выявлено большое количество ямных сыродутных железоплавильных печей. При этом необходимо отметить, что только в единичных случаях у самих плавильных печей были обнаружены фрагменты керамики. Ученый считает, что люди занимались здесь не только металлургией, но вели комплексное хозяйство, в которое входило скотоводство, земледелие и подсобные промыслы [Сунчугашев, 1979, с. 79]. Таким образом, ставится проблема пространственного соотношения поселений и объектов металлургии, решение которой дает основания для выводов о хозяйственно-производственной деятельности древнего населения.

При изучении памятников металлургии средних веков Я. И. Сунчугашев также сталкивается с поселенческими материалами. Обследуя целую серию железоплавильных горнов правобережья Енисея, он в 4 случаях выявляет распространение культурного слоя с грубой средневековой керамикой и фрагментами «кыргызских ваз». Это в таких пунктах как Минусинск (кирпичный завод), Шалаболино, Малая Минуса, Кызыкуль [Сунчугашев, 1979, с. 93–99]. Интересно отметить, что все эти памятники он датирует VI–IX векам и при этом отмечает, что на всех располагаются железоплавильни малых форм, для которых характерен небольшой объем плавильных камер, не превышающий 0,08–0,12 м³ [Сунчугашев, 1979, с. 99]. Ученый полагает, что эти поселения – обособленные поселки плавильщиков и кузнецов, которые «должны были обеспечивать своим трудом все возрастающую потребность верхушки молодого классового общества» [Сунчугашев, 1979, с. 100].

Горны второго типа с увеличенным объемом плавильных камер до 0,7 м³ он отнес к VIII–XII векам. Их Я. И. Сунчугашев изучал в 9 пунктах и нигде не обнаружил хозяйственно-бытовых остатков [Сунчугашев,

1979, с. 100–115]. Конечно же, что металлурги жили поблизости, но не на территории самих железоплавильных «заводов», на которых кроме самих печей в большом количестве археолог выявил шлаковые отвалы и угольные ямы. Из чего можно сделать вывод, что в это время металлургия приобретает большую специализацию и производственные центры являются отдельными объектами, где из-за большой концентрации производства невозможно было селиться и постоянно проживать. Таким образом, пространственное соотношение поселений и производственных объектов дает право выдвигать предположения о хозяйственно-производственном укладе жизни.

Интересно отметить, что при изучении средневекового Базинского поселения, которое автор статьи изучал в 2003–2006 гг. [Тараканов, 2007, с. 239], фиксировались предметы, связанные с металлургией. В культурном слое были представлены металлургические железоплавильные шлаки, фрагмент остекленевшей деформированной головки сопла и фрагменты глиняной обмазки, некоторые из которых остекленевшие. Но самих железоплавлен не встречено. Вполне возможно, что горны могли располагаться, как и на правом берегу Енисея, за пределами поселения, тем более что на Базинском поселении имеются материалы, относящиеся к XII–XIV векам [Тараканов, 2007, с. 245]. Таким образом, на основании наблюдений Я.И. Сунчугашева, по соотношению объектов производственно-хозяйственной деятельности и поселений можно предполагать о расположении объектов металлургии при изучении новых памятников.

Кроме этого, в свете современных исследований интересны материалы средневекового поселения в устье речки Сир, который Я.И. Сунчугашев выявил и частично изучил в 1974 году. Как считает ученый, здесь были обнаружены остатки жилища средневекового кузнеца и угольные ямы [Сунчугашев, 1993, с. 104–106]. Поселение было датировано по недоделанному железному кинжалу IX–XI веками. В ходе раскопок была найдена коллекция фрагментов керамики, в состав которой входили обломки «кыргызских ваз»

и бытовой лепной посуды [Сунчугашев, 1993, с. 105–106]. Среди фрагментов последней имеется фрагмент с венчиком, который шире стенки и у которого на верхней поверхности среза нанесен зубчатый штамп [Сунчугашев, 1993, с. 105, рис. 101,7].

Подобные венчики с зубчатым орнаментом в большом количестве были найдены при изучении Базинского поселения. По датирующему материалу было доказано, что они относятся к XII–XIV векам [Тараканов, 2025, с. 465]. Таким образом, хронологические рамки поселения в устье речки Сир можно расширить до монгольской эпохи. Присутствие фрагментов «кыргызских ваз», у которых, как известно, верхняя дата X век [Кызласов, 1986, с. 201; Николаев, 1972, с. 199, 205], говорит только о том, что данное поселение имеет два хронологических горизонта, что наблюдается и на Базинском поселении [Тараканов, 2007, с. 243].

Также необходимо отметить, что подобные венчики Я.И. Сунчугашев находил при исследовании медного шлакового отвала в логу Хамхол [Сунчугашев, 1993, с. 36, рис. 28,4] и при изучении поселения Сагыт в долине Белого Июса [Сунчугашев, 1979, с. 177, табл. VI]. Первый памятник им датирован тагарской культурой, второй таштыкской. Венчики со штампом по верхнему краю дают право считать, что на этих памятниках имеются слои развитого и позднего средневековья.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что научный вклад Я.И. Сунчугашева в археологию Южной Сибири и Центральной Азии значителен, особенно в деле разработки вопросов производственно-хозяйственной деятельности древнего и средневекового населения. Его научное наследие огромно и разнопланово. Им собран огромный источниковедческий материал и сгенерировано большое количество новаторских идей и научных знаний. Разработана целая методическая программа по изучению древнего горного дела и металлургии. Он сделал значительный вклад в развитие поселенческой археологии Хакаско-Минусинского края, выделив «поселения металлургов»

и проведя наблюдения по пространственному соотношению их с объектами производства. Его исследования средневековых поселений дает право прогнозировать расположение металлургических центров для новых изысканий. При этом новые исследования дают право скорректировать хронологию некоторых памятников, которые выявил Я.И. Сунчугашев.

Литература

- Кызласов Л.Р., Мартынов С.В.** Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI–IX вв. // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 183–210.
- Мураками Я.** Наша совместная деятельность в Республике Хакасия и ее значение для исследования истории производства железа на Евразийском континенте // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. Материалы I Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Якова Ивановича Сунчугашева (Абакан, 23–27 сентября 2015 г.). Абакан-Эхимэ: Изд-во Ун-та Эхимэ, 2015. С. 22–31.
- Николаев Р.В.** Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // Советская археология. 1972. № 2. С. 198–205.
- Сунчугашев Я.И.** Древние горные выработки Хову-Аксы // Ученые записки Тув.НИИЯЛИ. Выпуск IX. Кызыл: Типография управления культуры, 1961. С. 230–234
- Сунчугашев Я.И.** Изучаем родную Туву // Преподавание истории в школе (методический журнал Министерства просвещения РСФСР). 1961 а. № 1. С. 80–81.
- Сунчугашев Я.И.** Горное дело и выплавка металлов в древней Туве (Материалы и исследования по археологии СССР №49). М.: Наука, 1969. 140 с.
- Сунчугашев Я.И.** Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине: эпоха бронзы и раннего железа. М.: Наука, 1975. 173 с.
- Сунчугашев Я.И.** Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 192 с
- Сунчугашев Я.И.** Исследование древних оросительных каналов в Хакасии // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 236.
- Сунчугашев Я.И.** Хакасские героические сказания как исторический источник // Вопросы этнографии. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1981. С. 28–44.
- Сунчугашев Я.И.** О связи междометия «ыйу» хакасского языка с древнетюркским «уји» // Советская тюркология. 1982. № 1. С. 97–98.
- Сунчугашев Я.И.** Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 104 с.
- Сунчугашев Я.И.** Памятники орошаемого земледелия средневековой Хакасии. Абакан: Краснояр. кн. изд-во. Хакас. отд-ние, 1990. 96 с.
- Сунчугашев Я.И.** Хакасские шаманы о спасении души человека // Сибирские чтения: к 90-летию со дня рождения Андрея Александровича Попова, 11–13 ноября 1992 г.: тезисы докладов/[отв. ред. Г.Н. Грачев]. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1992. С. 64–65.
- Сунчугашев Я.И.** Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1993. 112 с.
- Сунчугашев Яков Иванович.** Биобиблиографический справочник. Авторы-составители: Есин Ю.Н., Намсараева Н.П., Тараканов В.В. Абакан: б/и, 2006. 61 с.
- Тараканов В.В.** Базинское поселение как индикатор хронологии эпохи Средневековья Хакасско-Минусинского края // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научно-практической конференции, 24–26 октября 2007 г. Вып. 3. Ч. II. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. С. 238–247.
- Тараканов В.В.** Керамика развитого и позднего Средневековья Хакасско-Минусинского края // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда: Материалы съезда. В 3-х томах, Красноярск, 06–10 октября 2025 года. Т. II. Красноярск: Сиб. Фед. Ун-т, 2025. С. 464–467.

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА ДЕТАЛЕЙ СТРЕЛКОВОГО ПОЯСА ИЗ КУРГАНА 2 МОГИЛЬНИКА ВАГАНОВО I В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ: К ВОПРОСУ О ЦВЕТНОМ МЕТАЛЛЕ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

А. С. Савельева

Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия; ORCID: 0000–0002–4804–5932

В научный оборот вводятся данные элементного состава металла деталей стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I юрт-акбалыкского этапа верхнеобской культуры в Кузнецкой котловине. Для изученных методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой и сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным анализом десяти предметов определено изготовление из меди для сердцевидных бляшек, язычкового наконечника и колесовидных распределителей; овальнорамчатая с неподвижным щитком пряжка изготовлена из латуни, легированной оловом и свинцом. Производится сравнение полученных данных с опубликованными материалами по составу верхнеобского металла из памятников Кузнецкой котловины и Новосибирского Приобья. По соотношению типов сплавов (преобладание медных изделий, единичность латуни) для вагановской серии устанавливается отсутствие полных аналогий как в материалах Кузнецкой котловины, так и в Новосибирском Приобье. Из числа выявленных для металла Новосибирского Приобья типов сплавов два находят соответствие в металле деталей стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I – медь и латунь, легированная оловом и свинцом. При этом медь Новосибирского Приобья (по материалам могильника Каменный Мыс) представляется более «чистой» при сравнении с вагановской по концентрациям примесных компонентов. Современное состояние источников по составу цветного металла верхнеобской культуры позволяет выделить сплав на медной основе, легированный одновременно (в разном соотношении) цинком, оловом и свинцом, в качестве маркирующего в хронологическом (тимирязевский, юрт-акбалыкский этапы) и территориальном (Кузнецкая котловина, Новосибирское Приобье) контекстах.

Ключевые слова: раннее средневековье, верхнеобская культура, юрт-акбалыкский этап, Кузнецкая котловина, курганный могильник Ваганово I, стрелковый пояс, элементный состав, бронза, латунь, медь

METAL ELEMENTAL COMPOSITION OF THE DETAILS OF THE SHOOTER BELT FROM KURGAN 2 OF VAGANOV I BURIAL GROUND IN THE KUZNETSK BASIN: NON-FERROUS METAL OF THE UPPER OB CULTURE

A. S. Savelyeva

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia

This paper introduces the data on the metal elemental composition of the details of the shooter belt from Kurgan 2 of Vaganovo I burial ground of Yurt-Akbalyk stage of the Upper Ob culture in the Kuznetsk Basin. For ten objects studied using inductively coupled plasma atomic emission spectroscopy and scanning electron microscopy with energy dispersive analysis, it was determined that the heart-shaped plaques, tongue-shaped tips, and wheel-shaped distributors were made of copper; the oval-framed buckle with a fixed shield was made of brass alloyed with tin and lead. The obtained data are compared with published materials of the composition of metal of the Upper Ob culture from sites in the Kuznetsk Basin and the Novosibirsk Ob Region. Based on the ratio of alloy types (predominance of copper products; rare brass) for the Vaganovo series, it is established that there are no complete analogies either in the materials of the Kuznetsk Basin or in the Novosibirsk Ob Region. From among the alloy types identified for the metal of the Novosibirsk Ob Region, two types find a correspondence in the metal of the details of the shooter belt from Kurgan 2 of Vaganovo I burial ground – copper and brass alloyed with tin and lead. At the same time, copper from the Novosibirsk Ob Region (based on materials from Kamennyi Mys burial site) appears to be “purer” when compared with Vaganovsko copper in terms of concentrations of impurity components. The current state of sources about the composition of non-ferrous metals of the Upper Ob culture allows us to identify a copper-based alloy, alloyed simultaneously (in different proportions) with zinc, tin, and lead, as a

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН по теме: «Динамика культурно-исторических процессов в Сибири и сопредельных районах Центральной Азии от древности до Нового времени: тенденции и локальная специфика» (FWEZ-2026–0005) 126030318256–9.

The work was carried out within the framework of the state assignment of the Federal Research Center of Humanities and Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences on the topic: “Dynamics of cultural and historical processes in Siberia and adjacent regions of Central Asia from ancient times to modern times: trends and local specifics” (FWEZ-2026–0005) 126030318256–9.

marker in the chronological (Timiryazev, Yurt-Akbalyk stages) and territorial (Kuznetsk Basin, Novosibirsk Ob Region) contexts.

Keywords: Early Middle Ages, Upper Ob culture, Yurt-Akbalyk stage, Kuznetsk Basin, Vaganovo I burial mound, shooter belt, elemental composition, bronze, brass, copper.

Введение

Цветная металлургия верхнеобской культуры по материалам Кузнецкой котловины не становилась пока предметом самостоятельного исследования. Об особенностях этой отрасли хозяйства дает представление, преимущественно, бронзовый сопроводительный инвентарь из погребальных комплексов VII–X вв. (Ваганово I, Зимник, Калтышино II, Озерки I, Озерки-5, Саратовка, Сапогово, Сапогово II, Юрты II) – неизменно многочисленный и категориально разнообразный. На сегодняшний день можно говорить не менее чем о 500 изделиях, изготовленных из сплавов на медной основе, хранящихся в составе музейных коллекций. Этот предметный комплекс традиционно привлекается для типолого-морфологических построений и поисков аналогий в ходе культурно-хронологической атрибуции памятников. Вопросы об источниках рудного сырья для производства этих вещей и территориальной локализации исходных бронзолитейных процессов не рассматривались. Последний осложняется отсутствием свидетельств металлургического цикла или его отдельных этапов на верхнеобских поселениях, охваченных раскопками (Поморцево II, Лебеди 6).

История исследований цветного металла верхнеобской культуры из памятников Кузнецкой котловины

Данные об элементном составе бронз из верхнеобских памятников Кузнецкой котловины (к чему кратко уже приходилось обращаться [Савельева, 2025, с. 318]) в связи со спецификой состояния источников по цветной металлургии верхнеобской культуры приобретают особое значение. Первые результаты были получены в конце XIX в. профессором химии Томского университета Ф.К. Крюгером, выполнившим анализ металла одного из «языческих идолов» с берега р. Ини Кузнецкого округа – фигурки из со-

става Егоровского клада IX–X вв. В металле были определены следующие компоненты – 70 % меди, 24 % олова, 4 % свинца, 1 % марганца и следы железа [Флоринский, 1897, с. 274], что позволяет судить о сплаве как об оловянисто-свинцовой бронзе с высоким содержанием олова. Исследователями Егоровский клад определяется «как одно из последних проявлений угасающей культовой практики верхнеобской традиции в новых условиях доминирования носителей срубной культуры» [Боброва, Ширин, 2016, с. 21].

Следующая серия анализов цветного металла была получена спустя более чем столетие – в 2009 г. А.А. Тишкиным был принят анализ разновременных изделий, хранящихся в Музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, портативным рентгенофлуоресцентным спектрометром модели Альфа-2000 [Тишкин, 2011, с. 90]. Характер проведенного специалистом исследования обозначен как предварительный – с целью конкретизировать содержащиеся в описи музейных предметов обозначения материала «бронза» и «светлый металл», сделанные на основе визуального осмотра [Тишкин, 2011, с. 90, 92].

В числе изделий из памятников верхнеобской культуры А.А. Тишкиным проанализированы ручка от сосуда из курганного могильника Ваганово I [Тишкин, 2011, табл. 1, №20], наконечник ремня, тройник-распределитель и украшение (амулет) из курганного могильника Сапогово II [Тишкин, 2011, табл. 1: №№21–23]. Металл ручки сосуда определен как серебро, содержащее 8,6 % меди, 1,93 % олова, 1,33 % свинца, около 1 % мышьяка и 0,35 % цинка. Предметы из Сапогово II определены как бронзовые. Основываясь на количественном содержании легирующих компонентов, наконечник ремня следует относить к оловянистым бронзам (олова 14,69 %). Тройник-распределитель –

к оловянисто-цинковистым бронзам (олова 10,37%, цинка 5,44%). Амулет – к оловянистым бронзам (олова 13,89%), легированным серебром (серебра 2,17%).

Этим исчерпывались данные о составе бронз верхнеобской культуры по материалам памятников Кузнецкой котловины.

Т а б л и ц а 1.

Опубликованные данные об элементном составе изделий из цветного металла из памятников верхнеобской культуры Кузнецкой котловины.

№ п/п	Предмет	Памятник	Датировка комплекса	Источник
1	языческий идол	Егозовский клад	IX – X вв. (Боброва, Ширин, 2016, с. 21)	Флоринский, 1897, с. 274
2	ручка сосуда	Ваганово I	вторая половина IX – первая половина X вв. (Бобров и др., 2010, с. 4)	Тишкин, 2011, табл. 1, № 20
3	наконечник ремня	Сапогово II	середина IX – начало X вв. (Каталог..., 2008, с. 66)	Тишкин, 2011, табл. 1: № 21
4	тройник-распределитель	Сапогово II	середина IX – начало X вв. (Каталог..., 2008, с. 66)	Тишкин, 2011, табл. 1: № 22
5	украшение (амулет)	Сапогово II	середина IX – начало X вв. (Каталог..., 2008, с. 66)	Тишкин, 2011, табл. 1: № 23

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

№ п/п	Cu	As	Sn	Pb	Ag	Fe	Zn	Mn	Ti	Cr	Тип сплава
1	70		24	4		следы		1			Cu+Sn+Pb
2	8,6	около 1	1,93	1,33	основа		0,35				Ag
3	основа	менее 0,5	14,69	0,23		0,65					Cu+Sn
4	82,85		10,37	0,98		0,36	5,44				Cu+Sn+Zn
5	более 81	следы	13,89	0,88	2,17	0,33	0,83		0,46	следы	Cu+Sn+Ag

Накопленные результаты указывали на изготовление здесь в верхнеобское время вещей из сплавов на медной основе, легированных оловом в концентрациях от 10,37% до 24% (Сапогово II, Егозовский клад). В отдельных случаях можно говорить о легировании оловянистой бронзы цинком (5,44%) (тройник-распределитель из Сапогово II) и серебром (2,17%) (амулет из Сапогово II). Следует подчеркнуть, что все пять изделий, элементный состав металла которых опубликован, относятся к украшениям и деталям наременной гарнитуры. Любопытно, что в эту же категорию функционально входит и ручка сосуда из могильника Ваганово I – авторами публикации материалов памятника отмечено, что серебряная кольцевая ручка от сосуда с пластинчатым щитком в виде трилистника могла употребляться в качестве пер-

стня [Бобров и др., 2010, с. 238. 239, рис. 12: 22; 67: 36; Каталог коллекций..., 2004, с. 76, рис. 3].

Материалы из курганного могильника Ваганово I

В 2025 г. методом атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой были получены результаты анализа элементного состава металла десяти предметов наременной гарнитуры из курганного могильника Ваганово I. Анализ произведен в Центре коллективного пользования Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН на спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO (аналитик – к.х.н. Р.П. Колмыков). Кроме этого, поверхность одного наконечника ремня была

исследована методом энергодисперсионного анализа. Анализ производился в ЦКП ФИЦ УУХ СО РАН на сканирующем электронном микроскопе JEOL JSM-6390 LA с энергодисперсионным рентгеновским детектором JED – 2300 (аналитик – канд. физ.-мат. наук С. А. Созинов).

Методы атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой и сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным анализом поверхности впервые применены для анализа элементного состава металла сопроводительного инвентаря из погребального комплекса Кузнецкой котловины, атрибутированного верхнеобской археологической культурой раннего средневековья.

Курганный могильник Ваганово I (Промышленновский район Кемеровской области – Кузбасса) «расположен у северо-западных предгорий Салаирского кряжа, в 3 км восточнее одноименного села, на южном берегу Большого озера, являющегося старицей безымянного правого притока (в настоящее время его русло перекрыто каменно-земляной дамбой) р. Исток, входящего через систему проток в бассейн р. Иня, правого притока р. Оби» [Бобров и др., 2010, с. 4]. Раскопки памятника производились в 1991–1998 гг. под руководством А. С. Васютина силами Кузбасской археологической экспедиции кафедры археологии КемГУ и Кузбасской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН – КемГУ. Начальник Кузбасской археологической экспедиции – В. В. Бобров [Бобров и др., 2010, с. 14].

Специфика могильника Ваганово I определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, расположением «на стыке двух геоморфологических образований Кузнецко-Салаирской горной области – межгорной Кузнецкой котловины и Салаирского кряжа» [Бобров и др., 2010, с. 5, 6]. Во-вторых, эпохальной принадлежностью к «переломному, рубежному периоду» второй половины IX – первой половины X вв. – времени сосуществования верхнеобской и сrostкинской археологических культур [Бобров и др., 2010, с. 4]. При этом авторами публикации материалов

памятника его особенности рассматриваются «в контексте завершающего этапа развития верхнеобской культуры и синхронных ей культурных образований юга Западной Сибири» [Бобров и др., 2010, с. 4], когда собственно функционирование некрополя не могло превышать 50 лет и связано со второй половиной IX в. [Бобров и др., 2010, с. 48].

Материалы раскопок могильника хранятся в Музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (КМАЭЭ ОФ 158/1–212, ВА 76/1–212). В числе 250 бронзовых изделий различных категорий – поясные пряжки, накладки, бляшки, наконечники ремней, бубенчики, подвески и т. д. [Каталог коллекций..., вып. 1, 2004, с. 76] – примечателен комплект предметов, относящихся к одному поясу и составляющих набор 1 комплекта 4 из сооружения № 1 кургана № 2. По взаимному расположению деталей набора авторами публикации материалов реконструировано расположение украшений на поясе, «сложенного пополам и таким образом уложенного на грунт», а сам пояс определен как стрелковый [Бобров и др., 2010, с. 164]. В набор входят бронзовые цельнолитая овальнорамчатая пряжка с полуовальным неподвижным щитком с гравированной свастикой на его тыльной стороне, шесть сердцевидных блях, три колесовидных распределителя ремней, полуовальная и прямоугольная бляхи, полуовальный наконечник ремня с крыловидным верхом и рельефным приостренным продольным центральным ребром [Бобров и др., 2010, с. 164, рис. 31: 1–13]. Проанализирован элементный состав металла следующих десяти деталей данного стрелкового пояса.

Шесть **сердцевидных бляшек** с крыловидным торцом [Бобров и др., 2010, рис. 11: 22]. Сечение бляшек выемчато-трапецевидное. Бляшка № 47 (рис. 1: 1) – с двумя круглыми отверстиями (здесь и далее номера предметов из могильника Ваганово I соответствуют их инвентарным номерам музейного хранения). Основание шпенька на внутренней поверхности неясное, может являться литейным браком. Бляшка № 85 (рис. 1: 2) – с двумя крупными отверстиями округлых очертаний. На обороте имеются два шпенька

Рис. 1. Детали стрелкового пояса (набор 1, комплект 4, сооружение № 1) из кургана № 2 могильника Ваганово I:

1 – № 47; 2 – № 85; 3 – № 45; 4 – № 86; 5 – № 52;
6 – № 84; 7 – № 48; 8 – № 55; 9 – № 81; 10 – № 56.
1–9 – медь; 10 – латунь, легированная оловом и свинцом. Фото А. С. Савельевой

длиной 1,2 см и 0,4 см. Бляшка № 45 (рис. 1: 3) – с вытянутым аморфных очертаний отверстием (свищ, по терминологии Р.С. Минасяна [2014, ил. 10: 4]). На обороте имеются три шпенька, один едва выдается от поверхности (сильно обломан). Самый длинный шпенок длиной 0,7 см. Бляшка № 86 (рис. 1: 4) – с круглым отверстием в центральной части ближе к верхней грани. На обороте имеются три шпенька, один из которых едва выдается от поверхности. Длина шпеньков – почти вровень с бортиком. Бляшка № 52 (рис. 1: 5) помимо двух округлых отверстий имеет отверстие аморфных вытянутых очертаний (свищ, по терминологии Р.С. Минасяна [Минасян, 2014, ил. 10: 4]). На обороте фиксируются два шпенька. Бляшка № 84 (рис. 1: 6) – с круглым отверстием в центре. В верхней части изделия бортик сходит на нет, что, по всей видимости, свидетельствует о низком качестве отливки. Имеются остатки основания одного шпенька.

Два **распределителя ремней** – колесо-видные с рельефными выступами-трилистни-

ками (№ 48, рис. 1: 7, № 55, рис. 1: 8) [Бобров и др., 2010, рис. 11: 5]. У распределителей от круглой центральной «жемчужины» с хорошо выраженным угловатым рельефом граней бортика отходят «лепестки-лопасти», образованные дугами с трапецевидным сечением. Между «лепестками-лопастями» помещены выступы-трилистники. По наблюдениям специалистов, данный тип распределителей относится к числу таких, бытование которых не выходит за границы VIII – IX вв. [Бобров и др., 2010, с. 46].

Наконечник ремня язычковый, миниатюрный, для подвесных ремешков (№ 81, рис. 1: 9) [Бобров и др., 2010, рис. 9: 14]. Нижний край округлый, верхний – крыло-видный. По центру лицевой стороны фиксируется продольное ребро. В центре имеется круглое отверстие. По наблюдениям специалистов, наконечник относится к типам, бытовавшим в широких хронологических границах от рубежа VII – VIII вв. до конца I тыс. [Бобров и др., 2010, с. 45].

Пряжка овальнорамчатая с неподвижным щитком (№ 56, рис. 1: 10) [Бобров и др., 2010, рис. 9: 3]. Овальная рамка длинной осью ориентирована перпендикулярно к щитку. Щиток полуовальный, с круглым отверстием в центре ближе к рамке. На обороте щитка фиксируются остатки (основания) трех шпеньков, а также ломаные под прямым углом линии, формирующие изображение правосторонне направленной свастики. По наблюдениям специалистов, «пряжки «сибирского типа», к которым относятся и вагановские экземпляры, датируются в пределах VIII–IX вв.» [Бобров и др., 2010, с. 41].

На обороте почти всех предметов имеются шпеньки, но многие из них отломаны. Возможно, сначала украшения крепились к ремням шпеньками, а после поломки для крепления и продолжения использования были сделаны отверстия. Все детали пояса литые.

**Результаты изучения элементного состава металла деталей стрелкового пояса
из могильника Ваганово I**

Таблица 2

**Результаты анализа элементного состава металла деталей стрелкового пояса из кургана
№2 могильника Ваганово I. Во всех случаях медь – основа; значение «0» указывает
на содержание элемента в концентрациях ниже порога чувствительности прибора; значения
концентраций приводятся в процентах массы (mass %).**

№	Предмет	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Ag
81	наконеч- ник ремня	0,0343	0,0000	0,1432	0,0715	0,0000	0,0477	0,0695	0,1558	0,0147	0,0128
47	бляшка сердце- видная	0,0241	0,0000	0,1491	0,0685	0,0000	0,0589	0,0627	0,1608	0,0154	0,0136
86	бляшка сердце- видная	0,1761	0,0087	0,1633	0,0576	0,0000	0,1722	0,1109	0,114	0,0207	0,0201
52	бляшка сердце- видная	0,2082	0,0437	0,1449	0,0723	0,0000	0,1098	0,1597	0,1611	0,0198	0,0267
85	бляшка сердце- видная	0,1033	0,0165	0,1516	0,0781	0,0000	0,0416	0,0389	0,1183	0,0078	0,037
45	бляшка сердце- видная	0,0105	0,0499	0,1496	0,0707	0,0000	0,0342	0,0608	0,161	0,0064	0,0511
84	бляшка сердце- видная	0,0507	0,0424	0,328	0,2175	0,0075	0,0398	0,0161	0,2952	0,0025	0,1241
56	ременная пряжка	4,314	1,112	0,1554	0,1359	0,0174	1,715	28,84	0,1799	0,0172	0,2499
48	распреде- литель ремней	0,1221	0,0075	0,1429	0,0538	0,0000	0,0428	0,0415	0,0845	0,0000	0,0281
55	распреде- литель ремней	0,2338	0,0483	0,1518	0,0714	0,0000	0,0582	0,1439	0,1657	0,0143	0,0551

Согласно полученным данным, наконеч-
ник ремня, распределители ремней и сердце-
видные бляшки изготовлены из меди. Бляшка
№52 и распределитель №55, по всей видимо-
сти, изготовлены из металла одной отливки.

На это указывают количественно сходные
концентрации почти всех примесей к меди
в их металле, за исключением показателей
по железу и серебру (рис. 2).

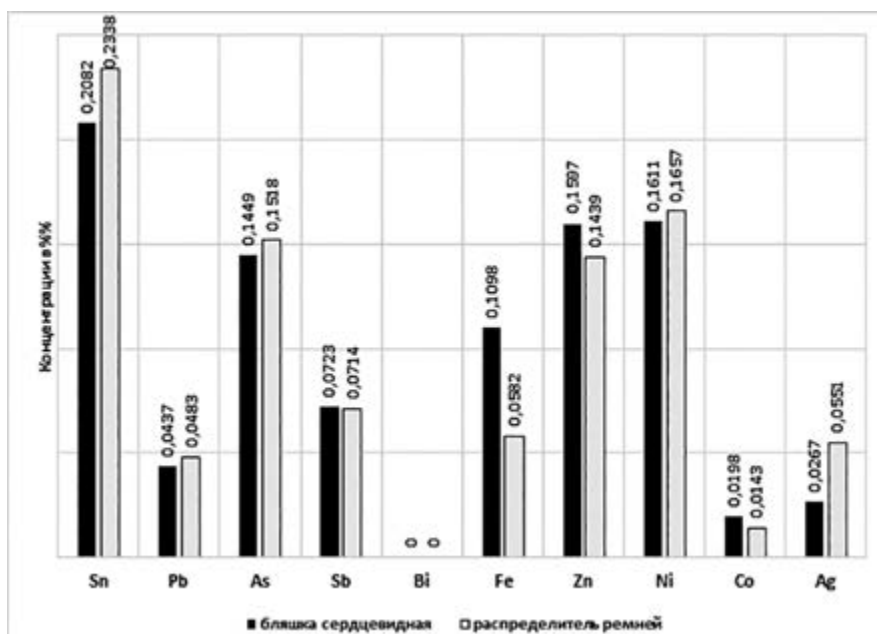

Рис. 2. Концентрации рудных примесей к меди в металле двух деталей стрелкового пояса из кургана № 2 могильника Ваганово I – сердцевидной бляшки № 52 и распределителя ремней № 55.

Один предмет коллекции изготовлен из искусственно составленного сплава – ременная пряжка. Она из латуни (цинк 28,84%), легированной оловом (4,314%). Концентрации свинца (1,112%) трудно однозначно отнести к искусственным присадкам или естественным примесям к меди, однако все же условно в этом случае свинец будем рассматривать как лигатуру. В повышенных концентрациях в металле пряжки содержится железо (1,715%) – естественная рудная примесь к меди.

На изготовление из меди, а также на отсутствие какого-либо покрытия указывают результаты сканирующей электронной микроскопии поверхности наконечника ремня № 81. По заключению аналитика, анализируемая поверхность ремennого наконечника в значительной степени загрязнена органикой, на что указывают высокие концентрации углерода (51 mass%).

Таким образом, изученный металл деталей стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I характеризуют: преобладание изделий из «чистой» меди (90% серии), единичность сплава меди с цинком, оловом и свинцом (?) (10% серии), отсутствие собственно бронз.

Имеющиеся на сегодняшний день данные об элементном составе сплавов на медной основе позволяют заключить, что из трех верхнеобских комплексов Кузнецкой котловины (рис. 3) – Егзовский клад (один образец), Сапогово II (три образца), Ваганово I (11 образцов) – только в Ваганово I встречены медные вещи (девять образцов), латунное (ременная пряжка) и фрагмент серебряного изделия (ручка сосуда). Ременная пряжка из Ваганово I содержит самые высокие концентрации рудной примеси железа (1,715%). Из числа легированных оловом образцов (всего их пять) латунная ременная пряжка из Ваганово I содержит самые низкие концентрации олова (4,314%), а из числа образцов, легированных цинком (всего их два), ременная пряжка из Ваганово I содержит самые высокие концентрации цинка (28,84%). С учетом малой выборки с осторожностью отметим сходство егзовского и сапоговских образцов, изготовленных из оловянистой бронзы, содержащей также лигатуры свинца (4%), серебра (2,17%) или цинка (5,44%). Данное наблюдение о пестроте легирующих компонентов может указывать на немалую роль в этих металлокомплексах вторичных переплавок лома бронзовых, латунных и даже серебряных изделий.

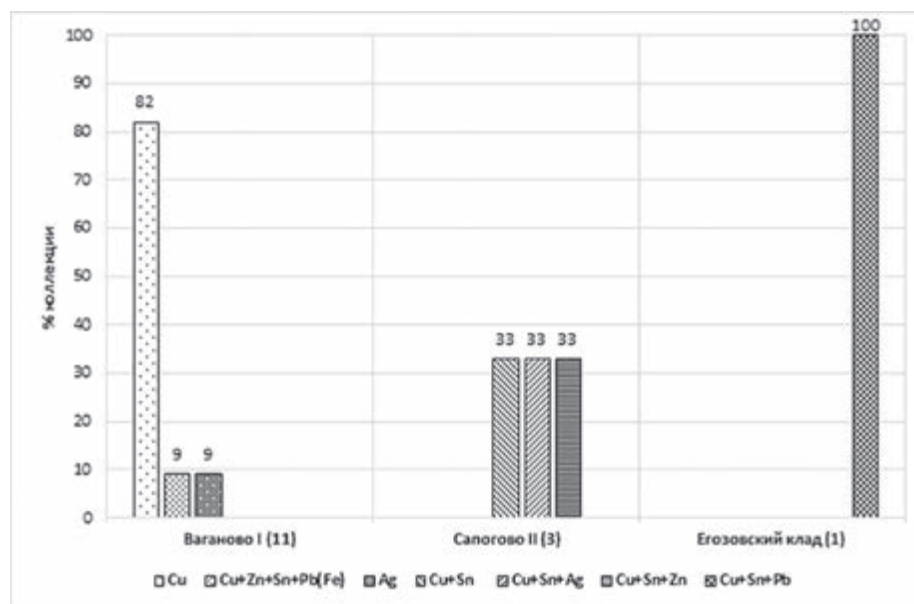

Рис. 3. Металлургические группы сплавов на основе меди по материалам памятников верхнеобской культуры Кузнецкой котловины.

Исходя из хронологической позиции Вагановского могильника в ряду верхнеобских погребальных комплексов – IX в. – раннесросткинское время в позднем верхнеобском культурном ареале (юрт-акбалыкский этап) [Бобров и др., 2010, с. 52], возможно сравнение полученных данных по соотношению металлургических групп с опубликованными данными по сплавам на основе меди из памятников верхнеобской культуры в целом и из памятников юрт-акбалыкского этапа в частности.

Элементный состав металла верхнеобской культуры по материалам памятников Новосибирского Приобья. История исследований

Для сравнения имеются опубликованные результаты исследований материалов из памятников Новосибирского Приобья. Их качественное содержание изложено В.А. Галибиным и Т.Н. Троицкой в статье 1983 г. [Галибин, Троицкая, 1983], а таблица данных и выводы по вопросу металлургического производства верхнеобцев приведены в монографии 1998 г. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 69, 70, 131]. Подчеркнем, что по наблюдениям Т.Н. Троицкой и А.В. Новикова в отношении верхнеобской культуры

Новосибирского Приобья, «Остатки бронзолитейного производства не сохранились, их следы на поселениях не выявлены, но сами бронзовые изделия говорят о наличии этой отрасли» [Троицкая, Новиков, 1998, с. 69]. Таким образом, можно сделать заключение и сходном характере структуры источников по бронзолитейному производству верхнеобской культуры в территориальных границах двух локальных вариантов – в Новосибирском Приобье и Кузнецкой котловине.

Основываясь на предложенной дифференциации верхнеобских бронзовых предметов на привозные, местного западносибирского происхождения (отлитые по привозным образцам) и местного происхождения (украшения самодийского круга) [Троицкая, Новиков, 1998, с. 69, 70], специалистами сделан вывод об отсутствии «существенного различия в составе изделий местного и привозного происхождения» и о том, что «бронза неоднократно шла в переплавку» [Троицкая, Новиков, 1998, с. 70]. Последнее согласуется с частью кузнецких материалов (Егозовский клад, Сапогово II), но не находит соответствия в преимущественно медной серии деталей стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I, для изготовления которой, по всей видимости, использовался не лом, а собственно медная руда.

В статье 1983 г. указывается, что спектральный анализ произведен для 71 предмета [Галибин, Троицкая, 1983, с. 31]. Изученные материалы происходили из могильников Юрт-Акбалык-8 (одинцовские погребения), Каменный Мыс и Умна-3 (курганы с трупосожжениями VIII–X вв.), Юрт-Акбалык-4 (могилы с трупоположением VI–VII вв. и рубежа I–II тыс.) [Галибин, Троицкая, 1983, с. 32]. Общая характеристика цветного металла второй половины I тыс. из памятников Новосибирского Приобья авторами дана с позиции групп по основным легирующим компонентам – олову, свинцу и цинку [Галибин, Троицкая, 1983, с. 32].

В монографии 1998 г. результаты анализов, предварительно опубликованные в статье 1983 г., получили окончательную трактовку [Троицкая, Новиков, 1998, с. 70]. Таблица содержит данные спектрального количественного анализа 64 предметов из могильников Каменный Мыс (курганы 7, 8, 9, 19, 21), Умна-3 (курганы 10, 22, 24, 25), Чингис-2 (курган 1), Юрт-Акбалык-8 (курганы 13, 14) и поселения Завьялово-2 (сборы) [Троицкая, Новиков, 1998, с. 131]. Интерпретация результатов также производится по основным легирующим компонентам – олову, свинцу и цинку. Указывается, что олово присутствует в металле всех предметов в концентрациях от 0,5% до 24%. Лишь в металле двух изделий процент его содержания равен 0,02. Наибольшее число предметов имеет в составе металла от 6% до 13% олова. Содержание свинца от 0,02% до 0,5% трактуется как ничтожное, представляющее собой примесь в медной руде. Концентрации свинца от 0,6% до 2% именуются незначительными, фиксируются для 33% изделий. Металл основной части находок (51%) содержит от 2% до 18% свинца. Наконец, подчеркнуто отсутствие цинка в 30% изделий; крайне низкое его содержание (от 0,03% до 0,45%) в металле 40% предметов; значительное количество цинка (от 1–2% до 15%) в металле 30% находок [Троицкая, Новиков, 1998, с. 70].

Сравнение элементного состава металла верхнеобской культуры по материалам памятников Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины

Опубликованные в форме таблицы данные по элементному составу металла верхнеобской культуры из памятников Новосибирского Приобья представляют собой самостоятельный и, без преувеличения, бесценный источник для непосредственного сравнения с цветным металлом из Кузнецкой котловины. С учетом немногочисленной пока кузнецкой коллекции, попытаемся сопоставить эти образцы с металлом тех же категорий, а также предварительно наметить перспективы сравнения с материалами из погребальных комплексов юрт-акбалыкского этапа Новосибирского Приобья.

К последнему относятся 59 предметов из курганов 7 (*11* – здесь и далее курсивом в скобках указано количество экземпляров, металл которых проанализирован), 8 (*10*), 9 (*14*) и 21 (*1*) могильника Каменный Мыс; курганов 10 (*10*), 22 (*6*), 24 (*1*) и 25 (*1*) могильника Умна-3; кургана 1 (*5*) могильника Чингис-2 – эти погребальные комплексы датированы серединой VIII – IX вв. Для содержащегося в них металла нами выделены следующие металлургические группы: медь, свинцовистая бронза, оловянистая бронза, оловянисто-свинцовистая бронза, оловянисто-цинковистая бронза, оловянисто-цинковисто-свинцовистая бронза, латунь, легированная свинцом и латунь, легированная оловом и свинцом. Из числа этих сплавов два типа находят соответствие в металле деталей стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I в Кузнецкой котловине – медь и латунь, легированная оловом и свинцом. Однако по их соотношению – наличие только этих двух металлургических групп с преобладанием первой – имеющаяся вагановская серия не обнаруживает сходства ни с одним из погребальных комплексов Новосибирского Приобья юрт-акбалыкского времени (*рис. 4*).

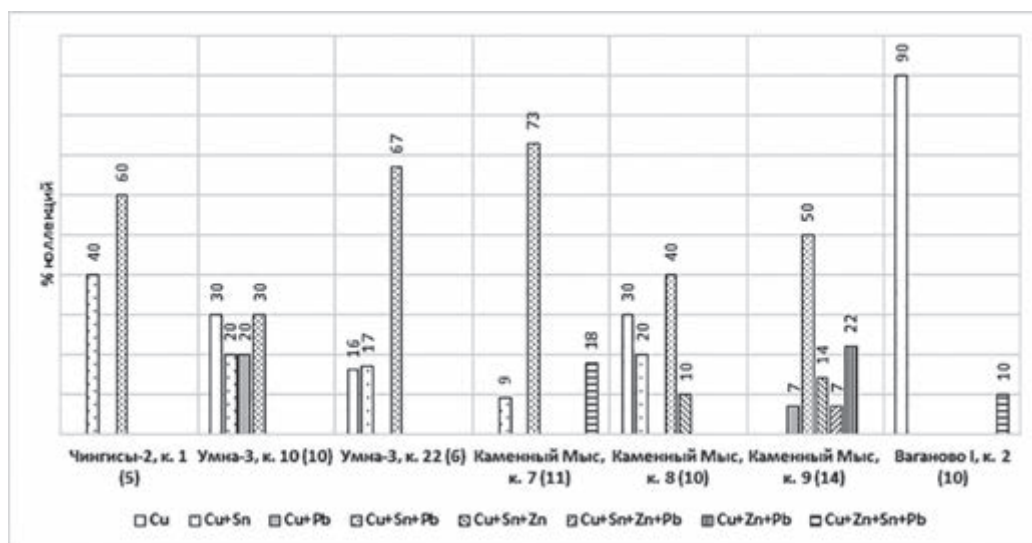

Рис. 4. Соотношение металлургических групп сплавов на основе меди по материалам погребальных комплексов юрт-акбалыкского этапа верхнеобской культуры Новосибирского Приобья

Рассмотрим синхронные и соответствующие вагановским металлургические группы. Так, бляшки №28 и № 29 из кургана 8 могильника Каменный Мыс медные (здесь и далее номера предметов из памятников Новосибирского соответствуют их номерам в таблице: [Троицкая, Новиков, 1998, с. 131]). Причем, судя по количественным показателям концентраций всех примесей к меди в их металле, можно предполагать изготовление

этих двух изделий из металла одной отливки и происхождение их металла из одного рудного источника меди (рис. 5). На одновременное изготовление некоторых поясных бляшек, основываясь на данных спектрального анализа по материалам верхнеобских памятников Новосибирского Приобья, ранее уже указывали Т.Н. Троицкая и А.В. Новиков [Троицкая, Новиков, 1998, с. 70].

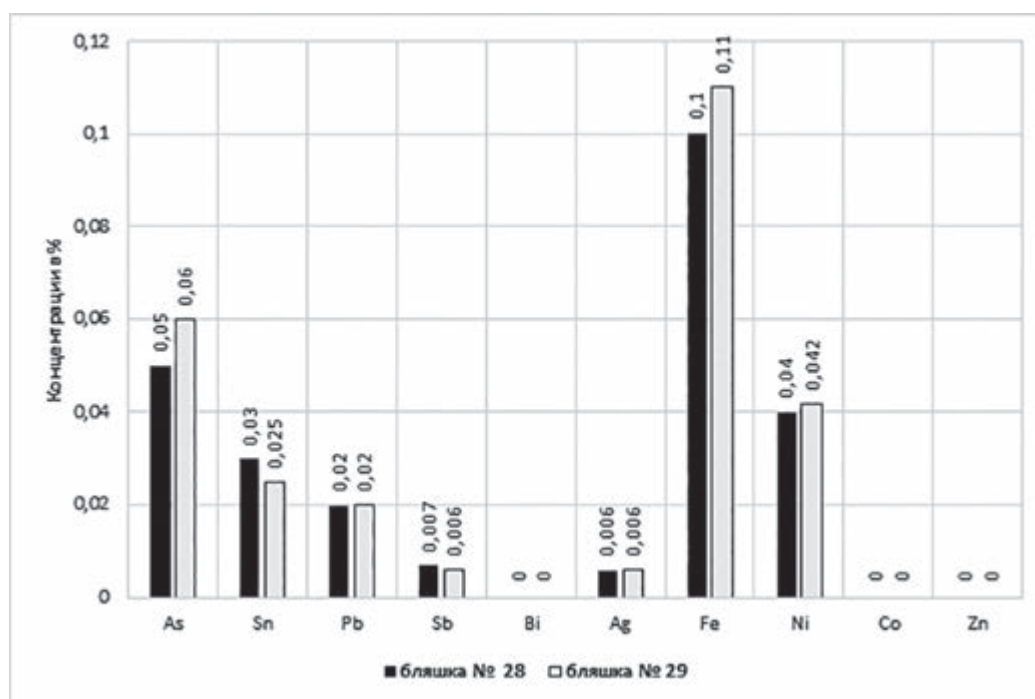
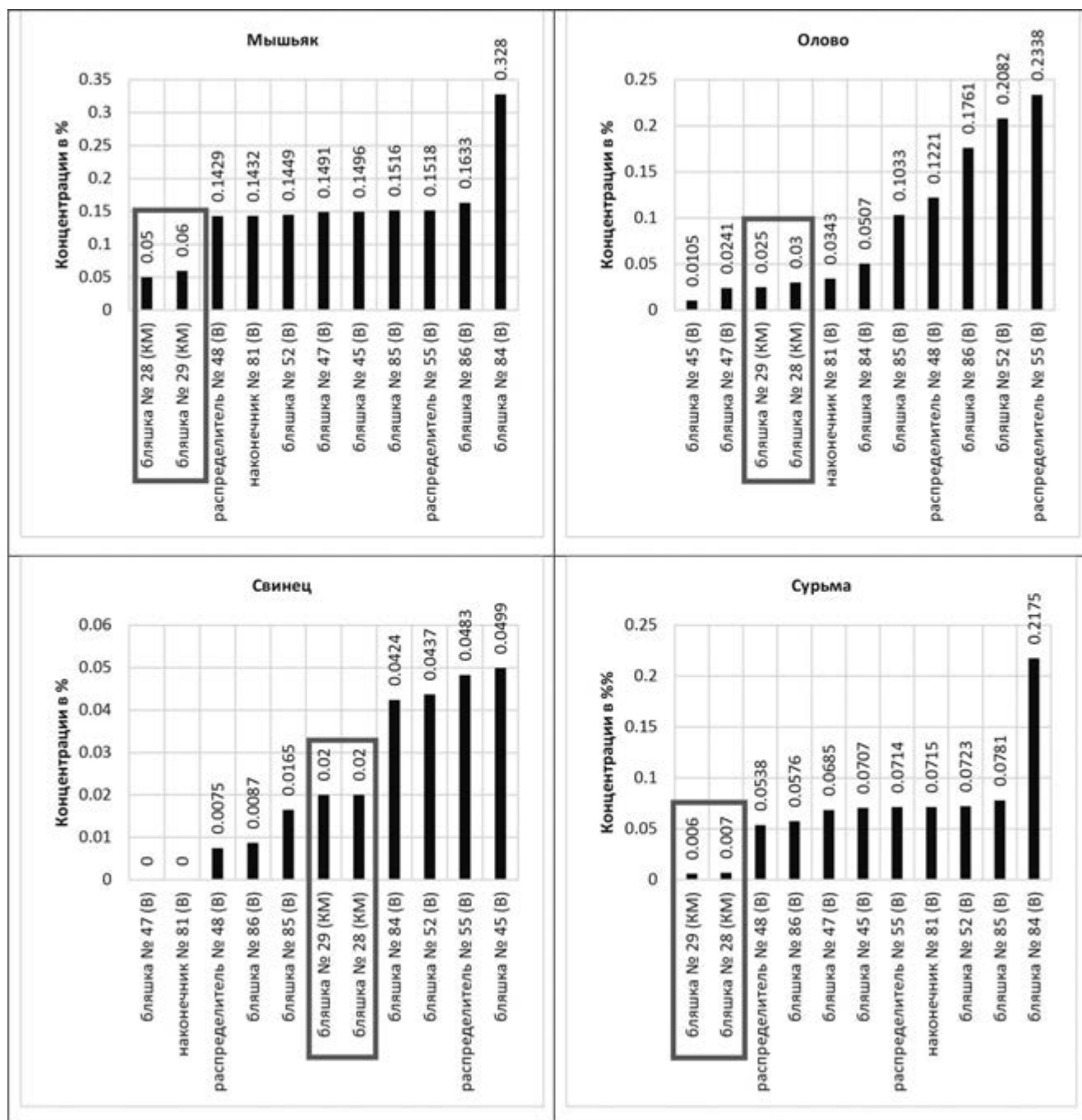

Рис. 5. Концентрации рудных примесей к меди в металле бляшек № 28 и № 29 из кургана № 8 могильника Каменный Мыс

Учитывая разницу в количественной репрезентативности данного типа сплава (две вещи из Каменного Мыса и девять вещей из Ваганово I), а также в чувствительности методов элементного анализа, сравнение кузнечкой и новосибирской серий может быть только условным. Все же оно показывает меньшие концентрации примесей мышьяка, сурьмы, серебра, никеля, кобальта и цинка в меди Каменного Мыса. Лишь по олову, свинцу и железу новосибирские образцы фи-

гурируют в одном ряду с кузнечкими. Более низкие концентрации примесей в медной руде могут свидетельствовать как об ином меднорудном источнике, так и о большей степени «чистоты» самой меди, применявшейся для изготовления изделий Каменного Мыса (рис. 6).

Из латуни, легированной оловом и свинцом, изготовлены подвеска и серьга из кургана 7 могильника Каменный Мыс. Цинка в их металле от 7,5 % до 12 %, олова – от 3,5 %

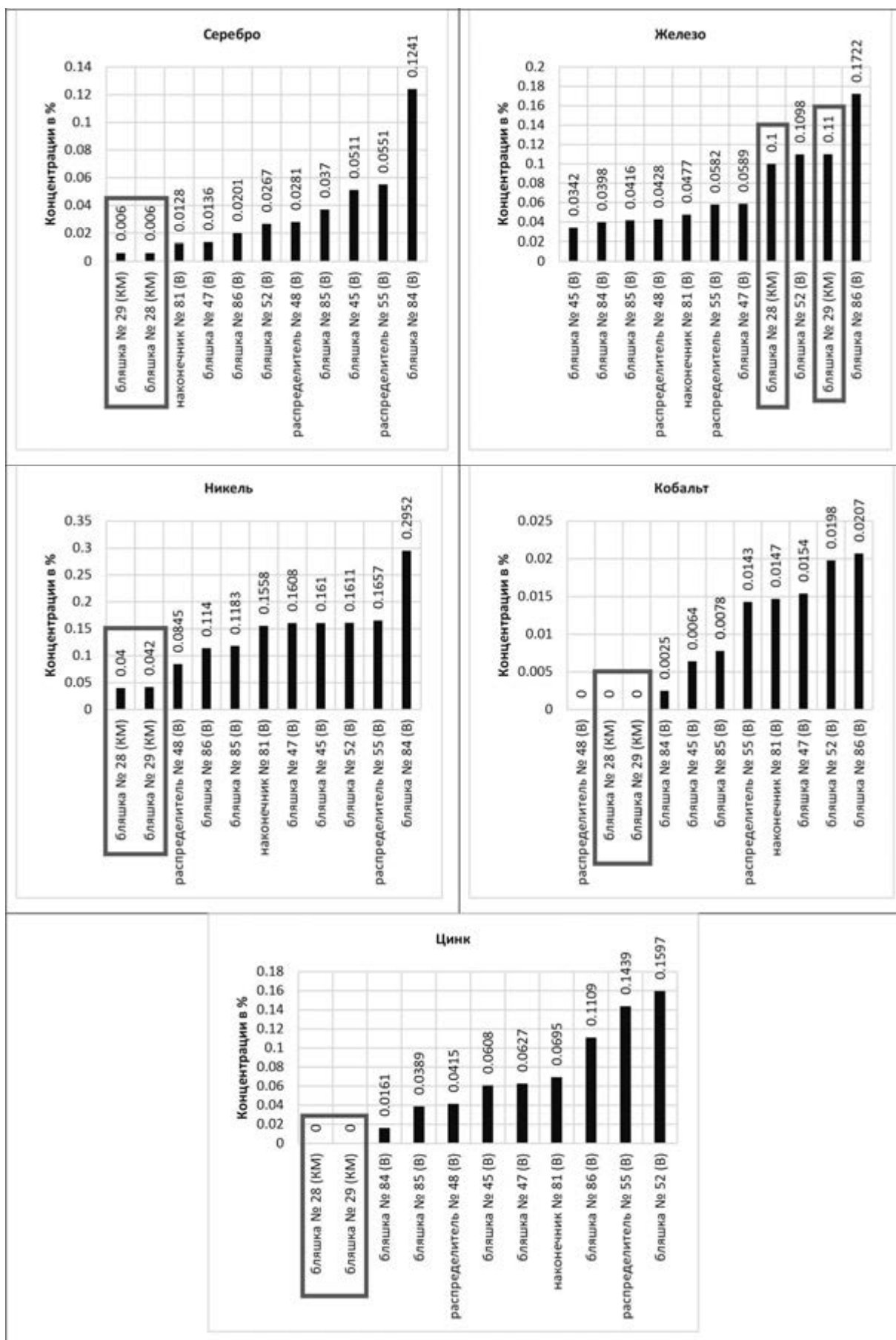

Рис. 6. Распределение некоторых рудных примесей в медных изделиях могильников Каменный Мыс (КМ) и Ваганово I (В)

до 7,5%, свинца – от 2,1% до 4,5%. Судя по количественным показателям концентраций большинства примесей к меди в металле

подвески и серьги, можно предполагать их происхождение из одного рудного источника меди (рис. 7).

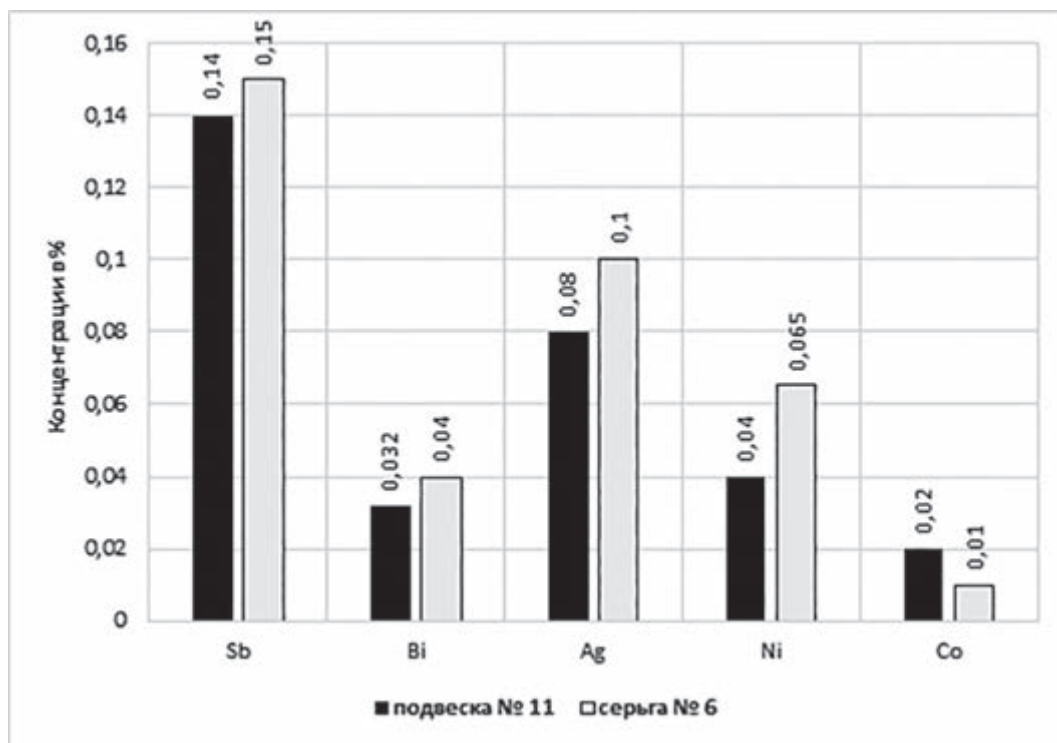

Рис. 7. Концентрации рудных примесей к меди в металле подвески № 11 и серьги № 6 из кургана № 7 могильника Каменный Мыс

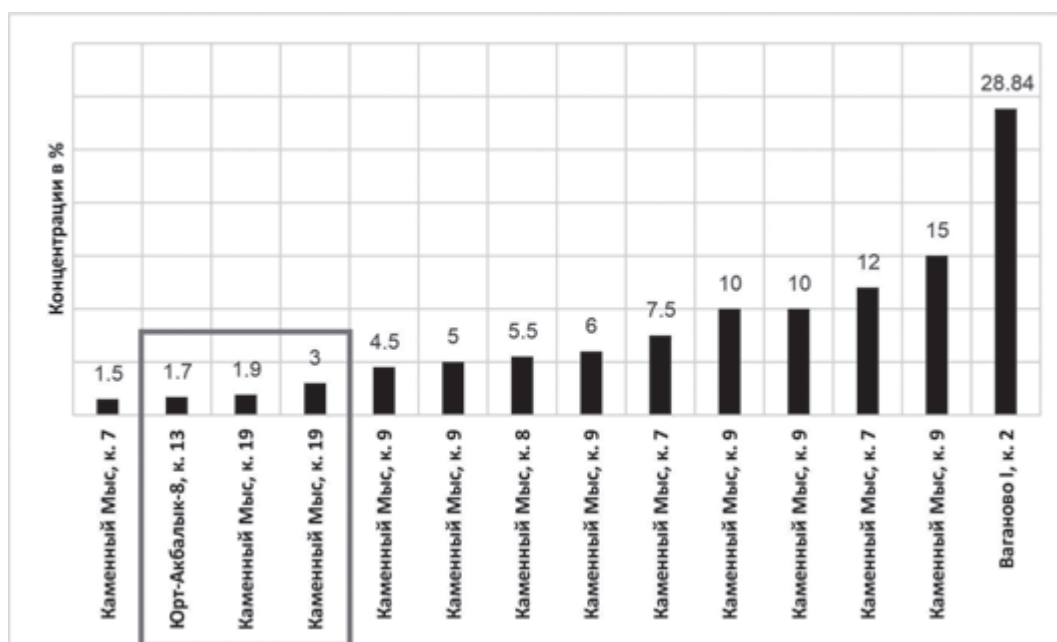

Рис. 8. Концентрации цинка в сплавах на основе меди из комплексов одинцовского (курган 13 могильника Юрт-Акбалык-8), тимирязевского (курган 19 могильника Каменный Мыс) и юрт-акбалыкского (курганы 7, 8, 9, могильника Каменный Мыс и курган 2 могильника Ваганово I) этапов верхнеобской культуры

Обращаясь к сравнению концентраций лигатур в вагановской и каменномысской латунях, следует особо подчеркнуть, что для могильника Каменный Мыс изделия, изготовленные из латуни или из бронзы, легированной цинком, составляют 25% металлокомплекса. При обращении к количественным показателям заметно, что столь высокого содержания цинка (28,84%), как в металле пряжки из Ваганово I нет в металле Каменного Мыса. Всего же в 13 ти предметах из могильника Юрт-Акбалык-8 (первый этап) и могильника Каменный Мыс – курган 19 (второй этап), курганы 7, 8, 9 (третий этап) содержится цинка от 1,5% до 15%. Небезынтересно, при этом, что распределение концентраций цинка в металле, во многом, коррелирует с хронологической позицией погребального комплекса (за исключением одного предмета из кургана 7 Каменного Мыса) (рис. 8). Вещи из комплексов юрт-акбалыкского этапа содержат концентрации цинка от 4,5%. Вещи из комплексов одинцовского и тимиразевского этапов – от 1,7% до 3%.

Попытка выявить в серии проанализированных изделий из памятников Новосибирского Приобья предметы, типологически сходные с проанализированными вагановскими деталями стрелкового пояса показала, что металл распределителей ремней из памятников Новосибирского Приобья не анализировался, равно как не анализировались и пряжки типа овальнорамчатых с неподвижным щитком и наконечники типа язычковых. Металл бляшек (все они происходят из погребальных комплексов юрт-акбалыкского этапа) проанализирован в количестве 36 экземпляров. Однако только одна из них – сердцевидная, подобная вагановским. Она из кургана 8 могильника Каменный Мыс [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26: 48, № 35 в таблице на с. 131] и изготовлена из меди.

Выводы

Таким образом, для анализа элементного состава металла деталей стрелкового пояса из погребального комплекса Кузнецкой кот-

ловины, атрибутированного верхнеобской археологической культурой раннего средневековья, впервые были применены методы атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой и сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным анализом поверхности. Согласно полученным данным, наконечник ремня, распределители ремней и сердцевидные бляшки изготовлены из меди, а ременная пряжка – из латуни, легированной оловом и свинцом. Изученные изделия литые, покрытие на их поверхности отсутствует.

Имеющиеся опубликованные данные позволили произвести сравнение элементного состава вагановского металла как с немногочисленными пока сериями верхнеобских сплавов на медной основе из Кузнецкой котловины (Егозовский клад, Сапогово II – всего четыре образца), так и из курганов VIII–IX вв. могильников Каменный Мыс, Умна-3 и Чингис-2 Новосибирского Приобья (59 образцов). Сравнение показало:

По соотношению типов сплавов на медной основе проанализированная коллекция из могильника Ваганово I не находит полных аналогий в коллекциях сплавов верхнеобской культуры Кузнецкой котловины и Новосибирского Приобья.

Из числа выявленных для металла Новосибирского Приобья типов сплавов два типа находят соответствие в металле деталей стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I – медь и латунь, легированная оловом и свинцом.

Сравнение двух территориальных выборок медных экземпляров показали более низкие концентрации примесей в меди могильника Каменный Мыс, что может свидетельствовать как об ином меднорудном источнике, так и о большей степени «чистоты» «каменномысской» меди, по сравнению с «вагановской».

Латунь, легированная оловом и свинцом, в материалах Новосибирского Приобья встречена только в одном погребальном комплексе – кургане 7 могильника Каменный Мыс (два изделия). Из этого же могильника происходят латуни несколько иной рецепту-

ры – легированные только свинцом (курган 9). Здесь же имеются вещи из оловянистой бронзы, легированной цинком, цинком и свинцом или только свинцом. В кургане 8 Каменного Мыса также встречено изделие из оловянисто-цинковистой бронзы. В этом же контексте обращает на себя внимание другой предметный комплекс – две застёжки из кургана 19 могильника Каменный Мыс тимирязевского этапа верхнеобской культуры, металл которых легирован свинцом, оловом и цинком.

Возможно, бронза, легированная цинком, является сходным компонентом набора рецептов, прослеживаемым как на тимирязевском этапе (курган 19, Каменный Мыс), так и в материалах юрт-акбалыкского времени (курган 9, Каменный Мыс). Сходство некоторых металлургических рецептов на протяжении, по меньшей мере, двух этапов верхнеобской культуры (VII – IX вв.) позволяет предполагать для могильника Каменный Мыс функционирование сходных (одних и тех же?) бронзолитейных центров/площадок. С определенной долей осторожности с бронзолитейным центром этого же круга, по всей видимости, можно увязывать и часть (пока весьма небольшую) вагановских материалов Кузнецкой котловины. Наличие сплавов на медной основе, легированных одновременно (в разном соотношении) цинком, оловом и свинцом, в текущем состоянии источников по элементному составу цветного металла верхнеобской культуры представляется маркирующим (хотя пока количественно нерепрезентативным) признаком, объединяющим два памятника – могильники Каменный Мыс в Новосибирском Приобье и Ваганово I в Кузнецкой котловине.

Поиск в проанализированных материалах Новосибирского Приобья предметов, сходных по типу и морфологии с проанализированными вагановскими изделиями обнаруживает только одну сердцевидную бляшку из кургана 8 могильника Каменный Мыс [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 26: 48]. Все семь проанализированных на сегодняшний день сердцевидных бляшек юрт-акбалыкского этапа (шесть – из Ваганово I, одна – из Каменного Мыса) – медные.

В верхнеобском цветном металле выявлены пары изделий, изготовленные из меди одного рудного источника, например, для Новосибирского Приобья – медные бляшки №28 и № 29 из кургана 8 могильника Каменный Мыс, изготовленные, к тому же, из металла одной отливки, а также латунные, с лигатурой олова и свинца, подвеска №11 и серьга №6 из кургана 7 могильника Каменный Мыс. Две детали стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I – сердцевидная бляшка №52 и распределитель ремней №55 – по всей видимости, также изготовлены из металла одной отливки.

Представляется перспективной прослеживаемая для металлокомплексов Новосибирского Приобья хронологическая закономерность – металл вещей из комплексов юрт-акбалыкского этапа (за исключением одного предмета из кургана 7 могильника Каменный Мыс) содержит концентрации цинка от 4,5% и выше. Металл изделий из комплексов одинцовского и тимирязевского этапов – от 1,7% до 3% цинка.

Заключение

В целом, предпринятые работы по изучению состава металла деталей стрелкового пояса из кургана 2 могильника Ваганово I актуализированы расположением могильника на стыке двух геоморфологических структур Кузнецко-Салаирской горной области (Салаирского кряжа и Кузнецкой котловины); хронологической принадлежностью памятника к финальному этапу верхнеобской культуры Кузнецкой котловины; принадлежностью исследуемых предметов к комплексу украшений стрелкового пояса одного индивида. Кроме вышеперечисленных обстоятельств, следует особо отметить специфику истории исследования в Кузнецкой котловине средневековых памятников в целом и верхнеобской культуры в частности. По наблюдениям А.С. Васютина, она «носит запаздывающий и весьма специфический характер в сравнении с аналогичными исследованиями на соседних территориях» [Васютин, 2005, с. 111].

Полученные результаты анализа металла завершающего этапа верхнеобской культуры в Кузнецкой котловине пока малочисленны. Для более детальных выводов требуется продолжать накопление данных. Обусловлено ли преобладание медных изделий в числе предметов наременной гарнитуры из кургана 2 могильника Ваганово I хронологическими, территориальными или категориальными факторами помогут установить будущие исследования цветного металлопроизводства эпохи раннего средневековья по материалам памятников Кузнецко-Салаирской горной области.

Литература

- Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С.** Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.
- Боброва Л.Ю., Ширин Ю.В.** Егзовский клад // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. №2. С. 13–24.
- Васютин А.С.** Особенности изучения верхнеобской культуры // Археология Южной Сибири. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В. Боброва. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 111–114.
- Галибин В.А., Троицкая Т.Н.** Исследование бронзовых предметов I тыс.н.э. из Новосибирского Приобья // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции, 6–8 апреля 1983 г. Барнаул: Изд-во ИИ-ФиФ; АГУ, 1983. С. 31–33.
- Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Кемерово: СКИФ, 2004. Вып. 1. 112 с.
- Минасян Р.С.** Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
- Савельева А.С.** История исследований металлургии бронзы по материалам средневековых памятников Кузнецко-Салаирской горной области // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда (Красноярск, 06–10 октября 2025 года). Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2025. Т. 3. С. 317–319.
- Тишкин А.А.** Использование рентгенофлуоресцентного спектрометра для изучения музейных экспонатов из цветных металлов (по материалам Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета: материалы Международной научной конференции (10–12 ноября 2011 г., Кемерово). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 90–92.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Флоринский В.М.** Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Томск: Паровая Типо-Литография П.И. Макушина, 1897. Ч. II. Вып. 2. С. 273–571.

УДК 902

ОЙМАК И ЧУРУМАЛ – ПАМЯТНИКИ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ УЛУГ-ХЕМА В ТУВЕ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ РАЗВЕДОЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2025 г.

К.М. Монгуш

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; ORCID: 0000-0003-4775-6983

В публикации представлены предварительные результаты разведочных исследований автора, произведенных на левобережье Улуг-Хема (Верхнего Енисея) в 2025 г. Полевые работы проводились на двух эпонимных памятниках древнемонгольской эпохи Тувы – городище Оймак и ритуально-погребальном комплексе Чурумал. Оба памятника стали известны еще с начала прошлого столетия, со времен исследований Г.И. Гмелина, А.В. Адрианова, И.Р. Аспелина и И.Г. Гранэ, а также раскопок Л.Р. Кызласова в 1957–1958 гг. На городище Оймак нами было установлено, что памятник имеет 12 объектов в виде всхолмлений и западин, которые представляют собой руины зданий. Также выявлено ранее неизвестное сооружение в виде рва или канала. В 6 из 7 шурфов обнаружены археологические материалы, представленные находками керамики, металлургических шлаков, костей и т.д. Собрана коллекция подъемного археологического материала. Наряду с работами на городище Оймак, нами также проведена визуальная разведка на ритуально-погребальном комплексе Чурумал, судьба

которого до недавнего времени оставалась неизвестным. Осмотрены два раскопа исследователя, в одном из которых зафиксированы два пьедестала от некогда стоявших здесь изваяний монгольского периода. Собрано два фрагмента венчиков керамического сосуда. В заключительной части делается вывод, что хронологические рамки обоих памятников могут быть определены XIII–XIV вв. При это не исключается, что новые исследования позволят существенно сузить или расширить диапазон их существования.

Ключевые слова: Тува, монгольское время, Оймак, Чурумал, разведка, шурф, керамика, шлак, жернов, изваяние.

OYMAK AND CHURUMAL – MONUMENTS OF THE MONGOLIAN PERIOD ON THE LEFT BANK OF THE ULUG-KHEM IN TUVA: THE FIRST RESULTS OF THE EXPLORATORY RESEARCH 2025

K. M. Mongush

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia

This work presents the preliminary results of the author's exploratory research conducted on the left bank of the Ulug-Khem (the Upper Yenisei) in 2025. The fieldwork was carried out at two eponymous monuments of the Mongolian era in Tuva: the Oymak settlement and the Churumal ritual and burial complex. Both monuments have been known since the beginning of the last century, since the research conducted by G. I. Gmelin, A. V. Adrianov, I. R. Aspelin, and I. G. Graine, as well as the excavations by L. R. Kyzlasov in 1957–1958. At the Oymak settlement, we identified 12 objects in the form of small hills and depressions, which are the ruins of buildings. We also discovered a previously unknown structure in the form of a moat or a canal. Archaeological materials were found in 6 of the 7 trenches, including pottery, metallurgical slag, bones, etc. A representative collection of archaeological materials was collected. In addition to the excavations at the Oymak settlement, we also conducted visual reconnaissance at the Churumal ritual and burial complex, which was remained unknown until recently. Two excavation sites were examined, and one of them revealed two pedestals from the Mongolian period. Two fragments of the ceramic vessel's rim were found. In the final part, it is concluded that the chronological framework of both monuments can be determined as the 13th–14th centuries. However, it is possible that further research will significantly narrow or expand the scope of their existence.

Keywords: Tuva, Mongolian time, Oymak, Churumal, exploration, trench, ceramics, slag, millstone, sculpture.

Введение

2026 г. для средневековой археологии Тувы является знаменательным. 145 лет назад в этой части Южной Сибири были выявлены первые археологические памятники периода Монгольской империи XIII–XIV вв. Данное событие связано с исследованиями одного из основоположников археологии Тувы А. В. Адрианова на левом берегу Улуг-Хема, когда в 1881 г. он осмотрел скульптурную группу изваяний и животных монгольского периода на урочище Чурумал (рис. 1) к югу от г. Хайыракан [Беликова, 2014; Куулар, 2022]. Еще нужно добавить, что нынешний год важен тем, что ровно 70 лет назад – в 1956 г. – Л. Р. Кызласов начал стационарные раскопки городища Ден-Терек в правобережье р. Элегест, материалы которого до сих пор считаются главным источником по истории Тувы монгольского периода [Кызласов, 1965]. После его исследований памятники этого хронологического горизонта мало привлекало внимание исследователей.

Со второго десятилетия XXI в. имелся краткий всплеск интереса к этим объектам, который сразу же угас в силу некоторых причин [Тулуш, 2020]. Мы возобновили новые исследования на данных объектах, когда в 2022 г. провели разведку на Межегейском городище, а в 2023–2024 гг. удалось изучить и оценить современное состояние городищ Оймак, Ден-Терек и Могойское [Монгуш 2024, Монгуш, Монгуш, 2024; Монгуш, Монгуш, 2025; Монгуш, 2026, в печати].

В полевом сезоне 2025 г. разведочный отряд Центра археологических исследований ТИГПИ под руководством автора продолжил целенаправленные исследования поселенческих и погребальных памятников монгольской эпохи. Главным районом работ стало левобережье р. Улуг-Хема (Верхнего Енисея), в верхнем и нижнем течении его левого притока р. Кара-Суг, который ранее в литературе именовался как р. Баянкольчик [Кызласов, 1975, с. 179]. В результате отряд повторно исследовал два эпонимных археологических памятника – т. н. городище Оймак и ритуаль-

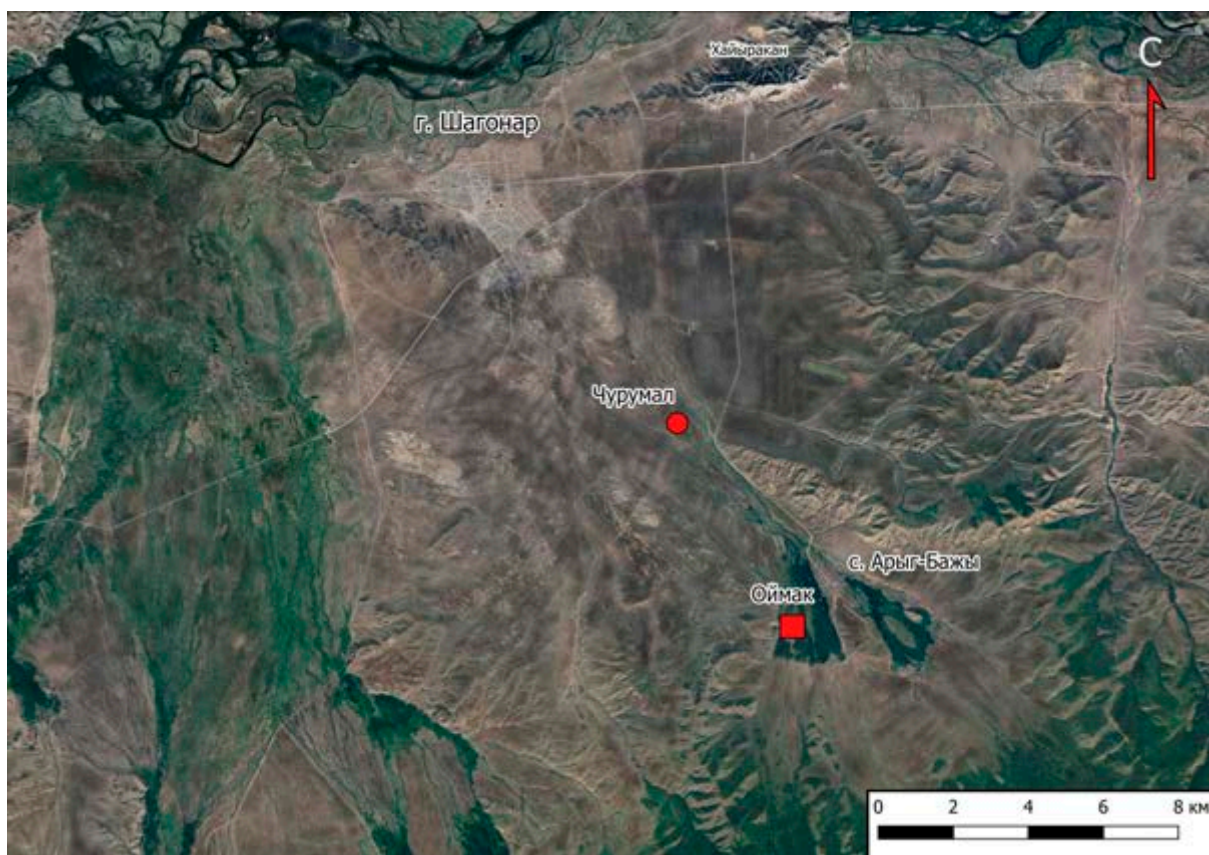

Рис. 1. Городище Оймак и ритуально-погребальный комплекс Чурумал на фрагменте спутникового снимка. Дата съемки 28.08.2021 г.

Рис. 2. Городище Оймак. 1 – общий вид на памятник с юга, аэрофотосъемка; 2 – слой алебаstra в шурфе 1, вид сверху с севера; 3 – блоки сырцового кирпича (?) в шурфе 5, вид сверху с востока. Фото К. М. Монгуш

но-погребальный комплекс Чурумал, материалы которых мы в краткой форме представляем в настоящей публикации.

Материалы разведки

Поселенческий комплекс Оймак находится в центральной части Улуг-Хемского кожууна Республики Тыва, на лесной поляне в 1,5 км к юго-западу от с. Арыг-Бажы, в самом истоке р. Кара-Суг (рис. 1; 2: 1). Памятник стал известен с начала прошлого столетия, когда финский географ Г.И. Гранэ в 1907 г. провел фотофиксацию двух поврежденных статуй буддийского культа, которые здесь стояли до 1950-х гг., а потом были перевезены местный музей [Кызласов, 1975, с. 179, прим. 3]. В 1957–1958 гг. на памятнике Тувинской археологической экспедицией МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Л.Р. Кызласова проведены раскопки 3 зданий, материалы которых представлены в отдельной публикации [Кызласов, 1975]. После его раскопок информация о точной локализации городища широкому кругу археологов оставалась неизвестной. Допускалось, что оно было полностью уничтожено в результате интенсивной хозяйственной деятельности прошлого столетия [Тулуш, 2020, с. 70–71]. В 2023 г. Оймак был нами вновь локализован на местности: осуществлена аэрофотосъемка памятника, сбор подъемного материала, а также произведен осмотр мест раскопок Л.Р. Кызласова [Монгуш, Монгуш, 2024]. Работы 2025 г. имели цель провести более основательные исследования, которые позволили дополнить полученные нами ранее материалы.

К настоящему времени Оймак оказался сильно разрушенным, установлено, что площадь его составляет около 14 га (рис. 2: 1). В недавнем прошлом здесь располагались постройки совхоза Арыг-Бажы: остались сооружения коровника, загоны и две силовых траншеи. Во время исследований Л.Р. Кызласова здесь еще происходила добыча глины, которая шла на постройки молочнотоварной фермы и зданий с. Арыг-Бажы. Следы добычи фиксируются в виде

неглубоких ям в центральной и южной части [Кызласов, 1975, с. 179]. Имеются и современные разрушения Оймака. В центральной и западной части памятника, вокруг современной стоянки имеется противопожарная распахка, занимающая площадь около 6 га.

Археологические объекты поселения в основном сконцентрированы в восточной, северной, западной и центральной части поляны. И по причине интенсивной хозяйственной деятельности, а также в связи с особенностями геоморфологии они плохо фиксируются на современной поверхности. В основном они читаются в виде небольших всхолмлений с едва заметными западинами по центру. Всего нами на памятнике выявлено 11 подобных сооружений. В плане они имеют округлую или подовальную формы. Последние зачастую ориентированы длинными сторонами по линии север-юг. Отдельно от всхолмлений фиксируется объект, который представляет собой 4 западины, расположенные недалеко друг от друга и сильно заросшие кустами караганника. Мы предполагаем, что такое количество объектов является неокончательным, дополнительные исследования позволят выявить новые сооружения [Монгуш, Монгуш, 2024, с. 38–39]. Также повторно, как и в 2023 г., мы осмотрели и зафиксировали современное состояние двух раскопов Л.Р. Кызласова, но так и не смогли найти его третий раскоп руин жилого сооружения с каном [Кызласов, 1975, рис. 7; Монгуш, Монгуш, 2024, с. 40].

Интересным объектом, зафиксированный нами еще в 2023 г., оказался длинный ров или канал в виде ломаной линии в западной и северной части Оймака. В 2025 г. было прослежено, что его самый восточный конец уходит на северо-восток в сторону леса и следы там теряются. Он имеет длину около 350 м, а глубина составляет не более 0,2–0,3 м. Функциональное назначение этого комплекса все еще остается неизвестным, но нами не исключается, что он был построен в более позднее время. Похожие объекты были зафиксированы и в других синхронных археологических памятниках Монголии и Тувы

[Reichart, et. al., 2022, p. 9, fig. 4, b; Монгуш, Монгуш, 2024, с. 42, рис. 4].

Основной задачей полевого сезона на городище, помимо визуальной фиксации археологических объектов, стала закладка нескольких шурфов. Цель этих работ сводилась к изучению мощности и состояния культурных слоев, а также уточнение границ памятника в его восточной и северо-восточной частях. В 6 из 7 шурфов обнаружены разнообразные материалы монгольского периода. По большей части, они происходят из дерна и серого суглинка (глубина куль-

турного слоя не более 0,35 м), ниже которых залегает предматериковый коричневый или темный суглинок. В культурном слое встречены фрагменты характерной серой гончарной керамики, представленные обломками венчиков (рис. 3: 1) и стенок. Однако, ни в одном из шурфов, на момент наших исследований, пока не обнаружено глазурованных сосудов. Во время исследований Л.Р. Кызласова видовой состав такой посуды, как мы знаем, был представлен фаянсовыми изделиями, обычно покрытыми черной, коричневой, зеленой и голубой поливой, характерными для сун-

Рис. 3. Городище Оймак. Находки из шурфов и подъемный материал.
1, 5, 6 – керамика; 2 – камень; 3,4 – кость/рог. Фото К.М. Монгуш

ского Китая [Кызласов, 1975, рис. 12: 1, 3, 4, 5]. Следует полагать, что в будущем они нами будут обнаружены и позволят уточнить хронологические рамки существования Оймака. В значительном количестве обнаружены фрагменты костей домашних и диких животных. Интересным оказалась находка челюсти лисы, что является важным аргументом того, что население активно занималось охотой.

Необходимо указать, что имеются находки фрагментов шлаков, следов производства железа. Всего было получено 30 фрагментов, найденных в шурфах, а также в виде подъемного материала. Следует сказать, что они были обнаружены и до наших работ, еще во время исследований Л. Р. Кызласова в 1957–1958 гг. Их состав был детально проанализирован. Н. В. Рындина – известный археолог-металлограф – установила, что руда (магнитный железняк) происходит из Карасугского месторождения, расположенного в 50–60 км к западу от Оймака. Таким образом, сырье, по всей видимости, привозилось жителями поселения. [Рындина, 1975, с. 117–118].

Интересным результатом наших работ стало обнаружение в одном из шурфов верхней половины каменного жернова (рис. 3: 2), характерного для всего периода средневековья. Как показали публикации Л. Р. Кызласова – это четвертая находка жернова, обнаруженная на поселении, позволяющая сказать, что памятник являлся важным центром обеспечения продовольствием монгольской армии во время ее многочисленных завоеваний [Кызласов, 1969, с. 158, рис. 62: 3; Кызласов, 1975, рис. 5; рис. 8: 1].

В нескольких шурфах нами также зафиксированы остатки строительных материалов зданий городища. Так, в шурфе 1, заложенном в центре памятника, зафиксирована небольшая прослойка алебаstra (рис. 2: 2), а в шурфе 5 выявлены блоки сырцового кирпича (рис. 2: 3), который известен в материалах здания №1 Оймака, раскопанного Л. Р. Кызласовым в 1958 г. [Кызласов, 1969, с. 154–155, рис. 59]. В шурфе 6 найдено еще несколько фрагментов черепицы с отпечатками грубой ткани. В связи с обнаружением

строительных материалов особо примечательно, что примерно в 200 м к северу от раскопов Л. Р. Кызласова в восточной окраине Оймака рядом с лесом нами на ровном месте был заложен шурф 4, где на глубине около 0,7 м выявлен небольшой участок насыпной платформы здания. Он представляет собой плотный желтый суглинок с включением песка и камней. Аналогичные насыпные платформы жилых сооружений были исследованы в 1958 г. на зданиях №№ 1 и 3 Оймака и на нескольких объектах городищ Ден-Терек и Межегейское в долине р. Элегест [Кызласов, 1969, рис. 55, 2; 56, 59]. После его фиксации, указанный шурф был нами законсервирован для последующих исследований. Отметим, что археологического материала здесь встречено немного, имелись находки костей животных и алебастровой (?) штукатурки, а также крупного фрагмента стенки серого лепного сосуда с неоднородным обжигом. Таким образом, локальными земляными работами дополнительно установлено, что остатки зданий поселения не всегда могут фиксироваться на современной поверхности.

В шурфах 1 и 6 найдены два изделия косторезного производства хорошей сохранности (рис. 3: 3, 4), аналогии которым известны как в самом Оймаке, так и в материалах городища Ден-Терек [Кызласов, 1965, рис. 37: 2; Кызласов, 1975, рис. 10: 1]. Первая находка интересна тем, что она изготовлена из половины рогового стержня крупного рогатого скота. Хорошо заметны на изделии следы рубки, пиления и шлифовки. По всей вероятности, она является заготовкой для рукоятей инструментов (ножей, серпов и т. п.). Другое изделие изготовлено из длинной кости с губчатой структурой, где имеются на поверхности следы шлифовки, и по аналогии с находкой из здания №1 Оймака может считаться фрагментом разбивника для изготовления кожаных ремешков, употреблявшихся, как писал Л. Р. Кызласов, в обувном, шорном и седельном производстве [Кызласов, 1975, с. 185].

Подъемный материал в основном происходит из участков противопожарной распашки. Небольшой ассортимент находок представлен в основном фрагментами круговой

Рис. 4. Ритуально-погребальный комплекс Чурумал.

1 – Фотография памятника, сделанная А. В. Адриановым в 1916 г., по: [Беликова, 2014, рис. 44]; 2 – общий вид на памятник с юга; 3 – фото пьедестала 1; 4, 5 – подъемный материал. *Фото К. М. Монгуш*

керамики серого цвета (рис. 2: 5), а также отдельными изделиями из камня. Из данной категории артефактов особо привлекает внимание фрагмент стенки красноглиняного лепного сосуда с «реберчатым» орнаментом (рис. 3: 6).

Параллельно с работами на городище Оймак нами также проведена визуальная разведка на ритуально-погребальном комплексе Чурумал, расположенном в 6 км северо-западу от первого объекта. Он занимает степь между двумя сухими руслами, которые имеют, по всей видимости, отношение к нижнему течению р. Кара-Суг, однако из-за интенсивной распашки прошлого столетия, место соединения их с основным руслом плохо фиксируется, что хорошо видно на современных спутниковых снимках (рис. 1). Немаловажно отметить, что судьба памятника, как и городища Оймак, долгое время оставалась неизвестной по той причине, что Л.Р. Кызласов в своих публикациях представил неполную и весьма запутанную информацию о его местоположении. Так, в публикации 1959 г. исследователь пишет, что Чурумал находится в 6 км от Оймака, однако не указал точного направления [Кызласов, 1959, с. 80]. Информацию по памятнику нами предоставили жители с. Арыг-Бажы. Они дополнительно подсказали, что местность в современности называется Кош-Тал-Баян-Кол.

До исследований Л.Р. Кызласова напомним, что памятник был известен научному сообществу. Первый раз его обнаружил А.В. Адрианов в 1881 г., однако провести основательные исследования в Чурумале из-за противодействия местных жителей ему тогда не удалось. Немаловажно указать, что за 150 лет до его первого посещения имеется первое упоминание о комплексе в материалах Г.И. Гмелина – участника Второй академической экспедиции в Сибирь в 1733–1743 гг. В 1887–1889 гг. вслед за А.В. Адриановым финский исследователь И.Р. Аспелин тщательно изучил памятник: им была сделана подробная зарисовка изваяний людей и львов, которые были опубликованы в 1931 г. О.Х. Аппельгрэн-Кивало. В 1916 г. А.В. Адрианов вновь исследовал и сфотогра-

фировал памятник (рис. 4: 1), а двумя годами ранее его посетил С.Р. Минцлов [Беликова, 2014; Куулар, 2022, с. 64–67]. Остается интересной судьба скульптур Чурумала после исследований указанных выше археологов и до раскопок 1957–1958 гг. Согласно данным Л.Р. Кызласова, два изваяния человека были демонтированы в 1930-х гг. и, возможно, уничтожены. Мы предполагаем, что это случилось по причине культурной революции, проходивший в тот период, когда многие объекты религиозного культа, а именно так воспринимала тогдашняя власть эти фигуры, уничтожались. На момент его полевых исследований на комплексе он зафиксировал только фигуры одного из львов, два пьедестала и обломок плиты с китайской надписью [Кызласов, 1969, с. 160].

На памятнике к настоящему времени фиксируются два котлована от раскопок Л.Р. Кызласова 1957–1958 гг. Первый котлован, где некогда располагалась скульптурная группа людей и львов, округлой в плане формы (рис. 4: 1, 2). Диаметр раскопа 15 м, глубина до 1,5 м. В середине его фиксируется контур бровки, ориентированной по линии север-юг. На поверхности котлована нами обнаружено два камня – пьедесталы 1 и 2 от статуй людей. Первый расположен у северо-восточного края раскопа и представляет собой крупную каменную глыбу из песчаника подпрямоугольной формы размерами 2,4х1,3 м, высотой 0,4 м (рис. 4: 3). Внешние края камня обработаны железным пунцом. В середине пьедестала сделана прямоугольная выемка (паз) для установки статуи. Она имеет размеры 1х0,2 м, глубину 0,15 м. Данная находка была опубликована исследователем в его известной работе «История Тувы в средние века» [Кызласов, 1969, с. 157, рис. 61]. Другой пьедестал сохранился значительно хуже и представлен в виде песчанниковой глыбы подовальной в плане формы с размерами 0,8х0,3 м и высотой до 0,3 м. От первого данный камень расположен на расстоянии в 3,3 м к юго-западу. В процессе исследований на этом раскопе на отвале обнаружено несколько фрагментов керамиче-

ских сосудов, характерных для периода средневековья (рис. 4: 4, 5).

Другой раскоп Л. Р. Кызласова, где была в 1958 г. раскопана могила-кенотаф монгольского периода, расположен в 4,5 м к северо-западу от первого [Кызласов, 1969, с. 160, рис. 64]. В плане он имеет подовальную форму и ориентирован по линии северо-восток – юго-запад. Размеры котлована составляют 15х10 м, глубина – до 1 м. Могильная яма, располагавшаяся в центре, оказалась засыпанной.

В целом визуальная разведка показала, что других фиксируемых на поверхности археологических объектов, кроме двух раскопов и пьедесталов, в Чурумале не имеется. Однако не исключено, что они могут быть обнаружены при проведении локальных земляных работ, поскольку Л. Р. Кызласовым указывалось, что комплекс является грунтовым могильником [Кызласов, 1969, с. 151, 161]. Эти работы в сезон 2025 г. нами не проведены, но планируются в будущем, что позволят установить границы памятника, и, возможно, обнаружить новые грунтовые могилы.

Заключение

В результате проведенных археологических работ на городище Оймак можно заключить, что памятник был подвержен значительному антропогенному воздействию. Археологические объекты представлены 12 сооружениями, которые концентрируются в северной, восточной и западной частях занимаемой памятником площади. Шурфы показывают чрезвычайную насыщенность культурного слоя. 6 из 7 шурфов имеет археологический материал, представленный разнообразными категориями артефактов. Следует сказать, что локальными земляными работами нам удалось только наметить границы памятника. В будущих полевых сезонах автором предусматриваются более основательные исследования. Особое внимание будут уделяться южным, юго-восточным и юго-западным частям, где рядом имеются постройки советского времени и современности. Еще нужно отметить, что работа по определению

границ памятника, на наш взгляд, будут проводиться не в течение одного полевого сезона, а на протяжении нескольких, в виду большой площади.

Визуальная разведка на Чурумале показала, что кроме двух раскопов Л. Р. Кызласова, других фиксируемых на поверхности археологических объектов не имеется. Однако не исключено, что новые археологические объекты могут обнаружены при проведении локальных земляных работ, поскольку комплекс является, по мнению Л. Р. Кызласова, грунтовым могильником.

Полученный археологический материал еще раз подтверждает монгольскую принадлежность Оймака и Чурумала. Хронологические рамки обоих памятников могут быть определены в широких рамках XIII–XIV вв. Вопрос более точной датировки для Оймака и других памятников не решают также и находки, казалось бы, таких хорошо датирующих артефактов, как чжурчжэньские монеты «Да дин тунбао» и обломки импортной посуды эпохи Сун, поскольку они отражают лишь весьма общие хронологические ориентиры [Кызласов, 1975, с. 186]. Поэтому требуются новые исследования, в том числе естественно-научного характера, которые позволят существенно сузить или расширить рамки их существования.

Завершая рассмотрение материалов разведки 2025 г. важно сказать, что два исследованных нами объекта, как оказалось, не являются единственными в левобережье р. Улуг-Хема. Вл. А. Семеновым в 1984 г. было раскопано городище Бажын-Орну монгольского времени, расположенное в долине р. Торгалыг, в 14 км к юго-западу от Оймака и Чурумала. Памятник занимает площадь 1,5 га и окружен подпрямоугольным в плане валом (юго-восточная часть вала распахана), внутри которого зафиксированы руины семи жилых сооружений. Один из объектов был раскопан, выявлен деревянный пол и развал отопительной системы, а также печной трубы. Кроме того, в северо-восточном углу вала комплекса раскопан фундамент круглой постройки неясного назначения [Семенов, 1986, с. 201; Килуновская и др. 2025, с. 37].

В будущих полевых сезонах памятник нашим отрядом планируется также исследовать.

Литература

- Беликова О.Б.** Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во ТГУ, 2014. 540 с.
- Килуновская М. Е., Семенов Вл.А., Семенов А.В., Леус П.М., Бусова В.С.** Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН – 40 лет // Записки Института истории материальной культуры. 2025. №33. С. 37–45.
- Куулар А.И.** Оригинальные изваяния около реки Баянкольчик // Азиатские исследования: история и современность. 2022. №3. С. 63–69.
- Кызласов Л.Р.** Средневековые города Тувы // Советская археология 1959. №3. С. 66–80.
- Кызласов Л.Р.** Городище Ден-Терек // Древнемонгольские города. М.: Наука, 1965. С. 59–122.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Кызласов Л.Р.** Городище Оймак на Улуг-Хеме // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 178–191.
- Монгуш К.М.** Краткие итоги археологических разведок 2024 г. в центральных и восточных районах Тувы // Азиатские исследования: история и современность. 2024, №1–2 (9–10). С. 21–33.
- Монгуш К.М., Монгуш М.А.** Городище Оймак на Улуг-Хеме (Тува): результаты рекогносцировки 2023 года // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2024. №19. С. 35–43.
- Монгуш К.М., Монгуш М.А.** Могойское городище древнемонгольского времени в Туве: материалы археологической разведки 2024 года // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2025. №21. С. 69–81.
- Монгуш К.М.** Межегейское городище древнемонгольского времени в Туве: итоги разведочных исследований 2022 г. // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2026. №23. В печати.
- Рындина Н.В.** Результаты петрографического и спектрального исследования руды и шлаков с поселения Оймак // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 114–118.
- Тулуш Д.К.** Древние города Тувы. Новосибирск: АРСЕНАЛ, 2020. 160 с.
- Семенов Вл.А.** Работы в Туве//Археологические открытия 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 200–201.
- Reichert S., Erdene-Ochir N-O., Linzen S., Munkhbayar Lkh., Bemann J.** Overlooked – Enigmatic – Underrated: The City Khar Khul Khaany Balgas in the Heartland of the Mongol World Empire // Journal of field archaeology. 2022. Vol. 47. No. 6. 397–420 pp.

УДК 903.26

КАРТОГРАФИЯ И ТОПОГРАФИЯ ГОРОДИЩ ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ: ОСОБЕННОСТИ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ¹

В.О. Сайберт

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; ORCID: 0000-0002-7769-136X

В статье приведен анализ пространственного расположения городищ одинцовской культуры, который показал тенденцию к концентрации в три крупных группы, условно выделенных на основе речных систем: Барнаульской, Бийской и Иткульской, каждая из которых состоит из нескольких микрорайонов. Изучение топографии памятников позволило выделить два типа объектов – мысовые и террасные. Мысовые городища представляют собой объекты с защищенным пространством между высоким берегом реки и оврагом, или на вершине холма, укрепления обороняют лишь наиболее доступные участки. Террасные городища расположены вплотную к краю надпойменной террасы или же в небольшом отдалении от нее. В результате исследования были выявлены закономерности в расположении городищ, поселений и могильников.

¹ Научно-исследовательская работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания, проект FZMW-2026-0008 (тема «Применение цифровых технологий и естественнонаучных методов для реконструкции древней истории Алтая и сопредельных территорий на основе археологических источников»).

The research work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment; project FZMW-2026-0008 (topic “Application of digital technologies and natural science methods for reconstruction of the ancient history of Altai and adjacent territories based on archaeological sources”).

Также выявленные особенности природных условий и расположения городищ позволили зафиксировать некоторые закономерности в их планиграфии и фортификационных системах.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, одинцовская культура, городища, планиграфия, картография, фортификации.

CARTOGRAPHY AND TOPOGRAPHY OF THE ODINTSOVO CULTURE HILLFORTS IN THE FOREST-STEPPE ALTAI: FEATURES AND PATTERNS

V. O. Saibert

Altai State University, Barnaul, Russia

The article presents an analysis of the spatial location of hillforts of the Odintsovo culture. The study reveals a tendency towards their concentration in three major groups, conventionally distinguished on the basis of river systems: Barnaul, Biya, and Itkul (each comprising several microregions). The analysis of site topography made it possible to identify two types of hillforts: promontory and terrace. Promontory hillforts are located in naturally protected areas between a high riverbank and a ravine, or on hilltops, with fortifications defending only the most accessible areas. Terrace hillforts are situated either directly along the edge of a floodplain terrace or at a short distance from it. The study identified patterns in the spatial relationships between hillforts, settlements, and burial grounds. In addition, the observed environmental conditions and locational characteristics of the hillforts allowed us to identify certain regularities in their planigraphic structure and fortification systems.

Keywords: forest-steppe Altai, Odintsovo culture, hillforts, planigraphy, cartography, fortifications.

Введение

На территории Лесостепного Алтая известно около 40 городищ одинцовской культуры, охватывающих хронологический период 1-й пол. IV-1-й пол. VIII вв. Расположены городища на правых берегах р. Обь и Бия, которые представляют собой коренные террасы поймы рек. Существует мнение о том, что «под действием центробежных сил от вращения Земли, русла рек, протекающих в меридиональном направлении, постепенно смещаются с востока на запад. В результате этого смещения у рек северного полушария пойма восточного (правого) берега разработана гораздо лучше, она намного обширнее поймы левого берега, который в большинстве своем представлен высокими коренными террасами» [География..., 1995, с. 53–56; Казаков, 2014, с. 78]. В свою очередь синхронные памятники Новосибирского Приобья располагаются на левом берегу р. Обь и ее притоков [Троицкая, Новиков, 1998, с. 6]. Такое расположение возможно для защиты жилой площадки от паводковых вод и для лучшей фортификационной защиты. Картографирование и топографическая характеристика городищ позволяют проследить некоторые особенности и закономерности в их расположении и конструктивных особенностях.

Картография городищ

В ходе картографирования известных памятников была выявлена концентрация памятников в три большие группы, условно названные по речным системам и их окрестностям: Барнаульская, Бийская и Иткульская (рис. 1.). Группа, в данном случае, – это скопление памятников, находящихся на протяженном участке Лесостепного Алтая. За основу для выделения этих групп взяты основные компактные районы концентрации памятников.

Для Барнаульской группы это окрестности и ближайшие районы к р. Барнаулка и ее впадения в р. Обь. Для Бийской группы – это районы, расположенные по берегам р. Бия и близлежащих к ней верховьев р. Обь. Иткульская группа включает в себя объекты, расположенные на берегах озер Большой и Малый Иткуль и на берегах впадающих в озера рек.

В результате картографирования было выявлено, что каждая выделенная группа делится еще на более мелкие комплексы, названные нами микрорайоны. Археологический микрорайон – группа археологических памятников, расположенных в пределах сравнительно-ограниченного пространства, которое можно рассматривать как

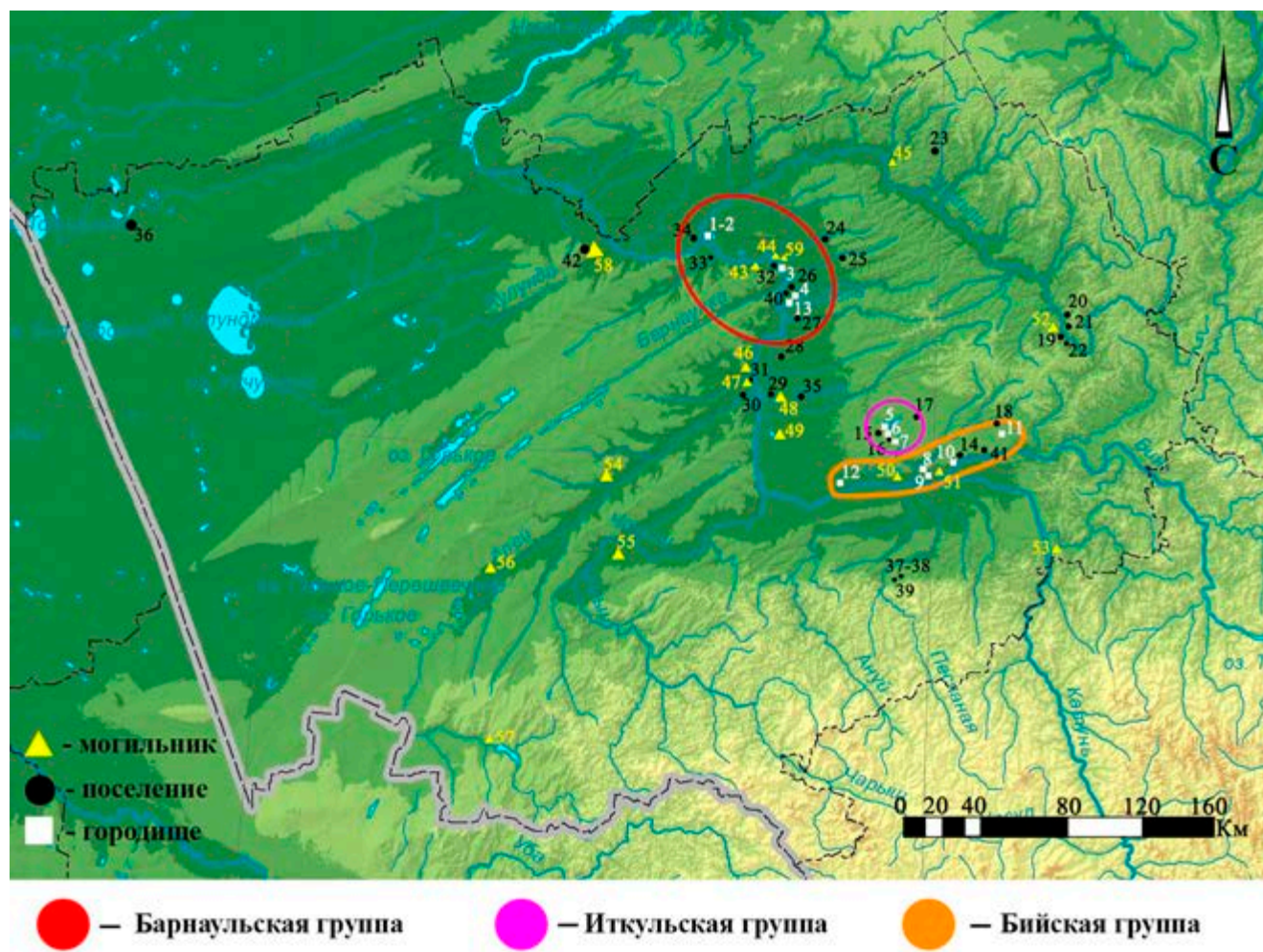

Рис. 1. Карта памятников 1-ой пол. IV-1-ой пол. VIII вв. Лесостепного Алтая

экологическую нишу с устойчивой природно-географической обстановкой [Матющенко, 1997, с. 29–43]. Приведем их подробное описание.

Барнаульская группа представлена 17 городищами, одно из них (МГК-2/6–2) полностью раскопано, еще на одном (МГК-2/6–3) ведутся археологические работы автором статьи. В группу входят четыре микрорайона, названные нами по названию археологических объектов, входящих в них.

Гоньбинский микрорайон. В него входит комплекс городищ и поселений Малый гоньбинский кордон-2, открытый в 1978 г. Ю.Ф. Кирюшиным в Тальменском районе [Кирюшин, Казаков, 1996, с. 68–72]. В микрорайон входят девять городищ (МГК-2/1, 2/2, 2/3, 2/4, 2/6–2, 2/6–3, 2/6–4, 2/6–5, 2/11) и пять поселений (МГК-2/5, 2/7, 2/8, 2/9, 2/10). Два городища МГК-2/1, 2/2 и одно поселение (МГК-2/8) не сохранились до настоящего вре-

мени. Все городища комплекса террасного типа, приурочены к краю террасы и имеют подковообразную форму. Площадь городищ от 2000 до 7000 кв. м. Расстояние между городищами от 100 до 300 м.

Чумышский микрорайон. В него входят два комплекса городищ и поселений Кокуйское I, открытые в 1997 г. А.А. Казаковым и Д.В. Папиным [Казаков, Папин, 1998, с. 169–172], и Усть-Чумыш-I-V, открытые Н.Ю. Кунгуровой, И.И. Служаком и В.К. Вистингаузенем в 2000 г. [Кунгурова, Служак, Вистингаузен, 2001, с. 118–122]. Эти объекты расположены в непосредственной близости друг к другу, на участке бортовой террасы поймы р. Обь в месте впадения в нее р. Чумыш. Все объекты принадлежат к террасному типу памятников, имеют овальную форму и вплотную прилегают к краю террасы. Площадь городищ от 1100 до 2000 кв. м.

Лосихинский микрорайон. Он включает два городища Усть-Лосиха 1–2, открытые в 1984 г. А. Л. Кунгуровым в Первомайском районе Алтайского края в устье р. Лосиха [Кунгуров, 2006, с. 352]. Городища террасного типа, примыкают к краю террасы. Усть-Лосиха-1 подтреугольной формы, Усть-Лосиха 2 подовальной формы. Площадь каждого городища около 2000 кв. м.

В *Иткульскую группу* памятников входят 14 городищ, одно из них раскопано полностью (Сошниково-I), на трех (Городище Малый Иткуль-5–6, Городище 2) были проведены исследования со вскрытием небольших площадей, в основном это раскопки одного жилища или жилища с небольшой частью рва и вала. Иткульская группа состоит из трех микрорайонов.

Большой Иткульский микрорайон. В него входят комплексы городища, расположенные на берегу оз. Большой Иткуль. Это комплекс городищ Городище 1–3, 9, 10 (17 участок 2). Открыты в 1956 г. Б. Х. Кадиковым [Абдулганеев и др., 2003, с. 57–59]. Городища расположены на высокой террасе южного берега озера Большой Иткуль. Площадь городищ от 700 до 1800 кв. м.

Малый Иткульский микрорайон. Он включает комплекс городищ Малый Иткуль-3–6, расположенные на берегу оз. Малый Иткуль. Памятники открыты в 1988 г. М. Т. Абдулганеевым и А. А. Казаковым [Абдулганеев и др., 2003, с. 54]. Городища расположены на мысовом выступе, на южном берегу озера Малый Иткуль и имеют овальную форму. Площадь городищ от 2100 до 7000 кв. м.

Сошниковский микрорайон. Он состоит из комплекса городищ Сошниково-I-III, открытых в 1988 г. М. Т. Абдулганеевым и А. А. Казаковым [Казаков, 1998, с. 192–205]. Городища расположены на мысовидном выступе берега р. Иткуль, и имеют округлую форму. Площадь городищ от 1400 до 1900 кв. м.

В *Бийскую группу* входят 11 памятников. Археологически исследованы только городища Бехтимир и Акутиха 1, на них вскрыты небольшие участки площади, которые дали

керамический материал. Бийская группа включает четыре микрорайона.

Бийский микрорайон. Комплекс городищ Бийское городище 2–7 расположены на территории современного города Бийска, на правом берегу реки Бия. Зафиксированы были в 1920 г. М. Д. Копытовым, свое название объекты получили только в 70–начале 80-х гг. Городища расположены на краю надпойменной террасы правого берега р. Бия, имеют овальную форму. Площадь городищ от 3500 до 12300 кв. м.

Усть-Чемровский микрорайон. Включает в себя два городища Усть-Чемровка-3 и Одинцовское. Первое расположено на берегу р. Чемровка, открыто в 1965 г. Б. Х. Кадиковым, второе на правом берегу р. Обь в 1,5 км от с. Одинцовка. Открыто в 1979 г. А. Л. Кунгуровым. Городище Усть-Чемровка-3 сохранилось частично, на сегодняшний день фиксируется небольшая часть рва, примерная площадь городища 3000 кв. м. Городище Одинцовское сохранилось частично, можно предположить, что оно имело подпрямоугольную форму и примыкало к краю террасы. Площадь сохранившейся части 400 кв. м.

Бехтимирский микрорайон. Сюда входит только одно городище Бехтимир, расположенное на левом берегу р. Бехтимир и открытое в 1987 г. С. Ю. Исуповым. Городище расположено на надпойменной террасе левого берега р. Бехтимир. О форме городища можно судить только по опубликованным данным, так как планы городища не были сняты при его обнаружении. По имеющимся данным можно говорить о том, что городище примыкало к краю террасы. Площадь городища не известна.

Акутихинский микрорайон. Он тоже состоит из одного объекта – городище Акутиха 1, расположенного в Быстроистокском районе Алтайского края на берегу р. Обь в 11 км к западу от с. Акутиха. Открыто в 1988 г. А. А. Казаковым [Казаков, 2014, с. 5–7]. Городище расположено на краю надпойменной террасы р. Обь, имеет овальную форму. Площадь объекта около 19700 кв. м.

Картографирование городищ было дополнено данными по могильникам и поселе-

ниям II – I-й пол. VIII вв. н.э. Лесостепного Алтая. В ходе работы было выявлено, что поселения также располагаются на мысах или гривах, часто в сосновых борах, но не исключается расположение таких объектов на разных берегах Оби, этот факт является отличием от расположения городищ, которые в свою очередь расположены только на правом берегу реки. В основном все известные поселения являются многослойными и включают в себя материалы различных периодов времени от неолита до средневековья. Некоторые поселения приурочены непосредственно к городищам. Можно предположить, что такие поселения являются однослойными. Среди таких раскопанных объектов только одно поселение однослойное Малый гоньбинский кордон-2/6–6, которое входит в большой комплекс городищ и поселений. Расположения могильников на карте фиксируется в хаотичном порядке, в основном на открытых участках местности и на удаленном расстоянии от поселенческих комплексов.

Топография городищ

Анализ расположения всех известных городищ позволил выделить два типа объектов – мысовые и террасные. Мысовые городища представляют собой объекты с защищенным пространством между высоким берегом реки и оврагом, или на вершине холма. Укрепления мысовых городищ обходят лишь наиболее доступные участки. Террасные городища расположены вплотную к краю надпойменной террасы или же в небольшом отдалении от нее. Все известные городища примыкают к краю соснового бора.

К мысовым относятся 12 объектов, среди них комплекс городищ Сошниково I–III, Малый Иткуль-3,4, Городище 1–3, 17 участок 2 (Городище 10 и отдельные памятники Усть-Иша 2, Усть-Чемровка 3, Бехтимир (рис. 2: 1).

К террасным относятся 27 объектов, комплекс городищ Малый Иткуль-5,6, Бийские городища-2–7, Малый Гоньбинский

Кордон-2/3, 2/4, 2/6, 2/11, Кокуйское 1/5, 1/6, и отдельные памятники Городище 9, Акутиха 1, Усть-Лосиха 1,2, Усть-Чумыш I–V (рис. 2: 2).

От характера топографии городищ напрямую зависят формы их оборонительных сооружений (ров-вал). Так, фортификационные системы мысовых городищ планиграфически делятся на замкнутые (Сошниково-I–III; Городище Малый Иткуль-3, 4; Городище 1–3) и незамкнутые (17 участок 2 (Городище 10); Усть-Чемровка 3). Все замкнутые городища имеют округлую или овальную планиграфию. При описании памятников с замкнутой системой фортификации необходимо отметить, что Городища Малый Иткуль-3, 4 имеют усложненную систему ров-вал. Так, Городище Малый Иткуль-3 овальной формы и в северной части внутри городища фиксируется еще одна укрепленная площадка, вплотную примыкающая к основному рву. На памятнике Городище Малый Иткуль-4 фиксируются две укрепленные площадки, примыкающие друг к другу. Такая же планировка оборонительной линии встречена на Городище 1. Что касается объектов с незамкнутой системой фортификации, здесь можно выделить два городища 17 участок (Городище 10) и Усть-Чемровка-3. Так, городище Усть-Чемровка-3 не сохранилось до наших дней, но по описаниям Б.Х. Кадикова, сделанным в 1965 г. с напольной стороны городища, прослеживался ров и две западины.

Террасных городищ с замкнутой оборонительной системой всего пять – (Городище Малый Иткуль-5, 6; Городище 9; Бийские городища-3, 7). В этой группе выделяется памятник Городище Малый Иткуль-6, в котором внутри городища фиксируется еще один ров, который отделяет небольшую часть площадки городища. В основном все городища (22 объекта) в категории террасных имеют незамкнутую систему фортификаций. Это связано с тем, что эти объекты расположены вплотную к краю террасы, покрытой сосновым бором.

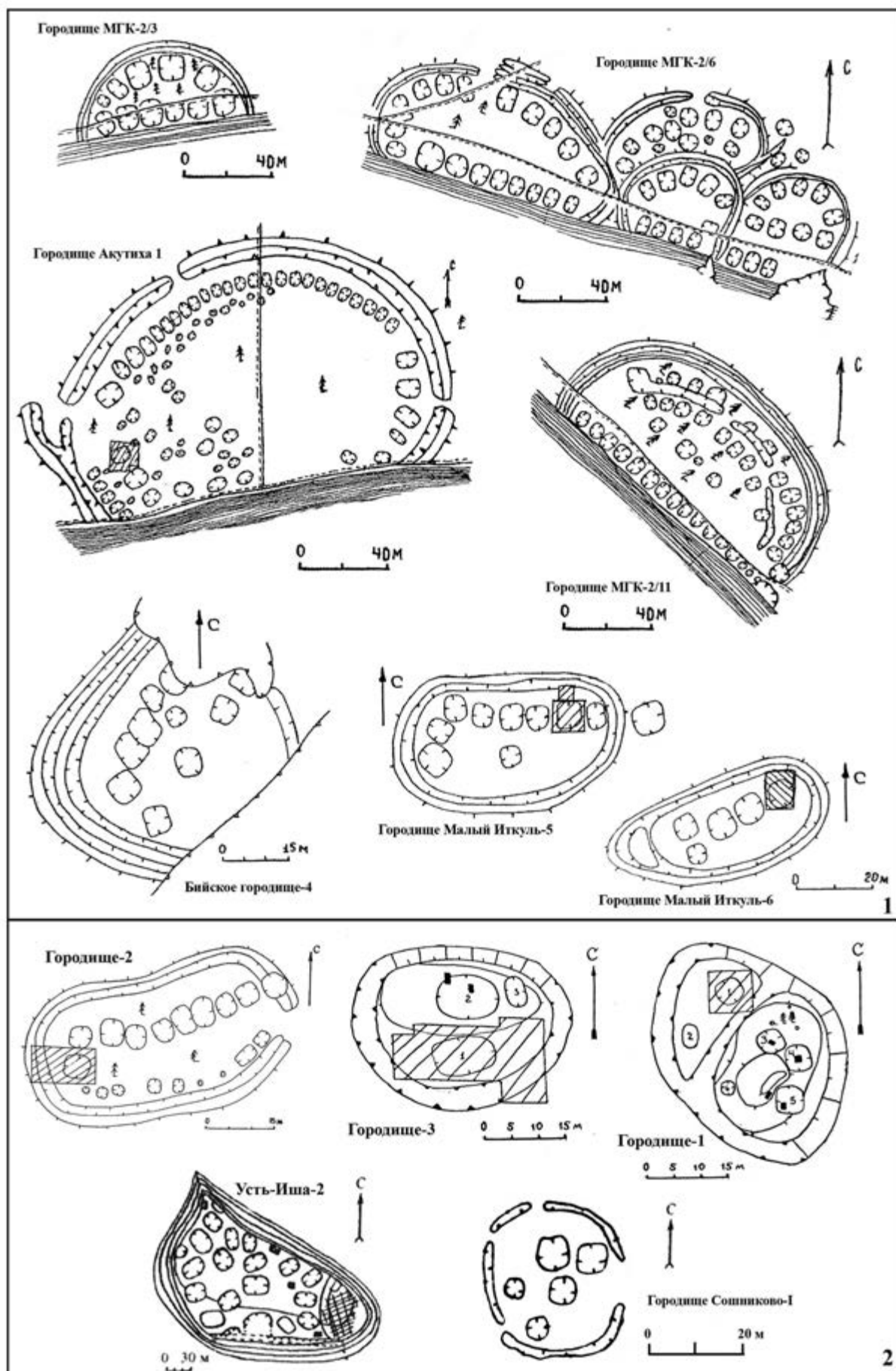

Рис. 2. Планы городищ одиновской культуры: 1 – террасные; 2 – мысовые

Закключение

Сравнение данных картографии и топографии позволили выявить некоторые особенности рассматриваемых объектов.

Так, исходя из выявленных особенностей можно увидеть, что в Барнаульской группе городищ представлены объекты только с террасным типом расположения. В свою очередь городища Иткульской группы в преобладающем большинстве имеют мысовую форму, за исключением городищ Большого Иткульского микрорайона. В Бийскую группу городищ входят объекты террасного типа, кроме плохо сохранившегося городища Усть-Чемровка.

Проведенное исследование показывает взаимосвязь топографического расположения и планиграфии внутри городищ. Так, мысовые городища имели в основном замкнутую систему фортификации и соответственно круговое расположение жилищ. Террасные городища в свою очередь в большинстве представлены незамкнутой системой фортификации и расположением построек вдоль рвов и террасы в один ряд.

Корреляция данных по расположению городищ, поселений и могильников, также позволяет выявить некоторые особенности. Так, поселения, приуроченные к городищам, скорее всего, являются однослойными. Многослойные поселения расположены на открытых участках в основном свободных от растительности. В свою очередь, могильники расположены на открытых участках местности, на удаленном расстоянии от поселенческих комплексов.

Таким образом, имеющиеся данные позволяют делать выводы об особенностях расположения и планиграфии поселенческих комплексов первой половины IV-1-й пол. VIII вв., которые в перспективе могут быть скорректированы при дальнейшем их изучении, как

традиционными археологическими методами, так и применением междисциплинарных подходов.

Литературы

- Абдулганеев М. Т., Кадиков Б. Х., Кирюшин Ю. Ф.** История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2003. С. 50–78.
- География Алтайского края.** Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. 134 с.
- Казаков А. А.** Городище Сошниково I // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 192–205.
- Казаков А. А.** Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2014. 152 с.
- Казаков А. А., Папин Д. В.** Комплекс археологических памятников Кокуйское I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 169–172.
- Кирюшин Ю. Ф., Казаков А. А.** Комплекс археологических памятников Малый Гоньбинский Кордон // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 68–72.
- Кунгуров А. Л.** Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. XV. С. 327–385.
- Кунгурова Н. Ю., Служак И. И., Вистингаузен В. К.** Итоги проведения паспортизации памятников в устье Чумыша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 118–122.
- Матющенко В. И.** Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1998. С. 29–43.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

КИТАЙСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О НАРОДАХ, ПРОЖИВАВШИХ НА АЛТАЕ И БЛИЖАЙШИХ ТЕРРИТОРИЯХ В ХУННУСКО-СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОЕ ВРЕМЯ (II В ДО Н.Э. – 1-Я ПОЛОВИНА V Н.Э.)

Юй Лян

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; ORCID: 0009–0007–0359–7809

Данная статья, опираясь на древнекитайские письменные источники, осуществляет систематизацию информации о народах, проживавших на Алтае в три различные исторические периоды: хуннское, сяньбийское и жужанское время. На основе анализа исторических свидетельств рассматриваются ареалы расселения и взаимодействия различных народов, проживавших в данном регионе в указанные периоды. На этой основе исследуется эволюция населения Алтая в различных исторических условиях, а также их связь с изменениями политической ситуации в степной зоне. В конце выдвигается предположение о возможной связи хуцзе с кулажургинской и булан-кобинской культурами, что предполагает необходимость дальнейшего углубленного изучения и обоснования в последующих исследованиях.

Ключевые слова: китайские письменные источники, народ, Алтай, хуннско-сяньбийско-жужанское время

CHINESE WRITTEN SOURCES ON THE PEOPLES INHABITING ALTAI AND ADJACENT TERRITORIES DURING THE XIONGNU-XIANBEI-ROURAN PERIOD (2ND CENTURY BCE – FIRST HALF OF THE 5TH CENTURY CE)

Yu Liang

Altai State University, Barnaul, Russia

This article, based on ancient Chinese written sources, provides a systematic account of the peoples inhabiting Altai across three distinct historical periods: the Xiongnu, Xianbei, and Rouran eras. Through an analysis of historical records, it examines the settlement areas and interrelations of the various groups active in this region during these periods. On this basis, the study explores the evolution of the Altai peoples under different historical conditions, as well as their connection to changes in the political structure of the steppe zone. Finally, it proposes a possible link between the Hujie and the Kula-Zhurga and Bulan-Koba cultures, suggesting the need for further in-depth investigation and substantiation in future research.

Keywords: Chinese written sources, people, Altai, Xiongnu-Xianbei-Rouran period.

Введение

В древнекитайских письменных источниках период с III в. до н.э. до V в. н.э. вследствие ограниченности географических представлений Алтай чаще всего обозначался как «Сибу хуанди» (西部荒地). В хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.) его название стало более конкретным «Юди» (右地). Изменение этой терминологии отражает эволюцию географических представлений о пограничных территориях в период центрально-китайских династий – от абстрактного образа окраин к более четкой геополитической фиксации пространства [Ма, 1962, с. 12]. Поскольку ранние кочевые народы такие, как хунну и сяньби, не имели развитой системы письменности, сведения об их социальной структуре и важнейших исторических событиях в значи-

тельной степени опираются на официальные древние китайские исторические хроники. Эти письменные источники стали основой для реконструкции ранней этнической истории населения Алтая. В данной статье на их основе и с учетом результатов современных научных исследований предпринята попытка реконструкции этнического состава и механизмов их эволюции на Алтае и ближайших территорий в хуннско-сяньбийско-жужанское время.

Начиная с «Ши цзи» (史记) и далее в «Хань шу» (汉书), «Хоу Хань шу» (后汉书), а позднее и в «Вэй шу» (魏书), эти тексты фиксируют не только войны, но и подробно описывают взаимную торговлю, брачные союзы и даннические отношения между кочевыми государствами и центрально-китайскими династиями. Хотя подобные источники

несут в себе ярко выраженную синоцентрическую доктрину, изложенная информация предоставляет незаменимую основу для реконструкции исторической хронологии [Тишкин, 2007, с. 58].

Согласно письменным источникам, с III в. до н.э. по V в.н. э. на Алтае, помимо трех народов, обладавших во Внутренней Азии фактической политической властью (хунну, сяньби и жужане), активно действовали также такие народы, как цзянькунь «坚昆», хуцзе «呼揭», гаочэ «高车», синьли (薪犁), тюрки (突厥) и др. В последние годы на фоне усиления идеи общегосударственной культурно-этнической идентичности в Китае китайские историки, опираясь на древние письменные источники, подготовили и издали ряд научных трудов, посвященных северным народам. Среди них есть труды о хунну, сяньби и жужанях. Они имеют важное значение для изучения этнической истории древнего населения Алтая и сопредельных территорий.

В китайских исторических источниках доциньского периода и эпохи династии Цинь отсутствуют прямые сведения о северных племенах и народах. Соответствующие тексты чаще используют обобщающие названия жун (戎), ху (胡) и ди (狄) для обозначения различных этнических групп, населявших северные и северо-западные окраины древнего Китая. Так, жуны (戎) в основном обитали в районе современной северо-западной части Китая – от Луншаня (陇山) до Хэсийского коридора (河西走廊). Племена ди (狄) проживали главным образом на степных пространствах севера современной провинции Шаньси и распространялись далее к югу Внутренней Монголии. Название народов ху (胡) в эпохи Цинь–Хань постепенно стал широким обозначением кочевых народов северных степей. Их основная зона расселения находилась на Монгольском плато с дальнейшим распространением на северные и северо-западные территории. В целом, эти этнонимы в источниках доциньского и циньского времени носят обобщающий характер и отражают, скорее всего, общее представление древних историков о племенах различных северных регионов [Ван, 2003, 41–45]. Однако, соглас-

но сведениям «Атласа исторических карт Китая», в рассматриваемые время имеются обозначения народов, находившихся вблизи Алтая. Там указаны племена хуцзе (呼揭) и цзянькунь (坚昆) [Тан, 1996, с. 3–4].

Алтай в хуннское время

В конце III в. до н.э. шаньюй Модэ объединил многие народы Внутренней Азии и создал могущественную державу хунну. Алтай был включен в сферу ее влияния и стал стратегической опорой для контроля над западными территориями и обороны от северо-западных племен. Согласно «Ши цзи», после разгрома дунху и юэчжей шаньюй Модэ в 201 г. до н.э. предпринял северный поход и покорил следующие племена: хуньюй (浑庾), цюйше (屈射), динлины (丁零), гэгунь (隔昆), хуцзе (呼揭) и синьли (薪犁) [Сыма, 1959, с. 2890]. В хуннское время на Алтае и прилегающих районах проживали в основном народы цзянькунь (坚昆), хуцзе и синьли. Алтай служил важной базой для получения железных изделий, лошадей и пополнения военных сил [Линь, 1986, с. 45].

Основной ареал расселения племени цзянькунь находился в бассейне реки Енисей, в Минусинской котловине, а также в верхнем и среднем течении Оби. На востоке они соседствовали с динлинами, а на западе граничили с усунями (乌孙), хуцзе и сакскими племенами (塞种). Территория их расселения была довольно обширной и включала также часть районов северных предгорий Алтая [Ван, 2021, с. 32].

Самое раннее упоминание о племени гэгунь, которое отождествляется с цзянькунями, встречается в «Ши цзи» – в разделе «Биография хунну» (匈奴列传) [Сыма, 1959, с. 2898–2899].

В «Ханьшу» содержание практически совпадает с текстом «Ши цзи», однако этноним записан в форме Гэгунь (隔昆) [Бань, 1962, с. 3800]. Кроме того, в «Ханьшу. Биография хунну» (汉书·匈奴列传) отмечается, что цзянькуни находились в семи тысячах ли к востоку от ставки шаньюя и что Чжичжи (郅支) «оставался там и сделал это место своей столицей»

[Бань, 1962, с. 3800]. В «Саньго чжи» (三国志) указано, что цзянькунь находятся «в семи тысячах ли от ставки шаньюя хунну на реке Аньси» [Чэнь, 2000, с. 858]. В совокупности с данными «Ши цзи», это позволяет заключить, что данный народ располагался в северо-западной части владений хунну.

Согласно дополнительному сообщению в «Вэньсянь тункао» (文献通考), племя цзянькунь стало известно в эпоху государства Вэй. Оно находилось к западу от государства Канцзюй (Кангюй), имело около двадцати тысяч воинов, пригодных для войны [Ма, 2011, с. 9153]. Население занималось кочевым скотоводством, следуя за водой и пастбищами; у них было много соболей и хорошие лошади. На основании этих сведений можно заключить, что цзянькунь располагались в западной части державы хунну и к северо-востоку от государства Кангюй (康居). После завоевания хунну эта территория вошла в состав так называемых «правых земель» державы.

С началом масштабных войн между династией Хань и хунну стратегическое значение Алтая значительно возросло. В период правления У-ди (汉武帝) ханьские войска неоднократно проникали далеко к северу от пустыни, и основные силы хунну постепенно отступали на северо-запад. В «Ханьшу» говорится, что когда Чжичжи переселился на запад, он разместил свои войска на бывших землях цзянькуней и, опираясь на эту территорию, разгромил государство усуней и другие страны [Бань, 1962, с. 3751].

Племя хуцзе главным образом обитало в районе Алтайских гор и в верхнем течении рек Иртыш. Их расселение распространялось на территорию современного Чугучакского округа Синьцзяна, а также на область Семиречья в Казахстане.

Как в «Ши цзи», так и в «Ханьшу» сообщается, что хуцзе представляли собой племя или небольшое государство, находившееся в сфере влияния хунну.

В «Ши цзи» написано, что хунну разгромили юэчжей, полностью уничтожив их или заставив покориться. Были усмирены лоулани (楼兰), усунь, хуцзе и еще двадцать шесть соседних государств – все они были включены

во владения хунну. [Сыма, 1959, с. 2891]. Это указание свидетельствует о том, что в рассматриваемое время хуцзе уже были включены в политическую систему и сферу власти хунну [Сыма, 1959, с. 2891].

Сообщения «Ханьшу» о западном походе Чжичжи дают дополнительную информацию. После победы над усунями он «... затем двинулся на север и атаковал хуцзе, которые покорились». Далее он предпринял поход на цзянькунь и подчинил динлинов на севере, одновременно присоединив несколько соседних владений. Кроме того, источники сообщают, что после установления контроля над прежними землями хуцзе, хунну учредили должность хуцзе-вана (呼揭王), которую занимал представитель хуннуской знати. Через эту административную структуру осуществлялось управление и контроль над бывшими территориями хуцзе [Бань, 1962, с. 3767]. Эти сведения отражают процессы территориального расширения державы хунну в западных и северных землях, а также особенности ее системы местного управления.

Племя синьли, по-видимому, обитало в районе верхнего течения Оби [Чэнь, 1989, с. 7]. Однако в древних исторических источниках сведения об этом народе крайне скудные. В «Ши цзи» содержится лишь краткое упоминание: позднее на севере были покорены государства синьли и др. [Сыма, 1959, с. 2898–2899].

В «Хань шу» и в более поздних исторических источниках эта фраза в основном воспроизводится из «Ши цзи», однако более подробного описания народа синьли не приводится [Бань, 1962, с. 3767].

Алтай в сяньбийское время

В конце I – начале II в. н. э. под совместным натиском Восточной Хань и южных хунну, власть северных хунну постепенно ослабла, и они начали миграцию на запад. С уходом северных хунну с монгольского нагорья племя сяньби воспользовалось ситуацией, поднялось и заняло степные территории, ранее контролируемые хунну. Вождь сяньби Таншихуай (檀石怀) создал племенной союз

и «полностью овладел землями хунну» [Фань, 1965, с. 2985], его власть непрерывно расширялась и распространялась на запад до Алтая.

В сяньбийское время на Алтае и прилегающих районах проживали в основном такие народы, как хуцзе и хунну.

Хуцзе – племя, действовавшее в западных районах хунну во времена династии Хань. Основные сведения об этом народе содержатся в «Ханьшу», где говорится, что хуцзе-ван во время внутренних смут хунну провозгласил себя шаньюем [Бань, 1962, с. 3767]. Однако после подъема власти сяньби в китайских исторических источниках не встречается прямых упоминаний о взаимоотношениях хуцзе с сяньби. В сохранившихся источниках также отсутствуют специальные сведения о положении и деятельности хуцзе в политической системе сяньби. Поэтому в академической среде обычно считается, что хуцзе, вероятно, постепенно вошли в состав других кочевых племенных объединений в ходе распада хунну и расширения власти сяньби, а их конкретные территории и политическая принадлежность в настоящее время трудно установить на основании имеющихся источников.

В начале I в.н.э. хунну разделились на южную и северную части. Южные хунну признали верховную власть Восточной Хань, тогда как северные хунну постепенно начали миграцию на запад и на север. В «Хоу Ханьшу» (后汉书) отмечается: после поражения северный шаньюй удалился в северные степи и не осмеливался снова пасти скот на юге. Далее говорится так: «Шаньюй был потрясен, удалился, удержал земли усуней, а северные степи опустели» [Фань, 1965, с. 2944]. Эти сведения отражают то, что северные хунну под ударами войск Восточной Хань постепенно покидали Монгольское нагорье и мигрировали в северном и западном направлении.

В «Хоу Ханьшу» записано, что в 91 г.н.э. династия Восточная Хань направила генерала Гэн Куя (耿夔) с войсками до горы Цзинвэй (金微山) (современный район – Алтай), нанеся северным хунну поражение. После поражения вождь северных хунну вместе с частью своих войск продолжил движение на запад,

проникнув в земли усуней и государства Кангюй [Фань, 1965, с. 815]. После западного переселения северного шаньюя, правитель Ючу Цзянь (於除鞬) занял в качестве базы Пулейхай (蒲类海) (современное озеро Баркёль в Синьцзяне) и объявил себя шаньюем, частично получив признание при дворе Восточной Хань. Однако в 93 г.н.э. шаньюй Ючу Цзянь (於除鞬) был убит войсками Восточной Хань во время бегства. После этого основная сила северных хунну в основном покинула центральные районы Монгольского нагорья [Ху, 2021, с. 110–111].

В «Тун Дянь» (通典) также указано следующее: «Северные хунну были разбиты Хань, отступили далеко на северо-запад и таким образом утратили свои прежние земли» [Ду, 1988, с. 5413]. Эта запись дополнительно указывает на то, что после поражения в войне северные хунну постепенно покидали свои прежние ключевые районы степи.

Хотя в тот период сяньби уже стали основной правящей силой на Монгольском нагорье, их политический центр постепенно смещался к югу. Китайские источники относительно скудны в описании этнической ситуации в районе Алтая в сяньбийское время. Сохранившиеся документы в основном касаются деятельности таких народов, как гаочэ (高车) и жужани, однако в тот период их влияние еще не распространялось на Алтай [Лян, Бай, 2021, с. 66–73]. Даже в недавно изданном томе «История северных народов Китая: том Тоба-сяньби» нет подробных сведений о конкретных народах и племенах Алтая в рассматриваемый период.

Алтай в жужанское время

Согласно сведениям древнекитайских исторических хроник и результатам современных научных исследований, можно установить, что в жужанское время Алтай не был заселен одним народом, а представлял собой пространство сосуществования и взаимодействия различных этнических групп, которые постоянно перемещались и вступали во взаимные контакты. Анализ письменных источников позволяет предположить, что в жужан-

ское время на Алтае и прилегающих районах проживали в основном народы гаочэ (高车), тюрки (突厥), а также, возможно, эфталиты (嚙哒), временно остановившиеся здесь в процессе миграции.

Гаочэ также назывались динлинами (丁零) и теле (铁勒). В эпоху хунну это племя уже активно обитало в районе озера Байкал [Ван Шиюй, 2021, с. 50]. Тоба-сяньби (拓跋鲜卑) последовательно осуществили девять походов против гаочэ, захватив значительное число людей и скота, и размещали их на территории к югу Монгольского нагорья (漠南地区), управляя этой частью гаочэ через систему военных поселений. Гаочэ не могли вынести угнетения со стороны знати Тоба и неоднократно восставали [Янь, 2012, с. 3].

Что касается географического распределения гаочэ в жужанский период, то Ма Чаншу отмечает шесть родов (六氏) и двенадцать фамилий (十二姓), которые определялись по месту проживания. Шесть родов главным образом занимались кочевым скотоводством в бассейне рек Орхон и Тула на севере пустыни. А двенадцать фамилий в основном кочевали на западе реки Селенга до Алтая [Чжоу, 2006, с. 39–40].

Северные племена гаочэ в период после 402 года н.э. были последовательно разгромлены Шэлунем и находились под властью Жужанского каганата более 150 лет. Социальной основой Жужанского каганата было рабовладение, и естественно, что подчиненным классом становились гаочэ и другие народы, что неизбежно вызывало их сопротивление господствующей элите жужаней. В результате этого началась западная миграция гаочэ. Ее началом считается 487 г.н.э., когда племя Фу-ло (副伏罗部) под предводительством Афучжило (阿伏至罗) отделилось от жужаней и основало Гаочэское государство. В тот период отношения между гаочэ и жужанями приобрели новый характер: вместо сопротивления эксплуатации и рабства происходили войны двух государств за захват населения и богатств в своих интересах [Юань, 2021, с. 68].

В 487 году н.э. вождь Афучжило и его брат Цюци (穷奇) повели более 100 тысяч

гаочэ двумя колоннами на запад. Им удалось успешно уйти от преследования жужаней и, в конечном итоге, они достигли Чэши (车师前部, современный район Турфан в Синьцзяне) [Вань, 2021, с. 92]. На том месте Афучжило объявил о своей независимости, приняв титул Хоу Ло Фуле (侯罗匐勒), и со своим братом Цюци стал совместно управлять государством. Территория гаочэского государства (高车国) была весьма обширной: на юге оно контролировало важные пути в Западный край, включая Гаочан (高昌), а также Яньци (焉耆) и Шаньшань (鄯善). На северо-востоке его влияние простиралось до бассейнов рек Селенга (色楞格河), Орхон (鄂尔浑河) и Тулы (土拉河). На севере оно доходило до Алтая, на западе соприкасалось с племенами юэбань (悦般), а на востоке граничило с мощной Северной Вэй [Сыма, 1956, с. 4688].

Вопрос о происхождении тюрков (突厥) в китайских исторических источниках освещается по-разному. В древнекитайских хрониках встречается несколько версий их происхождения. Одной из наиболее распространенных в современной научной литературе является точка зрения, согласно которой ранние тюрки первоначально обитали на Алтае и находились в зависимости от жужанского политического объединения, занимаясь кузнечным делом и обработкой железа.

В «Чжоу шу» (周书) говорится, что тюрки происходят, по-видимому, от отдельной ветви хунну; их родовая фамилия – Ашина (阿史那). Со временем их потомки размножились и достигли нескольких сотен семей. Спустя несколько поколений они вышли из гор, подчинились жужаням и поселились к югу от Алтая (Золотой горы), где стали кузнецами у жужанского каганата. Золотая гора по форме напоминает шлем; в их языке шлем называется тюрки, поэтому это название и стало их именем [Линху, 1971, с. 907–908]. Упоминаемая «Золотая гора» отождествляется с современными Алтаем. Подобные сведения, как в «Чжоу шу», содержатся в «Суй шу» [Вэй, 1973, с. 1863–1864] и «Бэй ши» [Ли, 1974, с. 3285].

Все эти источники показывают, что в системе повествования китайских исторических

хроник ранняя история тюрков тесно связана с Жужанским каганатом, между которыми существовали отношения господства и подчинения. Жужанский каганат являлся важным кочевым политическим образованием во второй половине IV – первой половине VI вв., господствовавшим на территории Монгольского плато и северных степей. Тюрки первоначально представляли собой лишь одно из племенных объединений, находившихся под властью жужаней, и благодаря развитым навыкам обработки железа обеспечивали их оружием и металлическими изделиями. По мере усиления тюрки постепенно освободились от власти жужаней. В 552 г. предводитель тюрков Бумын (土門) поднял восстание против жужаней, разгромил их и основал Первый (Великий) тюркский каганат.

Согласно «Бэй ши» (北史) происхождение этого народа связано с «племенем большой юэчжи (大月氏), также называемым отдельной ветвью гаочэ (高车) [Ли, 1974, с. 3217]. Некоторые исследователи называют их белыми хунну (白匈奴) [Юй, 1996, с. 101], а некоторые считают, что эфталиты (嚙哒) «возможно происходят из того же племени, что и Ифу сяньби (乙弗鲜卑) [Юй, 1986, с. 33]. Согласно «Нань Ши» (南史), эфталиты первоначально назывались Хуа (滑), а в период Южных и Северных династий их вождь Яньдай Илиту (厌带夷栗陀) посылал дары при дворе династии Лян; название «да (哒)» происходит от сокращенного перевода имени Яньдай Илиту [Ли, 1975, с. 1970–1971].

Исторические источники однозначно свидетельствуют, что во второй половине IV в.н.э. эфталиты пересекли Алтай, прошли через казахские степи и заняли территорию между реками Амударья и Сырдарья [Юй, 1986, с. 62]. В ходе этой длительной западной миграции можно предположить, что не все эфталиты мигрировали одновременно, а, скорее всего, происходило расслоение племени и поэтапное продвижение отдельных групп. Крупные миграции, как правило, проходят поэтапно с разделением на подгруппы. С одной стороны, часть основных племен под руководством вождей продвигалась дальше на запад, достигла бассейнов среднеазиатских

рек и создала новые политические центры. С другой стороны, вспомогательные племена или менее многочисленные группы могли оставаться на прежних местах обитания или обосновываться на промежуточных участках степей, где условия были благоприятны, что часть эфталитов осталась или поселилась в этом регионе.

Заключение

Анализ китайских исторических источников, касающихся народов и племен хунно-сяньбийско-жужанского времени, позволяет в определенной степени выявить особенности развития этнических и племенных структур Алтая в разные исторические эпохи. Однако следует учитывать, что древнекитайские хроники в основном создавались с позиций центральных династий Китая и рассматривали исторические события преимущественно с точки зрения срединных государств. По этой причине сведения о северных пограничных территориях в них относительно ограничены. Алтай находился на периферии степных политических объединений, поэтому его описание в источниках отличается фрагментарностью и краткостью. Тем не менее, на основе сопоставления сохранившихся письменных источников и результатов современных научных исследований можно приблизительно определить ряд народов, которые в разные периоды проживали или, возможно, происходили из района Алтая, что представляет важное значение для понимания роли этого региона в истории Евразийской степи.

В последние годы российская археологическая наука достигла значительных результатов в ходе систематических раскопок и исследований в горах Алтая. В частности, периодизация булан-кобинской культуры показывает, что три этапа ее развития по времени в целом соотносятся с периодами влияния на Алтай таких степных политических объединений, как хунну, сяньби и жужани. Это открывает новые возможности для интерпретации процессов этнической и демографической эволюции региона с археологической точки зрения. Следует отметить, что антро-

пологический тип населения этого периода не был единообразным, а представлял собой сложный многокомпонентный комплекс полигенного происхождения [Поздняков, Чикишева, 2021, с. 598].

В дальнейшей работе в первую очередь следует изучить связь между хуцзе, кулажургинской и булан-кобинской культурами, а также применить современные научные методы для исследования этнического состава и развития в хуннуско-сяньбийско-жужанское время на Алтае.

Литература

- Поздняков Д. В., Чикишева Т. А.** Население булан-кобинской культуры по антропологическим данным // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. XXVI. С. 594–599.
- Тишкин А. А.** Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.
- Бань Гу.** Хань шу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1962. Т. 11. С. 3831–4271.
- Ван Минкэ.** Края Хуася: историческая память и этническая идентичность. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь, 2006. 279 с.
- Ван Шиюй.** Исследование истории гаочэ: дис... д-ра ист. наук. Хух-Хото: Внутреннемонгольский университет, 2021. 164 с.
- Ван Цзе.** Чжунго гудай бэйфан миыцзу ши: Сяцзясы цзюань. Пекин: Кэсюэ, 2021. 142 с.
- Вэй Чжэн.** Суй шу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1973. Т. 6. С. 1801–2028.
- Ду Юй.** Тун дянь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1988. Т. 5. С. 4293–5557.
- Ли Яньшоу.** Бэй ши. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1974. Т. 10. С. 3121–3422.
- Ли Яньшоу.** Нань ши. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. Т. 6. С. 1857–2041.
- Линху Дэфунь.** Чжоу шу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1971. Т. 3. С. 633–934.
- Линь Гань.** Всеобщая хуннуская история. Хух-Хото: Внутреннемонгольское народное издательство, 1986. 297 с.
- Лян Юнь, Бай Цзиньсун.** История древних северных народов Китая: Тоба сяньбэй. Пекин: Кэсюэ, 2021. 162 с.
- Ма Дуаньлинь.** Вэньсянь тункао. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2011. Т. 13. С. 9153–9918.
- Ма Чаншоу.** Бэйди и Хунну. Пекин: Саньянь, 1962. 160 с.
- Сыма Гуан.** Цзы чжи тун цзянь. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1956. Т. 10. С. 4295–4741.
- Сыма Цянь.** Ши цзи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1959. Т. 9. С. 2751–3074 (326 с.).
- Тань Цисян.** Атлас исторических карт Китая. Шанхай: Чжунхуа Диту Сюэшэ, 1996. Т. 2. 87 с.
- Тань Цисян.** Атлас исторических карт Китая. Шанхай: Чжунхуа Диту Сюэшэ, 1996. Т. 2. 82 с.
- Тань Цисян.** Атлас исторических карт Китая. Шанхай: Чжунхуа Диту Сюэшэ, 1996. Т. 4. 97 с.
- Фань Е.** Хоу Хань шу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965. Т. 3. С. 611–921.
- Фань Е.** Хоу Хань шу. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1965. Т. 11. С. 2865–3165.
- Ху Юйчунь.** История древних северных народов Китая: Хунну. Пекин: Кэсюэ, 2021. 176 с.
- Чжоу Вэйчжоу.** Чилэ и жужань. Наньнин: Изд-во Гуансиского педагогического университета, 2006. 155 с.
- Чэнь Шоу.** Сань-го чжи. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2000. Т. 11. С. 597–863.
- Юань Ган.** История древних северных народов Китая: Жужань. Пекин: Изд-во Кэсюэ, 2021. 184 с.
- Юй Тайшань.** Всеобщая история Западного края. Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1996. 513 с.
- Юй Тайшань.** Исследования по истории эфталитов. Цзинань: Цилу Шушэ, 1986. 246 с.
- Янь Жуйдун.** Предварительное исследование отношений гаочэ с другими народами: магистерская дис. Хух-Хото: Внутреннемонгольский университет, 2012. 31 с.

НОВАЯ РАСШИФРОВКА РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ, ВЫПОЛНЕННОЙ ОХРОЙ, НА ГОРЕ КОКХАЯ В БАСЕЙНЕ РЕКИ ЕСЬ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ И ЕЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Такаши Осава

Осацкий университет, Осака, Япония

Редкая в Республике Хакасия руническая надпись, выполненная красным пигментом (охрой), была обнаружена в 1983 году Э.А. Севастьяновой и В.Ф. Капелько на юго-восточном склоне скалы Кёк хая («Голубая скала»), расположенной на левом берегу реки Есь, притока реки Абакан, к юго-востоку от Аскиза. Однако с тех пор пигмент частично отслоился, поверхность камня испортилась, а позднее вмешательство человека еще больше повредило надпись. В результате реконструкция текста оказалась сложной задачей, а его интерпретация оставалась весьма проблематичной. Начиная с 1985 г. И.Л. Кызласов предпринял попытки по изучению и расшифровке этой надписи, однако многие символы оставались неразборчивыми, а общее содержание – крайне неясным. В 2012 г. автор данной статьи провел совместное полевое исследование с Ю.Н. Есиным из Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, расположенного в городе Абакан. Благодаря обновленной фотодокументации и подробным зарисовкам была проведена новая реконструкция текста, что привело к новому прочтению рунической надписи. В результате исследования было установлено, что надпись состоит из пяти строк. Она представляет собой эпитафию, в которой главный герой оплакивает свою смерть, спровоцированную собственной храбростью, и выражает пожелание, чтобы его сын стал его преемником и возглавил членов его рода. Соответственно, вопреки интерпретации, предложенной И.Л. Кызласовым, надпись не имеет отношения к манихейству; скорее, это типичная погребальная надпись от первого лица, в которой вождь племени енисейских кыргызов оплакивает свою собственную смерть.

Ключевые слова: Республика Хакасия, надпись на горе Кокхая, красный пигмент, работы по реставрации надписей енисейских кыргызов, тамга.

A NEW DECIPHERMENT OF THE RED INK RUNIC INSCRIPTION ON THE KÖK-KAYA MOUNTAIN ALONG THE ES RIVER BASIN OF THE REPUBLIC OF KHAKASSIA, AND ITS CULTURAL BACKGROUND

Takashi Osawa

Osaka University, Osaka, Japan

A runic inscription executed in red pigment – rare within the Republic of Khakassia – was discovered in 1983 by E. A. Sebstyanova and V. F. Kapelko on the southeastern rock face of Kök-Kaya ("Blue Rock"), situated on the left bank of the Es River, a tributary of the Abakan River, to the southeast of Askiz. Since then, however, the pigment has partially peeled away, the rock surface has deteriorated, and later human interference has further damaged the inscription. As a result, the reconstruction of the text has proven difficult, and its interpretation has remained highly problematic. From 1985 onward, I. L. Kyzlasov undertook efforts to investigate and decipher the inscription; nevertheless, many characters remained illegible, and the overall content was extremely unclear. In 2012, the present author conducted a joint field survey with Yu. N. Esin of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History in Abakan. Through renewed photographic documentation and detailed sketches, a fresh reconstruction of the text was achieved, leading to a new reading. As a result, it has been established that the inscription consists of five lines. It represents an epitaph in which the protagonist laments his death brought about by his own bravery and expresses a wish for his son to succeed him and lead the members of his clan. Hence, contrary to the interpretation proposed by I. L. Kyzlasov, the inscription is not related to Manichaeism; it is rather a typical first-person funerary inscription in which a tribal leader of the Yenisei Kyrgyz mourns his own death.

Keywords: Republic of Khakassia, Kök-Kaya inscription, red pigment, Yenisei Kyrgyz inscriptions restoration work, tamga.

I. Introduction

–The Kök-Kaya Inscription of the Yenisei Region–

In the Sayan mountain region of southern Siberia, encompassing the upper and middle reaches of the Yenisei River—areas corresponding to the present-day Republics of Tuva and

Khakassia—inscriptions first encountered by European Russian scholars since the eighteenth century were termed “runic.” Closely related scripts were subsequently discovered in Mongolia from the late nineteenth century onward. By the 1980s, more than 150 runic inscriptional materials from southern Siberia had been reported [Aydin 2015].

The Russian Turkologist S. E. Malov assigned serial numbers to the Yenisei inscriptions discovered after 1950 by prefixing them with the Cyrillic letter “E” (for Yenisei), and this numbering system has been widely adopted among scholars. However, since the 1990s, newly discovered inscriptions have increased significantly. By 2010, their total number had reached approximately 250. Subsequently, more than 100 additional inscriptions have been reported without being assigned an “E-number.”

The K  k-Kaya inscription belongs to this latter category.

Approximately 130 km southeast of Abakan, the capital of the Republic of Khakassia, there is a rocky outcrop known as K  k-Kaya (meaning “Blue Rock”). On a southwest-facing rock surface, runic characters written in red pigment are preserved. This inscription is commonly referred to among scholars as the K  k-Kaya inscription. The site is located along the Es River, a tributary flowing into the Abakan River (*Fig. 1*).

Fig.1: Distribution of the K  k Kaya (Black ink ▲)

II. Discovery and Study of the K k-Kaya Inscription

According to the research of I. L. Kyzlasov, the inscription was discovered in 1983 by a local Russian resident, E. A. Sebastyanova, and the artist V. F. Kapeliko. It is situated on the left bank of the Es River (a left tributary of the Abakan River), which flows into the left bank of the Abakan River. The inscription was found on a smooth rock surface on the slope of a shale outcrop known as Kek-Haya (“Blue Rock” in the Khakass language), approximately 3.5 km upstream from the settlement of Fonovo [Kyzlasov 1998a: 73]. Kyzlasov conducted multiple field investigations between 1985 and 1988, and described the inscription as follows:

“The text of the inscription is located at the eastern edge of the mountain, in the lower part of the rock mass, at approximately chest height. It occupies a small vertical flat surface measuring about 43 cm in length and 12–15 cm in height, bounded by natural cracks. The exposed rock faces southwest and is covered with desert varnish, bright reddish-brown iron deposits, and patches of yellow lichen.

The dark red color of the runic characters corresponds well with the natural color of the rock surface. The left half of the text is relatively legible, whereas the right side is more difficult to discern due to darker brown coloration. Unfortunately, the right portion of the inscription has suffered damage (surface abrasion, rough pecking, and exfoliation), and only by moistening the stone can certain runic characters or their fragments be discerned.

The text is written from right to left, as usual, but this does not provide a clear clue for determining the starting points of each line. It is likely that all lines began at the same height. The third line, being the shortest, has suffered particularly severe damage and cannot be reconstructed. The lengths of the upper, middle, and lower lines are 27 cm, 33 cm, and 15 cm, respectively (Fig. 2). The height of the characters is relatively consistent, ranging from 1.8 to 2 cm (up to 1.5 cm in the third line). The characters are densely inscribed, with inter-letter spacing mostly

between 2–3 mm, occasionally reaching 5–8 mm. The total width of the writing band is 7.5–7.7 cm.

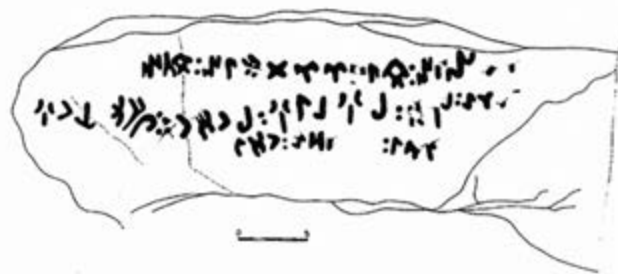

Fig. 2: Sketch of K k Kaya Inscription by I. L. Kyzlasov [Kyzlasov 1998a : 84, Ris.2]

Based on these investigations, Kyzlasov published a decipherment of the inscription in 1998. However, many characters in his transliteration were marked with question marks, making it extremely difficult to grasp the overall meaning.

Fig.3: Irrigation near the K k Kaya Mountain from Southern West direction (by Osawa 2014)

In an attempt to improve this situation, the present author conducted a joint field investigation on July 19, 2012, together with the Russian archaeologist Yu. N. Esin of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, and a Khakass researcher named Eduard. Based on photographs obtained during this survey, a reconstruction of previously undeciphered runic characters was undertaken. The aim of this paper is to present this reconstruction and to clarify the nature and characteristics of the inscription.

Fig.4: Runic script with red ink is situated in the fourth layer from the under the ground (by Osawa 2014)

Fig.5. Runic inscription of the Kök Kaya (by Osawa 2014)

Fig.6: Petroglyphs involving the tamga of the Yenisei Kyrgyz (by Osawa 2014)

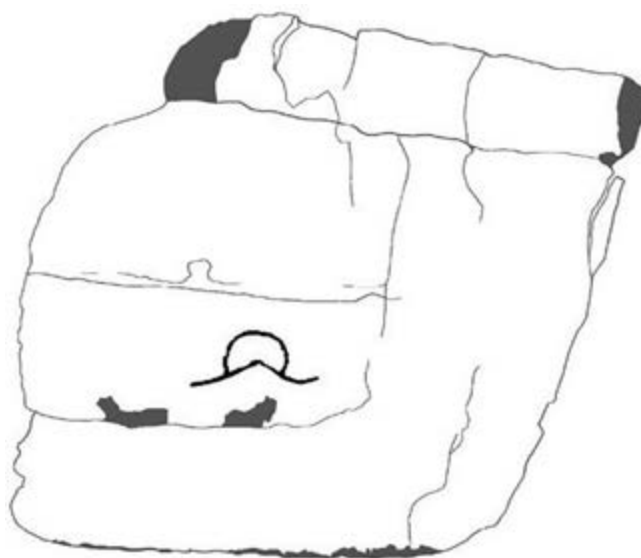

Fig.7: Reconstruction of tamga by Yu. N. Esin

III. Field Investigation and Epigraphic Data

During the field investigation conducted in July 2012, favorable weather conditions allowed the research team to reach the Kök-Kaya rock formation. It is worth noting that D. D. Vasiliev, a prominent Moscow-based philologist specializing in Yenisei inscriptions, recalled that he was unable to reach the site due to poor weather conditions during his visit in the 1980s [Aydın 2014: 41]. It was confirmed that the designation “Kök-Kaya” (“Blue Rock”) derives from the bluish hue observed near the base of the rock formation (Figs. 4–6). The surrounding grassland, now used as pasture, also shows traces of rectangular irrigation channels (Fig. 3). These features may indicate agricultural activity carried out under the control of nomadic groups. Although the precise date is uncertain, one possible context is the medieval Yenisei Kyrgyz period.

As shown in Figs. 7 and 8, the inscription is located approximately in the middle zone of a rock surface about 150 cm in height, with the uppermost line positioned about 70 cm above ground level. Faint reddish characters are visible in the photographs. Below the inscription, petroglyphs depicting humans and animals are present (Fig.4-5).

While it is not uncommon for inscriptions to accompany rock art, and while pigments such as red and black are sometimes used in such contexts, examples of runic inscriptions written in red pigment are rare. In the Mongolian Plateau, parallels may be found in the ink-written runic inscriptions at Taykhar Chuluu in Arkhangai Province; however, such examples are extremely rare in Khakassia.

Kyzlasov described the technique of inscription as follows:

“The characters were not carved with a chisel but written using a hollow tube, and the signs were rendered in red ink. The letters are very small, about the height of a human fingernail. It is likely that the medieval literate individual who produced this inscription used writing implements common at the time, namely a reed pen (known in the East as qalam) and ink stored in a special container to prevent spillage.” [Kyzlasov 2017: 128–129]

However, close observation by the present author revealed that the characters were not simply painted directly onto the rock surface. Rather, their outlines were first incised with a sharp implement such as a chisel or knife, and then traced over with red pigment.

At present, weathering has caused fading, pigment diffusion, and partial exfoliation of the rock surface, making reconstruction difficult in several areas. Indeed, even specialists in runic inscriptions might fail to recognize the presence of text under current conditions.

Given the fragility of the pigment, it was decided not to employ rubbing techniques, which might damage the inscription, but instead to rely on photography and visual observation for sketching. Additionally, petroglyphs depicting humans and animals were identified a few meters to the left of the inscription, along with a tamga (tribal emblem) (Figs. 6–7). Similar tamgas are known from inscriptions in Khakassia and Tuva, and their relationship to the K  k-Kaya inscription will be examined later in this paper.

IV. Reconstruction and Decipherment of the Runic Text

The red inscription exhibits varying degrees of preservation: while some characters retain pigment, others show signs of deliberate damage or scraping. Initially, it seemed difficult to improve upon Kyzlasov's reconstruction. However, enhanced photographs provided by Yu. N. Esin revealed previously unclear character outlines through areas of dark red and blackened discoloration, greatly facilitating decipherment.

From these observations, the following production process was identified:

1. The characters were first incised using a sharp tool such as a chisel or knife.

2. Red pigment was subsequently applied, tracing over the incised lines.

These two steps are crucial for decipherment, as the incised lines remain even where the pigment has faded, allowing for more accurate reconstruction.

The inscription follows the standard right-to-left orientation of runic texts, with lines proceeding from top to bottom. The transliteration, transcription, and translation presented in this paper follow the system established by Moriyasu and Ochir [Moriyasu & Ochir 1999: 119–120].

The reconstruction of the entire inscription has made it possible to correct several readings previously proposed by Kyzlasov, as well as certain reinterpretations by Erhan. Furthermore, characters at the beginnings of lines and in interlinear spaces – whose very existence had not been noted due to the absence of visible red pigment – could be identified not only from traces of pigment but also by following the incised outlines that were likely carved as preliminary drafts with a chisel or similar implement. Through these procedures, the inscription has finally reached a stage at which its contents and characteristics can be meaningfully discussed.

Regarding the number of lines, Kyzlasov identified three lines in total; however, according to the present author's reconstruction, the inscription consists of five lines. The present reconstruction has facilitated the reading of characters in each line and has clarified two previously unrecognized lines (the second and fifth), as well as the initial words of each line. The text proceeds from the upper line to the lower lines. Including the conventional double-dot punctuation marks (:) typical of runic inscriptions, the number of characters in each line is as follows:

Fig.8: General view of K k Kaya inscription (by Yu.N. Esin 2012)

Fig.9: Diagram tracing the runic characters as read by the author from the photograph

Fig.10: Diagram showing only the characters extracted from the reconstructed figure above.

- Line 1: Corresponds to Kyzlasov's first line; 17 characters (originally estimated at 19–20).  sawa identifies 38 characters.

- Line 2: Not mentioned by Kyzlasov;  sawa identifies 60 characters.

- Line 3: Corresponds to Kyzlasov's second line; estimated at 25 (originally 26).  sawa identifies 30 characters.

- Line 4: Corresponds to Kyzlasov's third line; 11 legible (non-contiguous) characters, originally about 14.  sawa identifies 44 characters.

- Line 5: Not mentioned by Kyzlasov;  sawa identifies 8 characters.

2. Decipherment and Annotations

Based on the reconstruction, the transliteration, transcription, and translation are presented below.

Transliteration

(省略せずそのまま維持するのが学術的慣例のため原文通り)

1. Y i T a B W   a b  k m z b n: Y i T a r r d m i n   c i n: b  k m z b n a

2. Y G z y r m a D R L D m Y i T a Y G z y r m a D R L D m s z m a Y i T a  k   n z D m a D R L D m a Y i T a Y G z y r m a

3. Y G z y r m a W G L m: B G L i G: B W D W N: U D z u Q W G

4. b    k m d m Y i T a u Q T m D a: k z b r t m: U D G  k  k   n z D m a Y i T a  k   n z D m

5. s z m a Y i T a

•

Transcription

1. y ta bu a b km z b n: y ta: er erdemin:  c n: b km z b n  

2. yay z yerim   adr ld m y ta yay z yerim  adr ld m  sizm  y ta k n azd m a adr ld m a y ta yay z yerim  

3. yay z yerim   oyl m: bayl y: bodun: uduz uq u ay

4. b km dim y ta oq at mda: k z bertim: uduy:  k k n azd m a y ta k n azd m  sizm   y ta

•

Translation

Alas! How sorrowful! I am not satisfied!
Alas! Because I possessed the valor of a warrior,
I am not satisfied – ah!

O my dark (brown) land – ah! I have parted
from it. Alas! O my dark land – ah! I have parted
from it; how lamentable. Alas! O Sun, I have
wandered (i.e., died)– ah! I have parted – ah!
Alas! O my dark land – ah!

O my dark land – ah! My son! Lead the
people belonging to the clan; understand, reflect,
and rise (to a higher rank).

I was not satisfied. Alas! When shooting
arrows, I gave (you) an arrow without feathers.
Accumulate loyal service! O Sun, I have
wandered – ah! Alas! O Sun, I have wandered.

Alas – ah! How sorrowful!

Notes

Line 1: *bökmâz bân*

Although rare in Old Turkic grammar, this form conforms to the structure “verb stem + -mâz + personal ending,” as noted by Tekin. Semantically, it represents a present-tense variant of the frequently attested funerary expression *bökmâdim* (“I was not satisfied”), commonly used to lament separation from family, kin, tribe, or ruler.

Line 2: *yayîz yerim ä adrildim*

This passage depicts the protagonist lamenting separation from his homeland, including not only the steppe but also mountains and celestial elements such as the sun and moon. The repetition emphasizes attachment to land, possibly including cultivated fields evidenced by nearby irrigation remains.

Line 3: *oylîm*

Previously unidentified, this reading is now clear from remaining traces and refers to the son of the deceased.

Line 3: *baylîy bodun*

The term *bay* has been interpreted as “bond,” “confederation,” or “clan.” Following Mori Masao, it is best understood here as “clan,” and *baylîy bodun* as “people belonging to a clan.” The suffix *-lîy* indicates affiliation (“belonging to”), as demonstrated in Uyghur texts. Thus,

the phrase instructs the son to lead “the people belonging to the clan.”

Line 4: *oq atîmda*

Interpreted as “when shooting arrows,” based on *oq* (“arrow”) and *atîm* (“shooting”).

Line 4: *kez bertim*

Refers to giving a special arrow, possibly symbolic of warrior initiation.

Line 4: *uduy: ük*

Meaning “accumulate obedience/loyal service,” interpreted as an imperative directed toward the son.

IV. Characteristics and Dating of the Inscription

1. Form and Content

From its content, this inscription clearly belongs to the genre of funerary inscriptions in which the deceased speaks in the first person, lamenting separation from family and kin. Kyzlasov interpreted certain terms as philosophical or Manichaeism and suggested a connection to Manichaeism in Khakassia. However, the present reading demonstrates that these interpretations are incorrect. No Manichaean terminology appears in the inscription, nor does it exhibit any discernible religious character.

Rather, the inscription is best understood as a funerary text expressing the regrets of the deceased, conveyed through a dialogic form between the dead and the living, possibly mediated by shamanistic practices.

Although the use of red pigment is indeed distinctive among Yenisei inscriptions, it does not necessitate a connection with Manichaeism. The pigment likely contains iron, but its precise composition and origin remain unknown. Given the existence of numerous red-painted rock images in Khakassia since prehistoric times, it is plausible that local materials were used.

Social Status of the Protagonist

The speaker of the inscription appears to have been a leader who commanded a *baylîy bodun*, that is, a group of people belonging to a clan. The inscription indicates that this leadership role was to be inherited by his son.

The term *bay* is attested only in Yenisei inscriptions and has been interpreted as “clan,” consisting of a leader (*bäg*) and his subordinate people (*bodun*). Comparisons with other inscriptions, such as the Uyuk-Tarlag inscription (E1), suggest that individuals leading such groups could hold titles such as *beg* and even serve as envoys of the Kyrgyz Khaganate.

Accordingly, the protagonist of the Kōk-Kaya inscription was likely a figure of considerable status – probably a tribal leader commanding multiple clan-based groups.

V. The Form of the Tamga and Its Relationship to the Inscription (Fig.6)

As mentioned above, on the rock surface approximately 2 meters to the left of the Kōk-Kaya inscription, a single tamga associated with the medieval Kyrgyz is engraved alongside Bronze Age petroglyphs. It is difficult to determine the relationship between this tamga and the Kōk-Kaya inscription.

Ordinarily, on the Yenisei inscriptions carved on stone stelae, tamgas are engraved either to the left and right or above and below the inscription, serving as emblems of the tribe to which the protagonist or the engraver belonged. Even in the case of inscriptions carved on rock faces, tamgas are usually engraved immediately adjacent to the text, and in such cases there is no doubt that the tamga is closely related to the inscription. However, in the case of the Kōk-Kaya inscription, the tamga is not engraved directly beside or above/below the text, making it difficult to directly associate the two.

What can be said, however, is that the tamga may either represent the tribal emblem of the individual commemorated in the inscription, or alternatively, it may belong to nomadic groups who visited the site after the inscription was carved.

Typically, the horse-brand tamga well known among the Kyrgyz is described in the “Marks on the Horses of Foreign Peoples” (Zhufan ma yin) in juan 72 of the *Tang Huiyao*. In the context of the Mongolian Plateau, it resembles the tamga attributed to the Boqu (僕固, *boqu*) tribe within

the Uyghur tribal confederation (*Tang Huiyao*, Shanghai Ancient Books Publishing House, 1991: 1546). Furthermore, tamgas resembling the Chinese character 「出」 are frequently found on inscriptions and rock carvings discovered in Tuva and Khakassia. This fact was evidently known to the Tang court, as indicated by the following record:

“The horse brand of the Kyrgyz resembles that of the Quliqan, though somewhat inferior; it is marked with the sign ‘chu’ (出).” (*Tang Huiyao*, juan 72, Shanghai Ancient Books Publishing House, 1991: 1546)

In contrast, the tamga carved on the Kōk-Kaya rock exhibits a highly distinctive form. To the best of my knowledge, similar tamgas are found in southern Khakassia on the right bank of the middle Yenisei River, opposite Sayanogorsk, in the Označenija I inscription (E25), the Označenija II inscription (E104), and the Abakan inscription (E48) discovered near the city of Abakan [Kormushin 1997: 32]. In Tuva, a similar tamga can also be identified in the Kemchik-Kaya-Bashi inscription (E24).

The Kaya-Bashi rock inscription has been previously discussed by the author and is notable for containing a text engraved in mirror script among the runic inscriptions. At present, much of the rock face has collapsed, and according to information provided by Vasil’ev, who investigated the site in the 1970s, even at that time parts had already fallen away, leaving only fragmentary traces of the inscription.

Based on Malov’s reading, derived from Radloff’s late 19th-century sketches, the fifth line reads as follows:

(translation of inscription preserved as in original)

This inscription relates to a *beg* bearing the title Inanču Külüg Čigši (< Ch. *cishi*, 刺史). Notably, the protagonist is described as a *beg* bearing the title Čigši and originating from the Keštem tribe, which consisted of “six clans” (*altı bay*).

The Keštem tribe is also mentioned in mid-8th century Tibetan sources as one of the five tribes constituting the Basmil confederation. Following the destruction of the Second Turkic Khaganate in 744 by the alliance of the Basmil,

Karluk, and Uyghur, the Karluk and Uyghur subsequently allied to eliminate the Basmil khagan. Due to its strength, the Keštem tribe could not be incorporated into the Karluk polity [Moriyasu 1972: 6, 25–27].

The social status of the protagonist in this inscription closely resembles that of the Kōk-Kaya inscription, and the similarity in tamga types suggests some form of connection between the two. However, since the Kemchik River basin is geographically distant from the Kōk-Kaya site, it remains uncertain whether emissaries of the Keštem tribe ever visited this location.

On the other hand, it is also worth considering the possibility that the three inscriptions bearing the same tamga type discovered in Khakassia are connected to the protagonist. These inscriptions were all erected in the middle Yenisei region. The author visited the discovery site of the Označenija I inscription in May 2014, but due to road construction, the original setting had already been significantly altered.

Geographically, Kōk-Kaya lies west of the Označenija sites and southwest of the Abakan inscription site, distances that would not have posed significant obstacles for mounted nomads. The Označenija I inscription commemorates the “renowned Totoq Čekun,” while the Označenija II inscription is too fragmentary to interpret beyond identifying it as a funerary monument. In contrast, the Abakan inscription commemorates Bilge Totoq of Teriš (commander of the eastern army), praising his military achievements [Kormushin 2017: 64–67].

The title *Totoq* was clearly bestowed upon tribal leaders among the Kyrgyz nomads. The presence of such tamgas suggests that high-ranking Kyrgyz figures or their relatives visited the site, reinforcing the interpretation that the protagonist of the Kōk-Kaya inscription was a prominent figure within Kyrgyz society.

VI. Conclusion

In this study, based on field investigations conducted by the author, the runic inscription

written in red pigment was carefully reconstructed from photographic documentation, followed by transliteration, transcription, and translation. As a result, it has become clear that the Kōk-Kaya inscription is a funerary monument dedicated to a warrior of high status within the Kyrgyz tribal hierarchy.

Therefore, Kyzlasov’s interpretation – identifying certain expressions in the inscription as Manichaean terminology and arguing for the spread of Manichaeism into Khakassia – is entirely misguided. The inscription is instead composed in the first person, expressing the lament of the deceased and addressing surviving family members and subordinates.

The role of mediating such messages from the deceased to the living – likely through invocation of the heavenly deity Tengri in a trance state – would have been fulfilled by a shaman. From this perspective, the worldview underlying the inscription can be understood as fundamentally shamanistic, consistent with the broader traditions of the nomadic cultures of northern Eurasia.

However, many aspects remain unclear, including the composition and origin of the red pigment and the reason why it was used for this inscription. These issues remain topics for future research.

Acknowledgements

The field investigation and photographic analysis of this inscription were greatly supported by Mr. Yu. N. Esin (Yury Nikolaevich Esin), senior research fellow of the Department of Archaeology at Khakass Research Institute for Language, Literature, and History in Abakan. I would like to express my sincere gratitude.

This study forms part of the results of the JSPS Grant-in-Aid for Scientific Research (C) (2014), “Field Investigation and Historical Study of Inscriptions and Sites Related to the Southward Expansion of the Ancient Kyrgyz around the 9th–10th Centuries” (JP25370832).

Литература

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: тексты и исследования. Москва: Наука. 1997. 303 с.

- Кормушин И. В.** Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. Москва: Наука. 2008. 342 с.
- Кызласов И. Л.** Рунические письменности евразийских степей. Москва: Восточная литература РАН, 1994. 327 с.
- Кызласов И. Л.** “Калям на Енисее (чернильная руническая надпись из Хакасии).” Казань, Татарская археология, 1998 (а).2 (3). С. 73–86.
- Кызласов И. Л.** В Сибирю неведомую за письменами таинственными. Абакан: отдел издательской деятельности ХРИПКиПРО. «РОСА», 1998 (b). 76 с.
- Кызласов И. Л.** Енисейская письменность древнехакасского государства. Москва–Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2017. 156 с
- Кызласов Л. Р.** История Тувы в средние века. Москва: Изд-во Московского университета, 1969. 212 с.
- Кызласов Л. Р.** Древняя Тува: от палеолита до IX в. Москва: Изд-во Московского университета, 1979. 207 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.** Народные рисунки хакасов. Москва: Наука, 1980. 176 с.
- Малов С. Е.** Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. Москва–Ленинград: АН СССР, 1952. 116 с.
- Осава Т., Мухарева А. Н., Есин Ю. Н.** “Новая руническая надпись...”//*Научное обозрение Саяно-Алтая* 2017. 1 (8). С. 53–56.
- Abdiev, T. K., Abdiev T. K.** Таинственная находка: Каракольская надпись. // Эпиграфика Востока. Москва: Изд-во Академии наук СССР, 2015. XXXI. С. 3–11.
- Aydın, Erhan** “Yenisey yazıtları nasıl tarihlendirilebilir?” *Turkish Studies*, 2012. 7/2: 161–168.
- Aydın, Erhan. Yenisey yazıtları, Kırgızstan yazıtları ve ırk bitig. Ankara: BilgeSu, 2013
- Aydın, Erhan. “Kök haya (Hakasya) yazıtı üzerinde yeni okuma ve anlamlandırmalar.”//*Gazi Türkiyat Türkoloji Araştırmaları Dergisi*, 2014. Vol. 14. Pp. 41–46.
- Aydın, Erhan. Yenisey yazıtları. Konya: Kömen, 2015. 252 s.
- Clauson, Gerard.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Dankoff, Robert & Kelly, James.** Mahmūd al-Kāsharī: Compendium of the Turkic Dialects (Dīvān Lugāt at-Turk). Harvard University, 1982–1984.
- Erdal, Marcel** Old Turkic Word Formation, Wiesbaden: Harrassowitz, 1991. Vols. I–II.
- Kormuşin, İ. V.; Rysbek, Alimov (trans.). Yenisey Eski Türk Mezar Yazıtları. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2017.
- Kradin, N. N.** et al.. “Khermen Denzh Town in Mongolia.” *The Silk Road*, 2015. 13: Pp. 95–103.
- Mori, Masao** “Tetsuroku shobu ni okeru eltäbär, irkin gö no kenkyū.” (Studies on the titles of Elteber and Irkin of the Teilei tribes), In *Kodai Toruko minzokushi kenkyū* (Historical studies of the Ancient Turkish Peoples) I. Tokyo: Yamakawa Shuppansha, 1967. Pp. 398–438.
- Mori, Masao** “Kodai Churuku no shakai kōzō.” (The society of Ancient Turkic social structure), In *Kodai Toruko minzokushi kenkyū* I. Tokyo: Yamakawa Shuppansha, 1967. Pp. 94–160.
- Moriyasu, Takao.** “Chibetto-go shiryōchū ni arawareru hoppō minzoku: DRU-GU to HOR.” (The Northern peoples on the Old Tibetan Sources- Durugu and Hor-), *Ajia Afurika Gengo Bunka Kenkyū* (Study on the Asian and African Languages), 1977. 14: Pp.1–48.
- Moriyasu, Takao & Ochir.** *Mongoru-koku genzon iseki hibun chōsa kenkyū hōkoku.* (Report on the researches of the Sites and Inscriptions in the Mongolia), Chūō Yūrajia Kenkyūkai (Central Eurasian Studies).Osaka University, Toyonaka. 1999.
- Ōsawa, Takashi** “The problem and cultural background of runic mirror scripts”, Berlin: Klaus Schwarz, 2015. Pp. 131–148.
- Ōsawa, Takashi.** “Baga Khaikhan san no Tujue hibun saikō” (Revisiting of the Baga Khaikhan Runic Inscription in Mongolia), *Kindai Kōko* (Archaeological Journal of Kanazawa University), 2024. 84. Pp.12–56.
- Osawa, Takashi** “Ötüken Uygur Kağanlığı’nın kuruluşunda Karlukların katkısı” (Contribution on the establishment of Old Uighur Kaghanate in Ötüken Mountains), *Türklük Bilgisi Araştırmaları* (Harvard University), 2021–1. Pp. 401–436.
- Pulleyblank, E. G..** *Lexicon of Reconstructed Pronunciation...* Vancouver: UBC Press. 1991.
- Radloff, W.** *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei.* St. Petersburg. 1895.
- Saitō, Shigeo** “Chūgoku Kokka Toshokan shōzō Min shōhon ‘Tō Kaiyō ’, *Nairiku Ajia Gengo no Kenkyū*, 2025. XL. Pp. 131–150.
- Saguchi, Tōru** (trans.) “Kaikotsuden.” (Account of the Uighurs (Huihu zhuan)), In *Kiba minzokushi* (History of nomadic equestrian peoples of the Eurasian steppe. Tokyo. 1972. 2. Heibonsha.
- Shiratori, Kurakichi.** “Usun ni tsuite no kō.” (Historical study of the Wusun tribe) In *Shiratori Kurakichi zenshū*, 1970.6. Pp. 1–87.

Tekin, Talat Orhon Yazıtları. Ankara: Türk Dil Kurumu. 1988.

Tekin, Talat. *Orhon Türkçesi grameri.* Ankara: Türk Dil Kurumu. 2000.

Васильев Д.Д. *Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея.* Ленинград: Наука, 1983.

Yıldırım, F.; Aydın, E.; Alimov, R. *Yenisei-Kırgızistan Yazıtları ve İrk Bitig.* Ankara: BilgeSu. 2013.

ПРОБЛЕМЫ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ

УДК 903.2:669.1 (571.513)

«СКРОМНЫЙ ЛИСТОК ИЗ МОЕГО ПОЖЕЛТЕВШЕГО СИБИРСКОГО ДНЕВНИКА»: ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ Г. МЕРГАРТА В 1920 г.¹

Е. И. Майзик^а, Н. П. Макаров^б, А. С. Вдовин^с

^а*Институт археологии РАН, Москва, Россия; ORCID ID: 0000-0002-3548-0142*

^б*Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, Россия; ORCID ID: 0000-0003-3221-5359*

^с*Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, Россия; ORCID ID: 0000-0002-5983-2114*

Статья посвящена малоизвестному аспекту археологических исследований австрийского учёного Геро Мергарта в Хакасско-Минусинской котловине в 1920 г., связанного с изучением памятников древней металлургии железа. В ходе разведки по долине Енисея от Минусинска до Красноярска Г. Мергартом совместно с Г. П. Сосновским была раскопана железоплавильная печь на оз. Тагарском, обнаружены многочисленные скопления железных шлаков на дюнных стоянках, а также исследовано погребение мастера-литейщика у пос. Означенное. Впервые в научный оборот вводится полный комментированный перевод статьи Г. Мергарта «Железоплавильная печь на Енисее» (1929), опубликованной в журнале «Eurasia Septentrionalis Antiqua». Анализируется значение этих работ для становления археологической металлургии как направления в изучении древностей Южной Сибири, а также их связь с последующими исследованиями Я. И. Сунчугашева.

Ключевые слова: Г. К. Мергарт, Я. И. Сунчугашев, Хакасско-Минусинская котловина, археологическая разведка, 1920, древняя металлургия, железоплавильная печь, оз. Тагарское, Енисей, археология Южной Сибири.

“A HUMBLE LEAF FROM MY YELLOWED SIBERIAN DIARY”: GERO VON MERHART’S STUDIES OF ANCIENT METALLURGY IN THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN IN 1920

E. I. Mayzika, N. P. Makarovb, A. S. Vdovinc

aInstitute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

bKrasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Krasnoyarsk, Russia;

cKrasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Krasnoyarsk, Russia;

The article examines a little-known aspect of the archaeological research conducted by Austrian scholar Gero von Merhart in the Khakass-Minusinsk Basin in 1920, related to the study of ancient iron metallurgy sites. During a survey along the Yenisei valley from Minusinsk to Krasnoyarsk, Merhart, together with G. P. Sosnovsky, excavated an iron smelting furnace at Lake Tagarskoe, discovered numerous concentrations of iron slag at dune sites, and investigated the burial of a metalworker near the settlement of Oznachennoe. A full annotated Russian translation of Merhart’s article “An Iron Smelting Furnace on the Yenisei” (1929), published in the journal *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, is introduced into scholarly discourse for the first time. The article analyzes significance of these works for the formation of archaeological metallurgy as a research field in the study of South Siberian antiquities, as well as their connection to the subsequent studies by Ya. I. Sunchugashev.

Keywords: Gero von Merhart, Ya. I. Sunchugashev, Khakass-Minusinsk Basin, archaeological survey, 1920, ancient metallurgy, iron smelting furnace, Lake Tagarskoe, Yenisei, archaeology of South Siberia.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 25–18–00790 «Отечественная археология в системе международных научных коммуникаций между двумя мировыми войнами»

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 25–18–00790 “Russian Archaeology in the System of International Scientific Communication between the Two World Wars”

Введение

Яков Иванович Сунчугашев (1926–1996) является одним из крупнейших исследователей древней истории Южной Сибири. Его перу принадлежат ряд монографических работ, посвященных металлургии и горному делу [Сунчугашев, 1969, 1975, 1979]. Яков Иванович заслужено является признанным авторитетом в этой области, а его труды не утратили научной значимости и сегодня.

Между тем одним из предшественников Я.И. Сунчугашева в изучении древней металлургии Хакасско-Минусинской котловины был австрийский археолог Геро Мергарт (1886–1959), чьи исследования 1920 г. по праву можно считать одними из первых профессиональных обращений к этой теме в Приенисейской Сибири. В своей работе «Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа» Яков Иванович в историографическом обзоре лишь упоминает небольшую статью Г. Мергарта [Сунчугашев, 1979, с. 7] и в тексте дает краткое описание железоплавильного горна на оз. Тагарском [Сунчугашев, 1979,

с. 104]. Однако контекст этих исследований, их место в экспедиционной программе 1920 г., а также полный текст публикации Г. Мергарта остаются малоизвестными. Настоящая статья ставит целью ввести в научный оборот материалы, связанные с изучением Г. Мергартом памятников древней металлургии в ходе разведочной экспедиции по Енисею в 1920 г.

В 1920 гг. Мергарт вместе с Г.П. Сосновским провёл масштабную разведку в долине Енисея от Минусинска до Красноярска, в ходе которой были исследованы десятки памятников, часть которых, была раскопана. Исследованные памятники в последствии были опубликованы Г. Мергартом, по возвращению на родину [Merhart, 1923a; 1923b; 1924]. Среди них и статья, посвященная древней металлургии [Merhart, 1929].

Среди обследованных объектов особое место занимают памятники, связанные с древней металлургией железа. Их можно разделить на три категории: 1) железоплавильные печи; 2) скопления железных шлаков

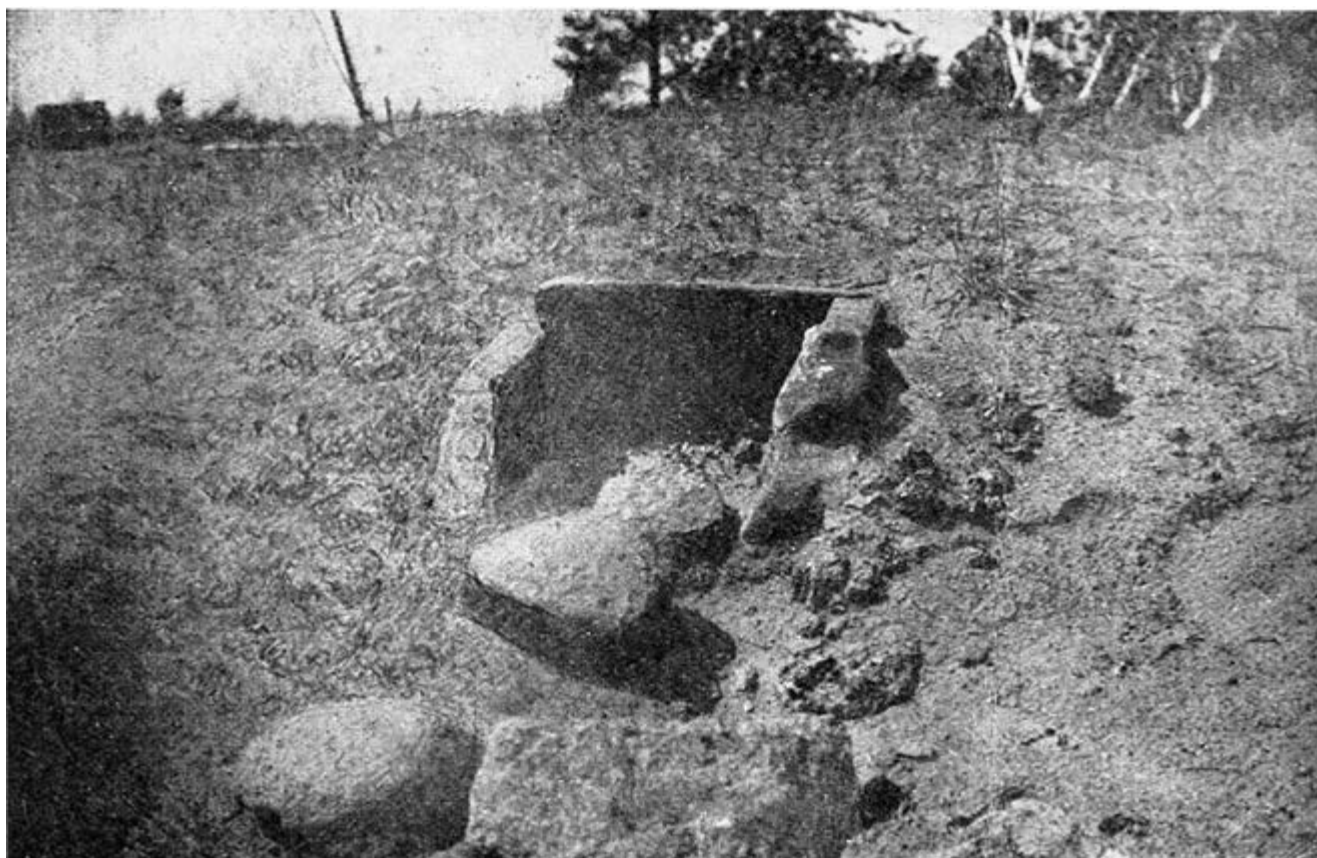

Рис. 1. Железоплавильная печь в окрестностях Минусинска

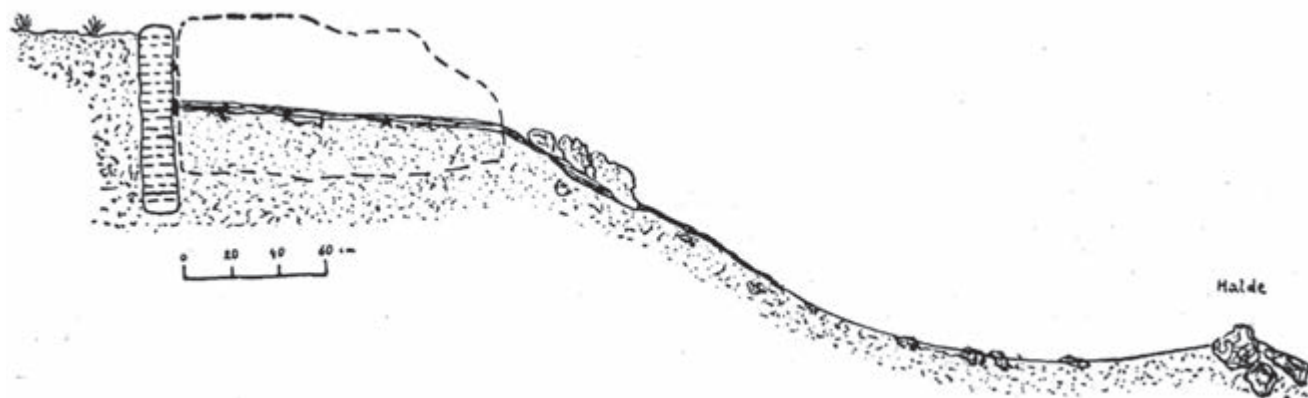

Abb. 2. Lage des Ofens.

Рис. 2. Расположение печи

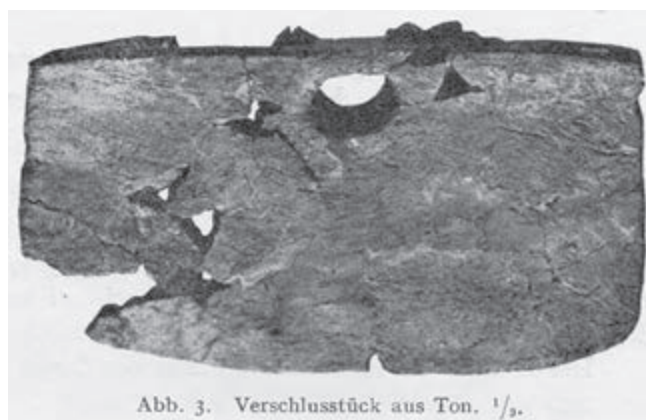

Abb. 3. Verschlussstück aus Ton. $\frac{1}{3}$.

Рис. 3. Глиняная заслонка. $\frac{1}{3}$.

на дюнных стоянках; 3) погребения с металлургическим инвентарём. Наиболее значимым открытием в области древней металлургии стала раскопка железоплавильной печи на оз. Тагарском.

Во время возвращения Г. Мергарта на родину он встречался со многими русскими археологами, в том числе с А. А. Спицыным [Детлова, 2008, с. 241–246]. Это дало основание А. М. Тальгрёну в 1929 г. предложить Г. Мергарту принять участие в специальном выпуске финского журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua», посвящённого А. А. Спицыну. Приведенный ниже перевод статьи, по нашему мнению, представляет не только историографический интерес, а также раскрывает примеры творческой лаборатории Г. Мергарта, тщательность и обращение к деталям, даже самых малоинформативных археологических объектов. Г. Мергарт

не только дает детальное описание объекта исследования, а первоначально обращается к истории вопроса, поиску аналогий. Здесь мы видим ссылки на работы участников первых академических экспедиций XVIII века: С. Г. Гмелина (1745–1774) и П. С. Палласа (1741–1811), а также на собственные наблюдения и исследования в окрестностях г. Красноярск.

Завершая свою статью, он написал: «В бесчисленных бесценных записных книжках¹, которые Вы, глубокоуважаемый юбиляр, собрали за жизнь, полную образцовой преданности нашей науке, возможно, найдется что-то соответственное и по этому поводу. Это не более чем скромный листок из моего пожелтевшего сибирского дневника, который я могу преподнести, но я преподношу его с неизгладимой благодарной памятью о сердечном гостеприимстве, с которым Вы приняли бывшего военнопленного, и о великолепной щедрости, с которой Вы открыли ему доступ к Вашим сокровищам» [Merhärt, 1929, p. 193].

Заключение

Описанная Г. Мергартом железоплавильная печь оказалась не единственным свидетельством древней металлургии, выявленным в ходе разведки 1920 г. На большинстве памятников, осмотренных исследователями, найдены многочисленные железные шлаки, свидетельствующие о широком распростра-

¹ Вероятно, речь идет о «спицынских корочках» – картотека Александра Андреевича Спицына (1858–1931).

Рис. 4. Инвентарь погребения мастера-литейщика у пос. Означенное.

1-3, 7, 8 – железо, 4 – бронза, 5 – береста, 6 – кожа

нении местного металлургического производства. Кроме того, у пос. Означенное было раскопано погребение мастера-литейщика позднего Средневековья – нового времени (рис. 4). О продолжающейся специализации в металлургии железа говорят железные наковаленка и молоток. О влиянии русского населения говорит находка проушного топора русского типа. Появление нового конкурента в железоделательного производства не сразу изменило традиционный подход аборигенного населения в выплавке металла. Мастер не экономит железа на изготовлении традиционных типов изделий: стремян, сбруйных украшений, ножей. Также в погребении

Означенное найдена массивная железная сковорода.

Работы Г.К. Мергарта и Г.П. Сосновского 1920 г. дали новый импульс изучению древней металлургии Енисея. Десятилетия спустя эти исследования были блестяще продолжены Я.И. Сунчугашевым, поднявшим данное направление на качественно новый уровень. Введение в научный оборот полного перевода статьи Г. Мергарта и архивных материалов экспедиции 1920 г. позволяет полнее представить истоки археологического изучения металлургии в Хакасско-Минусинской котловине и оценить вклад каждого из исследователей в формирование этого направления.

ЖЕЛЕЗОПЛАВИЛЬНАЯ ПЕЧЬ НА ЕНИСЕЕ¹

В Минусинском уезде, между Тагарским озером и Енисеем, примерно с востока на запад на ширину в несколько верст тянутся гряды дюн с редкой древесной растительностью, которые, впрочем, в не столь далеком прошлом, вероятно, были покрыты густым лесом. На это указывают как многочисленные крупные корневища, так и тот факт, что возобновившемуся процессу движения дюн, очевидно, предшествовал длительный период покоя.

Описываемая здесь плавильная печь была найдена у гребня массивной дюны, но все же на ее южном склоне. Она представляла собой приблизительный четырехугольник, три стороны которого были образованы плитами из песчаника, а четвертая, самая короткая, обращенная на юго-восток, была открытой и выходила на понижающийся склон. Самая длинная ось проходит по N 53 W (скорректир.) и имеет внутренний размер около 110 см (рис. 1–2). Внутренняя ширина у задней стенки составляет 75 см, у устья – 50 см. Плиты (толщиной 12–20 см, длиной 90–120 см, высотой 80–90 см), в некоторой степени обработанные, вполне могли быть взяты с курганов, которые в большом количестве лежат недалеко к юго-западу, однако, похоже, что скудные выходы песчаника, хотя и плохого качества, имеются и в районе дюн.

Из общей высоты плит обсадки только около 30 см выступали внутрь печи (после расчистки); до 50 см с обеих сторон уходили в дюнный песок, который, кроме того, снаружи доходил почти до верхнего края камней. Глубокая посадка прочно удерживала плиты на месте. В швах задней стенки еще едва заметны следы глиняной обмазки. Дно, опускающееся от задней стенки к устью примерно на 10°, было сложено из глины с песком, обожженной до твердых красных комьев и слегка ошлакованной. В задней

части оно было разрушено мощным корнем, однако следы воздействия огня на стене над ним и спекшаяся глина в швах позволили четко определить его бывшую высоту. У открытой стороны это обожженное докрасна глиняно-песчаное дно выходило за пределы печи и вело в неглубокий широкий желоб, идущий примерно на метр вниз по склону. С востока он был ограничен грудой кусков шлака, а с запада его граница была нечеткой. В нижнем конце этого выпускного канала песок был сильно окрашен углем и там было много кусков шлака. Шлак здесь, несомненно, вытекал еще раскаленным в песок, так как комья во многих местах покрыты корками остеклованного и спекшегося песка. Настоящий шлаковый отвал начинается в 3 метрах от края печи и его можно проследить, хотя он по большей части погружен в песок и развеян, в виде полуконуса с длиной основания около 25 шагов. Куски большие и довольно тяжелые. Выход железа, вероятно, был весьма неполным.

Никаких следов надземной части печи обнаружить не удалось. Лишь четыре обломка конгломерата, два из которых лежали на шлаковом желобе, третий, самый большой (65:25:30 см), у его нижнего конца, а четвертый – восточнее, могли принадлежать к заслону передней стороны. В любом случае, они лежат во вторичном и случайном положении. Еще один кусок, почти караваеобразной формы, по-видимому, состоит из сплошных капель шлака (слева от большого обломка конгломерата на рис. 1).

В окрестностях печи были найдены только куски шлака, небольшой обломок железной руды, сильно изношенный гранитный валун и более крупный плоский галечник с легким углублением от ударов. В 150 шагах к юго-западу находилось второе плавильное место, от которого, однако, сохранились только от-

¹ Merhärnt, G. von. Ein Eisenschmelzofen am Jenissei / Gero von Merhärnt // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1929. Vol. IV. P. 189–193. Перевод с немецкого.

вал и обожженная глиняная площадка, а также место для дробления руды с кусочками руды и использованными камнями. Здесь же, в качестве единственного возможного указателя времени, нашлись несколько гладких, хорошо обожженных черепков позднего железного типа, которые, однако, вряд ли можно точнее определить.

К этому простому наблюдению вряд ли можно много добавить. Насколько я могу судить, последнее подробное сообщение о плавильной печи на Енисее восходит ни к кому иному, как к Гмелину. В 3-м томе «Путешествия по Сибири» на стр. 299 говорится: «В окрестностях этих юрт (Лукашицкие [Лугавские] на ручье Луказа, в 9 верстах выше впадения в Енисей) видны то здесь, то там в лесу углубления в земле, которые отчасти имеют около сажени в квадрате, иные же заметно меньше, но и те, и другие встречаются в очень большом количестве. У первых обычно видны торчащие камни, которые при их первоначальном обнаружении считали остатками плавильных печей древних жителей. 15-го числа сего (сентября 1739 г.) мы из любопытства велели одну из этих плавильных печей полностью расчистить и вскрыть, чтобы получить о ней ясное представление. Она была продолговатой формы и сложена из плит, которые были примерно в один локоть высотой, столько же шириной и в полтора локтя длиной. Стыки плит были заделаны землей и песком, и отсюда легко понять причину, почему печи должны были строиться в земле, а именно, чтобы иметь опору от окружающей земли, поскольку от глины они ее не имели. Задняя стенка печи уходила не так глубоко, как боковые, и ниже имела просто землю. Передние концы боковых стенок, чтобы они держались крепче, были с обеих сторон обложены большими кусками шлака и камнями. Таким образом, печь состояла из трех стенок. Были ли меха пристроены сзади или спереди, от этого не осталось никаких следов. Можно было бы представить, что задняя стенка потому была сделана не такой глубокой, чтобы под нею еще оставалось место для меха. Как бы

то ни было, плавка, должно быть, была очень трудоемкой.

В окрестностях этих печей находятся большие кучи шлака, большинство из которых похожи на железные, а некоторые немногие – на медные шлаки. Никто до сих пор из любопытства не пробовал [узнать], содержат ли шлаки еще что-нибудь. О том, что прошло большое количество лет с тех пор, как производилась плавка, можно судить и по тому, что между камнями, из которых сложены печи, находятся большие проросшие корни елей».

Паллас (III. i S. 395) сообщает, что такие печи лежат также «вокруг Тубы, и даже до Абаканска в лесах», но в остальном ссылается на описание Гмелина. То, что «старый железный лемех плуга особой формы... недалеко от Лугазы у таких отвалов» был найден, – это слишком неопределенное сообщение, чтобы оно могло помочь нам в датировке печей. Правда, находка не противоречит нашим единичным черепкам, однако следует учесть, что поблизости находится крупное городище Лугавское, поэтому при неточном указании легко возможно смешение находок.

Старое описание настолько совпадает с результатами моих раскопок, проведенных 181 год спустя, что приведенные здесь изображения почти могут служить иллюстрациями к сообщению Гмелина. То, что для нашей печи подача воздуха с задней стороны не может рассматриваться, можно заключить из ее расположения на склоне. Также и здесь нижний край задней плиты сидит отчасти даже несколько глубже, чем у боковых плит. Далее, наблюдение может привести к выводу, что передняя стенка печи каждый раз возводилась заново и разбиралась для извлечения крицы. Судя по наличию капель шлака и состоянию обожженного выпускного желоба, она должна была иметь глазок или, по крайней мере, летку, через которую вытекал верхний, более легкоплавкий шлак. Вводилось ли отсюда же дутье, определить невозможно. Расположение устья печи на склоне и на юг позволяет также допустить мысль о естественной подаче воздуха через поддувало. Кроме того, не исклю-

чено, что фурмы находились в надстройке над плитным основанием. Об этой надстройке мы ничего сказать не можем. То, что 30 см внутренней высоты и верхнее отверстие 100–75 см не позволяют ни загрузить достаточное количество угля и руды, ни обеспечить правильную тягу, кажется ясным. Но для реконструкции постройки настолько не хватает данных, что любое высказывание на этот счет было бы не более чем использованной возможностью привести литературные цитаты.

Вместо таковых лучше сообщу еще об одной относящейся к делу находке, которая, будучи найдена на городище Монастырь у Красноярска, попала в Музей Приенисейского края еще до моей службы (рис. 3). Стоянка дала находки почти всех периодов вплоть до ранней истории, однако небольшая раскопка, которую Г.П. Сосновский и я предприняли на месте находки¹, не дала никаких разъяснений относительно предмета или доказуемых сопутствующих находок. Однако сейчас же станет ясно, что находка является «железного века».

Вся в целом прямоугольная глиняная плита (рис. 3) имеет 26,5 см в длину, 14,5 см в наибольшей высоте и у верхнего края 4 см, а у слегка дугообразного нижнего края 0,8 см в толщину. Поскольку внутренняя поверхность (на рисунке обратная) стоит под прямым углом к верхней узкой поверхности, а внешняя поверхность отступает от слабо выступающей верхней каймы и со скосом опускается к нижней стенке, то поперечное сечение представляет собой односторонне скошенный клин. Отверстие у верхнего края имеет в диаметре 2,5 см внутри и 3,5:2,5 см снаружи. Внутренняя сторона плиты в верхней половине, особенно вокруг отверстия, покрыта шлаковой инкрустацией; у нижнего же края в остатках сохранилось почти чистое металлическое железо.

Наконец, изломы куска позволяют установить, что естественный желто-коричневый цвет обжига глины сохранился только на внешней стороне и на небольшой глубине под поверхностью. По направлению к внутренней стороне быстро нарастает интенсив-

ная красная окраска, а внутренняя поверхность местами выглядит ошлакованной или пузырчато вспученной.

Таким образом, этот предмет можно назвать заслонкой плавильной печи в передней стенке. Если я правильно оценил несколько продольных царапин на верхней узкой поверхности и учту, что на этой же поверхности ближе к внутреннему краю еще сидит шлак, то можно заключить, что плита вставлялась сбоку в закрываемое отверстие и еще частью верхней поверхности выступала внутрь печи. Таким же образом вытащить ее, конечно, уже было нельзя, иначе шлак с внутренней стороны, должно быть, был бы содран.

Мне не известно никаких параллелей этому предмету. Но в бесчисленных бесценных записных книжках, которые Вы, глубокоуважаемый юбиляр, собрали за жизнь, полную образцовой преданности нашей науке, возможно, найдется что-то соответственное и по этому поводу. Это не более чем скромный листок из моего пожелтевшего сибирского дневника, который я могу преподнести, но я преподношу его с неизгладимой благодарной памятью о сердечном гостеприимстве, с которым Вы приняли бывшего военнопленного, и о великолепной щедрости, с которой Вы открыли ему доступ к Вашим сокровищам.

Марбург, 9. I. 1929.

Литература

- Детлова Е.В.** Геро фон Мергарт и А.А. Спицын // История и практика археологических исследований/Ред.: Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов. СПб.: С.-Петербург. ун-т. 2008. С. 241–246.
- Сунчугашев Я.И.** Горное дело и выплавка металлов в древней Туве / МИА № 149. М.: Наука, 1969. 140 с.
- Сунчугашев Я.И.** Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975. 173 с.
- Сунчугашев Я.И.** Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 192 с.
- Merhart G.** The palaeolithic period in Siberia: Contributions to the prehistory of the Jenissei

¹ Экскурсия 11–12 мая 1920 г.

region//American Anthropologist. 1923 a. Vol. 25. No. 1. P. 23–55.

Merhart G. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe//SMYA. 1923b. T. 34. 1. S. 2–46.

Merhart G. Beiträge I. Die Gruppe der Kurgane mit Platten-Einzelgrab//SMYA. 1924. T. 35. 2. S. 3–19.

Merhart G. von. Ein Eisenschmelzofen am Jenissei//Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki, 1929. Vol. IV. P. 189–193.

ПЕРЕПИСКА М.П. ГРЯЗНОВА С АЛТАЙСКИМИ АРХЕОЛОГАМИ

О. В. Стяжкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; ORCID:0000-0003-4698-2866

В статье на основе материалов Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН анализируется комплекс переписки выдающегося ленинградского археолога М.П. Грязнова с исследователями Алтая С.М. Сергеевым, Б.Х. Кадиковым и А.Д. Сергеевым (1920–1960-е гг.). Автор раскрывает роль М.П. Грязнова как научного наставника и ключевого эксперта для нескольких поколений алтайских археологов. Особое внимание уделяется механизмам взаимодействия столичных и региональных научных центров.

Ключевые слова: М.П. Грязнов, С.М. Сергеев, Б.Х. Кадиков, А.Д. Сергеев, археология, переписка

M. P. GRYAZNOV'S CORRESPONDENCE WITH ALTAI ARCHAEOLOGISTS

O. V. Styazhkina

Altai State University, Barnaul, Russia

Based on materials from the Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (IIMC RAS), this article analyzes the corpus of correspondence between the prominent Leningrad archaeologist M. P. Gryaznov and Altai researchers S. M. Sergeev, B. Kh. Kadikov, and A. D. Sergeev (1920–1960). The author shows M. P. Gryaznov's role as a scientific mentor and key expert for several generations of Altai archaeologists. Particular attention is paid to the mechanisms of interaction between metropolitan and regional scientific centers.

Keywords: M. P. Gryaznov, S. M. Sergeev, B. Kh. Kadikov, A. D. Sergeev, archaeology, correspondence.

Переписка Михаила Петровича Грязнова с алтайскими археологами – это уникальный документальный комплекс, отражающий их многолетнее и систематическое взаимодействие (1920–1960-е гг.). Он позволяет детально восстановить научные контакты ученого, прояснить некоторые малоизвестные аспекты археологических исследований, а также проследить механизмы взаимодействия столичных и региональных научных центров.

В разные годы М.П. Грязнов состоял в переписке с археологами-краеведами С.М. Сергеевым, Б.Х. Кадиковым, А.Д. Сергеевым, А.П. Уманским. Письма, адресованные ими к М.П. Грязнову, хранятся в Фонде 91 Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (далее – ИИМК РАН).

Анализ писем Сергея Михайловича Сергеева – археолога, краеведа, сотрудника,

затем – директора Бийского и Ойротского музеев [Кунгуров, 2020, с. 98] позволяет установить, что их переписка велась на протяжении почти 20 лет.

Первое письмо за 1928 г. свидетельствует, вероятно, о поверхностном знакомстве Сергея Михайловича с адресатом, поскольку в нем он информирует Грязнова о своем образовании, сфере деятельности и научных интересах. В частности, Сергеев сообщает Грязнову о том, что принял в заведование Бийский музей, и в данный момент занят планом пополнения и реорганизации археологического отдела, отмечая при этом его крайне неудовлетворительное состояние. Главной целью его обращения была, по-видимому, установка контакта провинциального исследователя с молодым, но уже опытным столичным археологом. Это находит подтверждение в просьбе, адресованной им Михаилу Петровичу: рекомендовать, и по возможности выслать

литературу по археологии, поскольку «... мы, работающие в глухой провинции, не имеем возможности следить за успехами науки и выпускаемыми работами» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д.175. Л. 2].

Уже вскоре Сергей Михайлович направляет Грязнову еще одно письмо. Обратившись к нему, мы понимаем, что просьба Сергеева была выполнена и между археологами завязалась переписка, поскольку он благодарит Грязнова за присланную работу о результатах экспедиции Русского музея 1924–1925 гг. Сергей Михайлович по-прежнему сетует на неподобающее состояние археологического отдела музея, но наряду с этим отмечает предпринятые меры по его улучшению, а именно очистку бронзовых и медных предметов от патины. Пользуясь случаем, он просит рекомендации у Грязнова, какой способ очистки применяется в Русском музее [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д.175. Л. 7].

В единственном письме за 1929 г. Сергеев осведомляется о готовности совместных работ Грязнова и Руденко по Алтаю и просит выслать их для нужд музея [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д.175. Л. 8]. Вообще, стоит отметить, что подобные просьбы встречаются практически во всех письмах Сергеева, что дает основание полагать, что Грязнов был для него своего рода ориентиром в мире науки и важным каналом получения информации об археологических открытиях. Со своей стороны Сергеев регулярно присылал Грязнову результаты археологических работ Бийского музея, сопровождающиеся фотоснимками находок и поступлений.

Самая активная переписка велась, вероятно, в 1930 г., о чем свидетельствует сразу три сохранившихся письма. Это связано, в первую очередь, с продолжающимися работами в части улучшения археологического отдела и необходимостью решения Сергеевым целого ряда методических задач, где он вновь прибегает к помощи наставника. Так, в письме от 2 октября 1930 г. он обращается к Грязнову с просьбой содействия в реорганизации системы учета коллекций музея, а именно создания картотеки древних погребений на Алтае. Понимая всю сложность поставленной пе-

ред ним задачи, Сергеев просит Грязнова заполнить карточки объектов, раскопанных лично им, а также поспособствовать в проведении аналогичной работы С.И. Руденко, М.Н. Комаровой и А.Н. Глуховым – остальными участниками Алтайской экспедиции [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д.175. Л. 9–10].

В письме 1932 г. Сергей Михайлович делится с Михаилом Петровичем планами по реэкспозиции археологического отдела музея и в этой связи обращается с просьбой прислать ему фото новой экспозиции Саяно-Алтайского зала [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 175. Л. 4]. Вероятно, речь идет об открывшейся незадолго в Этнографическом отделе Русского музея выставки «От первобытно-коммунистической орды до соцстроительства», которая в обиходе получила название «Саяно-алтайская выставка» [Грусман и др., 2014, с. 13]. Принимая во внимание тот факт, что выставка позиционировалась как «новаторское творчество молодых ученых» [Грусман и др., 2014, с. 13] и сочетала в себе комплекс вещевых, фотографических и документальных источников, становится ясно, какое значение она имела для Сергеева как музейного работника.

В коротком письме от 16 мая 1939 г. Сергеев выражает озабоченность задержкой выдачи Открытого листа на его имя, и просит Грязнова выяснить в ГАИМК причины. В качестве аргумента в свою пользу он сообщает, что неиспользованные листы за 1938 г. были им возвращены своевременно [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 175. Л. 12].

Второе письмо за 1939 г. застало Грязнова в экспедиции в Усть-Канском районе, начальником которой он тогда являлся. В нем Сергей Михайлович живо интересуется, чего экспедиции удалось достичь к этому времени, и просит сообщать результаты ему, чтобы он, как редактор стенгазеты музея «продвигал эти сообщения в массы» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д.175. Л. 14].

Последнее (из имеющихся) писем датировано 28 февраля 1940 г. и освещает давно ведущуюся работу по подготовке карасукских материалов к очередной публикации

Грязнова, а именно роль в этом процессе Сергеева: он делал для Грязнова фото и зарисовки предметов [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д.175. Л. 18].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что их переписка является полноценным научным диалогом и позволяет оценить вклад Грязнова в поддержку деятельности не только самого Сергеева, но целого музея.

Научный архив ИИМК РАН содержит лишь одно письмо Бориса Хатмиевича Кадикова – историка, археолога, зав. отдела истории (позже – директора) Бийского музея [Фролов, 2020, с. 123], датированное 1956 г. В самом начале письма становится ясно, что до этого они не контактировали, поскольку Борис Хатмиевич начинает с представления себя и извиняется за обращение к Михаилу Петровичу: «Вас, может быть, несколько удивит это письмо. Но я решил обратиться именно к Вам, т.к. в моей работе встретились затруднения, касающиеся археологии Верхней Оби и вообще Алтайского края». Это, несомненно, подтверждает авторитетность Грязнова для местных исследователей. Кадиков сообщает Грязнову, что после смерти С.М. Сергеева (скончался в 1947 г. – *О.С.*) экспозиция пребывает в запустении, а «особенно плачевно выглядят залы археологии». Констатирует он и другой печальный факт – музей не располагает ни одной полной археологической коллекцией, в связи с чем научная ценность «лоскутной» экспозиции недостаточна. В связи с этим Кадиков обращается к Грязнову с весьма смелой просьбой: оказать содействие в возврате на Алтай хотя бы части коллекций, хранящихся в центральных музеях. Борис Хатмиевич аргументирует это тем, что многие из них успели попасть в печать и «лежат там уже мертвым грузом» [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д.81. Л. 2].

Тот факт, что в фондах Научного архива ИИМК РАН сохранилось лишь одно письмо Б.Х. Кадикова, безусловно, ограничивает возможность проследить динамику их взаимоотношений с М.П. Грязновым. Однако, очевиден информационный потенциал этого документа. В одном тексте Кадикову уда-

лось затронуть целый ряд проблем: кризисное состояние Бийского музея после смерти С.М. Сергеева, проблеме «распыления» региональных коллекций среди центральных музеев и др.

С Алексеем Дмитриевичем Сергеевым – историком, краеведом, директором Алтайской краевой станции юных туристов [Щеглова, 2009, с. 42] Грязнов вел переписку продолжительное время. В первом письме от 14 октября 1952 г., Алексей Дмитриевич (в письмах к Грязнову неизменно подписывался как Сергей – так его называли участники экспедиции), тогда – студент Барнаульского государственного педагогического института, извещает Михаила Петровича о прибытии домой. Вероятно, в экспедиции и состоялось их знакомство, поскольку, как известно, в этом году в составе Новосибирской экспедиции, руководимой Грязновым, принимал участие преподаватель БГПИ А.П. Уманский с группой студентов [Стяжкина, 2023, с. 104]. Отдельно стоит отметить тон повествования: письмо буквально пронизано теплыми воспоминаниями и энтузиазмом молодого исследователя, он прямо пишет о том, что до сих пор живет впечатлениями от экспедиции. В этом же письме он сообщает о недавно принятом в институте решении организации уголка археолога, обустройство которого поручили А.П. Уманскому, а Сергеев оказывал ему помощь. Всего за несколько дней ими была проделана большая кропотливая работа: отобран и рассортирован археологический материал, каждый предмет (а их насчитывалось более сотни) был снабжен этикеткой. В заключении он просит Грязнова прислать ему фотографии с основными результатами прошедшего полевого сезона для их освещения в институтском уголке [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 174].

Письмо 1953 г. содержит исключительно личную и информацию, что дает нам основания полагать о неформальном характере их общения, несмотря на разницу в возрасте и статусе. Сергеев сообщает своему адресату, что успешно окончил институт (сдав все выпускные экзамены на «отлично») и распределен на работу учителем исто-

рии в с. Повалиха. В конце письма Алексей Дмитриевич отмечает, что буквально живет мыслью о предстоящей экспедиции и надеется на их скорую встречу [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 174].

В письме 1954 г. Сергеев согласовывает организационные вопросы предстоящей встречи: он вместе с группой ребят планирует прибыть в экспедицию Грязнова в с. Ордынское. Сообщает он и о результатах собственной проведенной разведки, выражая опасения относительно реакции на это Грязнова [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 174].

Следующее письмо 1955 г. раскрывает детали предыдущего, поскольку к нему приложен отчет для Комитета полевых исследований об археологической разведке историко-краеведческого кружка, произведенной им 1954 г. в д. Мыльниково. Помимо подробного описания памятника и находок он содержит объяснительную записку, вероятно, составленную по совету Грязнова. В ней Сергеев подробно излагает мотивы своих действий: при выявлении археологических памятников в окрестностях д. Мыльниково ими была обнаружена стоянка древних людей. Ввиду ее скорого разрушения Сергееву пришлось провести раскопки, несмотря на отсутствие разрешительной документации. В свою защиту он поясняет, что неоднократно был участником экспедиций Грязнова и прошел под его же руководством практику полевых исследований. В самом письме Сергеев обращается к старшему наставнику в надежде получить замечания, касающиеся составления отчета, и, несмотря на возникшие трудности, желает в будущем продолжить работы на этом объекте [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 174].

В письме 1966 г. Сергеев обращается к Грязнову уже в новом статусе – директора Алтайской краевой станции юных туристов. Несмотря на острую нехватку финансирования, он вместе с группой школьников из 10–15 человек планирует присоединиться к экспедиции (в 1966 г. Грязнов руководил Красноярской экспедицией Института археологии АН СССР), и для изыскания средств просит Грязнова сделать официальное при-

глашение [РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 174].

Анализ писем Сергеева к Грязнову демонстрирует не только становление самого автора: от студента к зрелому профессионалу, но и в некоторой степени эволюцию их взаимоотношений. Тем не менее очевидно, что на протяжении всей жизни Грязнов оставался для него неоспоримым научным авторитетом.

Безусловно, отдельного внимания заслуживает переписка Грязнова с А.П. Уманским – выдающимся историком и археологом. Данный аспект получил подробное освещение в отдельной работе, опубликованной при участии автора настоящей статьи [Тишкин и др., 2023].

Таким образом, анализ рассматриваемой части обширного эпистолярного наследия подтверждает, что Михаил Петрович Грязнов обладал безусловным авторитетом для нескольких поколений алтайских археологов. Именно через него транслировались передовые исследования и методики как в области археологии, так и музейного дела, что позволяло провинциальным ученым преодолевать некоторую изоляцию. Но стоит отметить, что процесс этот был отнюдь не односторонним. От алтайских коллег Грязнов получал первичную информацию о проведенных в регионе археологических работах и помощь в подготовке материалов для своих фундаментальных трудов.

Источники

РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 81.
РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 174.
РО НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 3. Д. 175.

Литература

Грусман В.М., Дмитриев В.А. Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей. Традиции. Этничность. 2014. № 1 (5). С. 6–25.
Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев (1879–1947) // Бийская история Чуйского тракта. Барнаул: [б/и], 2020. С. 96–100.
Стяжкина О.В. Археологические исследования М.П. Грязнова на Алтае и юге Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2023. 293 с.

- Тишкин А. А., Стяжкина О. В.** Письма А. П. Уманского к М. П. Грязнову: архивные материалы и их исторический контекст // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Вып. 18. Барнаул: АлтГПУ, 2023. С. 14–20.
- Фролов Н. А.** Борис Хатмиевич Кадиков (1932–2010) // Бийская история Чуйского тракта. Барнаул: [б/и], 2020. С. 123–128.
- Щеглова Т. К.** 80 лет со дня рождения историка-краеведа А. Д. Сергеева (1930–2002) // Алтайский край: календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул: ПринтЭкспресс, 2009. С. 42–46.

УДК 902.65:378.4

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОТРУДНИКАМИ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (КОНЕЦ 1970-х – НАЧАЛО 1990-х гг.)

К. А. Тишкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; ORCID: 0000-0002-2342-0548

Формирование барнаульской археологической научной школы началось с приездом из Томска в Барнаул Юрия Федоровича Кирюшина, который с 1977 г. стал работать в Алтайском государственном университете, имея опыт использования естественно-научных методов в археологических исследованиях. Благодаря сотрудничеству с А. М. Малолетко была реализована комплексная программа реконструкции культур бронзового века Васюганья, что нашло отражение в совместной монографии, вышедшей в 1979 г. и ставшей ориентиром для реализации появившихся новых возможностей. Полученный опыт лег в основу изучения древней истории Алтая и Верхнего Приобья на основе археологических материалов. В статье впервые представлен краткий историографический обзор публикаций, в которых рассматриваются отдельные результаты такой деятельности в рамках указанного периода (кон. 1970-х – нач. 1990-х гг.). Данный анализ важен для научно-исследовательской работы в рамках выполнения проекта государственного задания при учете и дополнении ранее сформулированных выводов и заключений, а также при проверке их с помощью новых естественно-научных методов и современной приборной базы. Это особенно касается культурно-хронологической идентификации раскопанных памятников, изучения горнорудного и бронзолитейного производства, косторезного дела, палеоклиматических и других реконструкций.

Ключевые слова: Алтай, Верхнее Приобье, археологические исследования, естественно-научные методы, историографический обзор, конференции, публикации, реконструкции

EXPERIENCE IN THE USE OF NATURAL SCIENCE METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH BY STAFF OF ALTAI STATE UNIVERSITY (THE LATE 1970S – EARLY 1990S)

K. A. Tishkina

Altai State University, Barnaul, Russia

The formation of the Barnaul archaeological scientific school began with the Yuri Fyodorovich Kiryushin's moving from Tomsk to Barnaul. Since 1977, he began working at Altai State University, possessing experience in applying natural science methods to archaeological research. Thanks to collaboration with A. M. Maloletko, a comprehensive program for the reconstruction of the Bronze Age of the Vasyugan Plain was implemented, which was reflected in a joint monograph, published in 1979, and became a benchmark for realizing emerging new possibilities. The acquired experience formed the basis for studying the ancient history of Altai and the Upper Ob Region based on archaeological materials. For the first time, this article presents a brief historiographical review of publications, that examine individual results of such activities within the specified period (the late 1970s – early 1990s). This analysis is important for research work within the framework of fulfilling state assignments, considering and supplementing previously formulated findings and conclusions, as well as verifying them using new natural science methods and modern equipment. This is particularly relevant for the cultural and chronological identification of excavated sites, the study of mining and bronze casting production, bone carving, paleoclimatic, and other reconstructions.

Keywords: Altai, Upper Ob Region, archaeological research, natural science methods, historiographical review, conferences, publications, reconstructions.

В настоящее время неотъемлемой частью комплексных археологических исследований является использование результатов естественно-научных методов и анализов. Такие возможности существенно расширяются при внедрении новых или усовершенствованных теоретических подходов и при применении современного высокотехнологичного оборудования. Однако стоит учитывать опыт предыдущей аналогичной деятельности, в ходе которой определенным образом были достигнуты обозначенные цели и сформулированы важные заключения историко-культурного характера. Данная статья посвящена краткому обзору результатов, полученных в конце 1970-х – начале 1990 гг. сотрудниками Алтайского государственного университета. Они нашли свое отражение в организованных конференциях, ставших «лицом» барнаульской археологии [Тишкин, 2016, с. 14], а также в изданных сборниках и отдельных публикациях. Такой обзор предпринимается впервые и он главным образом направлен на выявление имеющихся аналитических определений и выводов для дальнейшей их верификации с помощью новых методов и технологий в ходе запланированной научно-исследовательской работы. Такая программа выполняется в Алтайском государственном университете (г. Барнаул, Россия) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках реализации государственного задания (проект FZMW-2026–0008 «Применение цифровых технологий и естественнонаучных методов для реконструкции древней истории Алтая и сопредельных территорий на основе археологических источников»). Она направлена на применение естественно-научных методов и других разработок при изучении процессов адаптации древних людей к изменявшимся природно-климатическим условиям, а также при реконструкции систем жизнеобеспечения, хозяйственно-культурных типов, производств и других сторон деятельности различных социумов, проживавших на Алтае и сопредельных территориях от неолита до раннего Средневековья.

Начало активной научной деятельности в области археологии в Алтайском государственном университете (АГУ) связывается с приездом в Барнаул Юрия Федоровича Кирюшина, который закончил Томский государственный университет (ТГУ), а в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию и избрался в АГУ по конкурсу старшим преподавателем кафедры истории СССР. Уже в 1978 г. им была создана внебюджетная Лаборатория археологии, этнографии и истории Алтая [Тишкин, 2016, с. 12–13]. С того времени происходило формирование и развитие археологического направления в указанном барнаульском вузе.

Результаты использования естественно-научных методов нашли отражение в монографии «Бронзовый век Васюганья», подготовленной и опубликованной Ю.Ф. Кирюшиным совместно с известным географом А.М. Малолетко. В ней, наряду с традиционным представлением и анализом археологического материала, отражены, например, результаты палеоклиматических реконструкций на основе спорово-пыльцевых и почвенно-химических данных [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 108–121]. Отдельные сюжеты посвящены изучению находок с помощью различных анализов (спектрального, петрографического и др.). Данный опыт стал важной основой для исследовательской деятельности Ю.Ф. Кирюшина на Алтае и Верхнем Приобье, что нашло отражение в серии публикаций, чему предшествовали организованные им экспедиции.

Стоит отметить, что еще в 1977 г. в Барнауле на состоявшейся научной конференции, посвященной 250-летию горного производства на Алтае (1725–1975), Ю.Ф. Кирюшин в соавторстве с А.М. Малолетко представил доклад «Бронзолитейное производство в Васюганье в эпоху бронзы и раннего железа». Тезисы его опубликованы в разделе сборника под названием «Памятники древности и методы исследования» [Кирюшин, Малолетко, 1977], а полученные результаты вошли в упомянутую выше монографию [Кирюшин, Малолетко, 1979].

В 1980 г. в издательстве ТГУ был издан совсем небольшой сборник под названием «Новые методы в археологии», в аннотации которого указана следующая информация: «...даны примеры применения точных и естественных наук для решения конкретных археологических вопросов. Использование радиоуглеродных, термолюминесцентных, ксилотомических, петрографических, карпологических, спорово-пыльцевых анализов и определений и данных магниторазведки позволяют конкретизировать типы хозяйства древних жителей Среднего Приобья, рассмотреть основные этапы заселения этого района, восстановить природные условия древности» [Новые методы..., 1980, с. 2]. В этом издании опубликованы две статьи Ю. Ф. Кирюшина в соавторстве. Одна отражает определения возраста древней керамики термолюминесцентным методом [Кирюшин, Матросов, 1980], а вторая посвящена радиоуглеродной хронологии [Кирюшин, Фирсов, 1980].

Показательным является проведение в апреле 1983 г. в АГУ конференции «Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири», которая была организована совместно с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР. Изданный сборник тезисов и сообщений позволяет оценить вклад сотрудников внебюджетной Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АГУ не только в организацию данного значимого мероприятия, но и в разработку актуальных проблем археологии. Так, Ю. Ф. Кирюшин в соавторстве с А. И. Стерлиным продемонстрировал использование метода построения математических моделей для определения принадлежности костных остатков одному скелету. Данная тема обозначилась после его раскопок, осуществленных в 1980 г. на некрополе Староалейка-II (Алтайский край), где исследовалась могила с множеством разрозненных человеческих костей [Кирюшин, Стерлин, 1983]. Еще один доклад Ю. Ф. Кирюшина был посвящен определению относительного возраста керамических комплексов многослойных памятников методом люминесценции.

В нем также отражены результаты изучения материалов из памятников, раскопанных в горах Алтая (поселение Балыктыюль) и на оз. Иткуль (поселение Костенкова Избушка) в лесостепной зоне юга Западной Сибири. Исследования осуществлялись в Лаборатории экспериментальной минералогии и геохимии ТГУ и в то время были одними из передовых в указанном научном направлении. Опубликованный опыт [Кирюшин, Борозновская, 1983], по всей видимости, не исчерпал себя и может быть применен на современном уровне, особенно при изучении находок фрагментов от керамических сосудов в перемешанных слоях поселенческих комплексов. Еще один доклад и публикация его материалов в сборнике тезисов докладов и сообщений рассматриваемой конференции были посвящены методике поиска археологических памятников эпохи энеолита и бронзы на Алтае [Кирюшин, Абдулганеев, Шамшин, 1983]. На основе осуществленных обследований и полученных сведений впервые были представлены уже имеющиеся результаты, а также сформулированы некоторые исследовательские рекомендации. Сделанные заключения были пересмотрены через 15 лет и в последующее время после обнаружения поселения Березовая Лука и других памятников энеолита и периода ранней бронзы на территории южной части Обь-Иртышского междуречья [Кирюшин, Тишкин, 1998; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; и др.]. Стоит также упомянуть использование остеологических материалов из раскопок Ю. Ф. Кирюшина на поселении Костенкова Избушка в публикации, посвященной изучению древних домашних лошадей Алтая [Гальченко, Ермолова, 1983].

Рассматриваемая нами тематика нашла также отражение в сборнике статей «Древние горняки и металлурги Сибири», подготовленном Ю. Ф. Кирюшиным в качестве ответственного редактора и вышедшем в 1983 г. в Барнауле. В нем опубликованы результаты двух научно-исследовательских работ с характерными названиями «Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников — сырья для изготовления

орудий в эпохи неолита и бронзы» (авторы – Ю.Ф. Кирюшин и А.М. Малолетко) и «Металлографические методы исследования археологических находок с Алтая» (авторы – С.Ф. Дмитриев, Ю.Ф. Кирюшин и М.Д. Старостенков) [Древние горняки ..., 1983, с. 3–19, 151–169].

Активные археологические исследования, осуществленные сотрудниками Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АГУ, позволили накопить фонды для создания Музея археологии и этнографии Алтая (1985–1986 гг.) [Тишкин, 2016, с. 14]. Сформированная первая экспозиция основывалась на культурно-хронологическом принципе. Для этого использовались результаты естественнонаучных анализов. Дальнейший импульс развитию рассматриваемого направления связан с открытием кафедры археологии, этнографии и источниковедения АГУ, которую возглавил Ю.Ф. Кирюшин, защитивший докторскую диссертацию [Тишкин, 2016, с. 15].

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. археологи АГУ были вовлечены в крупный проект, связанный с планировавшимся строительством в горах Алтая Катунской ГЭС. Кроме проведения обследований и раскопок, активно внедрялись методы естественных и точных наук. В сотрудничестве со специалистами других исследовательских направлений получены результаты различных анализов (радиоуглеродный, гранулометрический, спорово-пыльцевой, спектральный, палеокарпологический и др.). Осуществлялись детальные описания выявленных памятников и полученных стратиграфических разрезов, делались определения обнаруженных каменных орудий. Основной базой для таких исследований стал Тыткескенский археологический микрорайон на территории Северного Алтая [Кирюшин и др., 2020].

Открытие при АГУ в 1991 г. Научно-исследовательского института гуманитарных исследований [Тишкин, 2016, с. 16–17] способствовало расширению направлений рассматриваемой деятельности. Приглашение на роль директора А.Р. Кима стимулировало

создание кабинета антропологии, а с открытием диссертационного совета начинается следующий этап формирования барнаульской археологической школы.

Заключение

В указанный период (конец 1970-х – начало 1990 гг.) сотрудники АГУ активно сочетали традиционные археологические походы и разработки с естественно-научными методами и анализами. Это позволило заложить определенный фундамент для выхода на реконструкцию историко-культурных процессов на Алтае и сопредельных территориях. Сформировавшиеся традиции нашли отражение в дальнейшей деятельности археологов-исследователей АлтГУ, которая способствовала оформлению региональной научной школы. Продолжалось проведение конференций и выпуск сборников, связанных с междисциплинарной тематикой [см., например: Роль естественно-научных методов..., 2009; Археология Западной Сибири и Алтая..., 2015; и др.]. Аккумулирование многочисленных наработок нашло отражение в томе «Древнейшая эпоха, древность и средневековье» трехтомного издания «История Алтая» [2019]. Исследования продолжаются, и новые результаты будут способствовать дальнейшему применению естественно-научных методов.

Литература

- Археология Западной Сибири и Алтая:** опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / под ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 416 с.
- Гальченко А.В., Ермолова Н.М.** К изучению древних домашних лошадей Алтая // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 1983. С. 125–127.
- Древние горняки и металлурги Сибири** / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АГУ, 1983. 176 с.
- История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье** / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. 392 с.: ил.

- Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б.** К методике поиска археологических памятников эпохи энеолита и бронзы на Алтае // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 1983. С. 146–152.
- Кирюшин Ю.Ф., Борозновская Н.Н.** Определение относительного возраста керамических комплексов многослойных памятников методом люминесценции // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 1983. С. 72–76.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.** Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 183 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М.** Бронзолитейное производство в Васюганье в эпоху бронзы и раннего железа // 250 лет горного производства на Алтае (тезисы докладов к конференции). Барнаул: Полиграфист, 1977. С. 10–12.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А.** Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 288 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Матросов И.И.** Определение возраста древней керамики термолюминесцентным методом // Новые методы в археологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 54–64.
- Кирюшин Ю.Ф., Стерлин А.И.** Использование метода построения математических моделей для определения принадлежности костных остатков одному скелету // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул: Алт. ун-т, 1983. С. 58–63.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Реконструкция системы жизнедеятельности населения эпохи ранней бронзы в лесостепном Алтае // Поселения: среда, культура, социум. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 75–80.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П.** Тыткескенский археологический микрорайон Северного Алтая: культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего Средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 296 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 4).
- Кирюшин Ю.Ф., Фирсов Л.В.** Радиоуглеродная хронология и датировка археологических памятников Приобья // Новые методы в археологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 65–71.
- Новые методы в археологии/отв. ред. В.А. Посредников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 72 с.
- Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 383 с.: ил., табл.
- Тишкин А.А.** Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности Юрия Федоровича Кирюшина // Доктор исторических наук, профессор Юрий Федорович Кирюшин: биобиблиография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 5–21.

УДК 903.2

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ИМ. А.В. АНОХИНА (Г. ГОРНО-АЛТАЙСК, РОССИЯ)

А.Н. Пашкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; ORCID: 0000-0003-2208-5503

В статье представлен начальный этап формирования собрания предметов пазырыкской культуры в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина. Рассматривается довоенный период истории комплектования фонда. Анализируя архивные источники и археологические коллекции, автор восстанавливает факты и дает обоснование, как были получены находки, хранящиеся в собрании музея. Систематизация коллекций и материалов пазырыкской культуры, отражает результаты исследования – введение в научный оборот максимально полных сведений об археологических коллекциях пазырыкских древностей (2-я половина VI–III в. до н.э.), поступивших в собрание до Великой Отечественной войны и хранящихся в археологическом фонде музея до настоящего времени. Данное исследование реализовано в рамках работы по восстановлению истории изучения памятников пазырыкской культуры скифо-сакского времени на Алтае.

Ключевые слова: Алтай, археология, музейные коллекции, пазырыкская культура, скифо-сакское время.

THE INITIAL STAGE OF FORMATION OF THE PAZYRYK CULTURE COLLECTIONS IN A. V. ANOKHIN NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF ALTAI (GORNO-ALTAISK, RUSSIA)

A. N. Pashkova

Altai State University, Barnaul, Russia

The article presents the initial stage of formation of Pazyryk culture objects collection in A. V. Anokhin National Museum of the Republic of Altai. The pre-war period of the fund acquisition history is considered. Analyzing archival sources and archaeological collections, the author restores the facts and gives justification for how the finds, stored in the museum collection, were obtained. The systematization of collections and materials of the Pazyryk culture reflects the results of the study – the introduction of the most complete information about the archaeological collections of Pazyryk antiquities (the 2nd half of the 6th-3rd century BC), entered the collection before the Great Patriotic War and which are stored in the archaeological fund of the museum to the present day. This study was implemented as part of the work to restore the history of the study of the Pazyryk culture monuments of the Scythian-Saka period in Altai.

Keywords: Altai, archaeology, museum collections, Pazyryk culture, Scythian-Saka period.

Введение

Коллекции и материалы пазырыкской культуры в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (далее НМРА) формировались и накапливались практически в течение всего периода его существования. История музея начинается в октябре 1918 г. Тогда, по инициативе председателя Каракорум-Алтайской окружной управы окружной управой Г.И. Чорос-Гуркина, были приобретены у известного сибирского краеведа Николая Степановича Гуляева (1851–1918), научная библиотека, архив, а также палеонтологическая, археологическая, минералогическая коллекции, которые начал собирать еще его отец С.И. Гуляев. В коллекции Н.С. Гуляева, археологические находки были зафиксированы в двух списках. Именно эти предметы стали основой создания археологического фонда музея. Среди них имелось достаточно большое количество предметов, относящихся к скифо-сакскому времени: предметы вооружения, детали лошадиной сбруи, элементы одежды и экипировки, украшения и др. [Тишкина, 2010, с. 133; Киреев и др., 2025, с. 221].

Годом официального основания музея является 1920 г., когда коллегия Горно-Алтайского отдела народного образования решила признать необходимость создания музея в Горном Алтае. Значительная роль в становлении и развитии учреждения принадлежала первому заведующему музеем А.В. Анохину, который 20 лет своей жизни

посвятил сбору и изучению материалов по культуре народов Южной Сибири. Кроме того, в условиях отсутствия вузов и научных учреждений в Горном Алтае сотрудники музея Н.Н. Арбузова, С.М. Сергеев и другие, развернули в 1927–1930х гг., краеведческое движение, которое способствовало научному изучению региона. Кроме того, пополнение археологических коллекций, происходило благодаря участию сотрудников музея в академических экспедициях по изучению древнего прошлого Алтая [Белекова, 2010, с. 16].

В настоящее время в фондах НМРА хранится весь спектр предметов материальной и духовной культуры народов Республики Алтай, всего более 60 тысяч единиц хранения. Имеется и довольно обширное собрание предметов пазырыкской археологической культуры. Находки представлены в разных коллекциях. Цель статьи – представить начальный этап формирования коллекций из археологического фонда НМРА, в состав которых входят предметы пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Систематизация и атрибуция коллекций пазырыкской культуры из собрания НМРА, представляется перспективным исследованием, позволяющим ввести в научный оборот ранее не опубликованные архивные источники и музейные предметы.

Материалы и методы исследования

Пазырыкская культура (2-я половина VI–III в. до н.э.) – бытовала на обширных

территориях Алтая среди кочевых племен. В раннем железном веке происходит становление скифо-сибирского мира, от Сибири до Причерноморья, распространяется культура скифского облика. Археологические памятники этого периода свидетельствовали о существовании «военной демократии» и знаковой фигуре воина верхом на коне, управляемом металлическими удилами с характерным набором конского снаряжения, вооруженным короткими мечом — акинаком и луком. Железо отстаивается, как наиболее дешевый и доступный металл, однако, в это же время происходит настоящий расцвет бронзовой металлургии. Особым маркером пазырыкской культуры и других культур скифского облика, стал так называемый скифо-сибирский звериный стиль с определенными художественными приемами изображения животных в позах «терзания» хищником жертвы, «свернувшегося» хищника или «летающего» оленя [Исторический музей, 2018, с. 46].

Историю поступления предметов пазырыкской археологической культуры скифо-сакского времени в собрание НМРА можно разделить на три этапа. Первый, начальный этап формирования коллекций охватывает период работы музея с момента его официального открытия в 1920 г. и продолжается вплоть до начала Великой Отечественной войны в 1941 г. Необходимо отметить, что 1920–1930 гг. археологический фонд музея, основу, которого составляло собрание приобретенное в 1918 г. у Н. С. Гуляева, пополнялся лишь отдельными случайными находками. Экспонаты как того времени, так и ряда последующих лет, были плохо или вообще не документированы. Часто отсутствовали место, контекст и обстоятельства находки, описания предметов были даны не точно, атрибутика не всегда указывалась верно. Так, первой достаточно полно документированной коллекций предметов пазырыкской культуры, являлось собрание артефактов полученное в ходе раскопок Алферовского могильника, расположенного на территории

г. Горно-Алтайска, произведенные директором Ойротского музея (ныне — НМРА) В. А. Якубским в 1932 г., с приложением краткого отчета о результатах исследования¹.

Второй этап формирования фонда коллекций пазырыкской культуры музея приходится на вторую половину 1940–1970-е гг., когда собрание формировалось преимущественно из материалов раскопок профессиональных археологов г. Ленинграда (С. И. Руденко, С. С. Сорокин, Д. Г. Савинов), г. Москвы (В. А. Могильников), г. Новосибирска (В. Д. Кубарев)².

С 1980-х гг. начинается третий этап в истории формирования археологического фонда коллекций пазырыкских древностей, который приходится на начало XXI в. В этот период большую часть составили поступления коллекций местных археологов, в том числе и сотрудников музея (А. С. Суразаков, В. А. Кочеев, С. М. Киреев). Значительные материалы были переданы археологами г. Барнаула (М. Т. Абдулганеев, Н. Ф. Степанова, Ю. Т. Мамадаков, Н. Ю. Кунгурова) и г. Новосибирска (Н. В. Полосьмак, Ю. С. Худяков, А. П. Бородовский)³.

Кроме того, необходимо отметить, что в фонде музея имеются небольшие коллекции пазырыкской культуры, состоящие из 1–3 предметов и отдельных экспонатов из случайных находок: предметы вооружения, быта, детали одежды, экипировки, конского снаряжения, фрагменты наскальных рисунков и др., которые поступали в собрание НМРА, периодически, в разные годы, с момента открытия музея и до настоящего времени.

В данной исследовательской работе представлен начальный этап истории формирования собрания предметов пазырыкской археологической культуры. Такой подход, позволяет более детально изучить коллекции, провести атрибуцию предметов, для дальнейшей культурно-хронологической идентификации и принадлежности к пазырыкской археологической культуре.

¹ НМРА. 1953 г. П. 1. Инв. 1. Л. 1–6.

² НМРА. КП № 1, 4, 6.

³ НМРА. КП № 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23.

При анализе архивных источников и систематизации пазырыкских коллекций НМРА применялись принципы и методы историографического исследования. Необходимо отметить, что в наши дни историография пользуется методами заимствованными из других дисциплин и решает важнейшие задачи. В рамках данного исследования – это обнаружение соотношений исторического факта и источника, а также констатация объективного вклада археологов в формирование и пополнение археологических коллекций пазырыкских древностей в НМРА.

Кроме того, большую методологическую значимость приобретает применение принципа историзма, который предполагал рассмотрение событий и явлений, в качестве временной последовательности, когда каждый историографический факт анализируется в процессе возникновения, становления и развития. Не менее важную роль играет и принцип объективности – непредвзятый анализ имеющейся литературы и источников в конкретное историческое время, отказ от роли «судьи» в оценке своих предшественников [Рябков, 2009, с. 93].

Помимо прочего в рамках данного исследования использовалась система методов, включающая методы общие для всех общественных наук, применяемые с учетом поставленных задач данного исследования. В первую очередь – это сравнительно-исторический метод, позволяющий проводить исторические сравнения, сопоставления, устанавливать параллели. Сопоставление результатов полевых исследований памятников пазырыкской культуры с музейными коллекциями, дает возможность изучить историографические факты в тесной связи с исторической обстановкой, в которой они возникли. Однако следует заметить, что использование этого метода возможно лишь тогда, когда уже накоплено определенное количество знаний, которое позволяет проводить параллели между теоретическим и практическим материалом.

В работе использован хронологический метод изложения. Материал представлен

по мере его поступления в собрание музея. В истории пополнения фонда предметами пазырыкской культуры в НМРА, необходимо отметить, что с одного археологического памятника могло поступить несколько коллекций в разные годы. Автор публикует сведения о коллекциях последовательно, по памятникам и освещает историю их исследования, которая дает подтверждение факта причастности собрания к пазырыкской культуре скифо-сакского времени на Алтае.

Ретроспективный (возвратный) метод позволил проанализировать интерпретации ученых, изучающих феномен пазырыкской культуры и проследить ход их мысли от современности к прошлому. Однако использование в проделанной работе ретроспективного анализа вовсе не означало переноса на прошлое оценок современного этапа развития археологии. Важно помнить, что каждый научный труд принадлежит своей эпохе и отражает ее сильные и слабые стороны [Рябков, 2009, 94].

Необходимо отметить, что аналогичная работа по систематизации и выделению коллекций пазырыкской культуры была реализована автором ранее по материалам археологических коллекций пазырыкской культуры, хранящихся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета [Пашкова, 2024, с. 239–258]. Дальнейшее исследование и введение в научный оборот всех выявленных и известных источников, в связи с активным развитием и пополнением Государственного каталога Музейного фонда РФ может способствовать облегчению поиска тематических материалов. Изучение архивных документов, публикации и коллекций, раскрывает историю исследований археологических памятников пазырыкской культуры, позволяет уточнить датировки и какие именно захоронения разновременных археологических объектов относятся к исследуемой культуре. Весь массив полученных данных, несомненно, станет важной фактологической базой при решении актуальных вопросов современной археологии Сибири.

Обсуждение результатов исследования

История формирования коллекций пазырыкских древностей берет свое начало 29 октября 1918 г. – это официальная дата образования НМРА. Именно тогда, был подписан договор о приобретении за 25000 рублей библиотеки и коллекций Н.С. Гуляева. Кроме того, были оговорены условия выплаты – в течении трех лет. Однако, в самый разгар подготовительных работ 30 ноября 1918 г. Николай Степанович скончался. В январе 1919 г. полное собрание Н.С. Гуляева, было передано его дочерью Антониной Степановной Ветринской [Белекова, 2010, с. 16; Киреев и др., 2025, с. 222; Тишкина, 2010, с. 133].

Продолжая дело своего отца, Николай Степанович на протяжении длительного времени коллекционировал и изучал древности. Особый интерес он проявлял к археологическим артефактам, постоянно пополняя свою коллекцию не только за счет сборов и раскопок, но и за счет приобретений у местного населения. Исследовательница биографии и деятельности отца и сына Гуляевых, Татьяна Владимировна Тишкина отмечала, что в одном из писем Н.С. Гуляев рассказывал, о недостатке мест для хранения, постоянно растущей археологической коллекции [Киреев и др., 2025, с. 221]. И действительно, акт № 71 от 3 января 1919 г. подтверждает, передачу довольно обширного археологического материала: девять папок, коробка и «12 таблиц вещей чудских бугров», в которых содержались бронзовые топоры и ножи, удила, пряжки, зеркала, фрагменты различных изделий из металла, орудия труда, остатки тканей, наконечники стрел, украшения и др. Согласно Книге поступлений № 1 Ойротского областного краеведческого музея (ныне НМРА), которая велась в период с 1924–1944 гг., на хранении из археологической коллекции Н.С. Гуляева числилась 451 единица хранения¹ [Киреев и др., 2025, с. 222].

В настоящее время реальное количество единиц хранения археологических предме-

тов из коллекции Н.С. Гуляева, находящихся в фонде НМРА, точно не установлено. Анализ Книга поступления № 1, отчетов, карточек предметов и сопоставление полученных данных с опубликованной информацией, позволяет нам восстановить историю происхождения предметов пазырыкской культуры из коллекции Н.С. Гуляева, которые числятся, как происходящие из раскопок в Горном Алтае в 1912 г. [Киреев и др., 2025, с. 224]. К таким находкам относится коллекция № 7178, в состав которой входят остатки шелковой ткани, найденные при раскопках Туэктинских курганов (НМРА. 1972 г. КП 7178). Запись была произведена 8 декабря 1972 г. в Книге поступления № 6, в которой представлена опись коллекции «Археология»².

Ранее мы уже упоминали, что вплоть до 1930-х гг. коллекции пазырыкской культуры в НМРА, формировались лишь за счет случайных находок местных жителей. К таким предметам относятся глиняные сосуды, доставленных в 1931 г., согласно Книге поступлений, в Ойротский государственный музей Г.В. Бобриковым. Предметы были занесены в Книгу поступлений № 1, как коллекции № 204 (рис. 1: 1), № 205 (рис. 1: 2), № 206 (рис. 1: 3), они и сегодня находятся на постоянном хранении в археологическом фонде музея³.

Местность, где были найдены сосуды, указанная Г.В. Бобриковым, представляла собой сравнительно пологое подножие склона горы, находящееся к северу от моста в конце ул. Алферовской в г. Ойрот-Тура (ныне г. Горно-Алтайск, Республика Алтай). У подножия горы, протекала р. Майма, с востока ручей, впадающий в реку. Терраса, образуемая этой горой у ее подошвы, состояла из глины, в которой, по всей вероятности, местные жители брали глину для хозяйственных нужд.

Несколькими годами ранее в 1924 г. на указанной местности были произведены археологические раскопки семи курганов скифо-сакского времени, датирован-

¹ Архив НМРА. Оп. 1. Д. 1. Книга поступлений Ойротский областной краеведческий музей 1924–1944 гг.

² Архив НМРА. Оп. 1. Д. 1. Книга поступлений № 6 Опись коллекции «Археология».

³ НМРА. 1953 г. П. 1. Инв. 1. Л. 1; КП 206 14–2; Инв. № 1306; КП 205 4–46; Инв. № 1305; КП 204 (53) 4–1; Инв. № 1304.

1

2

3

Рис. 1. Коллекции случайных находок Г.В. Бобрикова.
1 – коллекция №204; 2 – коллекция №205; 3 – коллекция №206.
Фото А.Н. Пашкова.

ные IV–III вв. до н.э. [Киреев, 2023, с. 72]. Курганный могильник Алферовский, располагался на восточной окраине с. Улала (ныне г. Горно-Алтайск), в конце улицы Алферова и состоял из нескольких каменных курганов [Кирюшин и др., 2003, с. 37]. Раскопки на памятнике были произведены В.И. Левиным с 25 июня по 6 июля 1924 г. На данное обстоятельство указывали документы изученные

автором статьи в архиве НМРА – дневник В.И. Левина, его письмо в Ойротский краеведческий музей, опись находок, переданных в Антропологический музей МГУ и Государственный Эрмитаж, страница с карандашными зарисовками девяти предметов с раскопок, выполненных художником Н. Титовым (рис. 2)¹.

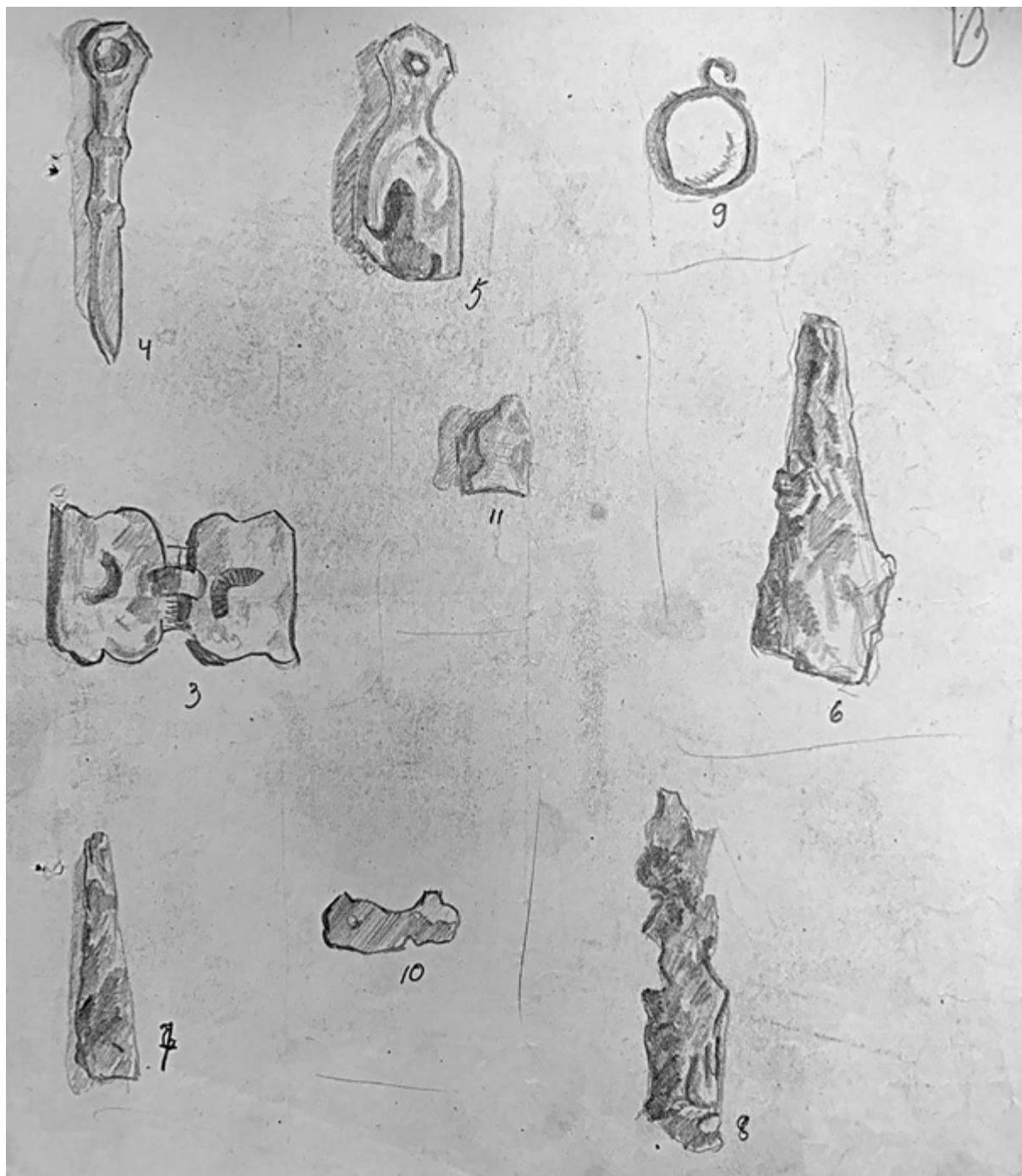

Рис. 2. Находки 1924 г. Могильник Алферовский. Художник Н. Титов.

¹ НМРА. 1953 г. П. 20. Инв. 20. Л. 13.

По какой причине находки были переданы в столичные музеи не было установлено, известно лишь, что в это время в с. Улале находился археолог С.И. Руденко во главе Алтайской экспедиции этнографического отдела Русского музея. Судя по записям дневника, он принимал участие 6–8 июля 1924 г. в полевых работах, оказывал методическую помощь и давал консультации во время раскопок провинциальному ученому [Киреев, 2015, с. 26; Киреев, 2023, с. 86]. Кроме того, после завершения полевых исследований памятника, все материалы – полный отчет, фотоснимки процесса раскопок и отдельных объектов могильника, о чем свидетельствуют соответствующие дневниковые записи, были переданы С.И. Руденко¹. В фондах и архивах НМРА фотографии раскопок не были обнаружены, в записях отсутствуют также сведения о дате окончания работ на памятнике.

К предметам пазырыкской культуры, относятся находки из коллекций НМРА – № 186, 187, 202, 203, 234, 257, 437, 460, полученные в 1933 г. в ходе исследования Алферовского могильника, директором Ойротского областного краеведческого музея А.В. Якубским². Им были раскопаны четыре кургана рядовых кочевников [Марсадоллов, 1996, с. 23].

В архиве НМРА храниться подробный отчет А.В. Якубского о произведенных им раскопках, в котором он детально описывает погребальный обряд³. В 1982 г. археолог А.С. Суразаков частично опубликовал находки, он и назвал могильник Алферовским. Александр Сазонович указывал на общие черты погребальной обрядности, что позволило ему сделать вывод о синхронности захоронений. Кроме того, исследователь отмечал, что зеркала из коллекций № 187 (рис. 3: 1) и № 234 (рис. 3: 2), найденные А.В. Якубским в захоронениях в 1933 г., несомненно, являются типичными для пазырыкской культуры Горного Алтая и могут быть датированы второй половиной I тыс. до н. э. [Суразаков, 1982, с. 124].

Исследователь С.М. Киреев, указывал на имеющиеся сведения, что в 1935 г. продолжить исследование Алферовского могильника намеревался С.М. Сергеев. В областной газете «Красная Ойротия» № 90 сообщалось, что «в июле сотрудники областного музея под руководством т. Сергеева (зав. Музеем) начнут проводить пробные раскопки в окрестностях г. Ойрот-Тура. Большой интерес представляет место древних погребений на окраине города, в конце улицы Алферова» [Киреев, 2022, с. 238]. Однако, как опытному исследователю и хорошо известному сибирскому археологу, ему было поручено возглавить руководство отдельным вторым отрядом Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного исторического музея (далее ГИМ) и Государственной академии истории материальной культуры (далее ГАИМК), полевые работы которого были намечены в окрестностях с. Тузкта. Кроме того, необходимо отметить, что еще до начала экспедиции между Ойротским областным краеведческим музеем и ГАИМК был заключен договор, согласно которому материалы с раскопок поступят в фонд музея [Киреев, 2022, с. 239].

И действительно, в собрание НМРА на хранении находятся коллекции № 7156 и № 7157, полученные с раскопок в 1935 г. Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГИМ и ГАИМК, произведенные у с. Тузкта, руководителем второго отряда директором Ойротского областного краеведческого музея С.М. Сергеевым. Согласно записи от 7 декабря 1972 г. Книги поступлений № 6 предметы – клевец бронзовый (коллекция № 7156) и наконечники стрел железные трехлопастные 5 единиц хранения (коллекция № 7157) оказались незаписанными и не стояли на учете в музейной документации, что было установлено в ходе инвентаризационной описи⁴. Кроме того, в Книге поступления № 13 была выявлена коллекция № 10479, имеющая происхождения с того же археологи-

¹ НМРА. 1953 г. П. 20. Инв. 20. Л. 8–12.

² НМРА. КП 234 (53) 4–34, Инв. № 1313; КП 186 (53 г.) 4–22, Инв. № 548; КП 187, Инв. № 1299; КП 437 (54 г.) 4–20, Инв. № 553; КП 460 (54) 4–21; Инв.: № 555; КП 203 (53) 4–47; Инв. № 1303; КП 257; Инв. № 1459; КП 202; Инв. № 1007.

³ НМРА. 1953 г. П. 1. Инв. 1. Л. 1–6.

⁴ Архив НМРА. Оп. 1. Д. 1. Книга поступлений № 6 Опись коллекции «Археология».

Рис. 3. Коллекции находок 1933 г. А.В. Якубского.

1 – коллекция №187; 2 – коллекция №234. Фото А.Н. Пашкова.

ческого объекта и обнаруженная при сверке экспонатов с научной документацией, что подтверждает акт №28 от 22 апреля 1998 г.

В состав собрания входит 18 единиц хранения (костяная подпружная пряжка, железные ножи и удила, блюшки и др.)¹.

¹ Архив НМРА. Оп. 1. Д. 1. Книга поступлений № 13 Описание коллекции «Археология».

Саяно-Алтайской археологической экспедиции ГИМ и ГАИМК, исследовала территории, прилегающей к зоне строительства Чуйского тракта на Алтае. Работы проводились от г. Бийска до с. Кош-Агача с целью фиксации и раскопок археологических памятников различных эпох. По сведениям С.В. Киселева [1936], в ходе предварительной разведки в зоне строительства Чуйского тракта, было выявлено более 500 различных археологических объектов. Благодаря изобилию археологических памятников этот район был объявлен ВЦИК археологическим заказником [Марсадолов, 1996, с. 23; Новожилова, 2022, с. 290; Киреев, 2022, с. 236].

Исследования в 1935 г. в зоне строительства Чуйского тракта оказались самыми успешными. Полевые работы Саяно-Алтайской экспедиции, проводились двумя отдельными отрядами по предварительно согласованному плану. Первый отряд под руководством С.В. Киселева, а также при участии старшего научного сотрудника Л.А. Евтюховой и аспирантки ГАИМК Н.А. Мальцевой, проводил работы на участке протяженностью 270 км от с. Онгудай до с. Кош-Агач. Руководителем второго отряда был директор Ойротского музея С.М. Сергеев, которым были открыты более сотни курганов у с. Туэкта, в долине р. Урсул [Китова, 2007, с. 109; Новожилова, 2022, с. 292]. Раскопки проводились С.М. Сергеевым на основе собственного «Открытого листа» [Тишкина, 2010, с. 189].

В ходе исследования у с. Туэкта, отряд С.М. Сергеева, в период с 15 августа по 25 сентября 1936 г. раскопал семь курганов, которые располагались к северу от р. Урсула сразу за Чуйским трактом. Один, из раскопанных курганов №2, достаточно крупного размера с каменной наброской и впускным погребением, был отнесен к скифской эпохе. Следует указать, что сам С.М. Сергеев в своем отчете не дает датировки и культурного определения раскопанных курганов [Киреев, 2022, с. 239]. С.В. Киселев указывал на схожие характерные черты погребального обряда с двумя аналогичными

курганами, исследованными им в Курайской степи. Сергей Владимирович датировал археологический объект одной эпохой с Пазырыкскими курганами [Киселев, 1936, с. 282; Киреев, 2022, с. 239].

Заключение

Коллекции предметов пазырыкской культуры хранящиеся и экспонирующиеся в НМРА, составляют достаточно значительный фонд, многие предметы не опубликованы и не введены в научный оборот, особенно относящиеся к категории «случайные находки». Сложность атрибуции находок, поступивших на начальном этапе формирования собрания пазырыкских древностей с 1920–1941 гг., связана с тем обстоятельством, что акты передачи экспонатов в музей того периода не сохранились. Записи из «старых» Книг поступлений второй половины 1930-х гг. были перенесены в новые Книги поступлений и были составлены в соответствии с изменившимися требованиями к музейной документации. Справочные карточки на артефакты были заполнены спустя годы с простым переносом информации. Представленные результаты по систематизации коллекций НМРА, дополняют имеющиеся сведения о пазырыкской культуре, бытовавшей на Алтае в скифо-сакское время, и восстанавливают подробные фактологические данные о истории исследования памятников. Анализ коллекций и сопоставление полученных сведений с историческими фактами, отраженными в архивных источниках и публикациях, позволил нам установить 15 коллекций, содержащих 32 предмета пазырыкской культуры поступивших на начальном этапе формирования археологического фонда НМРА. Полный перечень коллекций представлен в таблице 1 (Приложение 1). Изучение коллекций пазырыкской культуры НМРА необходимо продолжить, учитывая архивные сведения и опубликованные материалы. Данная работа имеет важное значение не только для археологов, но и для музейных работников. Культурно-хронологическая идентификация и четкая

атрибуция предметов пазырыкской культуры из фондов НМРА может способствовать дальнейшему осмыслению и использованию находок в экспозиционно-выставочной деятельности. Важное значение имеет обеспечение доступности материалов для исследователей.

Благодарности: автор выражает благодарность директору Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, кандидату искусствоведения Еркиновой Римме Михайловне, а также хранителю музейных предметов Кирееву Сергею Михайловичу за возможность работать с археологическими коллекциями.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

«Коллекции предметов пазырыкской культуры в НМРА»

1	№ 7178	Туэкта	1912 г.	Н. С. Гуляев	1 ед. хр.
3	№ 204	Алферовский	1931 г.	Г. В. Бобриков (случайные находки)	1 ед. хр.
2	№ 205	Алферовский	1931 г.	Г. В. Бобриков (случайные находки)	1 ед. хр.
3	№ 206	Алферовский	1931 г.	Г. В. Бобриков (случайные находки)	1 ед. хр.
4	№ 186	Алферовский	1933 г.	В. А. Якубский	1 ед. хр.
5	№ 187	Алферовский	1933 г.	В. А. Якубский	1 ед. хр.
6	№ 202	Алферовский	1933 г.	В. А. Якубский	1 ед. хр.
7	№ 203	Алферовский	1933 г.	В. А. Якубский	1 ед. хр.
9	№ 234	Алферовский	1933 г.	В. А. Якубский	1 ед. хр.
10	№ 257	Алферовский	1933 г.	В. А. Якубский	1 ед. хр.
11	№ 437	Алферовский	1933 г.	В. А. Якубский	1 ед. хр.
12	№ 460	Алферовский	1933 г.	В. А. Якубский	1 ед. хр.
13	№ 7156	Туэкта	1935 г.	С. М. Сергеев	1 ед. хр.
14	№ 7157	Туэкта	1935 г.	С. М. Сергеев	1 ед. хр.
15	№ 10479	Туэкта	1935 г.	С. М. Сергеев	18 ед. хр.

Список источников

- Книги поступлений № 1–23.** (Архив Национальный музей имени А. В. Анохина).
- Левин В. И.** Записки о раскопках. 1925. 14 с. (Архив Национальный музей имени А. В. Анохина. 1953 г. П. 20. Инв. 20).
- Якубский А. В.** Отчет об археологических раскопках директора Ойротского областного музея А. В. Якубского, могильника в окрестностях г. Ойрот-Тура в конце Алферовской улицы. 1933. 6 с. (Архив Национальный музей имени А. В. Анохина. 1953 г. П. 1. Инв. 1).

Литература

- Белекова Э. А.** История музейного дела в республике Алтай (1918–2009 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.

Исторический музей. Путеводитель. М.: Исторический музей, 2018. 220 с.

Киреев С. М. Новые сведения о пребывании С. И. Руденко в Горном Алтае в 1924 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул, 2015. С. 25–27.

Киреев С. М. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Алт. ун-та, 2022. Т. 34, № 4. С. 234–251.

Киреев С. М. 100 лет назад Сергей Иванович Руденко впервые посетил Горный Алтай // Календарь памятных и знаменательных дат Республики Алтай на 2024 год. Горно-Алтайск, 2023. С. 86–88.

Киреев С. М. 100 лет назад начались первые археологические раскопки на территории города Горно-Алтайска // Календарь памятных и знаме-

нательных дат Республики Алтай на 2024 год. Горно-Алтайск, 2023. С. 72–73.

Киреев С.М., Тишкина Т.В., Тишкин А.А. Археологическая коллекция Н.С. Гуляева в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина: история поступления и современное состояние // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Алт. ун-та, 2025. Т. 37, №4. С. 219–237.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 234 с.

Киселев С.В. Саяно-Алтайская Археологическая экспедиция 1935 г. // Советская археология. М., 1936. № 1. С. 282–285.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VI – IV вв. до н.э. СПб, 1996. 100 с.

Новожилова Е.Н. Археологические исследования на Алтае курганов скифо-сакского вре-

мени в зоне строительства Чуйского тракта (1930-е гг.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. Вып. XXVIII.

Пашкова А.Н. Археологические коллекции пазырыкской культуры в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Алт. ун-та, 2024. Т. 36, №2, С. 239–258.

Рябков В.М. Методы историографии социально-культурной деятельности // Вестник МГУ-КИ. М., 2009. №4 (30). С. 93–99.

Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. Барнаул: Издательство Алт. ун-та, 1982. С. 121–136.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул: Азбука, 2010. 288 с.

УДК 903.26

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ И МУЗЕЯХ – СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ (МФКЦ) АЛТАЙСКОГО КРАЯ: СОСТАВ СОБРАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

А.А. Вербич

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Палеонтологические и археологические коллекции в муниципальных музеях и музеях структурных подразделений многофункциональных культурных центров (МФКЦ) Алтайского края представляют научный интерес, так как данные собрания включают уникальные экспонаты, отражающие историю региона. Однако изучение и популяризация данных собраний сопровождается рядом проблем, требующих внимания и решения. Ключевой из них является отсутствие специалистов в области археологии и палеонтологии среди сотрудников музейных учреждений. Это ограничивает возможности качественного исследования и интерпретации экспонатов, и снижает эффективность экспозиционно-выставочной и культурно просветительной деятельности. Недостаток квалифицированных кадров приводит к тому, что коллекции остаются невостребованными и недостаточно изученными. Другой важной проблемой является фрагментарность материала, который входит в состав палеонтологических и археологических коллекций. Отсутствие полного и систематизированного собрания мешает созданию экспозиций и выставок, отражающих целостную картину прошлого региона, что снижает привлекательность музеев для посетителей. Многие экспонаты имеют плохую сохранность, что затрудняет их экспонирование. Для изучения проблем, было проведено анкетирование среди сотрудников музеев Алтайского края (Красногорского, Краснощековского, Змеиногорского и т.д. районов). Результаты подтвердили существование выше обозначенных проблем в работе с палеонтологическими и археологическими коллекциями, таких как недостаточная квалификация сотрудников, сложность в атрибуции экспонатов. Основные выводы указывают на фрагментарность собраний и необходимость разработки методических рекомендаций для музейных сотрудников, а также необходимо создать стратегии для получения сотрудниками знаний в области палеонтологии и археологии Алтая для презентации и демонстрации археологических и палеонтологических коллекций. В статье сделан акцент на необходимости сотрудничества музеев с научными и образовательными учреждениями для решения проблем.

Ключевые слова: Алтайский край; историко-культурное наследие; муниципальные музеи; палеонтологические коллекции; археологические коллекции; экспозиционно-выставочная деятельность.

PALEONTOLOGICAL AND ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS AT MUNICIPAL MUSEUMS AND MUSEUMS-DEPARTMENTS OF MULTIFUNCTIONAL CULTURAL CENTRES (MFCC) IN THE ALTAI REGION: COLLECTIONS COMPOSITION AND USAGE ISSUES

A.A. Verbich

Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Paleontological and archaeological collections in municipal museums and museums-departments of multifunctional cultural centers (MFCC) in the Altai Region are of scientific interest, as these collections include unique exhibits reflecting the history of the region. However, the study and popularization of these collections are accompanied by a number of problems that require appropriate attention and solutions. The key problem is the lack of specialists in archaeology and paleontology among the staff of museum institutions. This limits the possibilities for qualitative research and interpretation of the exhibits, and reduces the effectiveness of exhibition and educational activities. The lack of qualified personnel leads to the fact that collections remain unclaimed and understudied. Another important issue is the fragmented condition of the material included in paleontological and archaeological collections. The absence of a complete and systematic collection hinders the creation of exhibits and displays which provide a comprehensive picture of the region's past, and this reduces the attractiveness of museums for visitors. Many exhibits are in poor condition, making them difficult to display. To study these problems, a questionnaire survey was conducted among the staff of museums in the Altai Region (Krasnogorskoe, Krasnoshchyokovo, Zmeinogorsk districts, etc.). The results confirmed the existence of the above-mentioned problems in working with paleontological and archaeological collections, such as insufficient staff qualifications and difficulties in attributing exhibits. The main conclusions indicate the fragmented condition of collections and the need to develop guidelines for museum staff, as well as to create strategies for staff to acquire knowledge in the field of paleontology and archaeology of Altai for presenting and demonstrating archaeological and paleontological collections. The article emphasizes the need for museums to collaborate with scientific and educational institutions to address these issues.

Keywords: Altai Region, historical and cultural heritage, municipal museums, paleontological and archaeological collections, exhibition activities.

Введение

В Алтайском крае на момент исследования работают 12 муниципальных музеев и 50 музеев, которые являются структурными подразделениями многофункциональных культурных центров (МфКЦ) [1]. Необходимо учитывать, что муниципальные музеи и музеи, входящие в структуру МфКЦ, имеют разные юридические статусы. Муниципальные музеи являются самостоятельными юридическими лицами с собственным уставом, бюджетом и полномочиями принимать решения. Они получают финансирование из муниципального бюджета и могут привлекать дополнительные средства от спонсоров, что обеспечивает им большую автономию и гибкость в управлении. Музеи в составе МфКЦ не обладают юридической самостоятельностью и подчиняются центральному органу управления. Это ограничивает их самостоятельность, но предоставляет доступ к дополнительным ресурсам и инфраструктуре, что позволяет им реализовывать масштабные проекты и привлекать больше посетителей.

В связи с тем, что за последние годы Алтайский край стал одним из наиболее при-

влекательных туристических направлений в России, интерес к археологическому наследию региона также усиливается, следовательно, возникает необходимость изучения состава палеонтологических и археологических коллекций в музейных учреждениях края для решения проблем, связанных с их популяризацией [2]. Это позволит разработать методические рекомендации по повышению качества презентации и доступности коллекций для посетителей.

Для анализа процесса популяризации палеонтологических и археологических коллекций был использован метод анкетирования. Анкета включала закрытые и открытые вопросы, охватывающие состав коллекций, проблемы их использования и особенности работы. Анализ данных, полученных при проведении анкетирования, помог определить проблемы, с которыми сталкиваются музейные сотрудники при работе с археологическими и палеонтологическими коллекциями. Следует отметить, что подобные исследования ранее проводились, однако они заключались в анализе отдельных музеев Алтайского края, в выявлении проблем и способах их ре-

шения в каждом конкретном случае [Грушин и др., 2015, с. 240–246].

Основная часть

В ходе исследования был проведен опрос сотрудников 41 из 62 музейных организаций. В частности, была разработана анкета для выявления проблем, с которыми они сталкиваются при работе с археологическими и палеонтологическими коллекциями. В анкете содержались вопросы, направленные на уточнение количества, датировки и репрезентативности экспонатов. Особое внимание в ней уделено профессиональной квалификации сотрудников в областях археологии и палеонтологии, что напрямую влияет на качество работы с музейными собраниями. Анкета состоит из 15 вопросов. Первый вопрос оценивает, насколько музейные сотрудники владеют понятиями археологии и палеонтологии, а также их способность различать эти две научные области. Следующие четыре вопроса были направлены на выяснение наличия археологической и палеонтологической коллекций в музеях, а также на определение их объема и датировки. Также два вопроса направлены на оценку репрезентативности и информативности вышеупомянутых коллекций, что позволяет выявить их ценность для презентации археологических и палеонтологических коллекций. Стоит отметить, что ответы на данные вопросы носят субъективный характер. Восьмой вопрос направлен на выявление проблем, с которыми сталкивается музейный сотрудник при работе с археологическим или палеонтологическим материалом. В анкету также включен вопрос для определения источников информации, таких как книги, статьи и интернет-ресурсы, которые используют специалисты при работе с археологическими и палеонтологическими коллекциями. Десятый вопрос помогает узнать мнение о том, какие археологические и палеонтологические экспонаты могут вызвать интерес посетителей музея. Стоит отметить, что данный вопрос носит субъективный характер. Одиннадцатый вопрос касается предложений по организации мероприятий

в музее, связанных с археологией и палеонтологией. Данный вопрос позволяет понять, какие формы культурно-просветительской работы с такими коллекциями востребованы. Двенадцатый вопрос также касается способов экспонирования археологических и палеонтологических коллекций в музее. Ответ на данный вопрос показывает, какие экспозиционные методы являются популярными и часто используемыми при работе с археологическим и палеонтологическим материалом. Тринадцатый вопрос связан с археологическими и палеонтологическими памятниками, которые расположены на территории муниципалитетов. Ответ на этот вопрос позволяет оценить уровень информированности музейных сотрудников в области знания археологических и палеонтологических объектов. Четырнадцатый вопрос проверяет осведомленность о федеральных законах и нормативных актах, регулирующих археологическую и палеонтологическую деятельность. Ответ на этот вопрос помогает выявить понимание музейными сотрудниками законодательных основ, регулирующих их профессиональную деятельность. Пятнадцатый вопрос акцентирует внимание на значимости взаимодействия между археологами, палеонтологами и музейными специалистами. Это сотрудничество способствует передаче экспертных знаний музейным сотрудникам в сфере археологии и палеонтологии.

Результаты опроса показали, что большинство респондентов (95,1 %) осведомлено о различиях между понятиями археология и палеонтология. В музеях, участвовавших в опросе, широко представлены археологические коллекции (90,2 %) и несколько реже – палеонтологические (68,3 %). Археологические коллекции, как правило, включают менее 1000 экспонатов (82,9 %), в то время как палеонтологические коллекции с таким же количеством имеют 75,6 % музеев. Формирование коллекций муниципальных музеев происходит с советских времен и продолжается до сих пор, но по остаточному принципу. В результате в их фондах скапливается массовый материал, а также случайные находки. Археологические коллекции,

хранящиеся в музеях, отражают различные исторические периоды, такие как эпоха камня (9,8%), эпоха бронзы (12,2%), ранний железный век (7,3%) и другие. Данные о датировке палеонтологических коллекций не представлены из-за того, что палеонтологический материал зачастую попадает в музеи фрагментарно и преимущественно происходит из районов, расположенных на право- и левобережье реки Оби. Также сотрудники музеев отметили ряд трудностей, связанных с работой с археологическими и палеонтологическими коллекциями, включая недостаток информации (29,3%), сложности в атрибуции экспонатов (9,8%) и нехватку квалифицированных специалистов (14,6%). В результате анкетирования было установлено, что в процессе работы с коллекциями активно используются различные информационные источники. Среди них упоминаются такие ресурсы, как «КиберЛенинка» [3] и сайт «Археология Алтая» [4]. Участники опроса отметили, что обращаются к научным публикациям (14,6%), научно-популярным изданиям (61%) и к полевой документации, которая передается вместе с археологическими находками (если имеется) – 2,4%. Большинство музеев (87,8%) демонстрирует археологические и палеонтологические экспонаты, вызывающие интерес посетителей. Для популяризации этих тем музеи организуют экскурсии и интерактивные программы (65,9%), а также музейные занятия и мастер-классы (7,3%). Археологические и палеонтологические коллекции демонстрируются в музеях через временные и постоянные экспозиции. Чаще всего музеи организуют постоянные выставки, тогда как временные экспозиции проводятся редко (2,4%). В то же время большинство музеев (78,1%) предпочитает постоянные экспозиции. В процессе исследования была определена степень информированности музейных работников о расположении археологических памятников в районах. Так, большинство работников музеев (70,7%) имеет информацию о расположении памятников в своих районах, однако часть сотрудников (14,6%) не осведомлена о памятниках в своих районах. Также было установлено, что уровень информиро-

ванности музейных работников о федеральных законах и нормативных актах, регулирующих археологическую и палеонтологическую деятельность в России, варьируется: 51,2% знакомы с основными положениями, а 26,8% не имеют таких знаний. В результате исследования выяснилось, что 92,7% респондентов считают сотрудничество археологов, палеонтологов и работников музеев ключевым для сохранения и популяризации данных коллекций. В процессе анализа результатов опроса были выявлены ключевые проблемы, с которыми сталкиваются специалисты муниципальных музеев. Эти проблемы можно классифицировать следующим образом:

1. В муниципальных музеях наблюдается недостаток полной и достоверной информации о происхождении артефактов, что существенно затрудняет их атрибуцию и интеграцию в экспозиционные пространства.

2. В штате муниципальных музеев не хватает квалифицированных специалистов, таких как археологи и палеонтологи, способных проводить научные исследования, осуществлять атрибуцию экспонатов и предоставлять экспертные консультации.

3. Сотрудники музеев сталкиваются с трудностями при определении датировки и культурной принадлежности экспонатов, что требует более глубокого анализа и применения современных методологических подходов.

4. Средний уровень информированности у сотрудников музеев о законодательстве, нормативно-правовых актах, регулирующих вопросы сохранения природного и культурного наследия, что может привести к нарушению установленных требований и стандартов.

5. Недостаточное взаимодействие муниципальных музейных организаций с научными и образовательными учреждениями, что ограничивает доступ к специализированной информации.

Выводы

В результате данного исследования, был выявлен ряд проблем, с которыми сталкиваются сотрудники муниципальных музейных

организаций при работе с археологическими и палеонтологическими коллекциями. Среди основных выделяются недостаток специализированной информации для работы с палеонтологическими и археологическими коллекциями, сложности в атрибуции экспонатов, нехватка квалифицированных специалистов и т. д.

Одним из способов устранения этих проблем и повышения качества работы с археологическими и палеонтологическими коллекциями является разработка и внедрение методически рекомендаций для сотрудников муниципальных музейных организаций. Эти рекомендации должны включать:

- систематизированную информацию о методах атрибуции и классификации экспонатов;
- перечень и формулировка федеральных законов и актов, регулирующих археологическую деятельность на территории России, а также в международном пространстве;
- перечень полезных ресурсов и литературы для углубленного изучения вопросов археологии и палеонтологии.

Кроме того, для повышения качества работы с археологическими и палеонтологическими коллекциями целесообразно организовывать регулярные семинары и тренинги с участием специалистов-археологов и палеонтологов для работников муниципальных музеев; взаимодействовать с научными учреждениями и экспертами в области археологии и палеонтологии для организации консультаций в создании экспозиций и мероприятий.

Таким образом, предлагается разработка концепции методических рекомендаций для сотрудников муниципальных музейных

организаций. Также предполагается налаживание контактов с экспертами и изучение состава палеонтологических и археологических экспозиций в муниципальных музейных организациях Алтайского края, что поможет повысить качество работы с коллекциями, улучшить их информативность и репрезентативность. Стоит учесть, что подобный опыт уже есть у Алтайского государственного краеведческого музея, который выступает научно-методическим центром, проводит семинары и оказывает поддержку в развитии музейных практик. Вышеперечисленные меры могут способствовать презентации и популяризации археологического и палеонтологического наследия.

Литература

- Грушин С. П., Сайберт В. О., Спиненко О. В.** Концепция экспозиции по археологии в «Музее истории развития горного производства им. А. Демидова» в Змеиногорске // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 240–246.

Список электронных ресурсов

1. Большой Алтай [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bolshoy-altay.asu.ru/> (дата обращения: 11.03.2026)
2. Министерство Алтайского края Российской Федерации [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://culture.alregn.ru/> (дата обращения: 11.03.2026)
3. КиберЛенинка [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 11.03.2026)
4. Археология Алтая [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archaeology.asu.ru/> (дата обращения: 11.03.2026)

ОБЪЕКТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ХАКАСОВ ПО ИТОГАМ АНКЕТИРОВАНИЯ 2022–2024 гг.

К. С. Бурнаков

ГБОУ РХ «Аскизская школа-интернат», Аскиз, Россия

В статье представлены результаты эмпирического исследования, выполненного в 2022–2024 гг. на территории Республики Хакасия. Методом анкетирования (547 человек, из которых 498 – хакасы) проанализированы место и роль археологических памятников в культуре коренного населения. Рассмотрены когнитивные (уровень информированности, источники знаний, знание хакасских названий объектов) и аффективные (эмоциональное отношение, сакральные практики, запреты) компоненты этнического сознания. Показана актуализация наследия в образовании, искусстве и семейной традиции. Выявлена возрастная дифференциация: старшее поколение демонстрирует более высокую осведомленность и владение этнонимами, тогда как молодежь чаще получает информацию из формальных источников, но хуже знает хакасские наименования. Обоснована необходимость усиления этнолингвистического компонента в образовании и расширения цифрового контента.

Ключевые слова: хакасы, археологическое наследие, анкетирование, интервьюирование, этническое сознание, Хуртуях тас, Салбыкский курган.

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE MODERN KHA Kass PEOPLE ACCORDING TO THE QUESTIONNAIRE SURVEY 2022–2024

K. S. Burnakov

Askiz Boarding School, Askiz, Russia

The article presents the results of an empirical study conducted in 2022–2024 in the Republic of Khakassia. Using the methods of a questionnaire survey (547 individuals, of whom 498 were Khakass), the place and role of archaeological sites in the culture of the indigenous population are analyzed. The cognitive (level of awareness, sources of knowledge, knowing Khakass names the sites) and affective (emotional attitude, sacred practices, taboos) components of ethnic consciousness are examined. The heritage mainstreaming in education, art, and family traditions is demonstrated. Age differentiation is revealed: the older generation shows a higher level of awareness and command of ethnonyms, while young people more often obtain information from formal sources but have poorer knowledge of Khakass names. The necessity of strengthening the ethnolinguistic component in education and expanding digital content is substantiated.

Keywords: Khakass, archaeological heritage, questionnaire survey, interviewing, ethnic consciousness, Khurtuyakh Tas, Great Salbyk Kurgan.

Введение.

Территория современной Хакасии содержит большое число объектов археологии – от эпохи раннего металла до развитого средневековья. Курганные могильники, менгиры, наскальные композиции и каменные изваяния формируют специфический историко-культурный ландшафт. В традиционном мировоззрении хакасов эти объекты не являлись «немыми» древностями; они включались в систему родовых святынь, воспринимались как места обитания духов-хозяев (таҕ ээзи, суҕ ээзи и др.) и выступали маркерами понятия «Родина» (Ада чир-суу) [Бутанаев, 2003, с. 29].

В советский период государственная политика была направлена на искоренение традиционных верований, однако полевые исследования А. Н. Липского, Л. Р. Кызласова и Э. Б. Вадецкой фиксировали сохранение обрядов кормления каменных изваяний, жертвоприношений и почитания священных мест в 1940–1970-е гг. [Липский, 1972, с. 109, 60–61] [Липский, 1970, с. 6–7, 9] [Вадецкая и др., 1980, с. 57]. С 1990-х годов, в условиях этнокультурного возрождения, археологическое наследие приобрело новое символическое значение, став ресурсом для конструирования идентичности и межпоколенной трансляции традиций [Бутанаев, 2003, с. 70, 78].

Цель данной статьи – на основе оригинальных эмпирических материалов, собранных в 2022–2024 гг., охарактеризовать место объектов археологии в культуре современных хакасов, включая когнитивные, эмоциональные и деятельностные аспекты.

Исследование опиралось на сочетание количественных и качественных методов. Анкетированием охвачено 547 жителей Республики Хакасия, среди которых 498 человек идентифицировали себя как хакасы. Выборка формировалась по возрастному принципу: школьники (321 чел.), студенты (72 чел.), лица среднего возраста (до 45 лет) и старшего возраста (45 лет и старше). География включала города Абакан, Саяногорск, Черногорск, а также Аскизский, Таштыпский и Усть-Абаканский районы.

В когнитивный компонент входит этническая ориентация, групповые концепции и пр. Этническая осведомленность представлена в объективных знаниях и субъективных социальных представлениях о своем и чужом этносах, в знании их истории и традиций, их различий, а также в использовании этнонима, основанного на восприятии себя принадлежащим к группе [Стефаненко, 2004, с. 236]. Образ «мы» формируется в процессе культурной эволюции этноса, и комплекс представлений о своем этносе через язык, культуру, историческое прошлое и территорию обитания входит в когнитивный компонент этнического сознания [Шарапов, 2018, с. 18]. Этногенез и этническая история неразрывно связаны с вмещающим ландшафтом. В степной и лесостепной зоне долины Среднего Енисея одним из маркеров историко-культурного ландшафта являются объекты археологического наследия, выступающие знаковым компонентом концепта «Родина» в этническом сознании хакасов.

При анкетировании был использован вопрос о достаточности информации об объектах (древнего и средневекового) археологического наследия Хакасии в школах, библиотеках, Интернете, СМИ. На вопрос о достаточности информации 51 % хакасов указали на ее недостаток. Возрастной анализ выявил устойчивый рост доли тех, кто

считает информацию недостаточной: среди школьников – 45 %, студентов – 55 %, лиц среднего возраста – 64 %, старшего – 66 %. Таким образом, старшее поколение наиболее остро воспринимает дефицит доступных материалов, что может быть связано как с более высокими информационными запросами, так и с памятью о системной краеведческой работе в советский период [Крылова, 2017, с. 92].

Главным источником знаний об археологических объектах респонденты назвали школу (73 % школьников, 56 % студентов, 48 % респондентов среднего и 19 % старшего возраста). В современной Хакасии можно выделить деятельность общественных организаций и государства по внедрению в школьную программу обучения регионального компонента. Вторым по значимости каналом выступает семейная передача: от родителей и родственников получали информацию 47 % школьников, 52 % студентов, 41 % лиц среднего возраста и 40 % старшего. Высокий вклад семьи свидетельствует о живучести традиции устной трансляции, включая легенды, запреты и правила поведения на священных местах [ПМ: Ч. С. С.].

Среди молодежи (студенты) и респондентов среднего возраста увеличивается роль СМИ и интернета (45–55 %), что указывает на необходимость развития цифровых ресурсов, посвященных культурному наследию.

Респондентам предлагалось назвать пять значимых археологических объектов региона. Условие выполнили 40 % опрошенных. Абсолютным лидером узнаваемости стало каменное изваяние «Улуғ Хуртуйах тас» (83 %). Далее следуют Салбыкский курган (62 %), горный массив Сундуки (54 %), каменная стела «Ах тас» (43 %). Высокая популярность «Улуғ Хуртуйах тас» объясняется не только активной музейной презентацией, но и живыми ритуальными практиками (обращения женщин с просьбами о деторождении), которые фиксируются на протяжении нескольких десятилетий [Кызласов, 1986, с. 6–7; Кызласов, 2020, с. 321].

Важным индикатором этнокультурной компетенции выступает знание наименований памятников на родном языке. Половина

опрошенных хакасов (50 %) не смогли назвать ни одного объекта на хакасском языке. Одно–два названия привели 36 % респондентов, три и более – 14 %. Лучшие результаты продемонстрировала старшая возрастная группа (12 % назвали пять и более наименований), что коррелирует с более высоким уровнем владения языком и вовлеченностью в родовые практики.

Среди школьников 55,4 % не указали ни одного названия на хакасском языке. Этот факт свидетельствует о снижении языковой компетенции и требует усиления этнолингвистического компонента в образовательных программах.

Таким образом, источниками формирования исторического сознания у современного молодого хакасского поколения, являются родовые движения, сами родители и более старшее поколение, а также специальные курсы по регионоведению, введенные в систему образования, деятельность научной интеллигенции, а СМИ и музеи.

Знания и представления о себе как этносе и связанных с ним объектах археологии должны вызывать соответствующие чувства к ним, уважительное отношение и значимость для них. Поэтому когнитивный компонент этнического сознания неразрывно связан с разнообразными аффективными реакциями, такими как страх, симпатия и пр. [Стефаненко, 2004, с. 285].

В ходе анализа данных анкетирования подавляющее большинство хакасов (90 %) считают археологические памятники неотъемлемой частью своей культуры. Три четверти респондентов (77 %) знакомы с легендами, приуроченными к тем или иным объектам, причем основным источником этих нарративов выступают рассказы родителей и старших родственников (37–42 % в зависимости от возраста).

В интервьюировании информанты (режиссер С.С. Чаптыкова, художник В.Н. Кызласов и др.) подчеркивали, что в детстве им прививались строгие правила: нельзя прыгать по курганам, тревожить землю, шуметь вблизи каменных изваяний [ПМ: К.В. Н.; ПМ: Ч.С. С.]. Эти запреты, несмотря на советскую

антирелигиозную политику, сохранялись в семейной среде и продолжают функционировать сегодня [ПМ: К.В. Н.].

Анкетный опрос зафиксировал, что 35 % респондентов знают о существовании запретов на посещение некоторых памятников. В интервью приведены случаи совершения подношений у каменных изваяний (обмазывание рта сметаной, оставление пищи, посвящение *чалама*), особенно у «Хуртуйах тас» на основе этнографических данных прошлого столетия [Кызласов, 1986, с. 60; Вадецкая и др., 1980, с. 61]. Эти практики демонстрируют прямую преемственность с обрядами, описанными А.Н. Липским в середине XX в. [Липский, 1972, с. 109].

Археологические объекты осознаются как материальные свидетельства присутствия предков, как «своя земля» (*ада чир-суу*). В интервью неоднократно подчеркивалось, что курганы – это «не просто камни, там лежат наши предки» [Афанасьева, 2009, с. 136]. Чувство гордости связывается с древностью и уникальностью памятников (Салбыкский курган, окуневские стелы). Таким образом, аффективный компонент этнического сознания тесно связан с археологическим ландшафтом [Буров, 2011, с. 185].

Выводы

Проведенное в 2022–2024 гг. исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Уровень знаний об археологическом наследии существенно варьируется в зависимости от возраста. Молодежь получает информацию преимущественно из формальных источников (школа, интернет), старшее поколение – из семейной традиции. Недостаточность информации отмечает большинство респондентов, особенно лица старших возрастов. Наиболее тревожным фактором является низкое знание хакасских названий памятников среди школьников (55 % не знают ни одного), что требует усиления этнолингвистического компонента образования [ПМ Бурнакова, 2022–2024].

Археологические объекты сохраняют сакральный статус: они воспринимаются как места предков, с ними связаны запреты и обрядовые практики. 90% хакасов считают памятники частью своей культуры, 77% знакомы с легендами о них. Семейная трансляция остается ведущим каналом передачи эмоционально-ценностного отношения.

Результаты указывают на необходимость: а) расширения цифрового контента об археологическом наследии на хакасском и русском языках; б) усиления этнолингвистической подготовки в школах; в) поддержки инициатив родовых движений по сохранению сакральных мест; г) включения этнологической экспертизы в процедуры хозяйственного освоения территорий, содержащих археологические объекты.

Таким образом, археологические памятники в культуре современных хакасов выступают не только историческими источниками, но и живыми элементами этнической идентичности, связующим звеном между поколениями, ресурсом культурного возрождения и межпоколенной коммуникации.

Источники

ПМ: К.В. Н. – Кызласов Виталий Николаевич, г.р. 1965, с. Кызлас, Аскизский район – художник-график, член Союза художников России, Заслуженный художник Республики Хакасия.

ХНКМ Ф. 14. Оп. 14. ХНКМ КП-6961/28. Монография А.Н. Липского «Древние енисейские изваяния в свете сибирской этнографии» (текст, подготовленный к изданию) 1972 г. Бумага, рукопись, машинопись. 29,5*19 см.

ПМ: Ч.С. С – Чаптыкова Светлана Семеновна, г.р. 1954, Усть-Киндырла, Бейский район – актриса, режиссер Хакасского национального драматического театра им. А.М. Топанова, Заслуженная артистка Республики Хакасия, Заслуженная артистка Российской Федерации, Председатель союза театральных деятелей Республики Хакасия, член Гильдии режиссеров России, доцент кафедры народно-художественного творчества

Института искусств Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

Литература

Афанасьева А.Б. Этнокультурное образование: сущность, структура, содержание, проблемы совершенствования // Знание. Понимание. Умение. 2009. №3. С. 191.

Буров В.Ф. Антропогенные ландшафты древней Минусы: Историческое прошлое и экологическое настоящее / Абакан: Хакасское книжное издательство, 2011. 204 с.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая / Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2003. 260 с.

Вадецкая, Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры / Институт археологии Академии наук СССР. Ленинград: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука», 1980. 148 с.

Крылова М.С. Понятие «памятник истории и культуры» в советском и российском законодательстве 1918–2002 гг. // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество), 2017. №3. С. 91–107.

Кызласов И.Л. Особенности археологического изучения южносибирского средневековья // Краткие сообщения Института археологии. 2020. №261. С. 313–327.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия: [книга о древности зримой, седой и загадочной] / Москва: Изд-во Москов. ун-та, 1986. 295 с.

Липский А.Н. Енисейские изваяния: путеводитель / Хакасский областной музей краеведения. Абакан: 1970. 21 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Москва: Аспект Пресс, 2004. 368 с.

Шарапов В.В. Национальное сознание и социально-психологические феномены этнического самосознания населения Среднего Поволжья: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Санкт-Петербург: 2018. 50 с. URL: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/1577/aftoreferat/M3T72yfJ1.pdf> (дата обращения: 03.11.2022).

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ:
НАСЛЕДИЕ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ
Часть I**

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося ученого,
доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Хакасия,
лауреата Государственной премии Республики Хакасия имени Н. Ф. Катанова
Якова Ивановича Сунчугашева
и 140-летию со дня рождения ученого-этнографа,
общественного и политического деятеля
Степана Дмитриевича Майнагашева
(17–21 июня 2026 года, г. Абакан)

Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *Л. Г. Топоевой*
Дизайн обложки: *В. Г. Киштеев*

Подписано в печать 04.06.2026. Формат 60х84 1/8.
Печ. л. 24,25. Усл. печ. л. 22,55. Тираж 90 экз. Заказ № 517.

ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство имени В.М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство имени В.М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.